

Х.Ааркрафт А.Вернер

ТВАРЬ У ПОРОГА

ТВАРЬ У ПОРОГА

Книги, вышедшие в серии «HORROR»

Дом ужасов	Сборник рассказов
Одержимость	Сборник повестей
Бойся кошек	Сборник рассказов
Торжествующий мертвец	Сборник повестей
Х.Ф.Лавкрафт, А.У.Дерлет	В склепе

**Х.Ф. ЛАВКРАФТ
А.У. ДЕРЛЕТ
ТВАРЬ У ПОРОГА**

**РИПОЛ
Джокер
1993**

ББК 84.7 США
Л 13

Серия «HORROR»
Сборник рассказов ужасов
Серия основана в 1992 году

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редактор
Фанни Левкович

Художник
Хромов А.А.

Корректоры
Зубина К.И.
Мещерякова Г.А.

Технический редактор
Дырын Ш.Ш.

Компьютерный набор
Рожкова В.Б.

Эта книга предназначена любителям фантастического и сверхъестественного ужаса!

Только для Вас — очередной том произведений классиков жанра Х.Ф.Лавкрафта и А.У.Дерлета. Прочитайте и убедитесь сами: жуткое может быть очень интересным, а в чем-то и познавательным.

Л 4703040100-027
070219-93 без объявл.

ISBN 5-87012-027-6

- © РИПОЛ, Джокер, 1993
- © Перевод Э.Серовой, П.Лебедева,
Т.Талановой, Т.Мусатовой, И.Петруниной, 1993
- © Оформление А.Хромова, 1993
- © Составление серии К.Андронкина, 1993

Х.Ф.ЛАВКРАФТ

ТВАРЬ У ПОРОГА

Я не отрицаю того факта, что действительно всадил шесть пуль в голову своего лучшего друга, и все же намерен доказать вам, что не являюсь его убийцей. Допускаю, что люди посчитают, будто я сам лишился рассудка, причем обезумел даже больше, чем тот человек, которого я застрелил в палате психиатрической лечебницы Эркхама, и все же уверен, что со временем кое-кто из моих читателей сам взвесит каждое из моих показаний, сопоставит их с общеизвестными фактами, и задастся вопросом, мог ли я совершить что-то иное, нежели то, что сделал в действительности, столкнувшись с тем кошмаром — той тварью, которая добралась до порога моего дома.

Прежде, можно сказать, вплоть до той самой нелепой и дикой встречи на крыльце собственного дома, я также считал все эти рассказы, которые в конечном итоге и заставили меня действовать столь решительным образом, сплошным бредом безумца. Даже сейчас продолжаю задавать себе вопрос, не был ли я введен в заблуждение, поскольку в подобном случае и вправду оказался бы сумасшедшим маньяком. Одним словом, я ничего не знаю наверняка, хотя кругом меня ходит масса всевозможных странных слухов про Эдварда и Айзенат Дерби, и даже наша флегматичная и бесстрастная полиция оказалась полностью сбитой с толку и не может найти объяснения тому последнему кошмарному визиту. Разумеется, они предпринимали, да и до сих пор продолжают предпринимать слабые попытки создать некое подобие теории или версии, желая объяснить случившееся всего лишь дикой и мерзкой шуткой-предостережением, якобы подстроенной уволенными слугами, хотя в глубине души и сами наверняка убеждены в том, что правда лежит значительно глубже, представляет собой нечто гораздо более невероятное и ужасное.

Итак, я торжественно заявляю, что в действительности не убивал Эдварда Дерби — разве что отомстил за его жизнь и таким образом спас нашу Землю от того ужаса, развитие и распространение которого могло иметь самые чудовищные последствия для всего человечества. Теперь я знаю, что в непосредственной близости от тех мест повседневной, реальной действительности, по которым ежедневно ступают наши ноги, существуют — также обитаемые — мрачные зоны черной, непроглядной тени, и время от времени та или иная дьявольская душа прокладывает оттуда к нам свои зловещие тропы. Когда происходит нечто подобное, человек, которому это стало известно, просто обязан нанести решающий удар, не тратя времени на раздумья о возможных последствиях.

Эдварда Пикмэна Дерби я знал на протяжении практически всей его жизни. Будучи на восемь лет моложе меня, он сызмальства отличался тем не по годам развитым умом, который позволил нам с ним иметь много общего уже тогда, когда ему было всего восемь лет, а мне уже шестнадцать. Это был самый поразительный, от природы одаренный ребенок, которого мне когда-либо доводилось видеть в своей жизни. Уже в семилетнем возрасте он писал свои угрюмые, мрачные, фантастические стихи, немало изумлявшие и меня, и окружающих его учителей. Допускаю, что, именно его индивидуальное образование, а также уединенный, во многом изнеженный образ жизни отчасти обусловили столь раннее умственное созревание. Будучи единственным ребенком в семье, он от рождения был весьма слаб физически, что сильно тревожило его нежно любящих родителей, ни на шаг не отпускавших от себя свое чадо. Ему никогда не разрешали выходить из дома без няни, и он практически не имел возможности беззаботно и свободно играть с другими детьми. Все это, несомненно, отразилось на личности мальчика, сформировало его весьма скрытную внутреннюю жизнь, оставив воображение единственным путем к внешней свободе.

Как бы то ни было, уже его ранние детские познания отличались поразительной, поистине фантастической широтой, а свободная и легкая манера письма неизменно пленяла меня, даже несмотря на мое превосходство в возрасте. К тому времени я обнаружил в себе склонность к искусству весьма гротескного свойства, и обнаружил в этом мальчике на редкость близкую мне душу. Помимо нашей общей любви ко всевозможным тайнам и чудесам, мы, несомненно, оба были очарованы тем древним, постепенно разрушающимся и чуточку страшноватым городом, в котором мы жили — опутанным ведьмиными проклятиями и загадочными легендами Эркхаме, чьи слепившиеся в единую массу, прогнувшиеся двускатные крыши и рассыпающиеся георгианские балюстрады веками возвышались над мутными, тихо журчащими, словно что-то шепчущими себе водами Мискатоника.

Шло время. Через несколько лет я стал архитектором и потому оставил былую затею проиллюстрировать книгу демонических поэм Эдварда, хотя связывавшие нас отношения товарищества от этого ничуть не пострадали. Странный поэтический гений молодого Дерби еще больше раскрылся, и к восемнадцатилетнему возрасту собрание его жутковатой лирики произвело подлинную сенсацию в кругах местной интеллигенции, будучи опубликованным под названием *«Азатот и другие ужасы»*. Он поддерживал регулярную переписку с печально известным поэтом бодлерианского направления

Джастином Жоффреем, написавшим «Людей Монолита» и в диких муках встретившим в 1926 году свой смертный час в сумасшедшем доме после того, как однажды посетил зловещую и пользовавшуюся дурной славой венгерскую деревню.

В вопросах самой обыденной и практической смекалки, однако, Дерби проявлял поразительную отсталость, что явно было обусловлено его изнеженным воспитанием и затворническим образом жизни. Состояние его здоровья несколько улучшилось, однако взлелеянные сверхзаботливыми родителями привычки детской зависимости со временем отнюдь не утратили своей силы, а потому он никогда не путешествовал в одиночку, не принимал самостоятельных решений и не возлагал на себя никакой ответственности. Довольно скоро всем стало ясно, что он отнюдь не создан для борьбы на деловом или профессиональном поприще, однако состояние его семьи было столь значительным, что никакой трагедии в этом не было.

С годами повзрослев, он во многом сохранил — кстати, весьма обманчивые — черты мальчишеской внешности. Светловолосый и голубоглазый, Эдвард имел свежее, миловидное лицо ребенка, а его усы, которые он упорно пытался отрастить, можно было заметить лишь при самом пристальном рассмотрении. У него был мягкий и легкий голос, а лишенная испытаний жизнь придала его облику некое сходство с юным херувимчиком, избавив даже от малейшего намека на грузность преждевременной зрелости. Он был довольно высокого роста, что в сочетании с приятной внешностью вполне могло бы сделать из него галантного кавалера, если бы тому не препятствовала застенчивость, во многом обусловившая его склонность к уединению и книгам. Каждое лето родители Дерби вывозили его за границу, и он с завидной легкостью воспринимал различные внешние стороны европейского мышления и жизни в целом. Его выраженный в духе Эдгара По талант все больше тяготел к декадансу, тогда как другие художественные склонности и устремления оставались в полуразвитом состоянии. В те дни мы подолгу с ним беседовали на самые различные темы.

Что до меня самого, то, окончив Гарвард, а затем продолжив уже практическое обучение в бостонском архитектурном бюро, я женился и под конец вернулся в родной Эркхам, чтобы заняться любимым делом, и поселился в фамильном доме на Солтонстэлл-стрит, поскольку отец мой к тому времени по состоянию здоровья перебрался во Флориду. Эдвард чуть ли не каждый вечер наносил мне визиты, так что со временем я стал относиться к нему как к одному из обитателей дома. У него была своя собственная манера звонить или стучать в дверь, что стало своего рода только ему присущим

кодовым сигналом, а потому вскоре после ужина я частенько прислушивался, не прозвучат ли привычные три отрывистых звонка или удара, сопровождаемые — после паузы — еще двумя. Я также, хотя и значительно реже, посещал его дом, где каждый раз не без некоторой зависти замечал появление в его непрерывно разраставшейся библиотеке все новых увесистых фолиантов.

Учился Дерби у себя в Эркхаме — в Мискатонском университете, — поскольку родители даже на время учебы не хотели отпускать сына от себя. Поступив в него в шестнадцатилетнем возрасте, он уже через три года завершил обучение по курсу английской и французской литературы, получив отличные оценки по всем предметам, за исключением разве что математики и естественных наук. С другими студентами он практически не общался, хотя и не без зависти поглядывал на их «смелые» или «богемные» наряды, пытаясь даже копировать их поверхностно «острый» язык, бессмысленную ироничную позу и весьма сомнительную манеру поведения.

В чем же он преуспел на самом деле, так это в том, что стал искренним приверженцем и усердным исследователем всевозможных тайных магических знаний, ибо библиотека Мискатонского университета всегда была и до сих пор остается одним из крупнейших хранилищ книг из этой области. Сызмалства проявляя поверхностный интерес ко всевозможным фантазиям и причудливым вещам и явлениям, он со временем с головой ушел в изучение различных рун и загадок, дошедших до нас из легендарного прошлого, и словно специально созданных далекими предками для того, чтобы отчасти направлять, но больше озадачивать последующие поколения. Он зачитывался такими произведениями как пугающей «Книгой Эйбона», творениями фон Юнзта, созданным безумным арабом Абдул Альхазредом запретным «Некрономикомом», хотя и хранил в тайне от родителей тот факт, что вообще когда-либо держал их в своих руках. Эдварду исполнилось двадцать лет, когда родился мой единственный сын, и ему явно было приятно, когда своего ребенка я назвал в его честь Эдвардом Дерби Аптоном.

К двадцати пяти годам Эдвард Дерби стал поразительно образованным в своей области знания человеком, и довольно хорошо известным поэтом и фантастом, хотя явный дефицит контактов с живыми людьми отчасти замедлял его литературный рост, поскольку придавал его произведениям несколько искусственный характер сугубо книжных творений. Возможно, я был самым близким другом Эдварда, считая его неисчерпаемым источником важнейших теоретических посылок, тогда как сам он опирался на меня во всех тех вопро-

сах, в которых не хотел обращаться за помощью к собственным родителям. Он почти всегда пребывал в одиночестве — не столько задавшись подобной целью, сколько в силу своей застенчивости, инертности и избыточного родительского покровительства, — и в обществе показывался крайне редко, да и то на весьма поверхностном уровне. Когда началась война, его по причине слабого здоровья и укоренившейся робости освободили от службы в армии. Я же был направлен в Платсберг для прохождения комиссии, однако на театр боевых действий так и не попал.

Прошло еще несколько лет. Когда Эдварду было тридцать четыре года, умерла его мать, после чего он на несколько месяцев оказался выведен из строя какой-то разновидностью странного психического недуга. Для лечения отец свозил его в Европу, где ему удалось довольно существенно поправить здоровье сына. С тех пор Эдвард весьма часто пребывал в состоянии некоего подчеркнутого оживления и веселья, словно радуясь тому, что хотя бы частично освободился от сковывавших его доселе пут. Несмотря на свой вполне зрелый возраст, он стал общаться с более «прогрессивно мыслящими» молодыми людьми, а однажды даже оказался замешан в какую-то довольно темную и одновременно дикую историю, после чего был вынужден уплатить вымогателю крупную сумму (кстати, занятую у меня), дабы сохранить в тайне от отца свою причастность к этому делу. В Мискатонском университете тогда вовсю циркулировали довольно странные и даже зловещие слухи относительно некоторых из таких группировок, причем поговаривали о чем-то связанном с черной магией и даже о более невероятных и непостижимых вещах.

II

Эдварду было тридцать восемь лет, когда он встретил Айзенат Уэйт. По моим оценкам, в то время ей было года двадцать три, и в Мискатонском университете она прослушивала курс средневековой метафизики. Дочери одного из моих друзей ранее доводилось встречаться с Айзенат в школе Холла в Кингспорте, однако она старалась держаться подальше от этой девушки из-за ее весьма странной репутации. Это было темноволосое, миниатюрное существо, можно сказать, даже весьма хорошенькое, если не считать ее чересчур выпуклых глаз. И все же было во всем ее облике нечто такое, что сразу настораживало и противопоставляло ей других, в первую очередь повышенно чувствительных людей,

хотя основная причина того, что многие отворачивались от нее, заключалась в происхождении этой девушки и ее манере общаться. Она происходила из семьи иннсмаутских Уэйтов, а в сознании многих еще были живы мрачные, из поколения в поколение передававшиеся легенды про разрушающийся, ныне почти опустевший Иннсмаут и его обитателей. Ходила молва о каких-то кошмарных сделках, заключавшихся его жителями в середине XIX века, и о странных чертах их внешности, которые вроде бы были «не вполне человеческими», словно затаившимися в древних семьях полуразвалившегося порта. Впрочем, все это оставалось лишь молвой, придумать и со страшным замиранием в голосе повторять которую могли лишь представители старых янки.

Что же до самой Айзенат, то ее личная история усугублялась еще и тем обстоятельством, что она была дочерью Эфраима Айзената — весьма престарелого мужчины, который некогда взял себе в жены никому не известную, женщину, постоянно носившую вуаль. Эфраим жил в Иннсмауте в наполовину развалившемся особняке на Вашингтон-стрит, и те, кому доводилось видеть это место (а надо сказать, что жители Эркхама посещают Иннсмаут очень редко и лишь по самой крайней необходимости), утверждали, что окна мансарды их дома были всегда закрыты ставнями и что по вечерам оттуда доносились весьма странные звуки. В годы своей юности Эфраим был поразительно способным малым, изучавшим оккультные науки и магию, и по слухам якобы мог по собственной прихоти вызывать на море шторм или, напротив, уговорить стихию. В юные годы мне и самому доводилось пару раз видеть его, когда он приезжал в Эркхам, чтобы познакомиться в университетской библиотеке с содержанием некоторых запретных томов, и, надо признать, у меня неизменно вызывало глубокое отвращение его волчье, угрюмое лицо, обрамленное косматой седоватой бородой. Умер он при весьма загадочных обстоятельствах, и к тому же перед этим окончательно лишившись рассудка. Вскоре после кончины отца его дочь — кстати, по воле покойного назначенная формальным опекуном оставленного им наследства — поступила в школу Холла. Люди обращали внимание на то, что девушка, как и покойный отец, отличалась чуть ли не патологической жадностью и временами выглядела, опять же как и он, поразительно отвратно.

Когда слухи о знакомстве Эдварда с Айзенат стали темой для обсуждения, мой друг — тот самый, дочь которого вместе с ней училась в школе, — сообщил мне массу интересного в отношении данной особы. Оказывается, в школе Айзенат слыла чем-то вроде местного чародея, и, по его словам, в самом деле могла проделывать в высшей степени поразительные, подчас

просто обескураживающие вещи. В частности, она умела вызывать грозу, хотя обычно окружающие были склонны объяснять это неким ловким трюкачеством. Все животные относились к ней с неприязнью, а сама она определенными движениями правой руки могла заставить выть любую собаку. Временами она демонстрировала обрывки довольно странных для столь молодой девушки и к тому же весьма шокирующих познаний в самых невероятных областях, ни с того ни с сего начинала говорить на непонятных языках; или какими-то особыми, почти неуловимыми хитрыми взглядами и подмигиваниями пугала других учениц, причем создавалось впечатление, что все это доставляет ей какое-то непристойно-пикантное удовольствие.

Но самыми необычными, пожалуй, были подтверждаемые многочисленными свидетелями примеры оказания ею воздействия на конкретных людей, а потому уже вскоре практически ни у кого не вызывал сомнения тот факт, что Айзенат была прирожденным гипнотизером. Пристально всматриваясь в того или иного коллегу-студента, она подчас создавала у него ощущение, что он быстро превращается в совершенно другого человека. Испытуемые сообщали, что эта самодеятельная чародейка как бы мгновенно обменивалась с ними телами, отчего они получали возможность смотреть как бы со стороны на свое собственное, теперь уже бывшее тело, ярко блестящие, злобные глаза которого, в свою очередь, взирали на него самого.

Иногда Айзенат также высказывала совершенно нелепые, даже дикие суждения относительно природы сознательного, его независимости от физической оболочки тела — по крайней мере, от протекавших в этой оболочке жизненных процессов. У девушки вызывало самую настоящую ярость то обстоятельство, что ей суждено было родиться женщиной, а не мужчиной, поскольку, как она твердо знала, мужской мозг обладает некой совершенно уникальной и особо мощной космической энергией. По ее словам, будь у нее мозг мужчины, она смогла бы не только сравняться, но и превзойти своего покойного отца по части совершения совершенно непостижимых вещей.

Эдвард познакомился с Айзенат на собрании молодежной «интеллигенции», которая состоялась в комнате одного из студентов, и на следующий день, придя ко мне, в буквальном смысле захлебывался от возбуждения, рассказывая об этой девушке. Он нашел ее в высшей степени интересным человеком и эрудированным собеседником, который произвел на него просто ошеломляющее впечатление, и, помимо всего прочего, был совершенно сражен ее внешними данными. Сам я никогда раньше не видел Айзенат и довольно смутно припоминал разрозненные описания ее внешности, однако имел общее представление о том, кто она такая. Про себя я искрен-

не досадовал, что Дерби столь сильно увлекся ею, однако даже не подумал разубеждать его, ибо понимал, что любые возражения лишь еще больше распалят его страсть. По его словам, в беседах с отцом он даже словом не обмолвился о своей новой знакомой.

В течение нескольких следующих недель имя Айзенат практически не сходило с уст молодого Дерби. Теперь и другие стали подмечать явные признаки его буйно расцветших амурных чувств; при этом все сходились во мнении, что поведение Эдварда никак не соответствует ни его возрасту, ни прежним привычкам, и потому со стороны выглядит крайне нелепо то, что он волочится за столь экстравагантным, в чем-то даже фантастическим «божеством». Впрочем, несмотря на ленивый, неизменно потворствующий собственным желаниям образ жизни, у Эдварда в то время лишь едва намечалось небольшое брюшко, а лицо его и вовсе было практически лишено морщин. У Айзенат же, несмотря на ее почти юный возраст, напротив, вокруг глаз успела образоваться сеть «гусиных лапок», что явно было обусловлено особой интенсивностью ее опытов и экспериментов, требовавших повышенной сосредоточенности и максимальной мобилизации воли.

Однажды Эдвард зашел ко мне вместе со своей подругой, и я с первых минут их пребывания в моем доме обратил внимание на то, что его чувство по отношению к Айзенат было явно взаимным. Она неотрывным, почти хищническим взглядом следила за каждым жестом и движением своего кавалера, и я понял, что оба не на шутку привязались друг к другу.

Вскоре после этого меня навестил старый мистер Дерби, которого я всегда искренне уважал и даже восхищался им. До него также дошли слухи о новой пассии его сына, а кроме того ему удалось разузнать кое-какие подробности от самого «мальчика». Эдвард всерьез подумывал о том, чтобы жениться на Айзенат, и даже уже начал подыскивать подходящий дом в предместьях города. Зная о том, что я пользуюсь у его сына большим авторитетом, отец хотел узнать, не смогу ли я как-то воспрепятствовать этому порочному намерению, на что я, увы, высказал ему свои самые искренние сомнения. Свою позицию я пояснил тем, что в данном случае речь шла не столько о слабой воле самого Эдварда, сколько о твердости намерений со стороны женщины. Вечный ребенок сменил родителей, как субъектов своей зависимости, на новый и более сильный образ, и по этому поводу уже ничего нельзя было сделать.

Бракосочетание состоялось месяц спустя — по настоянию невесты их сочетал мировой судья. По моему совету мистер Дерби не стал чинить каких-либо препятствий, и он сам, мои жена, сын, и, разумеется, я присутствовали на короткой це-

ремонии. Из других приглашенных были также несколько молодых людей, с которыми невеста вместе училась в колледже. На оставшиеся от отца деньги Айзенат купила в предместье Эркхама довольно старый дом, где и поселились молодожены, предварительно совершив короткую поездку в Иннсмаут, откуда они привезли троих слуг, книги и кое-что из мебели. Видимо, не столько учитывая интересы Эдварда и его отца быть поближе к колледжу, его библиотеке и «просвещенному» обществу, сколько из своих собственных соображений, но Айзенат решила поселиться в Эркхаме, а не возвращаться в дом покойного отца.

Когда после медового месяца Эдвард посетил меня, мне показалось, что он слегка изменился. Айзенат заставила его избавиться от усов, однако дело заключалось отнюдь не только в этом. Дело в том, что он стал более сдержанным, задумчивым, а его традиционная мальчишеская запальчивость сменилась затаенной грустью, почти печалью. Я даже не мог сразу определить, понравилась мне такая перемена или нет, хотя одно можно было сказать определенно: теперь он стал больше чем когда-либо походить на нормального взрослого человека своих лет. Возможно, женитьба все же оказала на него определенное положительное воздействие, и я тогда еще подумал, не может ли смена субъекта зависимости стать своеобразным началом ее полной нейтрализации, ведущей в конечном счете к ответственной независимости? В тот вечер он пришел один — Айзенат была сильно занята, поскольку привезла с собой из Иннсмаута большое количество книг и всевозможных, доставшихся в наследство от отца, приборов для исследований (перечисляя их, Эдвард однажды даже непроизвольно вздрогнул), и активно занималась переоборудованием их нового жилища.

По его словам, их новое жилище оказалось весьма неприглядным местом, однако некоторые детали внутреннего убранства определенно повлияли на его дальнейшую жизнь и увлечения. Под руководством жены он существенно углубил свои познания в различных областях знания. Некоторые из предложенных ею экспериментов оказались весьма смелыми и даже радикальными — Эдвард пока не считал себя вправе раскрывать их сущность, — однако он полностью доверял как добрым намерениям Айзенат, так и ее силам. Трое слуг оказались весьма странными людьми — это была очень старая супружеская чета, которая работала еще у Эфраима и изредка в своих разговорах довольно загадочным образом упоминала и его, и покойную мать Айзенат, а также молодая смуглолицая девчонка с явными аномалиями во внешности, от которой постоянно исходил рыбный запах.

III

На протяжении следующих двух лет наши встречи с Дерби становились все более редкими, и иногда проходило добрых полмесяца, когда я наконец слышал доносившуюся от входной двери знакомую комбинацию из трех и двух звонков. Когда же Эдвард все же вспоминал обо мне, или, напротив, я заглядывал к нему (что также, надо признать, происходило крайне нерегулярно), то нетрудно было заметить, что он не расположен касаться в беседах сколь-нибудь важных и серьезных тем. Он по-прежнему крайне неохотно обсуждал тематику своих оккультных исследований, рассказы и разговоры о которых чаще всего носили поверхностный и фрагментарный характер, а всего того, что тем или иным образом имело отношение к его жене, вообще даже не упоминал. Следовало признать, что со времени свадьбы Айзенат заметно постарела, и в последний раз, когда мне удалось краем глаза увидеть ее, внешне казалась даже старше своего супруга. На ее лице словно навечно отпечаталось выражение подчеркнутой, крайней озабоченности, а весь внешний облик стал еще более отталкивающим, хотя я, как и прежде, затруднился бы сказать, что именно вызывало у меня в нем подобные отрицательные эмоции. Мои жена и сын также заметили это, а потому мы старались как можно реже приглашать ее к себе, за что — как признал в одну из редких теперь минут своей былой полубестактной мальчишеской откровенности сам Эдвард — она была нам безмерно признательна. Время от времени чета Дерби куда-то уезжала — якобы в Европу, хотя Эдвард изредка намекал на то, что они посещали и более глухие и потаенные уголки планеты.

Где-то примерно через год после свадьбы люди впервые стали поговаривать о тех переменах, которые произошли в Эдварде Дерби. Поначалу разговоры носили весьма расплывчатый характер, поскольку изменения эти в первую очередь касались его психики, однако в них отмечались весьма интересные моменты. Время от времени в выражении лица Эдварда и в его поступках стали появляться элементы чего-то такого, что существенно контрастировало с его обычной вялостью и изнеженной неловкостью. В частности, если раньше он совершенно не умел водить машину, то теперь люди то и дело видели, как он лихо выруливал, либо, напротив, въезжал в ворота дома, сидя за рулем мощного «лаккарда» Айзенат; находясь же на городских улицах, мой друг умело лавировал между всевозможными встречающимися на пути препятствиями, демонстрируя при этом незаурядное мастерство во-

ждения, что совершенно не вписывалось в стиль его прежней жизни. Обычно его видели возвращающимся, либо, наоборот, направляющимся куда-то по своим делам — каким именно, никто не мог сказать, хотя его довольно часто замечали едущим по дороге на Иннсмаут.

Как ни странно, все эти метаморфозы производили на окружающих отнюдь не благоприятное впечатление. По словам видевших его людей, в такие моменты он очень походил на свою жену или даже на старого Эфраима Уэйта, хотя нельзя было исключать, что все это им лишь казалось, поскольку подобные встречи были крайне редкими. Иногда — обычно несколько часов спустя после отъезда — люди видели, как он возвращался домой, апатично развалившись на заднем сиденье машины, тогда как за рулем сидел незнакомый и явно посторонний шофер или механик. В то же время, его поведение на улицах и во время неуклонно сокращающихся «выходов в свет» (в том числе, как я уже говорил, и встреч со мной), отличались прежней нерешительностью, причем его незрелая, даже какая-то детская безответственность становилась в эти моменты особенно заметной. На фоне осунувшегося, постаревшего лица Айзенат, внешность самого Эдварда — за редкими исключениями — скорее приобретала все более ослабленные, почти томные очертания, еще более резко подчеркивая прямо-таки инфантильную отрешенность от всего происходящего — исключение составляли лишь те моменты, когда на его лице появлялись следы новой печали или глубокой задумчивости. Все это, естественно, немало обескураживало меня. Постепенно супруги Дерби все более отдалялись от веселой университетской жизни, причем не столько по причине их собственного нежелания, сколько из-за того, что, как я слышал, некоторые из проводившихся ими в последнее время исследований и опытов шокировали даже самых черствых и циничных их сподвижников.

Примерно на третьем году после женитьбы Эдвард в беседах со мной впервые стал смутно намекать на появившиеся у него страх и чувство растущей неудовлетворенности. Изредка в его высказываниях стали проскальзывать ремарки насчет того, что, дескать, «все это слишком далеко зашло», или он вдруг заявлял таинственным тоном, что ему необходимо «вновь обрести свою личность». До некоторых пор я игнорировал подобные замечания, но затем стал расспрашивать его, правда, в крайне осторожной манере, памятуя о словах дочери моего друга относительно гипнотического воздействия, которое Айзенат оказывала на других девушек школы — тех самых случаев, когда, как она говорила, человеку начинало казаться, будто он находится внутри ее тела

и как бы со стороны смотрит на себя самого. Однако, как только я затрагивал подобные темы, Эдвард сразу как-то возбуждался, начинал непонятно за что благодарить меня, а однажды даже пробормотал, что как-нибудь серьезно поговорит со мной «о многом».

Вскоре после этого скончался старый мистер Дерби — надо сказать, я испытал немалое облегчение, узнав об этой новости, поскольку знал, как сильно тот в последнее время переживал за сына. На самого Эдварда это событие произвело крайне гнетущее воздействие, хотя и не вызвало сколь-нибудь заметной дезорганизации его поведения. После женитьбы он вообще на удивление мало контактировал с отцом, поскольку Айзенат замкнула на себя всю его тягу к родственным связям. Некоторые называли его черствым и бессердечным — особенно после того как начались, и с каждым днем становились все более частыми эти беспечные и уверенные автомобильные поездки. Теперь же у него возникло желание переехать в старый семейный особняк, однако Айзенат настояла на том, чтобы они продолжали жить в своем собственном доме, в котором сама она, по-видимому, успела довольно неплохо освоиться.

Немного спустя после описываемых событий моя жена услышала от одной из подруг — из числа тех, кто все же продолжал поддерживать некоторые контакты с четой Дерби, — поразившую ее новость. Оказывается, недавно эта женщина направлялась к их дому, располагавшемуся в конце Хай-стрит, чтобы о чем-то поговорить с супругами, когда из ворот особняка быстро выехала автомашина Эдварда — он сам сидел за рулем, причем вид у него был на редкость самодовольный, а на губах блуждала какая-то особенно насмешливая, почти ехидная ухмылка. Когда женщина позвонила в дверь, ей открыла та самая омерзительная девчонка-служанка, сообщившая, что хозяйки также нет дома. Уже отойдя от двери, она на мгновение подняла взгляд и заметила в одном из окон библиотеки Эдварда быстро отпрянувшее лицо, на котором была запечатлена поразившая ее по силе своей выраженности смесь острой боли, горечи и тоскливой безнадёжности. Как ни покажется это невероятным, но женщина была уверена в том, что увидела в окне лицо якобы отсутствующей в данный момент в доме Айзенат, правда, без неизменно застывшей на нем маски торжествующей властности, хотя в тот момент посетительница готова была поклясться, что взиравшие на нее печальные, растерянные глаза принадлежали не кому иному, как Эдварду Дерби.

Вскоре после этого Эдвард стал несколько чаще навещать меня, а его загадочные намеки временами принимали более конкретный характер. В то, о чем он рассказывал, попросту

невозможно было поверить даже в нашем овеванном многовековыми легендами Эркхаме, хотя о своей работе и открытиях он рассказывал с уверенностью и убежденностью, невольно вызывавшими беспокойство за его психическое здоровье. Он говорил мне о каких-то жутких встречах в никому неизвестных местах; о циклопических развалинах, сохранившихся в гуще мэнских лесов, откуда якобы начинались лестничные пролеты, уводящие в бездну самых потаенных секретов; о запутанных путях, которые выводили человека сквозь невидимые стены в другие пространства и времена; о зловещих переменах личности, позволявших исследовать удаленные и запретные места в других мирах, и даже в ином пространственно-временном континууме.

Эдвард то и дело подкреплял свои безумные намеки и демонстрировал всевозможные предметы, ставившие меня в состояние крайнего замешательства: неуловимо окрашенные и непонятно из чего состоящие объекты, ничего подобного которым мне еще не доводилось видеть в своей жизни, а гротескные очертания и необычное покрытие которых совершенно не позволяли судить ни об их назначении, ни даже о сколь-нибудь доступных пониманию геометрических формах.

Предметы эти, по его словам, были привезены «оттуда», причем его жена знала, как и где их можно достать. Иногда он принимался — правда, неизменно испуганным и двусмысленным шепотом — рассказывать что-то про старого Эфраима Уэйта, которого ему доводилось в прежние дни изредка видеть в университетской библиотеке. Все эти намеки носили самый расплывчатый, неконкретный характер, но все время вращались вокруг каких-то особенно диких сомнений и даже подозрений насчет того, что на самом деле старый чародей вовсе не умер, причем не только в духовном, но также и физическом смысле.

Временами Дерби неожиданно прерывал ход своих откровений, и тогда я невольно ловил себя на мысли о том, что Айзенат словно умела на расстоянии слышать его речь и посредством неведомой телепатической связи внезапно прерывать ее — во всяком случае, за время учебы в школе она не раз демонстрировала что-то подобное. Эта женщина, несомненно, догадывалась о том, что он мне что-то рассказывал, поскольку со временем я стал замечать, как она короткими, отрывистыми, но поразительно действенными словами и взглядами умела сокращать как количество, так и продолжительность наших встреч. Ему со все большим трудом удавалось находить поводы для контактов со мной, поскольку хотя он и делал вид, что направляется куда-то еще, какая-то невидимая сила неожиданно препятствовала его передвижению.

ям, или заставляла на время забыть про то, куда он хотел направиться. Обычно его визиты происходили в те моменты, когда Айзенат не было дома — когда она, как однажды выразился сам Эдвард, куда-то «отправилась в своем собственном теле». Впрочем, ей не составляло особого труда впоследствии узнавать о наших встречах — слуги неустанно следили за всеми его приходами и уходами, — хотя она, видимо, считала неуместным и нецелесообразным предпринимать более решительные контрмеры.

IV

Дерби был женат уже более трех лет, когда однажды Августовским днем я получил телеграмму из Мэна. Мы не виделись с ним почти два месяца, но я слышал, что он находится в отъезде «по делам». Айзенат вроде бы тоже путешествовала вместе с ним, хотя, как поговаривали наблюдательные соседи, изредка в окнах на втором этаже их дома за плотно задвинутыми шторами проскальзывала чья-то тень. Кроме того, они не забывали присмотреться и к тому, что покупают в магазинах слуги супругов Дерби. И вот я получаю телеграмму от начальника полиции тамошнего городка Чесанкока, в которой тот сообщает мне, что накануне к нему в участок ввалился перепачканный в грязи, оборванный человек, который с дикими воплями выбежал из леса и, обезумело вращая глазами, стал умолять его о помощи и спасении. Как выяснилось, это оказался Эдвард — каким-то образом он все же смог назвать свое имя и адрес.

Чесанкок расположен в непосредственной близости от глубокого, дикого и крайне слабо исследованного лесного массива штата Мэн, а потому мне пришлось потратить целый день на то, чтобы, подпрыгивая на умопомрачительных ухабах и продираясь сквозь фантастические заросли, добраться туда на машине. Дерби я обнаружил в каморке местной фермы, где он пребывал в состоянии шаткого равновесия между буйством и апатией. Меня он узнал сразу, и тут же с его губ полился нескончаемый поток почти неразборчивых и наполовину невразумительных слов и обрывков фраз:

— Дэн — ради Бога! Яма шагтотов! Шесть тысяч ступеней вниз... Самая омерзительная из всех мерзостей... Я не позволю ей забрать меня... а потом вдруг обнаружил, что нахожусь там — Йа! Шуб-Нигтурат! — С алтаря поднялась какая-то фигура, а пятьсот других завывали — А Тварь в капюшоне блеяла и мычала: «Камог! Камог!» — это было тайное имя

Эфраима, под которым его знали на шабашах — я был там — там, куда, как она обещала, обязательно приведет меня — Какую-то минуту назад я был заперт в библиотеке, и вдруг оказался там, куда она пришла с моим телом — в том месте полнейшего святотатства, в нечестивой яме, где начинается черное царство, а у ворот стоит охранник — Я видел Шаггота — он изменил форму — Я не могу вынести этого — Если она еще раз пошлет меня туда, я убью ее — Убью это существо, убью его — Я убью это! Убью своими собственными руками!..

Мне пришлось потратить не меньше часа, чтобы утихомирить друга, но в конце концов он все же немного успокоился. На следующий день я раздобыл ему в местном поселке чистую одежду и мы отправились в Эрхам. Приступ истерики прошел; Эдвард предпочитал хранить молчание, однако когда машина проезжала через Аугусту, начал что-то бормотать себе под нос, как если бы огни города возродили в его мозгу тягостные воспоминания. Было совершенно ясно, что он не хочет возвращаться домой, а с учетом тех фантастических представлений, которые возникли у него по поводу своей собственной жены — представлений, которые, вне всякого сомнения, стали результатом некоей реальной гипнотической пытки, в которой ему довелось стать объектом, — я решил, что будет лучше, если он действительно временно поживет в другом месте. Я принял решение, что некоторое время сам за ним присмотрю, невзирая на то, какие трения на этой почве могут у меня возникнуть с Айзенат. Позднее я мог бы помочь ему добиться развода, поскольку у меня не оставалось ни малейших сомнений в существовании некоторых психологических факторов, превращавших его брак в самую настоящую самоубийственную пытку.

Как только мы выехали на открытую местность, бормотание Дерби прекратилось и он, сидя на переднем сиденье рядом со мной, тихо и мирно задремал.

Ближе к вечеру, когда мы проезжали через Портленд, он снова стал что-то ворчать себе под нос, причем на сей раз уже более отчетливо, и по мере того как я слушал его, становилось все яснее, что он непрерывно несет какую-то совершенно безумную околесицу про свою жену. Не вызывало никаких сомнений то, что она каким-то образом крайне негативно действовала ему на нервы, поскольку он сочинил и принялся рассказывать мне про нее кучу самых невероятных, похожих на галлюцинации толков и небылиц.

Если опираться на его уклончивые и наполовину бессвязные объяснения, то получалось, что все происшедшее с ним накануне было лишь одним из эпизодов долгой серии аналогичных событий. Айзенат якобы постепенно завладевала его телом, и он боялся, что рано или поздно настанет такой день,

когда она уже не отпустит его. Даже сейчас она всего лишь временно пошла на вынужденную уступку, поскольку не могла слишком долго удерживать его под своим контролем. На самом же деле она якобы регулярно овладевала его телом и путешествовала в нем по совершенно невероятным местам, присутствуя на доселе неведомых ему ритуалах и обрядах; сам же он оставался в ее теле запертым на втором этаже. По словам Эдварда, пока ей не удавалось удерживать его длительное время, а потому он внезапно словно прорывался назад, к собственному телу, оказываясь при этом в каком-нибудь неимоверно удаленном, диком и, скорее всего, никому неизвестном месте. При этом в ряде случаев подобные попытки «телесного переселения» оканчивались безрезультатно, но как правило удавались, и в итоге он оказывался в таком же затруднительном состоянии, в котором я обнаружил его сегодня. После этого ему приходилось подолгу добираться назад домой, упросив кого-то из местных жителей повести машину, поскольку сам он этого сделать был попросту не в силах.

Хуже всего было то, что с каждым разом Айзенат удерживала его все дольше и дольше. Эта женщина словно интуитивно ощущала в нем смесь хорошо организованного интеллекта и слабой воли, и настанет такой день, когда она окончательно вытеснит мужа из его телесной оболочки и исчезнет с его телом — исчезнет, чтобы стать великим магом, вроде ее отца, тогда как самому ему придется до конца своих дней томиться в том женском обличье, которое нельзя было даже назвать по-настоящему человеческим телом.

Узнал Эдвард и про существование некоей, якобы чужеродной и пагубной «иннисмаутской крови». Получалось так, что много лет назад жители этого мрачного города вели какую-то торговлю с существами из моря. «Это было ужасно... — сбивчиво говорил Дерби, — старый Эфраим — он знал их секрет, и, когда состарился, сотворил нечто чудовищное, чтобы остаться живым — он хотел жить вечно — а за ним последует Айзенат — один удачный эксперимент уже был проведен!...»

Пока Дерби говорил все это, я повернулся и внимательно присмотрелся к нему, желая проверить, насколько верным оказалось мое предыдущее, хотя и весьма поверхностное наблюдение. Как ни странно, сейчас он выглядел даже лучше, чем обычно — вид у него был более решительный, по-настоящему взрослый, причем в нем не чувствовалось даже намек на ту вялость, которая являлась следствием его прежней праздной жизни. Создавалось впечатление, что впервые за всю свою изнеженную жизнь он почувствовал себя по-настоящему активным, достаточно опытным человеком, и я невольно подумал, что неведомая мне темная сила Айзенат и в самом

деле тем или иным образом ввергла его в круговорот хотя и непривычной, но весьма активной деятельности.

И все же рассудок Эдварда в данный момент пребывал в довольно шатком, явно разбалансированном состоянии, поскольку он без конца болтал всевозможные дикости и явно преувеличивал, говоря о своей жене, черной магии, старом Эфраиме, и о грядущих откровениях, которые, по его словам, убедят даже меня. Он повторял имена, которые были мне знакомы по страницам старинных запретных книг, и иногда действительно заставлял меня невольно вздрагивать от осознания определенной логической последовательности и убедительного мифологического обоснования на первый взгляд бессвязного бреда. Наконец Эдвард сделал долгую паузу, словно намереваясь набраться смелости перед каким-то окончательным и самым ужасным сообщением.

— Дэн, Дэн неужели ты его не помнишь — дикий взгляд и нечесаная борода, которая так никогда до конца и не поседела?! Как-то раз он глянул на меня, и с тех пор я никогда не забывал тот взгляд. А сейчас она смотрит на меня так же.. И я знаю почему!.. Он обнаружил это в «Некрономиконе» — формулу! Я не в силах пока назвать тебе конкретную страницу, но когда сделаю это, ты сам прочитаешь и все поймешь. Вот тогда ты действительно поверишь и поймешь, что именно меня засосало. Снова и снова, снова, снова и снова — от тела к телу, и опять к телу — он собирался жить вечно! Сияние жизни — он знает, как разорвать связь... она может теплиться еще некоторое время уже после того как само тело умерло. Сейчас я кое о чем тебе намекну, и ты, возможно, сам догадаешься, что к чему. Послушай, Дэн, ты знаешь, почему моя жена всегда с таким трудом пишет своим наклоненным в другую сторону почерком? Тебе никогда не приходилось видеть записи, сделанные рукой старого Эфраима? Хочешь узнать, почему я всегда вздрагиваю, когда вижу поспешные записи, сделанные рукой Айзенат?

Айзенат, а существует ли вообще такой человек? Откуда пошли эти полуслухи-полунамеки на то, что в желудке старого Эфраима после его смерти якобы был обнаружен яд? Почему Джилмэны перешептывались о том, как он кричал — словно испуганное дитя, — когда уже сошел с ума, и Айзенат заперла его тогда в мансарде с обитыми стенами, в которой уже находились... другие? А не была ли там уже заперта душа старого Эфраима? И вообще, кто в ком заперт? Почему этот старик с такой настойчивостью месяцами выискивал кого-то такого, у кого был бы светлый ум и слабая воля? Почему он сыпал такими проклятиями по поводу того, что его дочь не уродилась мальчиком? Скажи мне, Дэниель Аптон, какая дьявольская подмена была совершена в том ужасном доме,

где в руках и на полную милость этого чудовища было оставлено столь доверчивое, слабовольное, получеловеческое дитя? Не сделал ли он эту подмену постоянной, необратимой — как теперь уже сама она хочет в конце концов поступить со мной? Скажи, почему это существо, которое называет себя Айзенат, оставаясь наедине с самой собой, пишет так, что совершенно невозможно отличить ее почерк от...»

А потом произошло нечто. Голос Дерби возвысился до тонкого, ужасного вопля, а затем оборвался почти механическим щелчком. Я вспомнил про те случаи у меня дома, когда его повествования внезапно обрывались — когда мне начинало казаться, будто в нашу беседу вмешивалась темная, телепатическая сила Айзенат, которой хотелось заставить его умолкнуть. На сей раз было что-то похожее, но все же отличное от предыдущего, и определенно более ужасное. На какое-то мгновение лицо сидящего рядом со мной человека исказилось до неузнаваемости, тогда как все тело сотрясла резкая конвульсия, как если бы кости, органы, мускулы, нервы и железы его организма стали перестраиваться, занимая совершенно иное расположение и превращая его самого в совершенно иную личность.

Никогда в жизни не смог бы я сказать, что являлось в те минуты для меня источником самого дикого кошмара. Все мое естество словно окатила, захлестнула громадная волна болезненного отвращения — такое леденящее, парализующее ощущение крайней чуждости и аномальности, что я чуть было не потерял контроля над машиной. Сидевшая рядом со мной фигура уже была похожа не столько на моего давнишнего друга, сколько на чудовищного пришельца из другого мира, превратившегося в проклятое, дьявольское порождение неведомых мне и злобных космических сил.

Сразу же вслед за этим Дерби-напарник неожиданно ухватился за руль и заставил меня поменаться с ним местами. Сумерки уже успели сгуститься, а свет огней Портленда находился слишком далеко, а потому я не мог как следует разглядеть его лицо. И все же нельзя было не заметить безумного блеска его глаз, на основании чего я понял, что сейчас он находится в том самом сверхвозбужденном состоянии, так непохожем на обычное, которое не раз уже замечали многие люди. Казалось странным, даже невероятным, что вялый, апатичный и растерянный Эдвард Дерби — тот, которому никогда не удавалось утвердить себя настолько, чтобы вообще научиться водить автомобиль — станет отдавать мне приказы и вырывать руль моей собственной машины, и все же именно это и произошло в действительности.

Добившись своего, он некоторое время ничего не говорил, а я, объятый неопишуемым ужасом, был даже рад его молчанию.

В свете мелькавших мимо огней я увидел его плотно сжатые губы и невольно вздрогнул при виде ярко пылающих глаз. Люди были правы — пребывая в подобном настроении, он действительно чертовски походил на свою жену и старого Эфраима. При этом меня отнюдь не удивляло то обстоятельство, что, находясь в таком состоянии, он мог вызывать всеобщую неприязнь, поскольку во всем облике его и в самом деле появлялось что-то неестественное, а сбивчивые, почти бредовые высказывания вносили в окружающую его общую атмосферу нервозности даже некоторый элемент зловещности. Вот и сейчас этот человек, которого я всю свою жизнь знал как Эдварда Пикмэна Дерби, казался мне совершенно незнакомым, даже чужеродным существом, пришельцем из какой-то черной бездны.

Вплоть до тех пор, пока мы не выехали на длинный и прямой отрезок пути, он не раскрывал рта, а когда заговорил, голос его показался мне совершенно незнакомым. Он стал ниже, жестче, и в нем зазвучала решимость, которую мне никогда не доводилось слышать ранее. Изменилось и произношение — в нем появился необычный акцент, который смутно, расплывчато и одновременно пугающе напоминал мне что-то или кого-то, хотя я был не в состоянии припомнить, кого именно. В тембре его голоса можно было различить явную иронию, даже некоторую насмешку, причем это была отнюдь не та искрометная, беззаботная и в целом довольно веселая насмешливость неоперившегося «утонченного» существа, которая являлась как бы частью натуры Дерби, но нечто напоминающее мрачный, идущий от глубокой самоуверенности, и определенно зловещий сарказм. Я поражался собственному самообладанию, продолжая слушать это дикое, но одновременно пронизанное непонятной паникой бормотание.

— Надеюсь, Аптон, ты простишь мне мою выходку, — услышал я. — Ты же знаешь, что нервы у меня стали совсем ни к черту, а потому не станешь сердиться. На самом деле я искренне благодарен тебе за то, что ты выручил меня и довез до дому.

Прошу также простить меня за все те безумные вещи, которые я наболтал по поводу своей жены — да и вообще в отношении всего остального. Вот что бывает, когда слишком усердно занимаешься такими вещами, над которыми я сейчас работаю. В моей философии вообще очень много непонятного, даже излишне причудливого, а когда рассудок устает воспринимать подобную невероятную мешанину всевозможных ди-

ких идей, он поневоле начинает выдумывать, да-да, попросту сочинять всякие небылицы в качестве суррогатов настоящих мыслей. Надо будет как следует отдохнуть ото всего этого, а потому некоторое время мы, наверное, не сможем видеться. Но ты только не вини за это Айзенат.

Наша поездка была немного странной, хотя и довольно заурядной. В северной части лесного массива до сих пор сохранились кое-какие остатки индейской культуры — всякие там каменные столбы, ну и прочее, — что весьма интересно с точки зрения изучения их фольклора, а мы с Айзенат сейчас именно над этим и работаем. Поиски оказались довольно трудными, а потому я немного переутомился. Сразу по прибытии домой надо будет послать кого-нибудь за машиной. Думаю, что месяц отдыха снова поставит меня на ноги.

Сейчас я уже не помню, каким оказался мой собственный вклад в общий разговор, поскольку все мое внимание тогда было сосредоточено на обескураживающей, чужеродной перемене, произошедшей в моем спутнике. С каждой секундой я все более ощущал воздействие неуволимого гнетущего, обволакивающего меня бездонного ужаса, пока не почувствовал почти маниакальное желание как можно скорее окончить это путешествие. Дерби не предложил мне снова сесть за руль, и я искренне порадовался тому, что мы на бешеной скорости пролетели и Портсмаут, и Ньюбэрипорт.

В том месте, где основное шоссе делает поворот в глубь территории, уводя от Иннсмаута, я с некоторой тревогой ожидал, что мой напарник свернет на унылую дорогу, которая проходит через это Богом проклятое место. Этого, однако, не произошло, и мы по-прежнему на большой скорости промчались через Роули и Ипсвич в нужном нам направлении. В Эркхам мы прибыли незадолго до полуночи, и я увидел, что в старом доме Дерби все еще горит свет. Мой товарищ вышел из машины и поспешно пробормотал слова благодарности, после чего я продолжал путь уже один, испытывая странное по своей интенсивности чувство облегчения. Что и говорить, путешествие оказалось на редкость выматывающим, просто ужасным, причем ощущение это казалось еще более сильным оттого, что я не мог сказать, чем именно оно было вызвано. Что и говорить, меня даже обрадовало известие Дерби о том, что некоторое время мы с ним не будем видеться.

Следующие два месяца были наполнены всевозможными слухами. Люди поговаривали о том, что почти постоянно видели Дерби, пребывающего в приподнятом состоянии духа и подчеркнуто прибодрившегося, тогда как Айзенат почти не спускалась к редким посетителям их дома. Меня самого Эдвард посетил лишь однажды — он тогда на несколько минут

заехал ко мне на машине, которую, как я понял, все же удалось доставить из Мэна, чтобы забрать кое-какие книги, которые ранее давал мне почитать. Я также заметил, что настроение его заметно улучшилось, сам он приободрился и делал долгие паузы в разговоре, явно чтобы придать особое значение той или иной уклончивой фразе. Было совершенно ясно, что пребывая в таком состоянии, он ни в коей мере не расположен обсуждать со мной какие-либо серьезные, тем более личные проблемы, причем от меня не ускользнуло и то обстоятельство, что он даже не воспользовался своим традиционным сигналом — три плюс два звонка, — когда звонил в мою дверь. Как и в тот вечер, когда мы ехали в моей машине, я вновь испытал смутную, но определенно неподдельную тревогу, объяснить которую был совершенно не в состоянии, а потому с явным облегчением воспринял его скорый уход.

В середине сентября Дерби снова уехал куда-то на неделю, и кое-кто из наших общих старых друзей по колледжу стал смутно намекать на то, что он отправился на неофициальную встречу со скандально известным культовым лидером, недавно выдворенным из Англии и избравшим Нью-Йорк в качестве штаб-квартиры своего общества. Что до меня самого, то я никак не мог выбросить из головы ту нашу поездку из Мэна. Неожиданная и чудовищная метаморфоза, произошедшая тогда с моим другом, подействовала на меня слишком сильно, и я снова и снова пытался осмыслить случившееся, равно как и то ужасное ощущение, которое она вселила в мою душу.

Довольно часто люди перешептывались также о странных рыдающих звуках, доносящихся из дома семьи Дэрби. Предполагалось, что голос этот принадлежит женщине, а некоторым молодым людям даже казалось, что плачет сама Айзенат. Слышался он весьма редко, причем создавалось впечатление, что вскоре после начала его словно насильно обрывали. Стали поговаривать даже о том, чтобы провести соответствующее расследование, однако эти разговоры вскоре поутихли, поскольку однажды на улицу вышла сама Айзенат, которая принялась оживленно и весело разговаривать со своими знакомыми. Женщина извинялась за то, что так долго отсутствовала, не виделась с ними, и как бы мельком обмолвилась о том, что с одной ее подругой из Бостона, гостящей сейчас у них в доме, произошел нервный срыв и приступ истерики. Саму эту подругу так никто ни разу и не увидел, однако после слов Айзенат все вроде бы успокоилось и говорить больше было не о чем. Правда, вскоре кто-то внес дополнительные сомнения, утверждая, что пару раз слышал и отчетливо различил доносящийся из этого дома новый, причем уже явно мужской голос.

Однажды в середине октября я услышал знакомую трель звонка — три плюс два. Открыв дверь, я увидел Эдварда, причем сразу обратил внимание на то, что внешность у него опять стала такой же, какой была прежде, и которую мне не доводилось замечать с того самого дня, когда мы совершали то жутковатое путешествие из Чесанкока. Лицо его хранило на себе смесь довольно странных эмоций, среди которых явно преобладали страх и возбуждение, причем пока я закрывал за ним дверь, он тревожно оглядывался поверх своего плеча.

Неловко проследовав за мной в кабинет, Эдвард попросил меня налить ему виски, якобы чтобы успокоить нервы. Я не стал его ни о чем расспрашивать, а ждал, когда он сам поведаст мне то, что хотел рассказать. Наконец он заговорил сдавленным голосом:

— Дэн, Айзенат уехала. Прошлым вечером, когда слуг не было дома, у нас состоялся продолжительный и довольно напряженный разговор, и я заставил ее пообещать, что она прекратит терзать меня. Разумеется, я использовал некоторые... некоторые оккультные способы защиты, о которых никогда раньше тебе не рассказывал. Ей пришлось уступить, хотя она и страшно рассвирепела. А потом просто упаковала свои вещи и уехала в Нью-Йорк — даже успела на поезд 8.20 до Бостона. Я, конечно, понимаю, теперь стану болтать всякое, но, поверь, просто не в силах был больше все это терпеть. Пожалуйста, не говори никому, что у нас были какие-то неприятности — если что, скажи просто, что она уехала в долгую исследовательскую поездку.

Думаю, что она остановится у своих «друзей», которые, как и она сама, склонны верить и творить поистине ужасные вещи. Как бы мне хотелось, чтобы потом она отправилась на запад и оформила развод — во всяком случае, я взял с нее слово уехать и оставить меня в покое. Знаешь, Дэн, это было ужасно. Возможно, ты не поверишь мне, но она... крала мое тело... буквально выселяла меня из него, а меня самого превращала в некое подобие пленника. Какое-то время я не сопротивлялся и делал вид, что позволяю ей вытворять подобное, но сам все время был начеку.

Проявляя достаточную осторожность, я мог планировать свои действия — ведь в буквальном смысле слова она была не в силах читать мои мысли. Ей удалось лишь уловить общий настрой моего протеста — а кроме того она всегда уповала на то, что я абсолютно беспомощен. Я знал, что окончательно мне от нее так никогда и не избавиться... хотя пару раз мне все же удавалось это.

Дерби в очередной раз украдкой глянул себе через плечо и снова подлил виски.

— Сегодня утром, когда эти чертовы слуги вернулись, я подкупил их и выставил за дверь. Вели они себя довольно дерзко, пытались задавать всякие вопросы, но все же ушли. Они ведь тоже, как и она — из Иннсмаута, а потому всегда были с ней заодно. Надеюсь, они тоже оставят меня в покое, во всяком случае мне очень не понравился их смех, когда они уходили. Надо будет постараться нанять тех, еще отцовских слуг. А сейчас я переезжаю в свой старый дом.

Возможно, Дэн, ты считаешь меня сумасшедшим, но, думаю, сама история Эркхама должна дать тебе своего рода намек, который позволит лучше понять все то, что я уже рассказывал тебе — и что собираюсь рассказать. Ты ведь сам был свидетелем одной из моих перемен — тогда, когда мы ехали в твоей машине из Мэна, и я рассказывал тебе про Айзенат. Так вот, знай, что тогда был один из тех случаев, когда она в очередной раз протянула ко мне свои лапы — вышвырнула меня из моего тела. Последнее, что я запомнил в тот наш с тобой вечер, это то, что страшно вымотался, пытаюсь рассказать тебе, какая она дьяволица. Да, тогда она действительно завладела мной — и в какую-то долю секунды я, сам того не замечая, вдруг снова оказался у себя дома — в той самой библиотеке, где эти чертовы слуги тотчас заперли меня... в этом омерзительном теле... которое вообще не является человеческим... Ты даже представить себе не можешь, что ехал тогда в машине не со мной, а именно с ней — с этой алчущей тварью, принявшей оболочку моего тела. Скажи, ведь ты же не мог не подметить тогда разницы!

Я невольно вздрогнул, когда Дерби сделал паузу. Разумеется, я почувствовал тогда разницу — но мог ли я принять столь безумное объяснение случившегося? Тем временем речь моего встревоженного гостя с каждой минутой становилась все неистовее.

— Мне пришлось спасаться — я просто должен был это сделать, Дэн! Иначе в День всех святых она окончательно вытеснила бы меня из моего тела — там, неподалеку от Чесан-кока у них был шабаш, и принесенная жертва должна была все зафиксировать. Она бы окончательно изгнала меня — стала бы мной, а я — ею, причем навсегда... Мое тело должно было стать ее телом навечно — и тогда она бы стала мужчиной, настоящим человеком, которым она так хотела стать. Я думаю, потом она каким-нибудь образом все равно бы избавилась от меня — например, уничтожила бы свое бывшее тело, а вместе с ним и меня самого, черт бы ее побрал, как она уже делала прежде. Ведь она, он или оно делали это раньше...

Лицо Эдварда изменилось до неузнаваемости; он неловко наклонился ко мне, перейдя почти на шепот.

VI

— Ты должен узнать про все то, на что я намекал тебе там, в машине. Так вот, знай, что это вообще не Айзенат, а сам старик Эфраим. Впервые я заподозрил это года полтора назад, но лишь теперь знаю наверняка. И выдает ее почерк, особенно когда она начинает писать быстро, не следя за ним. Иногда у нее проскальзывают строки, точь в точь похожие на записи ее отца, ну буквально штрих за штрихом, а кроме того она иногда говорит такие вещи, которые кроме него и знать никто не мог. Почувствовав приближение смерти, старик поменялся с ней телами — она оказалась единственным существом, которое его полностью устраивало — с соответствующим складом ума и относительно слабой волей, — и навечно изгнал ее из собственного же тела, то есть сделал то, что сейчас она сама пытается проделать со мной, — а потом отравил свое старое тело, в которое переселил ее личность. Разве ты сам не замечал десятки раз, что глазами этой дьяволицы на тебя взирает душа самого старого Эфраима — и моими глазами тоже, когда она завладевает моим телом?..

Эдвард буквально задышался, говоря все это, и был вынужден ненадолго прервать свой рассказ. Я продолжал хранить молчание. Когда он наконец заговорил вновь, голос его зазвучал почти нормально. Про себя я уже решил, что без психиатрической лечебницы здесь не обойтись, хотя твердо сказал себе, что сам я его туда не отправлю. Возможно, время и освобождение от Айзенат сделают свое дело. Однако мне стало ясно, что сам он уже никогда больше не будет заниматься темными оккультными делами.

— Потом я еще кое-что тебе скажу... а сейчас мне надо хорошенько отдохнуть. Ты узнаешь, в каких ужасных, просто кошмарных местах я побывал по ее воле — есть еще такие стародавние кошмарные монстры, которые даже сейчас продолжают смердить, и находятся они в недоступных уголках, охраняемые чудовищными священниками, которые поддерживают в них жизнь. Некоторые люди знают про существование вселенной, ведать о которой кроме них самих не дано никому, и могут вытворять такие вещи, на которые неспособен никто — только они одни. Сам я хватил всего этого под самую завязку, но все, хватит. Будь я библиотекарем Мискатонского университета, я уже сегодня же сжег бы и «Некрономикон», и все ему подобное.

Но теперь она меня уже не достанет. Мне надо как можно скорее покинуть тот проклятый дом и поселиться в родительском особняке. Я знаю, если мне понадобится твоя помощь,

ты сможешь мне. И слуги у них — тоже сущие дьяволы, ты и сам это замечал, и если люди попытаются слишком многое разузнать об Айзенат... Понимаешь, я никому не могу дать ее новый адрес... Кроме того, есть определенные группы так называемых исследователей — вполне конкретные, реальные культы, — которые наверняка неодобрительно отнесутся к нашему разрыву... У некоторых из них чертовски странные идеи и методы. Я знаю, что если что-то случится, ты меня не бросишь — даже если я скажу тебе нечто такое, что потрясет даже тебя...

В тот вечер я заставил Эдварда остаться у меня — он переночевал в одной из моих гостевых комнат, а на следующее утро выглядел несколько лучше и немного успокоился. Мы стали обсуждать с ним некоторые детали предстоящего переезда в старое родительское поместье, и я надеялся, что он не станет тянуть с этим делом. На следующий вечер он, однако, не зашел ко мне, хотя на протяжении нескольких последующих недель я не раз виделся с ним. При этом мы старались как можно меньше касаться всяких странных и неприятных дел, зато активно обсуждали предстоящую перестройку дома семейства Дерби, а также наше совместное путешествие, в которое он, мой сын и я намеревались отправиться следующим летом.

Об Айзенат мы не говорили вовсе, поскольку я чувствовал, что эта тема была для Эдварда особенно болезненной. В слухах, разумеется, недостатка не было, однако для старого дома, в котором после свадьбы проживали молодые супруги Дерби, это не было в диковинку. Правда, мне очень не понравилось одно известие, о котором случайно услышал во время довольно оживленного рассказа банкира Дерби — тот в запальчивости, а может, просто случайно обронил в кругу друзей в Мискатонском клубе, что Эдвард регулярно переводит деньги в Иннсмаут на имя Моисея и Абигайль Сарджентов, а также Юнис Бэбсон. Таким образом, получалось, что эти бывшие жутковатые слуги Айзенат получали с Эдварда своего рода дань, хотя сам он мне об этом ничего не сказал.

Сам же я мечтал только о том, чтобы поскорее наступило лето, а вместе с ним и начало каникул моего сына в Гарварде, когда мы смогли бы увезти Эдварда в Европу. Правда, сам он, как я вскоре убедился, отнюдь не так скоро шел на поправку; временами, когда на него находило веселое настроение, в его поведении, и в частности речи, чувствовались какие-то истеричные нотки, а кроме того на него нередко находили приступы страха и депрессии.

Семейный особняк был готов уже к декабрю, однако Эдвард все тянул с переездом. Несмотря на то, что нынешний

дом вселял в него явный страх, он был странным образом словно закабален им, никак не мог начать упаковывать вещи, всякий раз находя для этих отсрочек новые предлоги. Когда я однажды прямо сказал ему об этом, он вдруг страшно испугался. Престарелый дворецкий его отца, которого вместе с некоторыми другими старыми слугами вновь пригласили на работу, сказал мне, что во время редких приездов домой Эдвард как-то странно ведет себя, особенно когда спускается в подвал, причем поведение его не просто необычное, но даже в чем-то не вполне здоровое. Я предположил было, что Айзенат пишет ему какие-то тревожные письма, однако дворецкий заверил меня в том, что в поступающей почте ни разу не попадались послания от нее.

Как-то вечером, незадолго до Рождества, Дерби заглянул ко мне, и именно тогда с ним произошел очередной приступ неведомой мне болезни. Я подводил беседу к теме предстоящей летней поездки, когда он неожиданно вскрикнул и вскочил с кресла с выражением самого дикого, необузданного страха на лице — его охватил жуткий, поистине неземной ужас, который мог привидеться разве что в самом чудовищном кошмаре.

— Мой мозг! Мой мозг! Боже, Дэн — оно тащит его — оттуда — стучит — царапает — эта дьяволица — даже сейчас — Эфраим — Камог! Камог! — Яма шагготов — Йа! Шуб-Ниггурат! Пламя — пламя — из-за тела, из-за жизни — в земле — о Боже!..

Я с трудом усадил его в кресло и чуть ли не силой влил в рот немного вина. Наконец он затих и впал в состояние прострации. Теперь он не сопротивлялся, и только губы его продолжали слегка двигаться, словно он что-то бормотал про себя. Наконец до меня дошло, что он пытается заговорить со мной, а потому склонился над ним, чтобы уловить едва слышимые слова.

— Снова, снова — она пытается — я должен был это знать — ничто не способно остановить эту силу; ни расстояние, ни магия, ни смерть — она продолжает приходить, обычно по ночам — я не могу от нее избавиться — это ужасно — о Боже, Дэн, если бы ты только знал, как знаю я, насколько все это ужасно...

Когда он снова застыл в неподвижном оцепенении, я подложил ему под голову подушки и дождался, пока он не уснул. Врача я вызывать не стал, поскольку мог предположить, что именно тот скажет по поводу его психического здоровья, а потому целиком положился на силы природы, если они вообще еще были способны что-то сделать. Проснулся он среди ночи, и я отвел его в спальню наверх, однако утром его уже

не было. Наверное, потихоньку выскользнул за дверь — чуть позже мне позвонил его дворецкий, сообщивший, что Эдвард сейчас дома и без конца ходит по библиотеке.

После этого мой друг стал буквально рассыпаться на части. Он больше не приходил ко мне, хотя я продолжал ежедневно навещать его. Он часами сидел в библиотеке, устремив взгляд в пустоту, словно постоянно и как-то неестественно прислушивался к неведомым звукам. Иногда он заговаривал о чем-то, хотя всякий раз это были самые обычные, бытовые темы. Любое упоминание волновавших его проблем, планов на будущее, или тем более Айзенат ввергали его в поистине неистовое состояние. Дворецкий рассказывал, что по ночам у него случались страшные приступы, во время которых он даже мог ранить себя.

Я подолгу разговаривал с доктором, банкиром, адвокатом, и под конец решил пригласить к Эдварду врача с двумя его коллегами. Уже после первых наших вопросов он испытал жестокие, мучительные судороги, а потому в тот же самый вечер закрытая машина отвезла его несчастное, измученное тело в Эркхамскую психиатрическую лечебницу. Меня назначили его опекуном и я дважды в неделю навещал его, едва не плача, когда слышал эти дикие вопли, зловеющий шепот и глухое, монотонное повторение таких фраз как: «Я должен был это сделать — Я должен был это сделать — Оно доберется до меня — Оно доберется до меня — внизу, там, внизу, в темноте — Мама! Мама! Дэн! Спаси меня — спаси меня...»

Никто не мог сказать, сколь реальны были наши надежды на его выздоровление, однако я пытался сохранять оптимизм. На тот случай, если Эдварду все же удастся выкарабкаться, у него должен быть свой дом, а потому я перевел всех его слуг в особняк семейства Дерби, на котором он, естественно, как любой здравомыслящий человек, должен был остановить свой выбор. Что же до его нынешнего, «супружеского» дома со всем его сложным убранством и коллекцией совершенно невообразимых предметов, то здесь я даже и не знал, как поступить, а потому временно оставил все как есть. Я распорядился, чтобы раз в неделю там в главных комнатах протирали пыль, а истопнику сказал, чтобы он по необходимости поддерживал в камине огонь.

Жуткая развязка наступила как раз перед Сретением, хотя, словно по горькой иронии, ей предшествовал короткий и обманчивый проблеск надежды. Как-то однажды поздним январским утром мне позвонили из лечебницы и сообщили, что к Эдварду неожиданно вернулся рассудок. При этом память его пребывала в довольно плачевном состоянии, однако о каком-либо безумии уже не могло идти и речи. Разумеется,

некоторое время ему предстояло побыть под наблюдением врачей, однако не было никаких сомнений в том, что процесс выздоровления, как говорится, пошел в гору. Таким образом, не позднее, чем через неделю Эдвард мог быть выписан из больницы домой.

Охваченный приступом восторженного ликования, я бросился к своему другу, однако изумленно напрягся, едва сестра проводила меня к нему в палату. Больной поднялся с койки и, вежливо улыбнувшись, поздоровался со мной, хотя я сразу же заметил в его облике налет какой-то странной, несвойственной ему энергичной возбужденности, что полностью противоречило тому, каким я знал его прежде. Передо мной стоял вполне спокойный, уверенный в себе человек, который, как ни странно, вызвал во мне смутное ощущение чего-то страшного, поскольку, как мне ранее говорил сам Эдвард, именно таким он становился, когда Айзенат пыталась втиснуть в его тело свою душу. И снова я увидел перед собой те же сияющие глаза, так похожие на глаза Айзенат и старого Эфраима, и ту же жестокую линию рта, а когда он заговорил, я вновь ощутил в его голосе ту же мрачную, самодовольную иронию — глубокий сарказм, отчетливо наводящий на мысль о затаившемся зле. Я видел перед собой того же человека, который пять месяцев назад сидел за рулем моей машины, того самого человека, которого я не видел с тех самых пор, когда он нанес мне краткий визит, забыв про свой давний условный звонок «три плюс два», и который зародил тогда во мне туманные опасения. Вот и сейчас он наполнил меня тем же самым мрачным ощущением какой-то богохульной чужеродности и невыразимой, почти неземной зловещности.

Он довольно учтиво заговорил со мной о подготовке к предстоящей выписке из лечебницы, так что мне не оставалось ничего другого кроме как соглашаться с ним, несмотря на значительные провалы в его памяти и полное забвение самых недавних событий. И все же я чувствовал, что было во всем этом что-то чудовищно неправильное и ненормальное, а в самом стоящем передо мной человеке, и в том, что он говорил — нечто ужасное, хотя уловить суть произошедшей перемены был просто не в состоянии. Я видел перед собой вполне здравомыслящего человека, но был ли он тем самым Эдвардом Дэрби, которого я знал почти всю свою жизнь? Если же нет, то кто, или что это было — и где тогда был сам Эдвард? Следовало ли его выписывать из больницы, либо же, напротив, надо было еще крепче упрянуть в ней — а может, его вовсе следовало стереть с лица земли? Был во всех его словах туманный намек на что-то злобное, сардоническое, тогда как глаза — совсем как у Айзенат — придавали особый, сбивающий с толку на-

смешливый характер его словам о раннем освобождении, якобы ставшем «наградой за крайне жестокое заточение»! Одним словом, я чувствовал себя крайне неловко и определенно испытал облегчение, когда наконец покинул его палату.

Остаток того дня и весь следующий день я без конца обдумывал сложившуюся ситуацию. Что же все-таки случилось? Чей же рассудок проглядывал сквозь чужие глаза на лице Эдварда? Я не мог думать ни о чем другом, кроме как об этой мрачной, но одновременно зловещей загадке, и прерывал эти раздумья лишь для того, чтобы заняться своей собственной работой. На следующее утро мне позвонили из больницы и сообщили, что изменений в состоянии выздоровевшего пациента не произошло, но уже к вечеру я сам оказался на грани нервного срыва, причем, как считают некоторые, именно это состояние в значительной степени повлияло на мое восприятие всех последовавших затем событий. Лично я не могу ничего сказать по этому поводу, но все равно склонен настаивать на том, что отнюдь не мое собственное безумие стало причиной всех последующих событий.

VII

Это случилось ночью — после того, второго тревожного вечера, — когда обнаженный, беспредельный ужас охватил меня и зажал мою душу в черных тисках паники, из которых невозможно было вырваться. Все началось с телефонного звонка, который прозвучал незадолго до полуночи. Кроме меня в доме все спали и я, полусонный, спустился в библиотеку к аппарату. Сняв трубку и спросив, кто звонит, я не услышал никакого ответа и уже хотел было положить ее на рычаг, когда мне показалось, что до моего слуха с другого конца провода донеслись какие-то слабые, едва уловимые звуки. Может, кто-то с громадным трудом пытался заговорить со мной? У меня создалось ощущение, что я слышу нелепо растянутые, булькающие звуки — «глюб... глюб... глюб», — которые странным образом наводили на мысль, что на самом деле все это не что иное, как нечленораздельные и совершенно неразборчивые, но все же человеческие слова.

— Кто говорит? — спросил я, однако ответом мне служило все то же почти механическое «глюб... глюб... глюб... глюб». Предположив, что с аппаратом что-то не в порядке, но одновременно допуская, что поломка произошла только с телефоном, но не с микрофоном, и потому самого меня могут слышать, я сказал:

— Вас не слышно. Повесьте трубку и снова свяжитесь с телефонисткой.

И действительно — через секунду я услышал характерный щелчок отключаемой связи.

Это, как я уже сказал, произошло незадолго до полуночи. Когда впоследствии попытались установить, откуда был сделан звонок, выяснилось, что звонили из «супружеского» дома Эдварда, хотя с момента последнего прихода туда уборщицы не прошло еще и трех дней. Сейчас я лишь вкратце упомяну, что было обнаружено в том доме.

В располагавшемся в дальнем его углу подвальном складском помещении царил полнейший беспорядок; чьи-то следы, грязь, поспешно, словно при краже очищенный гардероб, непонятные отметины на телефонной трубке, разбросанные повсюду канцелярские принадлежности и невыносимая вонь — вонь, которая, казалось, заполняла весь дом, проникая буквально в каждый его уголок. Полицейские — эти несчастные глупцы — и по сей день продолжают выстраивать всевозможные теории и разыскивать тех самых зловещих инсмаутских слуг, которые во время всей этой суматохи и беспорядка бесследно исчезли из города. Поговаривали даже об их дикой мести за все случившееся, причем не исключалось, что все это может коснуться и меня, как самого близкого друга и неизменного спутника Эдварда.

Идиоты! Неужели они в самом деле предполагали, что эти звероподобные уродцы могли не обратить внимания на столь характерный почерк? И все же, несмотря на весь свой омерзительный облик, разве были способны эти люди совершить все то, что впоследствии произошло? Как они могли не подметить всех тех перемен, которые претерпело тело Эдварда? Что же до меня самого, то теперь я верю абсолютно во все, о чем рассказывал мне Эдвард. Да, сейчас я твердо знаю, что существуют кошмары и по другую сторону жизни, причем мы подчас даже не догадываемся об их существовании, и когда-то, один-единственный раз в жизни злобные человеческие призывы и мольбы могут воззвать к этому ужасу, и он посетит наш мир. Эфраим, Айзенат, неведомый мне дьявол вызвал их к жизни, и они поглотили Эдварда, как сейчас пытаются поглотить меня. Мог ли я быть уверен в том, что нахожусь в полной безопасности? Силы эти способны преступать рамки существующей, нормальной материальной формы.

На следующий день, где-то во второй его половине, когда я наконец вышел из прострации и снова обрел способность ходить и связно говорить, я пошел в психиатрическую лечебницу и хладнокровно пристрелил находящееся в той палате

существо, и сделал это ради самого Эдварда и во имя всего человечества. Но разве можно быть в чем-то уверенным вплоть до тех пор, пока его не подвергнут кремации? А они продолжают хранить тело для каких-то идиотских вскрытий, причем настаивают на том, чтобы его провело как можно больше разных докторов, и при этом совершенно не обращают никакого внимания на мои призывы немедленно предать эту чудовищную плоть огню. Его просто обязаны кремировать — его, кто в тот момент, когда я нажимал на спусковой крючок, уже отнюдь не был Эдвардом Дерби. Я сойду с ума, если это не будет сделано, поскольку следующим настанет мой черед. Однако я отнюдь не такой же слабохарактерный человек, и я не допущу, чтобы мою волю подорвали все те ужасы, которые, как я знаю, бродят вокруг меня. Одна жизнь — Эфраим, Айзенат, Эдвард — и кто теперь? Им не удастся изгнать меня из моего тела... Я не намерен меняться душами с тем изрешеченным пулями покойником, что лежит в морге сумасшедшего дома!

Но позвольте мне прежде более или менее по порядку рассказать о том самом последнем кошмаре. Я не стану упоминать про все то, на что полиция с такой настойчивостью пытается закрывать глаза, в частности, не буду пересказывать сообщение трех прохожих, случайно встретивших где-то около двух часов ночи на Хай-стрит некое похожее на карлика, гротескное и к тому же омерзительно зловонное существо, а также опущу рассказ о необычных отпечатках человеческих ног, которые были обнаружены в ряде мест. Скажу лишь только то, что где-то возле двух часов ночи меня подняли с постели звуки звонка и одновременно удары дверного молоточка — да-да, они звучали то одновременно, то с некоторым чередованием, причем я сразу уловил в их робком, каком-то отчаянном звучании знакомую дробь Эдварда — три плюс два.

Едва очнувшись от глубокого сна, я первые секунды вообще ничего не мог понять. Дерби оказался у моих дверей — и он вспомнил свой старый код! Та, новая его личность, не могла вспомнить давней привычки моего друга... так что же, Эдвард снова внезапно вернулся в нормальное состояние? Но почему он оказался здесь в такой час, да еще в подобной спешке? Его досрочно выпустили из лечебницы или он попросту сбежал оттуда? А может, думал я, поспешно накидывая халат и сбегая по лестнице к входной двери, его возвращение к собственному «я» стало причиной какого-то особо неистового, бредового состояния, которое и заставило врачей отказаться от прежнего намерения отпустить его, что, в свою очередь, обусловило этот взрыв стремления вырваться на сво-

боду? Впрочем, что бы там ни было, это опять был мой старый добрый Эдвард, и я в любом случае приду ему на помощь!

Как только я распахнул дверь, оказавшись перед okayмленной кронами вязов теменью ночи, меня в буквальном смысле слова едва не сшибла с ног резкая, плотная волна омерзительного, непередаваемого зловония. Я судорожно закашлялся от внезапно подступившей тошноты, и в течение какой-то секунды смутно видел перед собой лишь сгорбленную, скрюченную, словно у карлика, фигуру, стоявшую на крыльце моего дома. Звонки и стуки в дверь действительно указывали на приход Эдварда, но что это за омерзительная, вонючая пародия на человека? И как у самого Эдварда хватило времени куда-то скрыться — ведь он же в последний раз позвонил за какую-то секунду до того как я открыл дверь?!

На прищельце был плащ Эдварда — полы его почти касались земли, а рукава хотя и были сильно подвернуты, все равно полностью закрывали ладони. На голове его сидела неряшливо заломленная шляпа, а черный шелковый шарф почти полностью скрывал лицо. Едва я сделал пару нетвердых шагов вперед, как стоявшее передо мной существо издало то ли хлюпающий, то ли булькающий звук, очень похожий на то, что я слышал по телефону — «глюб... глюб...» — и протянуло мне большой и плотно исписанный лист бумаги, нанизанный на длинный карандаш. Все еще слабо покачиваясь от исходившей от него невыносимой, поистине трупной вони, я взял бумагу и в падающих у меня из-за спины лучах света попытался было прочитать, что в ней написано.

Не оставалось никаких сомнений — почерк был явно Эдварда. Но зачем ему понадобилось писать, когда вполне можно было просто позвонить — ведь находились-то мы, можно сказать, почти рядом, — и почему он писал так неразборчиво, порывисто и в явной спешке? В слабом свете передней я так и не смог ничего толком разобрать, а потому направился обратно в холл — карлик также машинально двинулся за мной следом, хотя и неловко замялся у порога. Исходивший от него запах мог свести с ума кого угодно, и потому я Христом-Богом молил (к счастью, не зря), чтобы моя жена не проснулась и не вздумала спуститься ко мне.

Едва прочитав бумагу, я тут же почувствовал, что колени мои предательски задрожали, а перед глазами поплыли круги... Очнувшись, я обнаружил, что лежу на полу в холле, по-прежнему сжимая в скованной страхом руке ту самую бумагу. Вот что в ней было написано.

«Дэн — немедленно отправляйся в лечебницу и убей его. Уничтожь! Это уже не Эдвард Дерби. Она добралась-таки до меня — это Айзенат, — хотя сама она уже три с половиной

месяца как умерла. Я тогда солгал тебе, когда сказал, что она уехала. На самом деле я убил ее. Я должен был это сделать. Это произошло совершенно неожиданно, но мы тогда были одни, и я все еще находился в своем собственном теле. Под руку мне попался подсвечник, и я ударил им ее по голове. Иначе в День Всех Святых она навечно вселилась бы в меня.

Я спрятал ее в дальнем подвале — сверху завалил какими-то коробками и постарался затереть все следы. На следующее утро слуги что-то заподозрили, однако за ними водятся такие секреты, что в полицию они обратиться не решились. Я рассчитал их и выставил за дверь, но один лишь Господь знает, что они — и другие члены их культа — станут делать.

Какое-то время мне казалось, что все опять наладилось, а сам я пошел на поправку, но затем снова почувствовал — словно мой мозг куда-то тянут. Я сразу понял, что это было — просто не мог не понять, не вспомнить. Душа — вроде той, что была у нее или у Эфраима — после смерти лишь частично покидает тело, и продолжает как бы цепляться за него вплоть до тех пор, пока существует само это тело. И вот она пыталась добраться до меня — хотела, чтобы мы поменялись с нею телами — стремилась захватить мое тело, а меня самого вмести в тот полуразложившийся труп, что я спрятал в подвале нашего дома...

Я понимал, что меня ждет — очевидно, это и обусловило мой срыв, в результате которого я оказался в сумасшедшем доме. А потом это началось — я почувствовал, что вот-вот задохнусь, находясь в полной темноте — ведь я находился там, в подвале, под массой коробок... в разлагающемся теле Айзенат. Тогда до меня дошло, что сама она сейчас находится на моем месте в лечебнице, причем навечно, ибо все это случилось уже после Дня Всех Святых, а потому жертвоприношение возымеет свое действие даже в ее отсутствие. Таким образом, она оказалась в полном душевном здравии и была готова совершать свои дикие злодеяния над всем человечеством. Я был в отчаянии, и все же, несмотря ни на что, смог выбраться наружу.

К сожалению, процесс зашел уже слишком далеко и разговаривать я не мог — даже трубку как следует не смог держать в руках, — но писать был еще в силах. Постараюсь хоть немного привести себя в порядок и донести до тебя это свое последнее послание и одновременно предупреждение. Еще раз заклинаю тебя: если тебе дороги мир и благополучие всего того, что окружает людей, убей эту тварь. При этом добейся того, чтобы ее кремировали. Если этого не сделать, то она будет жить вечно, переходя из тела в тело, и даже я не в состоянии сказать, что еще она может сотворить, если это

случится. Дэн, никогда даже не прикасайся к черной магии — это дьявольское ремесло. А теперь прощай — ты всегда был настоящим другом. Расскажи полиции обо всем — не знаю только, во что из этого они смогут поверить, — и извини за то, что втянул тебя во все это дело. Скоро я отойду в мир иной — эта мерзость не просуществует слишком долго. Надеюсь на то, что тебе удастся разобрать мою писанину. И убей эту тварь — убей ее!

Твой Эд».

Все это я прочитал лишь позже, поскольку перед тем, как свалиться в обморок, смог дотянуть лишь до третьего абзаца. Сознание вновь покинуло меня, когда я обнаружил, что именно лежит на пороге моего дома — скрюченное, обдуваемое волнами теплого воздуха... Странный пришелец не шевелился и вообще не подавал никаких признаков жизни.

Мой камердинер оказался крепче меня и не свалился без чувств, увидев поутру всю эту картину. Вместо этого он просто позвонил в полицию. Когда они прибыли, меня уже проводили наверх и уложили в постель, но тот... та масса все еще продолжала лежать на том самом месте, где рухнула прошлой ночью. Занимаясь ею, полицейские были вынуждены прикрывать носы платками.

То, что они в конце концов обнаружили под странным ворохом разносортной одежды Эдварда, оказалось почти разложившимся трупом. Сохранились, правда, кости и, разумеется, череп, хотя и проломленный. По строению челюстей врач однозначно установил, что череп принадлежал Айзенат Дерби.

**Х.Ф.ЛАВКРАФТ,
А.У.ДЕРЛЕТ**

ПРЕДОК

I

Когда мой кузен, Амброз Перри, оставил свою медицинскую практику, он был еще относительно молодым человеком — ему не исполнилось и пятидесяти лет — и обладал отменным здоровьем. Прежде, в Бостоне, он пользовался довольно состоятельными людьми и, хотя он очень любил свою работу, ему в большой степени хотелось проверить некоторые свои научные теории. Будучи в этом вопросе индивидуалистом, он не хотел посвящать в дело своих коллег, считая их приверженцами ортодоксальных методов, к тому же чересчур робкими, чтобы отважиться на подобные эксперименты без санкции Американской медицинской ассоциации. Он также был космополитом в самом широком смысле слова, поскольку долго учился в Европе — в Вене, Сорбонне и Гейдельберге, — а также много путешествовал, но несмотря на все это, решил покинуть общество и, чтобы завершить свои исследования, уединиться в диком краю, в Вермонте.

Он поселился в собственном доме, построенном в чаще густого леса, и жил там один, проводя все свое время в лаборатории, оснащенной по последнему слову техники. В течение трех лет о нем не было слышно ни слова, чем он занимается, никто не знал, и он даже не писал родным и друзьям. Поэтому можете себе представить мое удивление, когда я неожиданно получил от него письмо, в котором кузен сообщал, что по возвращении из краткой поездки в Европу приглашает меня приехать к нему и, если я не возражаю, провести с ним некоторое время. Я ответил, что, к сожалению, в настоящее время занят поиском работы, но был очень рад получить от него весточку и надеюсь, что в ближайшее время все же смогу его посетить. Вскоре пришел ответ, в котором он предлагал мне приличное жалованье и место личного секретаря.

Зная своего кузена, я был почти уверен, что мне придется не только заниматься его бумагами, но и вести все дела по дому. Трудно сказать, что больше повлияло на мое решение, любопытство или щедрое вознаграждение, но я немедленно принял приглашение и тут же написал об этом, боясь, что кузен передумает. В общем, уже через неделю я приехал к нему в дом, построенный в стиле датской формы: он представлял собой одноэтажное строение с резко выступающими фронтонами и крутыми скатами крыши. Хотя я и получил от кузена самые подробные объяснения, найти дом было весьма непросто, поскольку он

находился почти в десяти милях от ближайшей деревушки под названием Тибури. Кроме того, жилище Амброза Перри стояло в стороне, к нему вела редко используемая дорога. Я даже побанвался, что не замечу ее, проскочу мимо и опоздаю к намеченному времени.

Дом охраняла немецкая овчарка, и хотя она сидела на цепи, вид у нее был довольно дружелюбный. Пока я шел к дому, поднимался на крыльцо и звонил, она неотрывно следила за мной, хотя и не сделала ни малейшей попытки подойти поближе, не залаяла и даже не зарычала. Внешний вид кузена, открывшего дверь, потряс меня до глубины души — настолько он казался худым и изможденным. Ни следа не осталось от того цветущего, здорового и румяного мужчины, с которым я расстался почти четыре года назад, и теперь передо мной стояла лишь его бледная тень. Мне даже показалось, что исчезла и его сердечная искренность, хотя рукопожатие оставалось таким же энергичным и сильным, а взгляд не утратил пронизательности.

— Добро пожаловать, Генри! — воскликнул он, увидев меня. — Джинджер тоже рад тебя видеть, посмотри — он даже не залаял.

При упоминании своего имени собака подошла, насколько позволяла цепь, и завиляла хвостом.

— Ну, входи же. Машину потом загонишь.

Я последовал за ним в дом, внутреннее убранство которого говорило о жизни одинокого мужчины, а обстановка была очень простой и даже аскетической. Стол был накрыт, и я к своему облегчению понял, что ошибался, когда предполагал, что, помимо секретарской работы, мне придется выполнять также другие обязанности. Кузену помогали кухарка и помощник, которые жили в комнате над гаражом, и потому мне стало ясно, что я буду иметь дело только с рукописями, а также приводить в порядок результаты его опытов. То, что он ставил какие-то опыты, стало ясно с его первых слов, хотя прямо он об этом мне не сказал, и я не знал, в чем они заключались.

За обедом, во время которого я познакомился с супругами Эдвардом и Метой Рид, — они заботились о доме и огороде, — кузен расспрашивал меня исключительно о моих делах, о том, что я делал до этого и чем собираюсь заниматься дальше. В тридцать лет, заметил он, нельзя попусту тратить время и следует серьезно подумать о своем будущем. Иногда, когда в моих ответах упоминались имена наших родственников, разбросанных по всему миру, он расспрашивал о них, хотя я чувствовал, что все это — лишь дань вежливости, но никак не проявление настоящей заинтересованности, в том числе и

моей судьбой. Впрочем, однажды он намекнул, что если бы я выбрал в качестве дальнейшей карьеры медицину, то он помог бы мне окончить колледж и получить степень. И все же я чувствовал, что все эти вопросы поверхностны, вызваны нашей первой встречей после долгих лет разлуки и что при первой возможности он изменит тему разговора. В его манере говорить угадывалось еле сдерживаемое нетерпение, желание поскорее покончить со всем этим; он явно сердился на меня за мои обстоятельные ответы, а заодно и на себя самого за то, что поддался принятым в обществе условностям, и задавал вопросы о вещах, которые его совершенно не интересовали.

Чета Ридов почти не принимала участия в нашей беседе, причем не только потому, что миссис Рид подавала приготовленную ею еду, но и потому, что они, похоже, привыкли вести обособленную от своего хозяина жизнь, хотя и ели с ним за одним столом. Обоим было лет под шестьдесят, головы их поседели, но выглядели они намного моложе моего кузена, и в облике их не было даже намека на физическую истощенность Амброза. Пока мы беседовали с ним, они хранили молчание с маской безразличия на лицах, хотя пару раз я перехватывал взгляды, которыми они обменивались в ответ на то или иное высказывание моего кузена.

Только когда мы перешли в кабинет Амброза, он, наконец, заговорил о том, что занимало его мысли. Кабинет кузена, как и его лаборатория, располагались в задней части дома; перед ними были кухня, столовая и гостиная, а спальни, как ни странно, находились в передней части. Очутившись в уютном кабинете, Амброз внешне расслабился, хотя в его голосе и зазвучали нотки сильного волнения.

— Генри, ты даже не представляешь себе направления моих исследований, которыми я занимаюсь с тех пор, как оставил практику, — начал он. — Должен сказать, что я и сам удивлен своим желанием рассказать тебе обо всем. Просто мне нужен хоть кто-то, кому я мог бы довериться, а потому и пригласил тебя. Теперь, когда я так близок к успеху, мне надо подумать о преемнике. В ходе успешных попыток я восстановил свое прошлое — вплоть до мельчайших подробностей, и смог добраться до самых сокровенных уголков памяти. Я совершенно убежден, что посредством этих методов способен расширить свои возможности и оживить даже наследственную память, что позволит мне в дальнейшем восстанавливать предысторию любого человека. Но я вижу по выражению твоего лица, что ты мне не очень-то веришь.

— Напротив, я просто поражаюсь, что такое возможно, —

ответил я вполне искренне, хотя одновременно почувствовал шевельнувшееся во мне острое чувство тревоги.

— Ну, что ж, тем лучше! Знаешь, мне иногда кажется, что из-за тех средств, которыми я стимулирую состояние сознания, необходимое для непрерывного исследования прошлого, я очень огорчаю Ридов, поскольку они считают, что все опыты, которые ставятся на живых людях, противоречат христианской морали и их следует запретить раз и навсегда.

Я хотел было спросить его, о каких средствах он говорит, но потом решил подождать, поскольку, если он захочет, то сам расскажет, а если нет, но не помогут никакие расспросы. И, как оказалось, был прав — вскоре он сам заговорил об этом.

— Я обнаружил, что при одновременном воздействии лекарственных средств и музыки на тело полуистощенного человека создается особый фон сознания, позволяющий ему мысленно вернуться в прошлое, и обостряются все его способности вплоть до того, что восстанавливаются глубинные истоки памяти. Должен сказать, Генри, что я получил удивительные, поистине замечательные результаты и восстановил свое прошлое вплоть до момента, когда я еще находился в чреве матери, как бы неправдоподобно это ни звучало.

Он говорил с неподдельным воодушевлением, глаза его горели, голос дрожал от возбуждения, причем было заметно, что его волновали отнюдь не только мечты о возможной славе. Это было целью всей его жизни, он занимался этими вопросами еще тогда, когда практиковал в Бостоне, а теперь надеялся при помощи своих средств добиться больших успехов, и кажется, получил ощутимые результаты. Теперь я, по крайней мере, понимал, что именно стало причиной подобного состояния. Он принимал особые лекарства, почти отказался от пищи, и в итоге не только сбросил лишний вес, но и вообще довел себя до такого истощения, которое выходило за рамки разумного. Более того, сидя и слушая его, я пришел к заключению, что им целиком владела фантастическая идея довести свои опыты до конца и что никакие разумные доводы с моей стороны не заставят его свернуть с избранного пути. Он видел только свою безумную цель, и ничто в мире не могло заставить его отказаться от задуманного.

— В твои обязанности, Генри, будет входить расшифровка моих стенографических записей, — продолжал он уже более спокойным голосом. — Их у меня накопилось довольно много. Некоторые написаны как бы в состоянии транса, когда мною словно кто-то руководил, хотя это, конечно, полнейший аб-

сурд. Записи охватывают период до моего рождения, а теперь я занимаюсь исследованиями в области наследственной памяти. Когда расшифруешь и внимательно изучишь все данные, сам поймешь, насколько я продвинулся вперед.

Мы еще поговорили о некоторых других проблемах, но вскоре кузен извинился и исчез в своей лаборатории.

II

На расшифровку и переписывание заметок Амброза, которых оказалось гораздо больше, чем я предполагал, у меня ушло ровно две недели, а их содержание стало для меня настоящим откровением. Я и так уже смотрел на кузена, как на новоявленного Дон Кихота, а прочтя его рукопись, и вовсе пришел к убеждению, что он, скорее всего, повредился рассудком. Не жалея ни сил, ни времени, он стремился довести свое дело до конца, хотя большую часть полученных результатов невозможно было проверить, а сами исследования, даже если их цели были бы достигнуты, не несли в себе никакой очевидной пользы для человечества. Мне казалось, что затея кузена граничила с иррациональным фанатизмом, поскольку его нисколько не интересовала информация, которую он мог получить в ходе своих бесконечных экспериментов по изучению механизмов памяти, превратившихся для него в своего рода самоцель. Особенно меня пугало то, что эти исследования, которые вначале были всего лишь чем-то вроде хобби, стали настоящей навязчивой идеей Амброза, причем настолько цепкой, что все остальное, даже его собственное здоровье, отодвинулось на второй план.

В то же время я не мог не признать, что материал, содержащийся в его записях, по-настоящему заинтересовал меня. Несомненно, кузен открыл некий способ, позволяющий перехватывать поток сознания. Он установил, что все, что происходит с человеком, регистрируется в определенных участках его мозга, и требуется только подсоединиться к этим зонам памяти, чтобы восстановить все, что случилось с человеком раньше. С помощью лекарств и музыки он сумел восстановить свое прошлое, что нашло отражение в его записях, ставших в известном смысле его автобиографией, в которой, однако, не было замалчивания недостатков и желания польстить своему «я», что так часто встречается в других произведениях подобного рода, когда так хочется сгладить неудачи и хоть немного приукрасить свое жизнеописание.

Надо признать, что манера письма Амброза была довольно

примечательной. В заметках последних лет содержались ссылки на наших общих знакомых, но поскольку между нами была разница в двадцать лет, то, разумеется, в этих воспоминаниях было много людей и событий, которых я не знал и в которых не мог принимать участия. Главенствующее же место в его записях занимали идеи, которые волновали его в юности и ранней молодости.

«Отчаянно спорили с де Лессепом относительно происхождения человека. Слишком очевидна связь с обезьяной. А может, с примитивной рыбой?» — писал он про дни учебы в Сорбонне. А в Вене: «Человек не всегда жил на дереве, — так заявил фон Видерсен. — Согласен. Возможно, он плавал. Какую роль, если таковая вообще была, играл предок человека в эру бронтозавров?» Подобные записи, содержавшие много подробностей, шли вперемешку с ежедневными заметками на бытовые темы тех лет: о вечеринках, романах, спорах с друзьями, разногласиях с родителями, вообще, обо всем, что обычно происходит в жизни любого человека. И все же он с неуклонной настойчивостью возвращался к своей главной идее, которая появилась у него еще в детстве, когда ему было девять лет: однажды он попросил своего деда объяснить генеалогическое древо нашего семейства, и ему страстно захотелось узнать, что было до того, как стала вестись наша родословная.

Его записи сами по себе красноречиво свидетельствовали о том, до какого изнурения он доводил себя подобными опытами, поскольку с каждой страницей его почерк становился все более поспешным и неразборчивым. Особенно это было заметно, когда он в своих воспоминаниях возвращался в далекое прошлое, вплоть до того времени, когда еще находился в чреве матери (если, конечно, это вообще не было искусной фальсификацией), — тогда его почерк становился почти неразборчивым, словно по мере удаления воспоминаний менялся и его интеллект. Но что было самым фантастичным, так это то, что кузен был абсолютно уверен в своей способности восстановить наследственную память, включая память многих представителей нашего семейства на протяжении нескольких поколений.

В течение этих двух недель мы с кузеном почти не разговаривали, за исключением тех редких случаев, когда я обращался к нему, если не мог разобрать написанное. Когда вся работа была сделана, я перечитал ее и не мог не признать, что она произвела на меня глубокое впечатление. Наконец, я передал ее Амброзу, испытывая смешанные чувства, в том числе и некоторую долю недоверия.

— Ну, теперь ты мне веришь? — спросил Амброз.

— Настолько, насколько в это можно поверить, — ответил я.

— Ладно, потом сам увидишь, — невозмутимо ответил он.

Я попытался было поговорить с ним о том, что он слишком много времени уделяет работе: за те две недели, что я расшифровывал и переписывал рукописи, он довел себя чуть ли не до полного изнеможения, почти ничего не ел и так мало спал, что еще больше похудел и осунулся даже по сравнению с тем, каким я увидел его в день приезда. Он почти все время проводил в лаборатории, и за эти две недели мы почти не видели его за столом. У него стали дрожать руки, губы подергивал нервный тик, но глаза горели фанатичным огнем человека, одержимого главной целью своей жизни.

В лабораторию я старался не заходить, но не потому, что кузен запретил мне это — напротив, он даже с радостью показал мне ее, — просто когда он работал, то предпочитал полное уединение, чтобы никто и ничто не мешали его опытам. Не захотел он также раскрыть секрет, какое именно лекарство использует для своих опытов, хотя я полагал, что это *Cannabis indica*, или индийская конопля, больше известная под названием гашиш. Если это было так, то он попросту разрушал свой организм в погоне за дикой мечтой — восстановить прошлое, ибо, повторяю, опыты продолжались непрерывно днем и ночью. Я почти не видел его, если не считать того вечера, когда передавал ему рукопись, и он сразу же стал просматривать каждую страницу, внося некоторые изменения, вычеркивая отдельные абзацы и поправляя то, что я неправильно понял. Теперь мне предстояло все перепечатать, хотя я и гадал, что будет дальше, коль скоро он не допускает меня до своих опытов?

Однако, когда я все перепечатал и отдал ему готовую работу, оказалось, что у него для меня есть еще целая стопка исписанных листов. На сей раз речь в них шла не о личных воспоминаниях, а о памяти его родителей, дедов и бабок и даже более отдаленных предков; воспоминания эти были не столь четкими, как его собственные, но все же по ним можно было воссоздать облик нашего семейства задолго до его собственного появления на свет. Также там были картины и зарисовки страшных катаклизмов и других крупных событий истории Земли в пору ее молодости. Трудно было поверить в то, что один человек способен воссоздать подобное, однако записки эти лежали передо мной на столе — странные, волнующие и незабываемые, непохожие ни на что, увиденное или услышанное мною раньше. В глубине души я считал, что все это — лишь искусно выполненная подделка, мистифика-

ция, но вслух об этом не говорил, поскольку фанатичная вера Амброза не допускала никаких сомнений. Как и в первый раз, я скрупулезно переписал все эти заметки и отнес рукопись кузену.

— Похоже, Генри, ты сомневаешься во мне, — сказал он с грустной улыбкой. — Я вижу это по твоим глазам. Но скажи, зачем мне писать неправду? Я никогда не был склонен к самообману, поверь мне.

— Какое я имею право осуждать тебя, Амброз? Разве могу я верить во что-то или не верить?

— Ну что ж, и на том спасибо, — кивнул он.

Я спросил его, что мне делать дальше, на что он предложил мне немного передохнуть и подождать, пока не будет готова следующая порция его записей. Таким образом у меня появилось свободное время, которое я решил посвятить изучению окрестностей. Я намеревался побродить по полям и лесам, но этому не суждено было случиться из-за непредвиденных событий. Ночью меня разбудил Рид, который сообщил мне, что Амброз ожидает меня в лаборатории.

Я оделся и сразу же поспешил к нему. Амброз лежал на операционном столе, хотя был одет в свой повседневный поношенный халат мышинного цвета. Он пребывал в каком-то полуоцепенелом состоянии, но был в сознании, поскольку сразу же узнал меня.

— Что-то случилось с руками, — с огромным усилием проговорил он. — Не могу ими даже пошевелить. Ты можешь записать все, что я тебе надиктую?

— А что случилось? — спросил я.

— Наверное, временное нарушение иннервации, а может, мышечный спазм. Точно не знаю, но к утру, думаю, все пройдет.

— Хорошо, — ответил я. — Я запишу все, что ты мне скажешь.

Я взял блокнот, карандаш и приготовился писать. Атмосфера в лаборатории, слабо освещенной висевшей над операционным столом красной лампой, была мрачной. Кузен больше походил на мертвеца, чем на человека, находящегося под действием лекарства. В углу играл электрический фонограф, из которого лились и заполняли комнату низкие, диссонирующие звуки «*Le Sacre du Printemps*»* Стравинского. Кузен лежал совершенно неподвижно, не издавая ни единого звука. Он определенно находился в состоянии глубокого наркотического сна, в котором обычно проводились его опыты, и я не смог бы разбудить его, даже если бы захотел.

* Весна священная.

Наверное, прошло не меньше часа, прежде чем он начал говорить, и вскоре перешел на такую быструю и бессвязную речь, что я еле успевал записывать его слова.

— Лес погрузился в толщу земли, — забормотал он. — Огромные существа сражаются и побеждают. Бежать, бежать... Вместо старых деревьев выросли новые. Следы десять футов в поперечнике. Мы живем в пещере; холодно, сыро, огонь...

Я записывал все, что он говорил. Было ясно, что в своих грезах он перенесся в эпоху динозавров, поскольку говорил об огромных животных, которые бродят по земле, сражаясь и побеждая, проходят через леса, которые на их фоне кажутся не выше травы, отслеживают и уничтожают доисторических людей, упоминал существа, живущие в пещерах и норах глубоко под землей.

Однако попытка уйти в прошлое, очевидно, сопровождалась для Амброза огромным напряжением, поскольку, наконец придя в себя, он вздрогнул, попросил меня выключить фонограф, пробормотал что-то относительно «перерождения тканей», которое было непонятным образом связано со словами «мои сны — мои воспоминания», и заявил, что должен немного отдохнуть, прежде чем приступит к продолжению опытов.

III

Вполне вероятно, что если бы я смог уговорить кузена отложить на время эти эксперименты и заняться своим здоровьем, то с ним не случилось бы того, что, пожалуй, не переживал ни один человек на Земле. Однако мне это не удалось, ибо он отверг все мои доводы и заявил, что доктор он, а не я. Мое замечание на тот счет, что доктора должны заботиться не только о здоровье своих пациентов, но и о своем собственном самочувствии, он даже не захотел слушать. И тем не менее я даже предположить не мог всего того, что случится в ближайшее время, хотя слова Амброза о «перерождении тканей» должны были бы вызвать у меня подозрение о том непоправимом вреде, который был нанесен употреблением всевозможных лекарств.

Всю неделю он отдыхал, а затем возобновил свою работу, тогда как я вновь приступил к расшифровке его записей. Делать это становилось все труднее, поскольку почерк кузена был порой совершенно неразборчивым, а мысль то и дело ускользала, особенно когда Амброз погружался в очень дале-

кое прошлое. Поначалу мне казалось, что мой кузен стал жертвой полугипнотического состояния и все, что он видит в своих снах, базируется на некогда прочитанном им в книгах о живущих в пещерах и на деревьях древних существах. Впрочем, следовало признаться, что иногда попадались такие места, которые попросту не могли быть почерпнуты из книг, и мне оставалось лишь теряться в догадках, откуда он мог получить подобные знания.

Мои встречи с Амброзом становились все реже и реже, и всякий раз при виде его я не мог не отметить того удручающего состояния, до которого он довел себя избытком лекарств и голоданием. В его облике стали проявляться омерзительные признаки деградации. Из его рта за едой стала капать слюна, а манеры поглощать пищу стали настолько отвратительны, что миссис Рид демонстративно пропускала трапезу. Правда, это случалось крайне редко, поскольку он почти не покидал своей лаборатории, так что обычно мы обедали втроем.

Не могу сказать точно, когда в привычках и действиях Амброза стали отмечаться серьезные изменения, но, думаю, что это произошло к исходу второго месяца моего пребывания в его доме. Мысленно возвращаясь к прошлому, я полагаю, что первым сигналом было поведение Джинджера, собаки кузена, который стал вести себя очень странно. Вообще-то это была очень дружелюбная и спокойная собака, но в последнее время она отчаянно лаяла по ночам, а днем с явно встревоженным видом бродила вокруг дома.

— Собака чувствует что-то такое, что ей не нравится, — заметила однажды миссис Рид.

Пожалуй, так оно и было, но тогда я не обратил на ее слова особого внимания.

Примерно тогда же кузен вообще перестал выходить из лаборатории и распорядился, чтобы пищу ему оставляли на подносе у дверей. Я попробовал было вразумить его, но он даже не открыл дверь и не вышел наружу. Принесенная пища подолгу оставалась нетронутой, и вскоре миссис Рид перестала по нескольку раз на день разогревать ее, поскольку к тому моменту, когда кузен забирал поднос, она все равно уже остывала. Как ни странно, но никто из нас не видел, как Амброз забирал поднос с едой, и потому он иногда стоял час, а то и два и даже три часа, затем внезапно исчезал, после чего появлялся уже пустой.

Его пристрастия в пище также претерпели существенные изменения. Раньше кузен обожал кофе, а теперь даже не притрагивался к нему, так что миссис Рид перестала подавать ему этот напиток. Ему стала больше нравиться простая пища,

и он явно отдавал предпочтение мясу, картошке, луку, хлебу и совершенно отказался от всевозможных салатов и запеканок. Иногда я обнаруживал на пустом подносе его записи, хотя это происходило все реже и реже, но не мог разобрать в них почти ни слова, потому что как с почерком, так и с содержанием текстов произошли какие-то странные изменения. Казалось, что он разучился правильно держать карандаш в руке, отчего буквы были разбросаны по всему листу без какого-либо намека на правила орфографии. Впрочем, едва ли стоило удивляться этому, если учесть, какими дозами он принимал свои лекарства.

Музыка, которая постоянно доносилась из его лаборатории, тоже претерпела изменения — она стала крайне примитивной. Амброз отыскал несколько записей полинезийской, древнеиндийской и подобной фольклорной музыки и без конца проигрывал их вместо тех, которые слушал раньше. Это были странные, почти таинственные и, по правде говоря, довольно неприятные звуки, с непрерывным чередованием одних и тех же мелодий, которые звучали днем и ночью в течение целой недели, пока однажды что-то не случилось с фонографом и он навсегда умолк.

Примерно тогда же на подносе перестали появляться записки Амброза, а кроме того, произошли еще два странных события. По ночам в определенные промежутки времени Джинджер внезапно поднимал дикий лай, как будто кто-то бродил вокруг дома. Пару раз я выходил во двор, и однажды мне показалось, что я видел огромное животное, которое при моем появлении поспешно бросилось в сторону леса. Я пытался было подбежать поближе, но животное исчезло прежде, чем я успел его рассмотреть, а потому мне осталось лишь успокоить себя мыслями о том, что каким бы диким ни был этот край Вермонта, медведи здесь не водились, да и вряд ли в здешних лесах можно было встретить животное крупнее или опаснее оленя. Второе открытие оказалось куда менее приятным — сделала его миссис Рид, которая обратила мое внимание на проникающий во все уголки дома отвратительный мускусный запах, похожий на псинный, который, казалось, идет из лаборатории.

Может, кузен привел из леса какого-то зверя и проник с ним в дом через заднюю дверь лаборатории? Исключить подобное было нельзя, хотя, честно говоря, я не знал ни одного зверя, который бы обладал таким стойким и странным запахом. Попытки поговорить с Амброзом через дверь не дали никаких результатов — он не отвечал и даже угроза Ридов покинуть его дом, поскольку невозможно жить в таком зловонии, не заставила его произнести ни единого слова. Через

три дня Риды отбыли со всеми своими пожитками, и я остался один, чтобы позаботиться об Амброзе и собаке.

Несмотря на все, что произошло, последующая цепь событий так и не внесла необходимой ясности. Я пытался даже подкараулить кузена, поскольку все мои попытки заговорить с ним через дверь оставались без ответа. Чтобы максимально облегчить свои обязанности по дому, я в то же утро спустил с цепи собаку и позволил ей свободно разгуливать. Вместе с тем я даже не пытался подменить собой Ридов и заниматься тем, что ранее входило в сферу их услуг, и почти все время проводил у дверей лаборатории. Все мои попытки заглянуть в нее снаружи ни к чему не привели, потому что окна находились почти под самой крышей и, кроме того, были, как и стекло в двери, замазаны краской, чтобы никто не смог подсмотреть, что там происходит.

На Амброза не действовали ни мои просьбы, ни грубоватая лесть. Но ведь он должен был что-то есть, а потому я смекнул, что если я перестану кормить его, то ему все же придется когда — то выйти наружу. В течение целого дня и не ставил пищу у дверей лаборатории, а сам уселся неподалеку и принялся ждать, мучаясь от отвратительного запаха дикого зверя, который доносился из лаборатории. Он по-прежнему не выходил, но я твердо вознамерился сторожить дверь. Мне недолго пришлось бороться со сном, поскольку среди ночи из лаборатории слышались звуки какой-то возни. Я отчетливо слышал неуклюжие, шаркающие шаги, как если бы по помещению ходило огромное существо; вскоре также раздались гортанные, мяукающие звуки, отдаленно напоминающие попытки бессловесного животного заговорить. Я несколько раз окликнул кузена и подергал ручку двери, но та была не только закрыта, но и подперта с другой стороны чем-то тяжелым.

Наконец, я решил, что если однодневная голодовка не заставила кузена выйти из лаборатории, то на следующее утро я просто выломаю заднюю дверь и заставлю его показаться. Все это время я пребывал в страшной тревоге, поскольку молчание было не в характере Амброза.

Этому решению, однако, не суждено было сбыться, потому что среди ночи меня разбудил злобный лай Джинджера. В момент пробуждения я услышал, как Джинджер опрометью несется к лесу с тем диким лаем и рычанием, которые у собак всегда означают атаку.

Моментально забыв о кузене, я бросился к ближайшей двери, прихватив с собой фонарь, и выскочил наружу. Я уже бежал за Джинджером, но внезапно остановился как вкопанный, поскольку краем глаза увидел, что обращенная к лесу дверь в лабораторию распахнута настежь.

Я, естественно, тут же повернулся и устремился к ней. Внутри было темно. Я окликнул Амброза, но ответа не последовало, после чего посветил фонарем, нашел выключатель и зажег свет.

То, что предстало моим глазам, заставило меня застыть в оцепенении. Когда я в последний раз покидал лабораторию, это была в высшей степени опрятная и чистая комната, тогда как сейчас она пребывала в ужасном состоянии. Повсюду валялись сломанные и испорченные приборы и инструменты, которыми Амброз пользовался при проведении своих опытов, а пол был заляпан частично разложившейся пищей, среди которой я с немалым изумлением обнаружил следы не только приготовленной еды, но и останки диких животных: кроликов, белок, сунсов и птиц. В лаборатории стоял тошнотворный запах, и хотя разбросанные инструменты олицетворяли собой признаки цивилизации, запах и хаос наводили на мысль о том, что здесь жило животное.

И нигде никаких признаков пребывания Амброза!

Я вспомнил об огромном звере, которого однажды видел убегающим в лес, и мне тотчас же пришло на ум, что какое-то громадное существо проникло в лабораторию и утащило Амброза, а собака бросилась в погоню за ним. Я сразу же выскочил из дома и помчался к тому месту в лесу, откуда доносились гортанные вопли и рычание двух зверей, боровшихся не на жизнь, а на смерть. При моем приближении, однако, все стихло. Джинджер, тяжело дыша, отступил назад, и я осветил фонарем неведомое мне, убитое животное.

В течение нескольких минут я стоял ошеломленный и не мог представить себе, как вернуться в дом и как стану звать на помощь — настолько велико было мое потрясение от увиденного. Именно в этот страшный момент я, наконец, понял все, что произошло. Теперь я знал, почему собака так страшно лаяла по ночам, когда это существо выходило на охоту, понимал, откуда появился в лаборатории этот ужасный звериный запах, а также осознал, какая жестокая участь постигла моего кузена.

Существо это представляло собой чудовищную пародию на человека с уродливыми чертами лица, отвратительным телом и издавало тяжелый звериный запах; на нем были изодранные лохмотья, оставшиеся от халата мышинового цвета, который обычно носил мой кузен, а на его запястье поблескивали часы Амброза.

Следуя каким-то неизвестным, примитивным законам природы. Амброз посылал свое сознание в доисторические времена, в далекое прошлое человечества, где угодил в своего рода эволюционную ловушку, а тело его деградировало до

уровня существа, жившего на Земле еще до появления человека. По ночам он выходил на поиски пищи, бродя по окрестным лесам и сводя с ума собаку, чувствовавшую рядом дикого зверя. И именно я своими руками довел его до этого ужасного конца, когда спустил Джинджера с цепи, и Амброз погиб, растерзанный своей собственной собакой!

Х. Ф. ЛАВКРАФТ

ШЕПЧУЩИЙ В НОЧИ

З апомните раз и навсегда — никакого зримого кошмара я, в тот конечный миг перед собой не увидел. Сказать, что причиной моего решения был психический шок — что именно он явился той последней каплей, которая переполнила чашу и побудила меня выбежать из дома Эйкели и мчаться ночью сквозь первозданные куполообразные холмы Вермонта на реквизированном автомобиле, — означало бы проигнорировать то, что вне сомнения составляло мои последние переживания. Вопреки тому, необычайно важному и серьезному, что я увидел и услышал, вопреки исключительной яркости и живости впечатления, я не могу даже сейчас утверждать — были я прав или не прав в своем ужасном умозаключении. Ибо, в конце концов, исчезновение Эйкели ничего не доказывает. В доме не было обнаружено ничего странного — за исключением следов от пуль. Как будто Эйкели вышел погулять по холмам и не вернулся. Там не было никаких следов пребывания гостя, так же, как не осталось никаких признаков того, что эти страшные цилиндры и механизмы хранились в кабинете. То, что он смертельно боялся теснящихся холмов и журчащих ручьев, среди которых родился и вырос, в конце концов ничего не значило; тысячи людей подвержены таким труднообъяснимым страхам. Более того, его непонятные поступки и опасения вплоть до самого последнего момента могли быть отнесены за счет чудачества и эксцентричности.

Все началось, насколько я представляю, с исторического небывалого наводнения в Вермонте 3 ноября 1927 года. В то время, как и сейчас, я был преподавателем литературы в университете Мискатоника, что в Эрхеме, штат Массачусетс, и с энтузиазмом начинал заниматься изучением фольклора Новой Англии. Вскоре после наводнения, среди различных сообщений о трудностях, страданиях и организованной помощи, наполнявших газеты, появились странные истории о существах, обнаруженных в потоках некоторых вздувшихся рек; так что многие из моих друзей ввязывались по этому поводу в горячие дискуссии и обращались ко мне с просьбами пролить свет на этот вопрос. Я был польщен тем, что мои исследования фольклора воспринимались столь серьезно и, как мог, старался развенчать дикие вымыслы, которые, казалось мне, порождены грубыми старыми суевериями. Меня позабавило, что серьезные, образованные люди настаивают, что эти слухи основаны не на пустом месте, а имеют под собой — пусть неясные и искаженные, — но факты.

Истории, на которые было обращено мое внимание, описывались в нескольких газетных заметках; один рассказ имел устный источник и был передан моему знакомому в письме

от его матери из Хардвика, штат Вермонт. Во всех случаях сообщалось примерно одно и то же, хотя упоминались три различных места — одно в районе реки Винуски близ Монпелье, другое — у Уэст-ривер, округ Уиндхэм близ Ньюфэйна, а третье — с центром в Пассумпсике, округ Каледония, выше Линдонвиля. Разумеется, упоминались и другие места, но анализ показывал, что все сосредоточивалось вокруг трех основных. В каждом случае сельские жители сообщали о появлении в бурлящей воде, что стекала с немногочисленных холмов, одного или нескольких, очень причудливых и будоражащих воображение объектов, причем имела место тенденция связывать эти объекты с примитивным полузабытым циклом устных легенд, который только помнили старики.

Люди считали, что эти объекты представляли собой органические, доселе невиданные, формы. Естественно, что в этот трагический момент поток нес с собой и много человеческих тел, но видевшие их были уверены, что объекты не люди, хотя размеры и общие очертания смутно напоминали человеческие. Не были они, как уверяли очевидцы, и какими — либо животными, во всяком случае, известными в Вермонте. Это были розоватые существа примерно пяти футов длиной; с телами ракообразных и парами крупных спинных плавников или перепончатых крыльев и несколькими членистыми конечностями; на месте головы у них имелся свернутый улиткой эллипсоид со множеством коротких усиков. Описания этих существ, полученные из разных источников, были поразительно похожими; правда, надо принять во внимание то обстоятельство, что старые легенды, распространенные в этой холмистой местности, содержали яркие описания, которые вполне могли повлиять на воображение свидетелей. По моей версии все свидетели — а ими были наивные, простые и неотесанные жители глухих районов — во всех случаях видели исковерканные, деформированные стихией тела людей, а полузабытые местные сказки и легенды наделили жалкие останки фантастическими атрибутами.

Древний фольклор, туманный, исчезающий и почти забытый нынешним поколением, носил сам по себе весьма необычный характер и, по всей вероятности, испытал влияние более ранних индейских мифов и легенд. Я был хорошо знаком с этим фольклором, прежде всего по исключительно редкой монографии Эли Давенпорт, которая охватывала устный материал, собранный среди самых пожилых людей штата еще до 1839 года. Легенды эти, вдобавок, почти совпадали с историями, которые довелось услышать мне лично от старожилов в горах Нью-Хэмпшира. Если кратко изложить суть легенд, то в них идет речь о скрытой расе монстров, которые прячутся где-то в районе отдаленных холмов — в густых лесах высочайших вершин и в

темных долинах, где текут ручьи из неизвестных источников. Существа эти редко удается увидеть воочию, однако свидетельства их присутствия были замечены лишь тем, кто рискнул забраться по склонам некоторых холмов дальше, чем обычно, или залезть в глубокие, узкие с отвесными краями ущелья, в которые не решаются заходить даже волки.

Странные следы обнаруживали в пересохших руслах ручьев и на бесплодных клочках земли, а также находили удивительные круги из камней, вокруг которых трава выцвела, причем они явно не были помещены туда самой Природой. Кроме того, в толще холмов имелись пещеры загадочной глубины, входы в них были завалены валунами, расположение которых было вряд ли случайным, причем упомянутые выше странные следы имелись и там: как ведущие внутрь, так и наружу — если, разумеется, можно точно оценить по этим следам их направление. И, что хуже всего, там были твари, которые встречались весьма редко — в полумраке отдаленных долин и в густых лесах на вершинах холмов.

Все это было бы не так тревожно, если бы описания не столь совпадали между собой. Здесь же случилось так, что все свидетельства имели несколько совпадающих пунктов; утверждали, в частности, что существа имеют вид огромных, светло-красных крабов с многочисленными парами конечностей и двумя большими крыльями на спине, напоминающими крылья летучих мышей. Порой они ходили на всех ногах, а иногда только на самой задней паре, используя передние для перемещения крупных объектов неопределенной природы. Однажды их видели в большом числе, причем целая группа этих созданий шествовала вдоль мелкого лесного ручья по трое в ряд, представляя собой явно организованную единицу. Однажды — ночью — видели летящую особь. Она взлетела с вершины одинокого лысого холма и исчезла в небе после того, как ее гигантские хлопающие крылья на мгновение полностью закрыли диск полной луны.

Эти существа в большинстве случаев, казалось, не вмешивались в дела людей. Порой же на них возлагали ответственность за исчезновение искателей приключений — в особенности тех, кто строил себе дома слишком близко от некоторых долин или слишком высоко на некоторых холмах. Многие места в силу этого издревле считались нежелательными для поселения. Люди с дрожью смотрели на крутые откосы соседних холмов, хотя уже давно забылось, сколько жителей пропало без следа и сколько фермерских домов, стоявших у подножия этих угрюмых, зеленых стражей, сгорело дотла.

Но, в соответствии с ранними легендами, эти создания могли причинить вред только тем, кто нарушал границы их территории.

Позднее появились истории об их любопытстве по отноше-

нию к людям и попытках создать секретные аванпосты в человеческом мире. Имелись сказки об отпечатках когтистых лап, обнаруженных по утрам вокруг окон фермерских домов, и об исчезновениях людей в регионах, далеких от их убежища. Были, кроме того, истории о голосах, имитирующих человеческую речь, обращавшихся со странными предложениями к одиноким путникам на дорогах или лесных тропинках, и о детях, испуганных до смерти существами, которых они видели или слышали на опушках леса, выходивших прямо к их домам. Ближайший к нынешним дням пласт этих легенд — пласт, предшествовавший отмиранию и суеверия и боязни тесных контактов с жуткими местами, — составляли легенды, в которых рассказывалось об отшельниках и одиноких фермерах, проживавших обособленно и в какой-то момент испытывших психический надлом, трагический по последствиям: про таких говорили, что они «продали себя» этим странным созданиям. В одном из северо-восточных округов в начале XIX века была даже своеобразная мода — обвинять чудаковатых и нелюдиных в пособничестве ненавистным силам или дружбе с ними.

Что же касается природы этих существ — то объяснения, само собой, варьировали. Как правило, их называли «те», или «бывшие», хотя в ходу в разные периоды и в разных местностях были и другие названия. Основная масса пуритан без всяких экивоков называла их близкими друзьями дьявола и превратила в предмет оживленных теологических рассуждений. Жители, которые по наследству получили кельтские легенды, — в основном шотландского и ирландского происхождения из Нью-Хэмпшира, а также их родня, поселившаяся в Вермонте, — связывали эти существа со злыми духами и «маленьким народцем» болот и лесов и защищались от них заклинаниями, передаваемыми от поколения к поколению. Но, несомненно, наиболее фантастическое объяснение природы этих созданий принадлежало индейцам. Хотя разные племена отличались своими легендами, но имелось согласие в определенных, существенных чертах: молчаливо предполагалось, что эти создания не являются исконными жителями земли.

Миф Пеннакуков, бывший наиболее последовательным и самым красочным, учил, что «Крылатые» пришли с Большой Медведицы, что в небесах, и в холмах создали шахты, в которых добывают камни, недоступные им ни в каком другом месте Вселенной. Они не живут здесь, говорит легенда, а просто держат аванпосты и улетают с огромными грузами камней к себе на звезды, на север. Они приносят вред только тем людям, которые слишком близко к ним приближаются или за ними шпионят. Животные их избегают, потому, что испытывают к ним инстинктивную ненависть, а не потому что боятся стать

для них добычей. Крылатые не могут есть земные продукты и живность земли, так что привозят с собой пищу со своих звезд. Очень плохо оказаться рядом с ними, и время от времени молодые охотники, забредающие на их холмы, исчезают и уже не возвращаются. Плохо также прислушиваться к тому, что те шепчут по ночам в лесах жужжащими голосами, имитирующими человеческие. Им известна речь разных людей — Пенакуков, Гуронов, людей Пяти Наций, — но, по всей вероятности, у них нет собственной речи, да она им, похоже, и не нужна. Между собой они общаются, меняя цвет головы, причем каждый цвет означает что-то свое.

Разумеется, все легенды, как белых, так и индейцев, благополучно почили в девятнадцатом веке, оставив лишь отдельные атавистические вспышки. Жизнь вермонтцев устоялась; и как только места их обитания и способы жизни зафиксировались согласно некоторому плану, они стали все реже и реже вспоминать о тех страхах, которые легли в основу этого плана, да и о том, что такие страхи вообще когда-то были. Большинству людей было лишь известно, что некоторые холмистые области считаются крайне нездоровыми, невыгодными и неудачными для проживания, и чем дальше от них держаться — тем лучше. Со временем экономические интересы так тесно связались с привычными местами проживания, что в выходе за их границы не было никакого смысла, и получалось, что холмы оставлены необитаемыми не по какому-то замыслу, а просто в силу стечения обстоятельств. И теперь мало кто шептался по поводу ужасных обитателей холмистой местности, за исключением бабушек, любящих страшные истории, да впадших в детство долгожителей; но и эти паникеры признавали, что теперь от тех созданий не приходится ждать ничего плохого, коль скоро они уже привыкли к поселившимся здесь людям и коль скоро люди оставили обитателей холмов в покое.

Обо всем этом я уже давно читал, да к тому же знал об этом из рассказов жителей Нью-Хэмпшира; поэтому, когда начали появляться слухи, связанные с наводнением, я без труда смог установить, на чем они основаны. Я всячески старался втолковать это своим друзьям; и меня забавляло, что находят упрямцы, настаивающие на присутствии элементов истины в этих рассказах. Эти люди говорили, что между ранними легендами есть существенное сходство, в том числе — в деталях, и что во многом вермонтские холмы остаются до конца не исследованными, так что было бы неразумно походя отметать вероятность наличия там загадочных обитателей; нельзя было убедить моих упрямых друзей и в том, что, как известно, все мифы имеют общую структуру и объясняются одним и тем же типом искажения реальности, порожденным ранней стадией развития мышления человека.

Не было смысла демонстрировать таким оппонентам, что вермонтские мифы по существу мало отличались от тех всеобщих легенд о природной персонификации, которые наполнили античный мир фавнами, дриадами и сатирами, предположили существование калликанзараев в Греции и дали диким уэльсам и ирландцам возможность предположить существование странных, маленьких и тщательно спрятанных племен троглодитов и обитателей земляных нор. Бесплезно было также напоминать им о вере непальских горных племен в существование страшного Ми-Го или «Отвратительного Снежного Человека», таящегося посреди ледяных и горных шпилей Гималаев. Когда я привел своим оппонентам все эти доводы, они повернули их против меня же, заявляя, что из этого как раз следует актуальный исторический характер древних легенд; что это как раз и свидетельствует о реальном существовании некоей странной «прежней» расы, населявшей землю, вынужденной скрыться после прихода и установления господства людей, представители которой сохранились, хоть и в значительно уменьшенном числе, до сравнительно недавних времен — или даже и до наших дней.

Чем больше я старался высмеивать эти рассуждения, тем сильнее мои упрямые друзья защищали их, добавляя к своим доводам то, что и без привязки к древним легендам нынешние сообщения выглядят слишком ясными, согласованными, детализированными и трезво-прозаичными в изложении, чтобы от них отмахнуться. Два или три фанатичных экстремиста договорились до того, что, ссылаясь на древние индейские сказания, предположили неземное происхождение загадочных существ, цитируя при этом диковинные книги Чарльза Форта, в которых утверждалось, что пришельцы из космоса и других миров часто посещали Землю. Большинство из моих собеседников были, однако, просто романтиками, страстно желавшими привнести в реальную жизнь фантастические представления о прячущемся «маленьком народце», ставшие популярными благодаря блестящей фантазии ужасов Артура Мэйчена.

II

Нет ничего удивительного, что из подобных дебатов родились и материалы для публикаций, попавшие в форме писем в газету «Эркхем Эдвертайзер»; некоторые из них перепечатывали газеты, издававшиеся в тех районах Вермонта, откуда пришли загадочные истории о наводнении. Так, «Ратлэнд Геральд» уделила половину страницы выдержкам из этих писем, а «Брэттлборо Реформер» полностью перепечатала один из моих

обширных исторических и мифологических комментариев, сопроводив их собственными суждениями в колонке «Свободное Перо», где выразила восхищение моими скептическими умозаключениями и полностью их поддержала. К весне 1928 года я стал широко известной фигурой в Вермонте, хотя ни разу не бывал в этом штате. И вот тут-то получил я письма от Генри Эйкели, которые произвели на меня столь сильное впечатление, что раз и навсегда приковали мое внимание к пленительному краю теснящихся зеленых склонов и журчащих лесных ручьев.

Большая часть сведений о Генри Уэнтворте Эйкели была собрана в результате переписки с его соседями и единственным сыном, проживавшим в Калифорнии; все эти сведения были собраны мной после случая в его одиноком сельском доме. Он был, как я выяснил, последним представителем уважаемой семьи здешних старожилов, давшей юристов, администраторов и просвещенных аграриев. В его лице, однако, семейство пережило переход от практических занятий к чистой науке; он был замечен своими успехами в математике, астрономии, биологии, антропологии и фольклоре в университете Вермонта. Ранее я никогда о нем не слышал, и в своих письмах он почти ничего о себе не сообщал; но сразу было видно, что это человек с сильным характером, образованный, с развитым интеллектом, хотя и затворник, не очень искушенный в чисто земных делах.

Несмотря на чудовищность того, что он отстаивал, я с самого начала отнесся к Эйкели куда серьезнее, чем к любому другому своему оппоненту. С одной стороны, он был действительно близок к тем реальным событиям — визуально и ощутимо, — о которых столь нетрадиционно рассуждал; с другой стороны, будучи подлинным ученым, он изъяснялся неподдельную готовность подвергнуть свои заключения экспериментальной проверке. У него не было личных предпочтений в результатах, главное — получить убедительные доказательства. Разумеется, я начал с того, что счел его доводы ошибочными, но признал его ошибки «интеллектуальными», так что никогда я не приписывал безумию ни поддержку идей Эйкели некоторыми его друзьями, ни его собственного страха перед одинокими зелеными холмами. Я признавал, что им сделано много; знал, что многие из сообщенных им сведений и в самом деле несут в себе необычные обстоятельства, заслуживающие расследования, хотя меня и не устраивали предложенные им фантастические объяснения происшедшего. Позднее я получил от него определенные вещественные доказательства, которые перевели всю проблему на совершенно иную и весьма странную основу.

Мне не приходит в голову ничего лучшего, чем привести здесь в возможно более полном виде письмо, в котором Эйкели представился мне и которое стало такой важной пово-

ротной точкой в моей собственной интеллектуальной жизни. У меня уже больше нет этого письма, но память хранит почти каждое его слово — настолько поразило меня его содержание; и я еще и еще раз убеждаюсь в полной вменяемости человека, который его писал. Вот его текст — текст, попавший ко мне, исполненный неразборчивым, старомодно выглядевшим почерком человека, который, ведя тихую жизнь ученого, явно мало общался с окружающим миром.

«Тауншенд, Уиндхэм Ко., Вермонт

5 мая 1928 года. Альберту Н. Уилмэрту, Эсквайру 118 Сэлтонстэл-стрит, Эрхэм. Массачусетс.

Уважаемый сэр!

С большим интересом прочитал я в «Брэттлборо Реформер» перепечатку (от 23 апреля 1928 года) Вашего письма по поводу недавних историй, особенно — относительно тел, обнаруженных в потоке во время наводнения прошлой осенью, и по поводу тех любопытных элементов фольклора, с которыми происшедшее так хорошо согласуется. Вполне понятны причины, которые могут побудить того, кто не является здешним жителем, занять подобную позицию, и причины, по которым с вами согласна колонка «Свободное Перо». Такая точка зрения характерна для образованных людей, как в Вермонте, так и за его пределами. Точно такой же точки зрения придерживался и я, будучи молодым человеком (сейчас мне 51 лет), до того, как начал свои исследования. Именно эти исследования, как общего характера, так и посвященные книге Давенпорта, побудили меня изучить те участки холмов, которые до настоящего времени не посещались.

На мысль об этих исследованиях меня навели странные старые легенды, которые мне довелось услышать от пожилых фермеров, грубых и невежественных людей, хотя, признаюсь, теперь я желал бы, чтобы этих исследований вообще не было. Я могу без ложной скромности сказать, что хорошо знаком с антропологией и фольклором. Я много занимался ими в колледже и знаком с такими признанными авторитетами в этой области, как Тайлор, Люббок, Фрейзер, Куатрефейджес, Мюррей, Осборн, Кейт, Буле, Дж. Эллиот Смит и так далее. Для меня не новость то, что истории о тайных племенах так же стары, как само человечество. Я увидел перепечатки ваших писем и писем тех, кто не согласен с вами, в «Ратлэнд Геральд», и думаю, что догадываюсь, на чем именно основываются ваши доводы.

Хотел бы сказать, что сейчас, боюсь, ваши оппоненты ближе к истине, чем вы, хотя все разумные доводы, безусловно, на вашей стороне. Они ближе к правоте, чем сознают это сами, — ведь они-то основываются только на интуитивных соображениях и не знают того, что известно теперь мне.

Если бы я знал об этом так же мало, как они, то был бы полностью на вашей стороне.

Вы, наверное, заметили, что я никак не могу приступить к делу, вероятно, из-за того, что боюсь; но скажу все-таки — у меня есть конкретные доказательства, *что чудовищные создания и в самом деле живут в зарослях на высоких холмах, куда никто не заходит*. Я не видел ни одного из тех, которые проплывали с потоком во время наводнения, *но я видел существа, похожие на них*, при обстоятельствах, о которых страшусь рассказать. Я видел следы, причем совсем недавно, видел их возле своего дома (а я живу в старой усадьбе Эйкели, южнее местечка Тауншенд, со стороны Темной Горы) так близко, что не решаюсь об этом сказать. И мне довелось слышать голоса в лесу в местах, о которых я не смогу ничего написать.

Есть место, где я так часто слышал эти голоса, что даже принес туда фонограф с диктофонной приставкой, и постараюсь дать вам возможность прослушать свои записи. Я демонстрировал эти записи некоторым местным старикам, и один голос напугал их почти до паралича, так как был похож на тот самый, о котором упоминает Давенпорт и о котором говорили им еще их бабушки и даже пытались его имитировать. Я знаю, что думают люди о тех, кто «слышит голоса», — но прежде, чем вы сделаете вывод, прослушайте эту запись и спросите кого-нибудь из старых жителей глухих районов, что они об этом думают. Если вы можете дать этому обычное объяснение, хорошо; но, возможно, за этим есть еще что-то.

Цель моя состоит не в том, чтобы спорить с вами, а в том, чтобы предоставить информацию, которая человеку ваших вкусов наверняка покажется очень интересной. Но *это строго между нами, строго частное дело. Для публики — я на вашей стороне*, поскольку некоторые события показали, что людям не следует знать об этом слишком много. Мои собственные исследования носят сугубо частный характер, поэтому я не хотел бы никакими высказываниями привлекать внимание людей, побуждать их посещать места, которые я изучал. Истина, ужасная истина состоит в том, что *потусторонние существа все время наблюдают за нами*; они имеют среди нас своих шпионов, собирающих информацию. Большую часть своих данных я получил от жалкого человека, *который был одним из этих шпионов*, если только он не сумасшедший (а я думаю, что он был вполне нормален). Позднее он покончил с собой, но я думаю, что есть и другие.

Эти создания пришли с другой планеты, они способны существовать в межзвездном пространстве и перелетать через него на неуклюжих, но мощных крыльях, которые способны сопротивляться эфиру, но мало чем могут помочь им на

Земле. Я готов рассказать вам об этом позже, если вы не сочтете меня сумасшедшим. Они прибыли сюда, чтобы добыть металлы в шахтах, проложенных глубоко под холмами, и я думаю, что знаю, откуда они явились. Они не причинят нам вреда, если мы оставим их в покое, но никто не может сказать, что будет, если мы проявим чрезмерное любопытство. Разумеется, большая группа людей может смести всю их колонию. Этого они боятся. Но если такое случится, то еще больше существ явится «оттуда» — столько, сколько им необходимо для продолжения добычи. Они легко могли бы завоевать Землю, но до сих пор не пытались, потому что им это не нужно. Они предпочли бы оставить все, как есть, и избежать беспокойства.

Я думаю, что они постараются избавиться от меня, потому что я слишком многое узнал. В лесу у Круглого Холма я нашел большой черный камень с неизвестными иероглифами, наполовину стертymi, а после того, как я принес его домой, все изменилось. Если они решат, что я узнал слишком много, то либо убьют меня, либо *заберут меня с Земли к себе, в тот мир, откуда они сюда явились*. Они и раньше забирали отсюда образованных людей, чтобы быть информированными о состоянии дел в человеческом мире.

Тут я подхожу ко второй цели своего обращения к вам — а именно, хочу убедить вас предпринять все усилия, чтобы прекратить нынешние обсуждения этой проблемы, ни в коем случае не допускать дальнейшего распространения этой информации среди широкой публики. *Людей следует держать подальше от этих холмов*, а для этого нужно, в свою очередь, не возбуждать более их любопытства. Бог свидетель, что шума уже и так было достаточно, со всеми этими агентами по продаже недвижимости и толпами отдыхающих, которые шлелятся по диким местам и покрывают холмы своими развалюхами.

Я буду рад продолжить переписку с вами и постараюсь выслать запись фонографа и черный камень (он так истерт, что фотография ничего не покажет) поездом, если вы пожелаете. Я пишу «постараюсь», потому что предполагаю со стороны этих существ возможные препятствия. Есть тут один угрюмый скрытный парень, по имени Браун, на ферме, что недалеко от деревни, — я думаю, он их шпион. Мало-помалу они постараются отрезать меня от остального мира, поскольку я чересчур много знаю о них.

Они обладают самыми неожиданными возможностями обнаружения моих намерений. Возможно, что вы и не получите это письмо. Думаю, что буду вынужден в конце концов покинуть эту часть страны и переехать жить к моему сыну, в Сан-Диего, Калифорния. Так я и сделаю, если дела пойдут еще хуже, хотя и нелегко покидать место, где ты родился и где жили шесть

поколений твоей семьи. Кроме того, я вряд ли решусь продать этот дом кому бы то ни было сейчас, когда *существа* уже взяли мое жилище на заметку. По-моему, они попытаются получить обратно черный камень и уничтожить запись фонографа, но, пока у меня есть силы, я им не позволю этого сделать. Мои огромные полщейейские псы их сдерживают, поскольку их здесь немного и они не очень ловки в передвижениях. Как я уже сказал, их крылья не очень подходят для коротких полетов в воздухе. Сейчас я буквально на грани расшифровки этого камня — при этом весьма ужасным способом — и вы, с вашим знанием фольклора, могли бы оказать мне большую помощь в поисках пропавших звеньев. Вы, без сомнения, знаете устрашающие мифы, предвосхищающие появление на земле людей, — циклы про Йог-Стотхотха и Цтулку, — на которые есть ссылка в «Некрономиконе». Я когда-то ознакомился с одним из экземпляров и слышал, что в библиотеке вашего колледжа также есть экземпляр, который вы держите под замком.

Чтобы закончить, мистер Уилмерт, выражу уверенность, что мы с вами могли бы быть очень полезными друг другу. Я не желал бы подвергать вас какому-либо риску, поэтому предупреждаю, что хранение камня и записи фонографа небезопасно; но мне кажется, что Вы сочтете любой риск оправданным в интересах получения знаний. Я намерен поехать в Ньюфэйн или Бреттлборо, чтобы выслать вам то, что вы пожелаете, поскольку тамошним почтовым отделениям я доверяю больше. Должен сказать, что живу сейчас одиноко и не имею возможности держать прислугу. Никто не хочет оставаться в этом доме, потому что эти существа пытаются приближаться по ночам к моему жилищу, а собаки из-за этого непрерывно лают. Хорошо, что все началось после того, как умерла моя жена, иначе это, без сомнения, свело бы ее с ума.

С надеждой, что я не очень потревожил вас и что вы не будете выбрасывать это письмо в корзину, как бред безумца, а сочтете целесообразным поддерживать со мной контакт, остаюсь

Искренне преданный вам

Генри У. Эйкелш

P. S. Я сделал несколько отпечатков фотографий, которые, как я полагаю, помогут доказать некоторые из высказанных мною суждений. Старожилы утверждают, что они истинны. Я пошлю вам снимки, если вы того пожелаете.

Г. У. Э.»

Трудно описать, какие чувства овладели мною после прочтения этого документа в первый раз. По идее, я должен был посмеяться над этими чудачествами куда сильнее, чем над значительно более умеренными предположениями, которые раньше

позабавили меня; и все-таки что-то в тоне этого письма побудило меня воспринять его с парадоксальной серьезностью. Не то, чтобы я хоть на мгновение поверил в тайное племя, прилетевшее к нам со звезд, о котором толковал мой корреспондент; но все же, преодолев некоторые первоначальные сомнения, почувствовал уверенность, что имею дело с безусловно нормальным человеком и что он в самом деле столкнулся с реально существующим, хотя и невероятным и аномальным явлением, которое не мог объяснить иначе, чем делал это в письме. Разумеется, дело не может обстоять так, как он пишет, рассуждал я, но здесь безусловно есть то, что заслуживает серьезного исследования. Этот человек, очевидно, был очень взволнован и встревожен чем-то, причем явно неадекватно, однако трудно было представить, чтобы его обеспокоенность являлась совершенно беспричинной. Он излагал свои соображения настолько конкретно и логично, но тем не менее его история удивительным образом совпадала с некоторыми старыми мифами и даже — с самыми фантастическими индейскими легендами.

Как то, что он действительно слышал какие-то голоса на холмах, так и то, что он нашел черный камень, о котором упоминал в письме, было вполне возможным. Однако те безумные предположения, которыми он сопровождал упоминание о голосах и камне, были, по всей видимости, внушены ему человеком, утверждавшим, что он является шпионом потусторонних существ, тем самым человеком, который впоследствии покончил с собой. Легко было предположить, что самоубийца являлся по-настоящему сумасшедшим, но смог при этом заставить наивного Эйкели — к тому же подготовленного к этому своими фольклорными изысканиями — поверить в его бред. Что же до его последних соображений, то было похоже, что невозможность нанять себе прислугу объясняется тем, что невежественные соседи Эйкели, так же, как и он, убеждены в том, что его дом по ночам осаждают сверхъестественные чудища. Собаки, разумеется, тоже лают по-настоящему.

Наконец, что касается записи фонографа, то я не сомневался, что либо это были звуки, издаваемые животными и напоминавшие человеческую речь, либо же звуки эти издавало некое скрывающееся среди холмов человеческое существо, которое деградировало по какой-то причине до животного состояния. Тут мои мысли обратились к черному камню с иероглифами. Да, и что могли содержать фотографии, которые Эйкели намеревался мне выслать и которые старожилы нашли столь пугающими?

По мере того, как я раз за разом перечитывал письмо, меня не покидало ощущение, что мои оппоненты располагают данными, более серьезными, чем я предполагал ранее. В конце концов, в этих заброшенных, необитаемых местностях, близ

холмов, могли обитать какие-то странные уродцы, жертвы дурной наследственности, хотя, разумеется, они и не были чудовищами со звезд, как утверждали легенды. И если они существуют, то присутствие странных тел в бурных потоках становится вполне объяснимым. И я начал испытывать чувство стыда от того, что сомнения в прежней моей правоте породило нечто столь эксцентричное, как письмо Генри Эйкели.

В конце концов, я ответил на письмо Эйкели, взяв при этом тон дружелюбного интереса и попросив дополнительных подробностей. Ответ его пришел почти немедленно; и в конверте было несколько фотографий, иллюстрирующих то, о чем он рассказывал. Глянув на эти фотоснимки, я ощутил удивительное чувство страха и прикосновения к чему-то запретному; ибо, несмотря на неясность изображений, они обладали дьявольской внушающей силой.

Чем больше я смотрел на них, тем больше убеждался в том, что моя серьезная оценка Эйкели и его истории была вполне оправданной. Без всякого сомнения, эти фотографии содержали убедительное доказательство существования на вермонтских холмах явления, лежащего далеко за пределами наших привычных знаний и представлений. Самое жуткое на этих фотографиях представляли собой следы — снимок был сделан, когда яркое солнце осветило клочок голой земли где-то на пустынной вершине. Даже беглый взгляд позволял убедиться, что это не мистификация; ибо четко очерченные камни и лезвия трав полностью исключали подделку или двойную экспозицию. Я назвал это «отпечатком ноги», но «отпечаток когтя» было бы точнее. Даже сейчас я не могу описать этот след, избежав сравнения с ужасным, отвратительным крабом, причем была какая-то неопределенность в направлении этого следа. Он был не очень глубоким или свежим отпечатком и по размеру не превосходил размер ноги среднего человека. Из центральной подушечки выходили в противоположных направлениях пары зубьев пилы — вид их сбивал с толку, если вообще этот объект являлся исключительно органом движения.

Другая фотография — явно с большой выдержкой, сделанная в тени, — представляла собой изображение входа в лесную пещеру, отверстие которой закрывал круглый валун. На голой земле перед входом можно было разобрать густую сеть линий, когда я рассмотрел ее в увеличительное стекло, то с неприятным чувством убедился, что следы точно такие же, как и на другом снимке. Третий снимок изображал кольцо камней жреческого типа, помещенных на вершине холма. Вокруг загадочного кольца трава была сильно утоптана и почти совсем стерта, причем здесь я не смог различить ни одного следа даже в увеличительное стекло. Исключительная отдаленность изобра-

женной местности доказывалась перспективой уходящих за горизонт совершенно безлюдных холмов.

Но если самым неприятным и пугающим было изображение отпечатка на земле, то наиболее любопытным оказался снимок большого черного камня, найденного в лесах возле Круглого холма. Эйкели фотографировал камень, по всей вероятности, на столе в своем кабинете, поскольку я смог разглядеть ряд книжных полок, а на заднем плане бюст Мильтона. Камень был заснят в вертикальном положении и представлял собой изрезанную поверхность, размером один на два фута, но у меня не хватает слов, чтобы сказать что-либо определенное об этих узорах или хотя бы об общей конфигурации всего камня. Какие геометрические принципы легли в основу его огранки — ибо это несомненно была искусственная огранка, — я могу только догадываться; но скажу без колебаний, что никогда я не видел предмета столь странного и чуждого нашему миру. Из иероглифов, начертанных на поверхности, очень немногие были различимы, но один-два вызвали у меня просто шок. Конечно, это могла быть и фальсификация, ибо есть и кроме меня люди, читавшие чудовищный «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда; но тем не менее я испытал нервную дрожь, узнав определенные идеограммы, которые, как я знал по своим исследованиям, связаны с наиболее святотатственными и леденящими кровь историями о существах, которые вели безумное полусуществование задолго до того, как были сотворены Земля и другие внутренние миры солнечной системы.

Из пяти оставшихся фотографий три изображали болотистую или холмистую местность, которая, казалось, несла на себе отпечаток тайных и зловредных обитателей. Еще одна изображала странную отметину на земле, совсем рядом с домом Эйкели, которую он сфотографировал наутро после того, как собаки всю ночь лаяли особенно яростно. Снимок был очень расплывчатый, и по нему трудно было сказать что-либо определенное; но отпечаток отдаленно напоминал «след когтя» на голой земле. Последняя фотография изображала само место жительства Эйкели: аккуратный беленький двухэтажный дом, построенный, вероятно, лет сто — сто двадцать тому назад, с хорошо подстриженным газоном и обложенной камнями дорожкой, ведущей к искусно выполненной резной двери в георгианском стиле. Несколько огромных полицейских псов сидели на газоне у ног человека приятной наружности с аккуратной седой бородкой, который, как я догадался, и был сам Эйкели — он же и делал этот снимок, о чем свидетельствовала лампочка в его руке.

Осмотрев фотографии, я приступил к чтению обширного письма и на последующие три часа погрузился в пучины неопишуемого ужаса. То, что ранее Эйкели излагал лишь в общих

чертах, он описывал подробно, в мельчайших деталях; представляя длинные списки слов, уловленных ночью в лесу, подробные описания розоватых существ, шнырявших в сумерках в густых зарослях возле холмов, а также чудовищные космогонические рассуждения, извлеченные из собственных научных исследований и бесконечных разговоров с самозванным безумным шпионом, наложившим на себя руки. Я столкнулся с именами, которые встречал ранее лишь в контексте самых зловещих предположений — Йюгтот, Великий Цтулку, Тсатхотгуа, Йог-Стохотх, Р'льех, Ньярлатхотеп, Азатхотх, Хастур, Йян, Ленг, Озеро Хали, Бетмура, Желтый Знак, Л'мур-Катхулос, Брэн и Магнум Инноминандум — и был перенесен через неизвестные эпохи и непостижимые измерения в миры древних, открытых реальностей, о которых безумный автор «Некрономикона» лишь смутно догадывался. Мне было сообщено о хранилищах первичной жизни и о потоках, вытекавших оттуда; и, наконец, о струйках этих потоков, которые оказались связанными с судьбами нашей планеты.

Я не в силах был бороться с мыслями; и если ранее я пытался многие вещи объяснять, то теперь начинал верить в самые аномальные и невероятные чудеса. Массив конкретных доказательств был грандиозен и подавлял, а спокойная, холодная научная манера Эйкели — в которой не было ни грана фанатизма, истерики или экстравагантности — сильнейшим образом повлияла на мое восприятие проблемы и на мои оценки. Когда я отложил письмо в сторону, то уже мог понять опасения автора и был готов предпринять все возможное, чтоб помешать людям посетить эту дикую местность. Даже сейчас, когда время притупило мои тогдашние впечатления и во многом стерло из памяти мои тогдашние сомнения и переживания, даже теперь есть такие фрагменты в письме Эйкели, которые я не рискну привести и даже не доверю бумаге. Я почти рад, что это письмо и запись фонографа теперь исчезли, — и я желал бы, по причинам, которые скоро станут ясны, чтобы новая планета по ту сторону Нептуна не была открыта.

После прочтения письма я прекратил все публичные выступления по поводу кошмара в Вермонте. Доводы моих оппонентов оставил без ответа или отложил в сторону, сделав неопределенные обещания вернуться к ним впоследствии, и в конце концов дискуссия была предана забвению. Последнюю часть мая и весь июнь мы поддерживали оживленную переписку с Эйкели. Правда, время от времени письма терялись, и мы были вынуждены восстанавливать написанное и тратить много сил на копирование. Главной нашей целью было сравнить собственные подходы к загадочным мифам, чтобы добиться согласованного представления о связи ужас-

ных явлений в Вермонте со структурой и содержанием примитивных мифов.

Прежде всего, мы согласились, что эти ужасные существа и адское Ми-Го из Гималаев были кошмарными воплощениями одного порядка. Тут были также захватывающие зоологические гипотезы, которые я предпочел обсудить с профессором Декстером из своего колледжа, несмотря на категорическое требование Эйкели никому не сообщать о возникшей перед нами проблеме. Если я и нарушил это требование, то лишь потому, что считал: на этой стадии предупреждение относительно опасности вермонтских холмов — и гималайских пиков, на которые отчаянные исследователи стремились забраться, — более отвечает интересам людей, чем молчание. Одной из конкретных задач, стоявших перед нами, была расшифровка иероглифов на злосчастном камне, расшифровка, которая должна была сделать нас обладателями тайн, более глубоких и более потрясающих, чем все тайны, известные теперь человеку.

III

К концу июня я, наконец, получил запись фонографа — из Бреттлборо, поскольку Эйкели не доверял железнодорожной ветке, расположенной севернее. Им овладела все возраставшая шпиономания, усилившаяся после пропажи некоторых из наших писем; он часто стал говорить о коварных действиях некоторых людей, которых считал агентами скрытных созданий, их тайными орудиями. Более всего он подозревал угрюмого фермера Уолтера Брауна, жившего в одиночестве у подножия холма, вблизи от густого леса, и уверял, что часто видел его праздно шатающимся в Бреттлборо, Беллоуз-Фоллз, Ньюфэйне и Южном Лондондерри, когда появление его там было совершенно немотивированным и ничем не оправданным. Более того, он пребывал в уверенности, что слышал голос Брауна при определенных обстоятельствах во время одного ужасного разговора; а однажды обнаружил след или, точнее, отпечаток когтя недалеко от дома Брауна. След этот был расположен подозрительно близко к отпечатку ноги самого Брауна — и они были повернуты друг к другу.

Итак, запись прибыла из Бреттлборо, куда Эйкели приехал на своем «Форде» по пустынным дорогам Вермонта. Он признался в сопровождающей посылку записке, что начинает бояться этих дорог и даже за продуктами в Тауншенд предпочитает ездить лишь при дневном свете. Снова и снова он повторял, что нельзя приближаться к этим тихим и загадоч-

ным холмам, зная так много, как он, и что скоро он собирается переехать в Калифорнию к сыну.

Прежде, чем прослушать запись на аппарате, который я взял в административном здании колледжа, я внимательно прочел сопроводительную записку Эйкели и все его предшествовавшие письма, где эта запись упоминалась. Она была получена, согласно его данным, примерно в час ночи 1 мая 1915 года, близ закрытого входа в пещеру на лесистом западном склоне Темной Горы, там, где она возвышается над болотом. В этом месте всегда звучали странные голоса, и именно поэтому он и принес туда фонограф, диктофон и восковой валик. Прошлый опыт подсказывал ему, что ночь накануне Первого Мая — или ночь Шабаша, согласно европейским легендам, — должна быть наиболее удачной, и это подтвердилось. Стоит отметить, однако, что больше он ни разу не слышал голосов на этом месте.

В отличие от большинства лесных звуков, содержание этой записи было похоже на запись какого-то ритуала, причем включало один явно различимый человеческий голос, который Эйкели не мог идентифицировать. Голос этот не принадлежал Брауну, а был, по всей видимости, голосом человека более высокого культурного уровня. Второй же голос, собственно и представлявший собой главное в этой записи, был скорее похож на отвратительное жужжание.

По-видимому, фонограф и диктофон при записи работали не очень хорошо, что было печально, учитывая приглушенное и невнятное звучание самого записываемого ритуала; в результате разобрать можно было лишь отдельные фрагменты. Эйкели прислал мне собственную письменную расшифровку записи, и я еще раз проглядел ее прежде, чем включить аппаратуру. Текст скорее был темным и загадочным, чем ужасным, хотя знание обстоятельств и источника придавало ему дополнительную жуть, которую не могли бы отразить никакие слова. Я представляю все это здесь полностью, так, как смог запомнить, — после неоднократного прочтения записи и прослушивания — все досконально. Такое нелегко забыть!

(Неразборчивые звуки)

(Хорошо поставленный мужской голос)...

он Повелитель Леса, даже для... и дары людей Ленга... итак, из колодцев ночи в бездны космоса, и из бездн космоса в колодцы ночи, вечно вознесутся хвалы Великому Цтулху, Тсатхогуа, и к Тому, Чье Имя Не Может Быть Названо. Вечны хвалы Им, и пожелание изобилия Черному Козерогу Лесов. Йа! Шаб-Ниггуратх! Козерог с Тысячным Потомством!

(Жужжащая имитация человеческой речи)

Йа! Шаб-Ниггуратх! Черный Козерог Лесов С Тысячным Потомством!

(Человеческий голос)

Наступило время для Повелителя Лесов... семь и девять, вниз по ступеням из оникса... посвятить Ему, тому, кто из Бездны, Азароту, Из Тех, Кому Ты учил нас поклоняться... на крыльях ночи за пределы космоса, за пределы т... Тому, кому Йюгтот — младший сын, катящийся в одиночестве в черном эфире у края...

(Жужжащий звук)...

ходить среди людей и найти пути к тому, что знает Тот, кто из Бездны. Ньярлатхотепу, Могущественному Посланцу, ему все должно быть сказано. И Он примет внешность человека, восковую маску и одежды, которые скроют его, и спустится вниз из страны Семи Солнц, чтобы притвориться...

(Снова жужжащий звук)...

(Ньярл) атхотеп, Великий Посланец, приносящий из пустоты чудесную радость Йюгтоту, Отец Миллиона Избранных, Сталкер среди..

(Здесь речь прерывается — конец записи)

Вот, что я услышал, включив фонограф. Меня охватил настоящий страх, когда я нажал рукоятку и услышал скрип иглы по валику, так что я обрадовался, когда первые слабо различимые слова оказались произнесенными человеческим голосом — мягким, приятным, интеллигентным голосом, с бостонским акцентом, явно не принадлежащий уроженцу Вермонта. Прислушиваясь к записи, я обнаружил ее идентичной тщательно выполненному протоколу Эйкели. Этот сочный бостонский голос распевал: «...Йа! Шаб-Нитуратх! Козерог с Тысячным Потомством!...»

И тут я услышал *другой голос*. До сих пор меня охватывает дрожь, стоит лишь подумать, как меня поразили эти звуки, хоть я и был, казалось, подготовлен к ним письмами Эйкели. Те люди, которым я впоследствии описывал ту запись, ничего не находили в ней, кроме дешевого шарлатанства или признаков безумия; но *если бы им довелось услышать этот отвратительный голос* или прочесть все письма Эйкели (в особенности то — ужасное энциклопедически полное второе письмо), я уверен, что они резко изменили бы свое отношение. Мне очень жаль, что я подчинился требованию Эйкели и больше никому не дал прослушать записи — не менее жаль, что все письма его тоже пропали. Что же касается меня самого, то с учетом реального впечатления от звучания, да еще моих знаний о подоплеке всей истории и ее обстоятельствах, голос этот был просто чудовищным. В исполнении этого адского обряда он звучал синхронно с человеческим голосом, но в моем воображении являлся отвратительным эхом, которое доносится через невообразимые бездны из дьявольских миров. Прошло более двух лет с тех пор,

как я прослушал этот богохульный восковой цилиндрик, до сих пор у меня в ушах звучит это дрожащее жужжание, как будто я услышал его только что.

«Йа! Шаб-Ниггуратх! Черный Козерог Лесов с Тысячным Потомством!»

Но хоть и звучит этот голос неотрывно в моих ушах, я все-таки не могу еще достаточно точно подвергнуть его анализу для того, чтобы описать. Он был подобен гудению какого-то отвратительного гигантского насекомого, умышленно преобразованному в артикулированную речь какого-то чуждого существа, причем я был совершенно уверен, что органы, продуцирующие этот звук, ничем не похожи на вокальные органы человека, как, впрочем, и других млекопитающих. Были тут вариации в тембре, диапазоне и полутонах, полностью выводившие это явление за рамки человеческого, земного опыта. Первое появление этого звучания настолько поразило меня, что всю оставшуюся часть записи я слушал в состоянии некоей прострации. Когда же звучали более развернутые пассажи жужжащей речи, ощущение кошунственной бесконечности, поразившее меня при первых звуках, обострилось. Наконец, запись резко оборвалась в момент произнесения высказываний исключительно четким и ясным человеческим голосом с бостонским акцентом; но я по-прежнему сидел, тупо глядя перед собой, даже когда аппарат автоматически выключился.

Нечего и говорить, что я неоднократно прослушал эту ужасающую запись и предпринял отчаянные попытки анализа и комментирования, сравнивая свои соображения с записями Эйкели. Было бы нежелательно, да и бессмысленно излагать здесь все наши заключения; но замечу, что, по нашему убеждению, ключ лежал в некоторых наиболее отвратительных обрядах из первобытных тайных верований людей. Для нас было также ясно, что между скрывающимися созданиями «оттуда» и определенными представителями человеческого рода существовали древние и весьма прочные связи. Насколько разветвленными были эти связи и в какой степени их состояние в наши дни соотносилось с их состоянием в древности, мы не догадывались; в лучшем случае здесь было поле для неограниченных спекуляций. По всей видимости, между человеком и безымянной бесконечностью имелись чудовищные узы с незапамятных времен. Те кошунственные действия, которые происходили на Земле, скорее всего пришли с темной планеты Йюгтот, на краю Солнечной системы; однако сама она представляла собой, вероятно, всего лишь излюбленный аванпост какой-то наводящей страх межзвездной расы, за пределами эйнштейновского пространственно-временного континуума или величайшего известного Космоса.

Между тем мы продолжали обсуждать черный камень и

способы доставки его в Эркхем — Эйкели считал нецелесообразным мой приезд к нему, на место страшных исследований. По тем или иным причинам он также боялся доверить перевозку камня какой-либо из привычных транспортных магистралей. Его идея сводилась к тому, чтобы доставить камень через сельскую местность в Беллоуз-Фоллз, затем отправить его через Киин, Уинчендон и Фичбург, хотя это и потребовало бы от него поездки в порядке сопровождения по довольно пустынным, пролегающим среди холмов дорогам, часто пересекаемым лесами, что было куда менее удобным, чем поездка по главной магистрали на Бреттлборо. Он сообщил, что когда посылал мне запись фонографа, то заметил возле офиса человека, чьи действия и внешний вид не внушили ему доверия. Человек этот как-то слишком нарочито стремился разговаривать с клерками и сел именно на тот поезд, которым была отправлена запись. Эйкели признался, что не был спокоен за судьбу посылки до тех пор, пока не получил от меня уведомления о ее благополучном прибытии.

Примерно в это же время — то есть во вторую неделю июля — затерялось еще одно мое письмо, о чем я узнал из тревожного сообщения Эйкели. После этого он попросил меня больше не писать ему в Тауншенд, а отсылать всю корреспонденцию на Главный почтамт в Бреттлборо, куда он будет часто наезжать в своей машине или поездом. Я почувствовал, что его тревога все время возрастает, ибо он очень подробно сообщал мне об усилившемся лае собак в безлунные ночи, а также о свежих отпечатках когтей, порой обнаруживаемых им по утрам на дороге и на своем заднем дворе. Как-то раз он рассказал о настоящем скопище отпечатков, выстроившихся в линию, напротив не менее густой линии собачьих следов, и прислал мне устрашающий фотоснимок в подтверждение своих слов. Это случилось как раз после той памятной ночи, когда собачий лай превзошел все мыслимые пределы.

В среду 18 июля, утром, я получил телеграмму из Беллоуз-Фоллз, в которой Эйкели сообщал, что он отправил черный камень поездом N 5508, отправившимся из Беллоуз-Фоллз в 12:15, то есть в свое обычное время, и прибывающим в Бостон на Северный Вокзал в 4:12 пополудни. Он должен был, по моим расчетам, прибыть в Эркхем, по меньшей мере, к следующему полудню, так что почти все утро четверга я его ожидал. Но наступил и прошел полдень, а когда я позвонил в почтовый офис, мне сообщали, что никакого груза для меня не прибыло. Уже сильно встревожившись, я позвонил транспортному агенту в Бостон на Северный Вокзал; и без особого удивления узнал, что груз не прибыл и туда. Поезд N 5508 прибыл вчера с 35-минутным опозданием, и никакой

коробки для меня там не было. Агент обещал навести справки и все выяснить; я же послал в конце дня телеграмму Эйкели, в которой обрисовал сложившуюся ситуацию.

Ответ из Бостона пришел на следующий день, агент позвонил мне, как только выяснил все обстоятельства. Похоже, что посыльный на поезде N 5508 припомнил инцидент, который мог иметь отношение к пропаже моего груза — перебранку с худощавым, рыжеволосым, неотесанным мужчиной с очень странным голосом, происшедшую, когда поезд делал стоянку в Киине, Нью-Хэмпшир, примерно после часа дня.

Этот мужчина, как он сказал, был крайне взволнован и уверял, что ожидает прибытия тяжелого ящика, которого не было в поезде и который даже не упоминался в журналах посыльного. Он назвался Стенли Эдамсом, и у него был такой монотонный густой голос, что клерк почувствовал себя дурно, разговаривая с ним. В результате посыльный даже не смог запомнить, чем же разговор закончился, а помнил лишь, что когда он вновь пришел в полное сознание, поезд уже тронулся. Бостонский агент добавил, что этот посыльный был молодым человеком исключительной честности и надежности, с хорошими рекомендациями и уже давно работал на компанию.

Этим вечером я выехал в Бостон, чтобы лично расспросить посыльного о случившемся, получив его имя и адрес в конторе. Он оказался откровенным человеком, с приятными манерами, но я скоро понял, что он не сможет ничего добавить к тому, что мне уже было известно. Станным мне показалось лишь то, что он не был уверен, сможет ли узнать того человека, если встретит его еще раз. Поняв, что от него я больше ничего не смогу добиться, я вернулся в Эрхем и до утра писал Эйкели, затем в почтовую компанию, полицейское управление и почтовому агенту в Киине. Я чувствовал, что человек с необычным голосом, который так сильно повлиял на посыльного, играет ключевую роль во всем этом загадочном деле, и надеялся, что станционные служители или телеграфисты в Киине смогут что-то сообщить о нем, о том, как он обратился со своим запросом, когда и где.

Я вынужден, однако, признаться, что все мои попытки расследовать ситуацию оказались тщетными. Действительно, человек со странным голосом был замечен после полудни 18 июля в Киине, а какой-то зевака смутно запомнил у него в руках тяжелый ящик; однако человек этот был им абсолютно неизвестен, и прежде, как и впоследствии, никто его не видел. Он не заходил в помещение телеграфа и не получал никаких сведений, равно как никаких сообщений касательно присутствия черного камня на поезде N 5508 ни для кого по телеграфу не поступало. Естественно, Эйкели присоединился ко мне в расследовании этого происшествия и даже сам съездил в Киин, чтобы опросить

возможных очевидцев случившегося и людей, живущих неподалеку от станции; однако его отношение к происшествию было куда более фаталистическим, чем мое. Он склонен был считать потерю ящика зловещим следствием неизбежного противодействия и ничуть не надеялся на возможность найти утраченное. Он говорил о несомненной телепатической и гипнотической силе созданий, живущих на холмах, и их агентов, а в одном из писем намекал, что, по его убеждению, камень уже давно покинул нашу планету. Я, со своей стороны, был сильно разгневан, поскольку видел в изучении старых, полустертых иероглифов возможность узнать нечто новое и удивительное. Этот эпизод еще долго будоражил бы мое воображение, если бы последующие письма Эйкели не ознаменовали собой начало совершенно новой фазы ужасной истории загадочных холмов, которая сразу же завладела моим вниманием.

IV

Неизвестные создания, писал Эйкели все более нервным почерком, взялись за него гораздо серьезнее, чем раньше, и с более определенными целями. Ночной лай собак в безлунные ночи или когда луна была полузакрыта облаками стал просто чудовищным, а кроме того, были отмечены попытки пристать к Эйкели, когда он оказывался на пустынных дорогах. Второго августа, направляясь на машине в деревню, он увидел срубленный ствол дерева, перегородивший ему дорогу там, где она пересекала участок густого леса; в то же время лай двух огромных собак, бывших с ним вместе, ясно предупредил его о созданиях, которые могут прятаться поблизости. Что могло бы случиться, не будь рядом с ним собак, — он не решался даже предположить — но с тех пор больше никуда не выходил без собак из своей своры — по крайней мере, двух верных и сильных помощников. Вскоре имели место еще два дорожных происшествия, пятого и шестого августа; один раз машину обстреляли; в другой раз залиvistый собачий лай известил его о присутствии дьявольских созданий в лесу.

Пятнадцатого августа я получил отчаянное письмо, которое необычайно меня взволновало, так что я искренне пожелал, чтобы Эйкели отбросил свою скрытность и призвал на помощь закон. В ночь с 12 на 13 августа случилось уж нечто совсем ужасное, возле дома была стрельба, и утром он обнаружил трех из своих двенадцати огромных псов убитыми. На дороге видны были многочисленные отпечатки когтей и, между ними, следы Уолтера Брауна. Эйкели позвонил в Бреттл-

боро, чтобы ему доставили новых собак, но телефонная линия отключилась, прежде, чем он успел что-либо сказать. Позже он отправился на машине в Бреттлборо и выяснил, что монтер нашел главный кабель перерубленным, причем как раз на том участке, что находился близ одиноких холмов Ньюфэйна. Но Эйкели направился домой с четырьмя новыми псами и несколькими ящиками патронов для своего крупнокалиберного ружья. Письмо было написано в почтовом отделении Бреттлборо и пришло ко мне безо всякой задержки.

Мое отношение к происходящему в этот момент перестало быть чисто научным и превратилось в сугубо личную тревогу, Я боялся за жизнь Эйкели, в его отдаленном одиноком сельском доме, и частично за себя самого из-за моей явной причастности к загадочной проблеме холмов. Эти твари могли дотянуться и сюда. Смогут ли они всосать и заглотить меня? В своем ответе на его письмо я умолял Эйкели обратиться за помощью к властям и предупреждал, что сделаю это сам, если он меня не послушается. Я выразил намерение лично посетить Вермонт, несмотря на его протесты, и помочь ему объяснить ситуацию представителям власти. В ответ на это пришла телеграмма из Беллоуз-Фоллз следующего содержания:

«ВЫСОКО ЦЕНЮ ВАШ ПОРЫВ НО НИЧЕГО НЕ МОГУ СДЕЛАТЬ НЕ ПРЕДПРИНИМАЙТЕ НИКАКИХ ДЕЙСТВИЙ САМИ ПОТОМУ ЧТО ЭТО МОЖЕТ ТОЛЬКО НАВРЕДИТЬ ОБОИМ ЖДИТЕ ОБЪЯСНЕНИЙ»

ГЕНРИ ЭЙКЛИ

Но это ничуть не прояснило дела, совсем наоборот. После моего ответа на телеграмму я получил записку от Эйкели, написанную дрожащей рукой и содержащую потрясающее сообщение, что он не только не посылал мне телеграмму, но и не получал письма. Спешное расследование, проведенное им в Беллоуз-Фоллз, обнаружило, что телеграмма была отправлена странным рыжеволосым мужчиной с необыкновенным, густым, монотонным голосом, каковыми сведениями и исчерпывалось то, что удалось выяснить Эйкели. Клерк показал ему оригинал текста телеграммы, нацарапанный карандашом, но почерк был совершенно незнакомым для моего коллеги. Он обратил внимание только на то, что подпись была неточной — Э-Й-К-Л-И, без буквы «Е». Напрашивались некоторые предположения, но охваченный несомненным кризисом, Эйкели не высказывал их.

Он сообщал также о гибели еще нескольких собак и приобретении других на замену, а также о ружейной стрельбе, которая стала неотъемлемой приметой всех безлунных ночей. Среди отпечатков когтей на дороге и на заднем дворе его фермы регулярно появлялись следы Брауна и еще одного-двух человек, обутого в ботинки. Эйкели признавал, что тут

ничего хорошего нет и что ему пора поскорее пересезжать к сыну в Калифорнию, даже если не удастся быстро продать дом. Но нелегко покидать то единственное место, которое ты считаешь по-настоящему своим домом. Он попробует еще сколько-нибудь продержаться; возможно, ему удастся отгнать непрошенных гостей — особенно если он открыто откажется от дальнейших попыток проникнуть в их секреты.

Я тут же ответил Эйкели, вновь предложив свою помощь, и еще раз высказал горячее желание приехать к нему, чтобы вместе убедить представителей власти в опасности сложившейся вокруг него ситуации. Его ответ содержал уже менее твердые возражения против моего плана, чем раньше, но он писал, что предпочитает немного переждать — чтобы привести свои дела в порядок и подготовиться к отъезду из отчего дома, который стал почти смертельно опасным. Люди подозрительно относятся к его исследованиям, и лучше будет уехать потихоньку, не будоража окружающих и не порождая сомнений в его психической нормальности. На его долю выпало уже более чем достаточно испытаний, признавал он, но тем не менее ему хотелось бы уехать отсюда, сохраняя достоинство.

Это письмо я получил 28 августа и отправил в ответ максимально ободряющее послание. Очевидно, мое сочувствие имело свое действие, поскольку в следующем письме Эйкели выразил мне признательность и куда меньше сообщал о своих страхах. Вместе с тем, его письмо нельзя было назвать слишком оптимистичным, поскольку он выразил убеждение, что страшные создания оставили его в покое лишь на время, видимо, на период полнолуния. Он надеялся, что ночи будут ясными, и смутно намекал на возможность перебраться в Бреттлборо, когда полнолуние кончится. Снова я попытался в письме ободрить его, но 5 сентября пришло новое послание, очевидно, опередившее мое письмо, которое еще было в пути и на которое я уже не смог бы дать такого безмятежного отклика. Учитывая его важность, приведу текст письма полностью — насколько мне удалось запечатлеть в памяти эти написанные дрожащим почерком строки. Письмо сообщало следующее:

«Понедельник

Дорогой Уилмерт!

Вот довольно обескураживающий постскрипtum к моему последнему письму. Прошлой ночью небо закрыли густые облака — лунный свет совершенно не пробивался сквозь них — хотя дождя не было. Дела обстоят плохо, и мне кажется, что конец близок, вопреки всем нашим надеждам. После полуночи что-то опустилось на крышу дома. Я слышал, как собаки рвутся с привязи, отпустил их, и одной удалось вспрыгнуть на крышу с низенькой

пристройки. Там завязалась яростная схватка, и я услышал ужасающее жужжание, которого никогда не забуду. А потом почувствовал этот чудовищный запах. Примерно в этот же момент прогремели выстрелы, и пробившие крышу пули едва не настигли меня. Я думаю, что основные силы этих существ подошли с холмов, и собаки разделились, отвлеченные происходящим на крыше. В чем там дело, я еще не знал, но боялся, что эти твари научились лучше управляться со своим крыльями. Я погасил свет в доме, распахнул окна, как бойницы, и открыл огонь по кругу, стараясь стрелять так, чтобы не угодить в собак. На этом все и закончилось, а утром я обнаружил во дворе большие лужи крови, а рядом с ним зеленую липкую жижу, с запахом, отвратительнее которого мне до сих пор не встречалось. Я вскарабкался на крышу и там обнаружил ту же отвратительную липкую гадость. Пятеро собак были убиты, причем, боюсь, что одну подстрелил я сам по неосторожности, потому что она получила пулю в спину. Теперь я заделал дыры от пуль и собираюсь в Бреттлборо за новыми собаками. Люди на тамошней псарне наверняка думают, что я сумасшедший. Позже напишу вам еще. Видимо, через одну-две недели я буду готов уехать, хоть мне тяжело даже думать об этом.

Извините, спешу —

Эйкели».

Но это было не единственное письмо, опередившее мое. На следующее утро — 6 сентября — пришло еще одно; на этот раз неистовые каракули, которые совершенно поставили меня в тупик, так что я не знал, что делать дальше. Это письмо я тоже постараюсь воспроизвести как можно полнее, насколько позволяет моя память.

«Вторник

Облака так и не рассеялись, луны вновь не видно — да она и так на ущербе. Я бы опутал дом электрическими проводами и поставил бы прожектор, не будь я уверен, что они перережут кабель, как только он будет протянут.

Кажется, я схожу с ума. Может быть, все, о чем я вам пишу, это сон или бред безумца. И раньше это было ужасно, но теперь превзошло все пределы. *Прошлой ночью они со мной говорили* — говорили этим проклятым жужжащим голосом и сказали такие вещи, *которые я не решусь вам передать*. Я отчетливо слышал их голос на фоне собачьего лая, а когда этот голос затихал, то ему помогал *человеческий голос*. Держитесь от этого подальше, Уилмерт, — это гораздо хуже, чем мы с вами могли представить. *Они не намерены отпустить меня в Калифорнию — они хотят забрать меня отсюда живым или же живым*

в теоретическом понимании, психически, умственно живым. Причем не только на Йюптот, но и еще дальше — за пределы Галактики, а может быть, и за пределы изогнутого края Вселенной. Я сказал им, что не отправлюсь туда, куда они хотят меня взять — или куда они своим ужасным способом предложили мне отправиться, но боюсь, что сопротивление бесполезно. Дом мой расположен настолько изолированно, что они могут прийти не только ночью, но и средь бела дня. Еще шесть собак убиты, и когда я ехал сегодня в Бреттлборо, то в тех местах, где дорога идет по лесу, я чувствовал присутствие существ.

С моей стороны было ошибкой отправлять вам запись фонографа и злополучный черный камень. Лучше уничтожьте запись, пока не поздно. Хорошо было бы собрать все мои вещи и книги и остановиться в Бреттлборо. Я сбежал бы и без вещей, если бы мог, но что-то внутри меня не позволяет этого сделать. Я мог бы ускользнуть от них в Бреттлборо, где обрел бы безопасность, но чувствую себя пленником в своем доме. И у меня такое чувство, что даже если я попытаюсь скрыться, все бросив, — далеко мне от них не уйти. Поверьте, это ужасно — и не вмешивайтесь в это.

Ваш Эйкели».

Получив это письмо, я не мог заснуть всю ночь. Меня поразили остатки трезвого рассудка Эйкели. Содержание письма было полностью безумным, однако манера изложения — в свете всего случившегося — отличалась мрачной убедительностью. Я не пытался ответить на это письмо, ожидая реакции Эйкели на мое предыдущее послание. Реакция не замедлила появиться уже на следующий день, хотя новые обстоятельства полностью перечеркнули содержание моего письма. Вот что мне запомнилось из очередного письма Эйкели, наспех нацарапанного и покрытого кляксами.

«Среда

У — получил ваше письмо, но уже не вижу смысла что-либо обсуждать. Я полностью капитулировал. Удивительно, что у меня вообще были силы сопротивляться им. Теперь мне не спастись, даже если бы я был готов все бросить и скрыться. Они меня не отпустят.

Вчера я получил от них письмо — его принес посыльный, когда я был в Бреттлборо. Отпечатано и отправлено по почте из Беллоуз-Фоллз. Сообщают, что намерены со мной сделать, — не могу этого повторить. Берегите себя, умоляю! Разбейте этот валик с записью. Ночи продолжают оставаться облачными, а серп луны все время убывает. Хотелось бы мне набраться храбрости и попросить о помощи — но всякий, кто не побойтса прийти, сочтет меня сумасшедшим, пока не пол-

учит конкретных доказательств. А пригласить к себе людей просто так я не могу, ибо долгие годы жил отшельником и ни с кем не поддерживал контактов.

Но я не сообщил вам еще самое худшее, Уилмерт. Соберитесь с силами, прежде чем будете читать дальше, ибо это вызовет у вас шок. Но помните, что я говорю чистую правду. Вот она — *я видел одну из этих тварей и прикоснулся к ней*, или, по крайней мере, к ее части. О, Боже милосердный, это было чудовищно! Разумеется, существо это было мертвым. Одна из собак прикончила его, и я нашел его утром у псарни. Я попробовал укрыть его в деревянном сарае, чтобы показать людям, но за несколько часов оно полностью испарилось. Ничего не осталось. Вы же знаете, что все эти объекты во время наводнения были замечены только на первое утро после разлива. А вот и самое худшее. Я попытался сфотографировать это создание, но когда проявил пленку, *на ней ничего не было, кроме деревянного сарая*. Из чего же была сделана эта тварь? Я ведь видел ее и прикасался к ней, и они оставляют следы. Они явно состоят из материи — но что это за материя? Форма не поддается описанию. Это как гигантский краб со множеством мясистых колечек, образующих пирамидки, или узелков из толстых волокнистых образований, а на том месте, где у человека находится голова, — у него многочисленные щупальца. Липкая зеленоватая масса — это его кровь или сок. И каждую минуту их становится все больше и больше здесь, на Земле.

Уолтер Браун исчез — я больше нигде не вижу его, хотя раньше он попадался мне буквально за каждым углом. Может быть, я попал в него одним из моих выстрелов, ведь эти существа, похоже, всегда стараются убрать своих убитых и раненых.

Доехал сегодня до города без всяких осложнений, но боюсь, что они стали воздерживаться от нападений, потому что теперь уже уверены во мне. Пишу это в почтовом отделении Бреттлборо. Возможно, это мое последнее письмо, прощальное — если так, то напишите моему сыну, Джорджу Гудинаф Эйкели, 176, Плезант-стрит, Сан-Диего. Калифорния, *но прошу, не приезжайте сюда*. Если через неделю от меня не будет весточки, напишите мальчику и следите за новостями в газетах.

Теперь я намерен разыграть две свои последние карты — если у меня хватит силы воли. Во-первых, испробовать против них отравляющий газ (у меня есть соответствующие химикаты, и я сделал маски для себя и для собак), а если и это не сработает, то поставить в известность шерифа. Меня могут отправить в сумасшедший дом — все равно, это лучше, чем то, что собираются сделать те, *«другие»*. По-видимому, я смогу привлечь их внимание к следам вокруг дома — они довольно слабые, но появляются каждое утро. Хотя полиция мо-

жет сказать, что я их сам сфабриковал, поскольку за мной водится слава чудаковатого субъекта.

Можно попытаться зазвать полицейских ко мне в дом на ночь, чтобы они сами убедились в происходящем, — хотя не следует исключать того, что эти существа поймут, в чем дело, и в такую ночь воздержатся от всякой активности. Они перерезают телефонный кабель, стоит мне только позвонить куда — нибудь ночью, — монтеры находят это очень странным и могут свидетельствовать, если только не откажутся от своих наблюдений и не подумают, что это я сам режу кабель. Вот уже больше недели я не вызывал никого, чтобы восстановить связь.

Я мог бы попросить кого-нибудь из простых людей выступить в качестве свидетелей и подтвердить реальность всех этих ужасов, но ведь все же смеются над ними, да и к тому же эти люди так давно не бывали у меня, что сами ничего не подозревают. Ни одного из живущих в этой местности фермеров не затащить ближе, чем на милю, к моему дому — их сюда не заманишь ни деньгами, ни лаской. Посыльный, который приносит мне почту, слышал, что они говорят. Боже правый! Если бы я только мог убедить его в том, насколько это все реально! Думаю, что смог бы показать ему следы, но ведь он приходит в середине дня, а к этому моменту следы уже исчезают. Если бы я попытался сохранить какой-нибудь след, накрыв его коробкой или кастрюлей, то он наверняка подумал бы, что я сам его нарисовал.

Если б я не жил всегда таким отшельником, то люди заходили бы ко мне, как бывало раньше. Я никогда не решался никому показать ни черный камень, ни свои фотоснимки, никогда не давал прослушивать ту самую запись, никому, кроме простых, грубых людей. Другие сказали бы, что я все это выдумал и просто посмеялись бы надо мной. Но я все-таки могу попробовать и показать фотоснимки. На них отчетливо видны следы этих когтей, хотя сами существа, оставившие их, и не могли быть сфотографированы. Как жаль, что никто больше не видел эту *тварь* утром, до того, как она исчезла!

Не знаю, чем все это окончится. После всего, что со мной было, сумасшедший дом — не самое плохое для меня место. Врачи помогут мне привести мозги в порядок, отвлекусь от этого дома, а это для меня сейчас главное, чтобы спастись.

Если не получите известий от меня в ближайшее время, напишите моему сыну Джорджу. Прошу вас. Прощайте, разбейте эту запись и больше не вмешивайтесь в это дело.

Ваш — Эйкели.»

Это письмо повергло меня в беспросветный ужас. Я не знал, как реагировать, поэтому наспех написал несколько бессвязных слов утешения и невразумительных советов и отправил заказной

почтой. Помню, что умолял Эйкели немедленно приехать в Бреттлборо и обратиться к властям с просьбой о защите; добавил, что я тоже приеду в город, захватив с собой запись фонографа, чтобы убедить экспертов в психической нормальности Эйкели. По-моему, я еще написал, что, на мой взгляд, настало время предупредить людей об угрозе со стороны этих существ. Легко заметить, что в этот момент моя вера во все, что сообщал Эйкели, была полной, хотя я думал, что неудавшаяся попытка получить снимок мертвого монстра объясняется не насмешкой Природы, а промахом самого Эйкели, совершенным из-за волнения.

V

Вскоре после этого, опережая мое бессвязное послание, в субботу 8 сентября днем пришло совершенно иное, вполне успокаивающее письмо, аккуратно отпечатанное на новой машинке; странное письмо с уверениями и приглашением, ознаменовавшее удивительнейший поворот всей кошмарной драмы далеких холмов. Цитирую вновь по памяти — при этом я постарался как можно точнее передать стиль этого письма. На нем стоял почтовый штемпель Беллоуз-Фоллз, причем подпись была напечатана так же, как и основной текст, — что часто бывает с новичками в жанре машинописных посланий. Вместе с тем текст был исключительно аккуратен, что как раз нетипично для новичка; из всего этого я заключил, что Эйкели, должно быть, использовал машинку раньше — возможно, в колледже. Сказать, что письмо принесло чувство облегчения, было бы не совсем точно, поскольку под этим чувством еще лежал слой беспокойства. Если Эйкели психически нормален в состоянии ужаса, то нормален ли он теперь, в состоянии избавления? И когда он говорит об «улучшении взаимопонимания», что именно он имеет в виду? Вообще, все в целом выглядело настолько противоречащим его недавнему настроению! Однако вот содержание письма, скрупулезно сохраненное в памяти, что составляет предмет моей немалой гордости.

«Тауншенд, Вермонт,
Вторник, 6 сентября, 1928 г.
Мой дорогой Уилмерт!

Мне доставляет большое удовольствие успокоить вас по поводу всех глупостей, о которых я вам писал. Я говорю «глупости», хотя имею в виду скорее собственную искаженную страхом установку, чем мои описания определенных явлений. Явления эти реальны и значимы, моя же ошибка состоит

в том, что я сформировал у себя неадекватное к ним отношение.

Я, кажется, уже упоминал, что мои странные посетители начали общаться со мной, по крайней мере, попытались вступить в контакт. Вчера ночью такой речевой обмен стал реальностью. В ответ на определенные сигналы я принял в своем доме их посланца — поспешу сказать, что это был представитель человеческого рода. Он сообщил мне много такого, о чем ни вы ни я даже не догадывались, и ясно показал, насколько ошибочными были наши представления о целях «Существ Извне» в создании тайной колонии на этой планете.

Похоже, что зловещие легенды относительно того, что они намерены сделать с человечеством, являются следствием невежественного искажения аллегорических высказываний — высказываний, разумеется, порожденных культурной почвой и формой мышления, которые превосходят все, о чем мы только можем мечтать. Мои собственные предположения, как я охотно признаю, так же далеки были от истины, как любая догадка невежественных фермеров и диких индейцев. То, что я считал болезненным, постыдным и унижительным, в действительности является заслуживающим благоговения, освобождающим разум и даже восхитительным — мои же прежние оценки были просто-напросто проявлением присущей человеку издавна тенденции ненавидеть и бояться того, что *совершенно отличается от него*.

Теперь я сожалею о том ущербе, который причинил этим удивительным потусторонним существам во время наших ночных перестрелок. Если бы я сразу догадался спокойно и разумно поговорить с ними! Однако они не затаили обиды на меня, их поведение в этом смысле очень отличается от нашего. К несчастью, в качестве своих агентов в Вермонте они используют некоторых лиц весьма низкого уровня развития — взять хотя бы того же Уолтера Брауна. Он способствовал возникновению у меня предвзятого отношения к этим существам. В действительности же они никогда не причиняют людям вреда сознательно, однако часто подвергаются жестокому преследованию со стороны представителей человеческого рода. Существует, например, тайный культ сатанистов (вы, как эрудированный в области мистики человек, поймете, если я свяжу их с Хастуром или Желтым Знаком), целью которого является выследить эти создания и нанести им удар, как чудовищным силам из другого измерения. Именно против таких агрессоров — а не против нормальных людей — направлены серьезные охранительные миры Существ Извне. Кстати, мне стало известно, что многие из наших утраченных писем были похищены не Существами Извне, а эмиссарами этого самого зловещего культа.

Все, чего хотят Существа Извне от человека, — это мира и невмешательства, а также интеллектуального взаимопонимания. Последнее сейчас абсолютно необходимо, поскольку наши знания и технические средства достигли такого уровня, при котором становится невозможным сохранять *тайну существования на земле аванпостов Существ Извне, столь для них необходимых. Чужеродные создания хотели бы лучше узнать человека, и побудить некоторых духовных и научных лидеров человечества побольше узнать о них. В результате такого обмена информацией все недоразумения прекратятся и будет установлен обоюдодоприемлемый «модус вивенди». Всякое же предположение о порабощении или принижении человечества является просто смехотворной.*

В качестве первого шага на пути «улучшения взаимопонимания» Существа Извне, естественным образом, решили прибегнуть к моему опыту — поскольку я о них собрал много информации — и использовать меня в качестве первого их переводчика на Земле. Вчера ночью они многое мне объяснили — факты колоссальной важности, открывающие безграничные горизонты — в дальнейшем мне будет сообщено еще больше, как устно, так и письменно. Меня не приглашали пока совершить путешествие «вовне», хотя я не исключаю такой возможности в будущем, чего искренне желаю, — с использованием особых средств, превосходящих все, к чему мы теперь привыкли и что рассматриваем, как опыт человечества. Дом мой более не будет подвергаться осаде. Все возвращается в нормальное русло, и необходимость держать собак тоже отпадает. Взамен ужаса я получу доступ к колоссальным источникам знания и интеллектуального пиршества, недоступного ни одному из смертных.

Существа Извне являются, по всей видимости, наиболее изумительными органическими творениями в пространстве и времени, как и за пределами их, — представителями населяющей весь космос расы, по отношению к которой все остальные формы жизни представляют всего лишь ее вырожденные ветви. Они в большей степени растения, чем животные, если позволительно применять эти термины к материи, их образующей, и имеют своего рода губчатую структуру; хотя наличие подобной хлорофиллу субстанции и весьма своеобразная пищеварительная система полностью отличают их от настоящих листостебельных грибовидных. Тип их строения вообще является совершенно чуждым нашей части космоса — с электронами, обладающими иным уровнем вибрации. Именно поэтому создания такого типа не могут быть запечатлены на обычной фотопленке или фотопластинках, хотя наши глаза в состоянии их увидеть. С другой стороны, любой толковый химик сможет создать фотоэмульсию, способную сохранить их изображение.

Существа такого рода обладают уникальной способностью перемещаться в холодном безвоздушном межзвездном пространстве в своем телесном виде, хотя некоторые из подвидов нуждаются в механических приспособлениях или необычных хирургических пересадках. Лишь немногие особи обладают крыльями, сопротивляющимися эфиру, типичными для вермонтских представителей. Внешнее сходство с некоторыми формами животных, равно как и строение, которое мы можем принять за материальное, является следствием скорее параллельной эволюции, чем близкого родства. Способности их мозга превосходят все существующие живые формы, хотя крылатые существа с наших холмов не являются в этом смысле наиболее развитыми. Обычным средством их общения служит телепатия, хотя у них есть рудиментарные вокальные органы, которые после несложной хирургической операции (ибо хирургия для них вещь привычная, и можно сказать — рутинная), могут примерно воспроизводить речь любого существа, который ею владеет.

Их основное *нынешнее* обиталище — это до сих пор неоткрытая и почти абсолютно неосвещенная планета на самом краю нашей солнечной системы — расположенная за пределами Нептуна и девятая от Солнца по расстоянию. Это, как удалось выяснить, объект, удостоившийся таинственного обращения «Йюгтот» в некоторых древних и запретных рукописях; и в скором времени ему предстоит стать средоточием мышления о нашем мире с целью усиления взаимопонимания. Я не удивлюсь, если астрономы станут особенно подвержены этим потокам мыслей и «откроют» Йюгтот, когда Существа Извне того пожелают. Но Йюгтот, вне всякого сомнения, лишь промежуточная ступень. Основная масса этих созданий населяет причудливо организованные пучины, находящиеся за пределами самого смелого человеческого воображения. Сфера пространства-времени, которую мы считаем вместилищем всего космоса, на самом деле представляет собой лишь атом в подлинной бесконечности, принадлежащей им. *И та часть этой бесконечности, какую только в состоянии вместить человеческий мозг, была постепенно открыта передо мной, как до того было сделано в отношении не более, чем пятидесяти других людей за всю историю существования человечества.*

Все это покажется вам поначалу бредом, Уилмерт, но со временем вы оцените ту колоссальную возможность, которая передо мной открылась. Я хочу, чтобы вы воспользовались ею вместе со мной, тем более что я должен рассказать вам еще массу вещей, которые не опишешь на бумаге. Раньше я предупреждал, чтобы вы не ездили ко мне. Теперь же, когда мы в безопасности, я с удовольствием снимаю это предупреждение и приглашаю вас.

Можете ли вы приехать сюда до того, как начнется семестр

в вашем колледже? Это было бы великолепно. Захватите с собой запись фонографа и все мои письма к вам — они понадобятся нам при обсуждении и помогут воссоздать в целостности эту поразительную историю. Желательно чтобы вы привезли и фотоснимки, потому что я куда-то задевал и фотографии, и негативы в недавней суматохе. Но если бы вы только знали, какой потрясающий материал я хочу присоединить к этим отрывочным и неточным сведениям — *и какое изумительное приспособление будет служить основой для моих добавлений!*

Не надо долго раздумывать — теперь я свободен от слежки, и вам не угрожает встреча с чем-либо неестественным или пугающим. Приезжайте сразу, и я встречу вас на станции Бреттлборо, куда приеду на машине, — приготовьтесь пробыть у меня подольше, помните, что вас ожидают многие вечера обсуждения таких вещей, которые превосходят все человеческие устремления. Не надо только никому об этом говорить — ибо эта информация не должна, разумеется, стать достоянием нашей испорченной публики.

Железнодорожное сообщение с Бреттлборо хорошее — можете ознакомиться с расписанием в Бостоне. Доезжайте экспрессом до Гринфилда, а затем переседайте, чтобы проделать небольшой отрезок оставшегося пути. Я рекомендую вам сесть на поезд 4:10 вечера из Бостона. Он прибывает в Гринфилд в 7:35, а в 9:19 оттуда идет поезд, прибывающий в Бреттлборо в 10:01. Это по будним дням. Дайте мне знать дату приезда, и я встречу вас с машиной на станции.

Прошу прощения за то, что письмо напечатано на машинке, но мой почерк за последнее время стал, как вы знаете, весьма неровным, и я не в состоянии писать длинные тексты. Эту новую «Корону» я получил вчера в Бреттлборо — похоже, что она очень хорошо работает.

Ожидаю ответа и надеюсь скоро увидеть вас с записью фонографа и всеми письмами от меня — а также с фотографиями —

Остаюсь в ожидании встречи

*Ваш Генри У. Эйкелл
Альберту Н. Уилмерту, эсквайру,
Университет Мискатоник
Эрхем, штат Массачусетс».*

Чувства мои после прочтения и перечитывания этого странного и непредвиденного письма были настолько смешаны, что это не поддается описанию. Я сказал, что испытал одновременно чувство облегчения и тревогу, но это лишь грубо передает те оттенки моих подсознательных ощущений, которые пронизывали как облегчение, так и тревогу. Начать с того, что это послание находилось в полном противоречии с предшествовавшей цепочкой посланий — смена настроения с дикого ужаса на

спокойное благодушие и даже воодушевление была слишком полной и неожиданной, подобно удару молнии! Я с трудом мог поверить, что один-единственный день мог так сильно изменить психологическое состояние того, кто написал недавнее чудовищное изложение событий, происшедших в среду, какие бы благоприятные открытия этот день ни принес. Временами ощущение противоречивости побуждало меня задаваться вопросом, а не была ли вся эта драма фантастических сил, происшедшая вдали от меня, неким полубредом, созданным моим собственным воображением? Но тут я вспоминал о записи фонографа и чувствовал себя еще более озадаченным.

Менее всего мог я ожидать вот такого письма! Анализируя свои впечатления, я смог выделить в них две совершенно различных фазы. Во-первых, если предположить психическую нормальность Эйкели в данный момент и ранее, то отмеченная перемена в нем представлялась слишком быстрой и невероятной. Во-вторых, собственно манера Эйкели, его установка, его язык изменились также чересчур кардинально. Вся его личность, казалось, подверглась какой-то скрытой мутации — мутации настолько глубокой, что было очень сложно сочетать два его образа, если предполагать, повторяю, что и тогда и теперь он был вменяемым. Подбор слов, стиль — все было как будто несколько иное. Отличаясь академической сензитивностью к особенностям изложения, я легко заметил отклонения в ритмике и характере построения фраз. Разумеется, эмоциональное потрясение или откровение, вызывающие столь радикальную перемену, должны быть по-настоящему экстремальными! С другой стороны, во многом это было письмо, весьма характерное для Эйкели. Та же старая склонность ссылаться на вечность и бесконечность — та же типично научная дотошность. Я не мог даже на мгновение — по крайней мере, больше, чем на мгновение, — поверить в возможность фальшивки или злостной подмены. Разве приглашение — готовность предоставить мне возможность лично убедиться в истине — не доказывало подлинности письма?

Я не смог заснуть субботней ночью, а потому все время думал о смутных моментах и чудесах, связанных с полученным письмом. Разум, уставший от накопившихся страхов и чудовищных фактов, с которыми он столкнулся за последние четыре месяца, безостановочно работал над этим потрясающим новым материалом, снова и снова проходя циклы колебания и убеждения, уже не раз пережитые при столкновении с прежними сенсациями. Безумен он или нормален, подвергся какой-то метаморфозе или просто испытал облегчение, но похоже было, что Эйкели действительно столкнулся с каким-то невероятным изменением всей перспективы его опасных исследований; изменением, которое

полностью устранило чувство опасности — реальной или воображаемой, — и открыло новые головокружительные сферы космического и сверхчеловеческого знания. Моя собственная жажда познать неизведанное ничуть не уступала его стремлениям, и я ощутил, что тоже захвачен ситуацией разрушения загадочного барьера. Сбросить безумные и ограничивающие нас во всем пути пространства, времени и естественных законов, — чтобы обрести связь с *потусторонним* — приблизиться к бездонным пучинам бесконечности и ее секретам — ради этого, безусловно, стоило рискнуть своей жизнью, своей душой и своим здравым рассудком! Да к тому же Эйкели уверяет, что более нет никаких препятствий, — он сам приглашает меня, в то время как ранее убедительно отговаривал от поездки. При мысли о том, что он может мне сообщить, я просто задрожал от возбуждения — возникло чувство какого-то столбняка от предвкушения того, что я буду сидеть в одиноком и недавно подвергавшемся осаде сельском доме с человеком, который общался с посланцами из открытого космоса; сидеть там с этой ужасной звукозаписью и пачкой писем, в которых Эйкели суммировал свои ранние заключения.

Итак, утром в воскресенье я телеграфировал Эйкели, что встречу с ним в Бреттлборо в следующую среду — 12 сентября, если, конечно, эта дата его устраивает. Лишь в одном отношении я не последовал его совету — а именно, в выборе поезда. Честно говоря, мне не хотелось приезжать в эту мрачную местность Вермонта на ночь глядя; а потому я позвонил на станцию и выяснил другие возможности. Встав пораньше и отправившись на поезде 8:07 утра в Бостон, я мог успеть на утренний до Гринфилда в 9:25, который прибывал туда в 12:22. Это давало возможность прибыть в Бреттлборо в 1:08 пополудни, то есть время гораздо более подходящее, чем 10:01 вечера, чтобы встретиться с Эйкели и ехать вместе с ним в район заброшенных, таинственных холмов.

Я сообщил о своем маршруте в телеграмме и был рад получить ответ уже этим вечером, что мой вариант вполне устраивает корреспондента. Его телеграмма гласила:

**«УСЛОВИЯ ВПОЛНЕ ПОДХОДЯЩИЕ ВСТРЕЧАЮ
ПОЕЗДОМ ОДИН НОЛЬ ВОСЕМЬ СРЕДУ НЕ ЗАБУДЬ ЗАПИСЬ И ПИСЬМА И СНИМКИ СОХРАНИТЕ ЦЕЛЬ ПОЕЗДКИ ТАЙНЕ ОЖИДАЙТЕ ВАЖНЫХ ОТКРЫТИЙ
ЭЙКЕЛИ»**

Получение этой телеграммы в ответ на мою, посланную Эйкели, и, разумеется, доставленную к нему домой со станции Тауншенд либо официальным посыльным, либо сообщенную по телефону, избавило меня от всяких подсознательных сомнений относительно авторства ошеломляющего письма. Облегчение мое было очевидным, оно было даже сильнее,

чем я мог ожидать, — видимо, все мои сомнения были запря-таны достаточно глубоко. Однако в эту ночь я спал крепким и спокойным сном, а последующие два дня был занят подго-товкой к поездке.

VI.

В среду я выехал согласно намеченному графику, захватив с собой саквояж, заполненный всем необходимым в доро-гу, научными материалами, включающими запись фонографа, фотоснимки и целую папку с письмами Эйкели. Как было услов-лено, я никому не сообщил о цели своей поездки, ибо понимал, что дело требует максимальной секретности, даже если все будет складываться для нас наилучшим образом. Мысль о предстоящем интеллектуальном и духовном контакте с чуждыми, потусторон-ними существами была ошеломительна даже для моего, подго-товленного к этому разума; что же говорить о ее возможном влиянии на огромные массы несведущих дилетантов? Не знаю, что преобладало во мне — страх или ожидание захватывающего приключения, — когда я в Бостоне пересаживался на поезд, идущий на запад сначала через хорошо знакомые мне места, а затем через все менее и менее известные: Уолтхэм — Конкорд — Эйер — Фитчбург — Гарднер — Этхол...

Мой поезд прибыл в Гринфилд с семиминутным опоздани-ем, однако местный в северном направлении еще не отошел. Поспешно пересев на него, я смотрел в окно вагона и с зами-ранием сердца наблюдал, как поезд пронесется через залитые дневным солнцем местности, о которых я так много читал, но где никогда до сих пор не был. Я знал, что въезжаю на старую и сохранившую свой первозданный облик территорию Новой Англии, в отличие от механизированных и урбанизированных районов юга и побережья, где прошла вся моя жизнь; неиспор-ченная, древняя земля без иностранцев и фабричных дымов, рекламных щитов и бетонных покрытий, то есть без всех тех признаков современности, которые прижились в остальной части. Здесь ожидаешь увидеть сохранившиеся в неприкосно-венности атрибуты местных традиций, жизни, глубокие корни которой полностью выросли в окружающий ландшафт — сохранившегося образа жизни, где еще остались странные древние воспоминания и где почва весьма благоприятна для загадоч-ных, редко упоминаемых верований.

Время от времени я видел голубую реку Коннектикут, свер-кающую на солнце, а после Нортфилда мы ее пересекли. Впе-реди неясно вырисовывались зеленые загадочные холмы, и ког-

да подошел кондуктор, я узнал, что мы, наконец, въехали на территорию Вермонта. Он предложил мне перевести стрелки часов на час назад, поскольку эта область северных холмов не участвовала в использовании режимов летнего и зимнего времени. Выполняя его совет, я как будто почувствовал, что одновременно и календарь переворачиваю на целый век назад.

Поезд ехал совсем рядом с рекой, а на противоположном берегу в Нью-Хэмпшире можно было видеть приближающийся склон крутого Вэнтестикьюта, средоточия многих древних легенд. Слева от меня появились улицы, а справа, в потоке, показался зеленый остров. Люди встали с мест и направились к двери. Я последовал за ними. Вагон остановился, и я увидел внизу длинный перрон станции Бреттлборо.

Оглядев шеренгу ожидающих на стоянке машин, я мгновение размышлял, какая из них могла быть «Фордом» Эйкели, но мой выбор оказался затруднен одним обстоятельством. Похоже, что меня узнали раньше, чем я проявил инициативу. И в то же время человек, подходивший ко мне с протянутой для рукопожатия рукой, явно не был Эйкели, хотя он и спросил сочным приятным голосом, не я ли мистер Альберт Н. Уилмерт из Эркхема. Человек этот ничуть не походил на бородатого седого Эйкели, каким я видел того на фотоснимке; он был значительно моложе, явно городской житель, модно одетый, с маленькими черными усами. Его хорошо поставленный голос был мне чем-то знаком, хотя с определенностью припомнить его я не мог.

Пока я его разглядывал, он сообщил, то прибыл сюда из Тауншенда вместо своего друга, мистера Эйкели. С последним, как он объяснил, случился приступ астмы, и он оказался не в состоянии совершить поездку по свежему воздуху. Ничего серьезного, заверил он меня, и это никак не помешает нашим планам. Я не мог сразу понять, насколько мистер Нойес, — так он себя назвал, — был в курсе исследований Эйкели и его открытий, хотя мне показалось, что его небрежная манера выдает человека совершенно постороннего. Припомнив, что Эйкели вел жизнь отшельника, я был несколько удивлен наличием у него такого друга, но мое удивление не помешало мне сесть в машину, на которую он показал. Это оказался вовсе не древний автомобиль, который я ожидал увидеть, вспомнив письма Эйкели, где он его упоминал, а большой и безукоризненно чистый представитель последнего поколения машин — явно собственность Нойеса, с массачусетским номером. Мой проводник, решил я, должно быть, просто на лето приехал в Тауншенд.

Нойес забрался в машину, и мы сразу же тронулись. Я порадовался тому, что мой попутчик не слишком разговорчив, так как необычная напряженность, висевшая в воздухе этим днем, не располагала к общению. В свете дневного солнца городок

выглядел очень привлекательным; я успел заметить это, пока мы двигались вниз под уклон и поворачивали направо на главную улицу. Погруженный в полудрему, как все старинные города Новой Англии, которые помнишь с детства: к тому же что-то в расположении крыш и шпилей, дымовых труб и кирпичных стен трогало струны самых глубоких, связанных с далеким прошлым чувств. Я ощущал себя у порога местности, еще наполовину заколдованной нетронутыми наслоениями прошедших времен: местности, где еще могли случиться странные события из прошлого, которого до сих пор никто не будоражил.

Когда мы выехали из Бреттлборо, моя напряженность и предчувствие чего-то дурного усилились, чему способствовала окружающая нас холмистая местность, с ее громоздящимися, давящими, угрожающими зелеными и гранитными склонами, гаящими страшные тайны и сохранившимися с незапамятных времен обитателями, которые могли быть, а могли и не быть угрозой для всего человечества. Некоторое время мы ехали вдоль широкой, но мелководной реки, текущей от неизвестных холмов на севере и носящей название Вест-Ривер. Услышав это название от своего попутчика, я передернулся от страха, потому что вспомнил, что именно в этом потоке, как сообщали газеты, было обнаружено одно из этих чудовищных крабовидных созданий во время злополучного наводнения.

Постепенно местность вокруг становилась все более дикой и пустынной. Старинного вида мосты выглядели из складок холмов, как призраки прошлого, а заброшенная железнодорожная линия, бегущая параллельно реке, казалось, источала явственный аромат запустения. Перед нами возникали яркие картины живописных долин, где возвышались огромные скалы; девственный гранит Новой Англии, серый и аскетичный, пробивался через зеленую листву, обрамлявшую вершины гор. В узких ущельях бежали ручьи, до которых не достигали лучи солнца и которые несли к реке бесчисленные тайны пиков, куда не ступала еще нога человека. От дороги ответвлялись в обе стороны узкие, едва различимые тропы, прокладывавшие свой путь сквозь густые, роскошные чаши лесов, среди первобытных деревьев которых вполне могли обитать целые армии духов. Увидев все это, я подумал о том, как досаждали Эйкелю невидимые обитатели лесов во время его поездок по этой дороге, и понял, наконец, какие чувства он мог тогда испытывать.

Старинная, живописная деревенька Ньюфэйн, которую мы проехали спустя менее часа пути, была нашим последним пунктом в том мире, который человек мог считать безусловно принадлежащим себе. После этого мы утратили всякую связь с нынешними, реальными и отмеченными временем явлениями и вступили в фантастический мир молчащей нереальнос-

ти, в котором узкая ленточка дороги поднималась и опускалась, обегая как будто по своей прихоти необитаемые зеленые вершины и почти пустынные долины. Помимо шума нашего мотора и легкого движения, звуки которого доносились от редких одиноких ферм, которые мы проезжали время от времени, единственным звуком, достигавшим ушей, было бульканье странных источников, скрытых в тенистых лесах.

От близости карликовых, куполообразных холмов теперь понастоящему перехватывало дыхание. Их крутизна и обрывистость превзошли мои ожидания и ничем не напоминали сугубо прозаический мир, в котором мы живем. Густые, нетронутые леса на этих недоступных склонах, казалось, скрывали в себе чуждые и ужасающие вещи, и мне пришло в голову, что и необычная форма холмов сама по себе имеет какое-то странное давным-давно утраченное значение, как будто они были гигантскими иероглифами, оставленными здесь расой гигантов, о которой сложено столько легенд, и чьи подвиги живут только в редких глубоких снах. Все легенды прошлого и все леденящие кровь доказательства, содержащиеся в письмах и предметах, принадлежащих Генри Эйкели, всплыли в моей памяти, усилив ощущение напряженности растущей угрозы. Цель моего визита и все чудовищные обстоятельства, которые были с ним связаны, вдруг обрушились на меня разом, вызвав холодок в спине и почти перевесив мою жажду познать неизведанное.

Мой спутник, по всей видимости, угадал мое настроение, ибо по мере того, как дорога становилась шире и менее ухаженной, а наше продвижение замедлялось и вибрация машины усиливалась, его любезные пояснения становились все более пространными, превратившись постепенно в непрерывный речевой поток. Он говорил о красоте и загадочности этих мест и обнаруживал знакомство с фольклорными исследованиями моего будущего хозяина. Его вежливые вопросы показывали, что ему известен сугубо научный характер моего приезда, а также то, что я везу важные материалы; но он ни одним словом не намекнул на знакомство с глубиной и невероятностью истин, которые открылись перед Эйкели.

Манера поведения моего попутчика была столь любезной, бодрой, вполне городской и абсолютно нормальной, что его высказывания, по идее, должны были бы успокоить и подбодрить меня; но, как это ни странно, я лишь все более и более тревожился по мере того, как мы углублялись в первозданную дикость холмов и лесных чащ. Временами мне казалось, что он просто хочет выпытать все, что мне известно о чудовищных тайнах этих мест; к тому же с каждым его словом усиливалось ощущение, смутное, дразнящее и пугающее, что этот голос я *где-то слышал*. Он был не просто знаком мне, несмотря на мягкую и интеллигентную

манеру. Я почему-то связывал его в памяти с какими-то забытыми ночными кошмарами и чувствовал, что сойду с ума, если не вспомню, где я его слышал. Если бы в этот момент подвернулась уважительная причина, ей богу, я отказался бы от своего визита. Но ясно было, что такой причины нет, — и я утешал себя надеждой, что спокойный научный разговор с самим Эйкели поможет мне взять себя в руки.

Кроме того, в космической красоте гипнотического пейзажа, открывавшегося моим глазам, был какой-то странный элемент успокоения. Время, казалось, затерялось в лабиринтах дороги, которые остались позади, и вокруг нас разливались цветущие волны воображения, воскресшая красота ушедших столетий — седые рощи, нетронутые пастбища с яркими осенними цветами, да еще — на больших расстояниях друг от друга — маленькие коричневые строения фермерских усадеб, уютно устроившихся в тени гигантских деревьев посреди ароматов шиповника и лугового мятлика. Даже солнечный свет был здесь каким-то необычно ярким, как будто особая атмосфера существовала специально для этой местности. Мне никогда еще не приходилось видеть ничего похожего, разве что — фоновый пейзаж на полотнах итальянских примитивистов. Содомы и Леонардо передавали подобный простор на своих картинах, но лишь только в далекой перспективе, сквозь сводчатые арки эпохи Возрождения. Теперь мы как бы наяву погружались в атмосферу этих книг, и мне казалось, что я приобретаю то изначально мне знакомое или унаследованное, что я всегда безуспешно пытался найти.

Неожиданно, обогнув поворот, на вершине крутого склона машина остановилась. Слева от меня, по ту сторону ухоженного газона, подходившего к самой дороге и огороженного барьером из белого камня, стоял двух-с-половиною-этажный дом необычного для этой местности размера и изысканности, с целой группой присоединившихся к нему сзади и справа строений: амбаров, сараев и ветряной мельницы. Я сразу же узнал его, так как видел на фотографии, присланной Эйкели, так что не удивился, заметив его имя на железном почтовом ящике возле дороги. На некотором расстоянии от дома сзади тянулась полоса болот и редколесья, за которой поднимался крутой, густо поросший лесом холм, завершавшийся остроконечной вершиной. Последняя, как я догадался, была вершиной Темной Горы, половину подъема на которую мы только что совершили.

Выйдя из машины и приняв из моих рук саквояж, Нойес предложил подождать, пока он сходит предупредить Эйкели о моем прибытии. Сам он, по его словам, чрезвычайно торопился и не мог задерживаться. Когда он быстрым шагом направился по дорожке к дому, я вылез из машины, чтобы слегка

размять ноги перед длинным разговором. Чувство нервозности и напряжения, казалось, вновь достигло максимума теперь, когда я оказался на месте, где происходили страшные события, описанные Эйкели, и, честно скажу, я побаивался предстоящего обсуждения, в ходе которого мне предстояло столкнуться с чуждым и запретным миром.

Близкий контакт с чем-то чрезвычайно необычным чаще ужасает, чем вдохновляет, так что меня вовсе не бодрила мысль о том, что этот участок дороги видел чудовищные следы и зловонную зеленую жижу, найденные после безлунной ночи, ночи ужаса и смерти. С удивлением я обнаружил, что не видно собак Эйкели. Неужели он их продал после того, как Существа Извне заключили с ним мир? Как я ни старался, но не мог ощутить уверенность, в глубине и подлинности этого мира, которые Эйкели пытался представить в своем последнем странно не похожем на предыдущие письме. В конце концов, он был человеком простодушным, не отягощенным большим жизненным опытом и практицизмом. Не было ли каких-либо глубоких и зловещих подводных течений под поверхностью этого нового альянса?

Ведомый своими мыслями, я посмотрел на пыльную поверхность, которая несла на себе столь жуткие свидетельства. Несколько последних дней были сухими, так что самые разнообразные следы испещрили поверхность дороги, несмотря на то, что район этот посещался крайне редко. Из смутного любопытства я стал анализировать свои впечатления, пытаюсь совместить кошмарные образы с конкретным местом и связанными с ним событиями. Было что-то напряженное и угрожающее в кладбищенской тишине, в приглушенном, еле слышном плеске отдаленных ручейков, в толпящихся вокруг зеленых вершинах и черных лесах, душивших горизонт.

И тут в моем сознании всплыл образ, который сделал все эти смутные угрозы и полеты фантазии совершенно несущественными. Я сказал, что осматривал причудливую сеть отпечатков на дороге с некоторым любопытством — однако в одно мгновение любопытство сменилось неожиданным парализующим ударом подлинного ужаса. Ибо, хотя следы в пыли и были в основном спутанными и накладывались друг на друга, и не могли привлечь случайного взора, но мой неутомимый взгляд уловил определенные детали близ того места, где дорожка к дому соединялась с дорогой, по которой мы ехали: я без всякого сомнения и безо всякой надежды распознал страшное значение этих деталей. Не зря же, в конце концов, я часами изучал фотоснимки, присланные Эйкели, с изображениями отпечатков когтей Существ Извне. Слишком хорошо запомнил я эти клешни, и эту неопределенность направления следа, которую нельзя было встретить ни у одного зем-

ного существа. Мне не было оставлено ни одного шанса для спасительной ошибки. Вновь, несомненно, перед моими глазами были оставленные не более нескольких часов назад, по крайней мере, три следа, которые явно и богохульственно выделялись из удивительной вязи отпечатков человеческих ног, покрывавших дорожку к дому Эйкели. *Это были адские следы живых грибов с планеты Йюггот.*

Тем не менее я взял себя в руки. Чего, в конце концов, я еще ожидал, если всерьез относился к письмам Эйкели? Он говорил, что установил мир с этими существами. Чего же странного в том, что одно из них посетило его дом? Но ужас, охвативший меня, был сильнее всяких доводов рассудка. Разве кто-нибудь может оставаться спокойным, впервые столкнувшись со следами когтей живого существа, прибывшего из открытых глубин космоса? Тут я увидел Нойеса, выходявшего из дверей и приближавшегося ко мне быстрыми шагами. Мне необходимо, сказал я себе, ничем не выдать свое волнение, поскольку друг Эйкели может ничего не знать о глубоком проникновении того в сферу запретного.

Нойес поспешил сообщить мне, что Эйкели рад меня видеть и готов принять, хотя неожиданный приступ астмы не позволяет ему до конца исполнить роль гостеприимного хозяина еще, по крайней мере, день или два. Эти приступы очень сильно отражаются на нем, приводя к понижению температуры и общей слабости. Под их воздействием он обычно вынужден говорить шепотом, а также бывает немощен и неуклюж. У него распухли ступни и лодыжки, так что он был вынужден перебинтовать их, как старый англичанин, страдающий подагрой. Сегодня он в неважной форме, так что мне лучше самому спланировать свое время; хотя он жаждет поговорить со мной. Я найду его в кабинете, что слева от центрального входа, — там, где опущены шторы. Когда он болен, то предпочитает обходиться без солнечного света, потому что глаза его слишком чувствительны.

Когда Нойес попрощался со мной и укатил в своей машине на север, я медленно пошел по направлению к дому. Дверь осталась приоткрытой; но прежде, чем подойти к ней и войти в дом, я окинул взглядом весь дом, пытаюсь понять, что мне показалось странным. Амбары и сарай выглядели весьма прозаично, и я заметил потрепанный «Форд» Эйкели в его обшарпанном неохраняемом убежище. И тут секрет странности открылся мне. Ее создавала полнейшая тишина. Обычно ферму хоть частично оживляют звуки, издаваемые различной живностью. Но здесь всякие признаки жизни отсутствовали, и вот это отсутствие, несомненно, казалось странным.

Я не стал долго задерживаться на дорожке, а решительно открыл дверь и вошел, захлопнув ее за собой. Не скрою, это потребовало от меня определенного усилия, и теперь, оказав-

шись внутри, я испытал сильнейшее стремление убежать отсюда. Не то, чтобы внешний вид здания был зловещим; напротив, я решил, что созданный в позднем колониальном стиле, он выглядел очень законченным и изысканным и восхищал явным чувством вкуса человека, который его строил. То, что побуждало меня к бегству, было очень тонким, почти неспределенным. Вероятно, это был странный запах, который я почувствовал, хотя для меня был привычным запах затхлости, присущий даже лучшим старинным домам.

VII

Отбросив эти смутные колебания, я, следуя указаниям Нойеса, толкнул окантованную медью белую дверь слева. Комната была затемнена, о чем я был предупрежден; войдя в нее, я почувствовал тот же странный запах, который здесь был явно сильнее. Помимо этого, чувствовалась слабая, почти неощутимая вибрация в воздухе. На мгновение опущенные шторы сделали меня почти слепым, но тут извиняющееся покашливание или шепот привлекли мое внимание к креслу в дальнем, темном углу комнаты. В окружении этой темноты я разглядел белые пятна лица и рук; я пересек комнату, чтобы поприветствовать человека, пытавшегося заговорить. Как ни приглушено было освещение, я тем не менее догадался, что это действительно мой хозяин. Я много раз рассматривал фотографии, и, без сомнения, передо мной было это строгое, обветренное лицо с аккуратно подстриженной седой бородкой.

Но, взглядываясь, я почувствовал, как радость узнавания смешивается с печалью и тревогой; ибо передо мной было, несомненно, лицо человека очень больного. Мне показалось, что нечто более серьезное, чем астма, скрывалось за этим напряженным, неподвижным лицом, немигающими стеклянными глазами; только тут я понял, как тяжело повлияло на него пережитое. Случившегося было достаточно, чтобы сломать любого человека, и разве любой, даже молодой и крепкий, смог бы выдержать подобную встречу с запретным? Неожиданное и странное облегчение, догадался я, пришло к нему слишком поздно, чтобы спасти от серьезного срыва. Зрелище бледных, вялых рук, безжизненно лежащих на коленях, вызвало у меня укол сострадания. На нем был просторный домашний халат, а шея была высоко обмотана ярким желтым шарфом.

Тут я заметил, что он пытается говорить тем же сухим шепотом, каким приветствовал меня. Поначалу было трудно уловить этот шепот, поскольку серые усы скрывали движения

губ, и что-то в его тембре сильно меня беспокоило; но, сосредоточившись, я вскоре смог хорошо разбирать его слова. Произношение явно не было местным, а язык отличался даже большей изысканностью, чем можно было предположить по письмам.

— Мистер Уилмерт, если не ошибаюсь? Извините, что я не встаю поприветствовать вас. Видимо, мистер Нойес сказал, что я неважно себя чувствую; но я не мог не принять вас сегодня. Вам известно содержание моего последнего письма — но у меня есть еще многое, что я хотел бы сообщить вам завтра, когда буду получше себя чувствовать. Не могу выразить, как приятно мне лично познакомиться с вами после нашей переписки. Надеюсь, вы захватили с собой письма? А также звукозаписи и фотографии? Ноейс оставил ваш саквояж в прихожей — вы, наверно, заметили. К сожалению, нам придется отложить разговор, так что сегодня вы можете располагать своим временем. Ваша комната наверху — прямо над этой, а ванная возле лестницы. Обед для вас оставлен в столовой — через дверь направо — можете воспользоваться им в любое время. Завтра я смогу проявить большее гостеприимство, а сейчас, прошу извинить, чувствую себя слишком слабым.

Будьте, как дома, — можете оставить письма, запись фонографа и фотографии здесь, на столе, прежде чем подниметесь к себе наверх. Мы с вами обсудим все это здесь — видите, в углу находится фонограф.

Благодарю вас, но ваша помощь не потребуется. Эти приступы уже давно мучают меня, так что я привык к ним. Загляните ко мне ненадолго перед сном. Я ночую здесь; я часто так делаю. Утром мне наверняка будет лучше, так что мы сможем с вами заняться нашими делами. Вы, конечно, понимаете, что мы столкнулись с проблемой колоссальной важности. Нам, единственным на земле, открылись бездны пространства, времени и знания, превосходящие все, что до сих пор было доступно науке и философии человечества.

Знаете ли вы, что Эйнштейн был неправ и что существуют объекты, способные перемещаться со скоростью, превышающей скорость света? Существуют также способы перемещения вперед и назад во времени, так что можно *увидеть* и *ощутить* прошлое и будущее. Вы и представить себе не можете, до какой степени ушли вперед эти существа в области научных знаний. Для них нет буквально ничего невозможного в области манипуляции с сознанием и телом живого существа. Я надеюсь совершить путешествие на другие планеты и даже на другие звезды и в другие галактики. Первым будет посещение планеты Йюгтот, ближайшего из миров, на-

селенного этими существами. Это странная темная сфера на самом краю солнечной системы, до сих пор неизвестная нашим астрономам. Но я писал вам об этом. Настанет день, когда оттуда будет направлен на нас управляемый поток сознания, и планета в результате будет открыта людьми — или же один из их союзников здесь даст намек ученым.

Там, на Йюгтоте, имеются огромные города — гигантские многоярусные сооружения из черного камня, подобного тому образцу, который я пытался вам послать. Он попал сюда с Йюгтота. Солнце на этой планете светит не ярче звезд, но тамошние обитатели не нуждаются в свете. Они обладают иными, более тонкими органами чувств и не делают окон в своих гигантских домах и башнях. Наоборот, свет приносит им вред и мешает им, поскольку его нет в черных глубинах космоса по ту сторону пространства времени, где они обитают и откуда они явились. Посещение Йюгтота свело бы с ума любого слабого человека — и тем не менее я туда отправлюсь. Черные смоляные реки, текущие под загадочными циклопическими мостами, — построенными еще более древней расой, изгнанной и забытой прежде, чем нынешние создания пришли на Йюгтот из пучин бесконечности, — превратили бы любого человека в нового Данте или По, если только он сохранил рассудок, чтобы описать увиденное.

Но поверьте — тамошний темный мир грибных садов и городов без единого окна не столь ужасен, как может показаться. Только наше восприятие способно увидеть его кошмаром. Возможно, и для этих созданий тот мир представлялся ужасным, когда они прибыли туда в незапамятные времена. Они были здесь задолго до окончания сказочной эпохи Цтулху и помнят скрывшийся под водами Р'льех, когда он еще возвышался над океаном. Они был и внутри этой земли — есть такие отверстия в земной коре, о которых людям ничего не известно, — в том числе и здесь, в холмах Вермонта, — а в них великие неизведанные миры непознанной жизни; залитый голубым светом К'н — ян, залитый красным светом Йотх, и черный, лишенный света Н'кай. Именно из Н'кая явился ужасающий Тсатхогтуа — это, знаете ли, бесформенное, жабоподобное божье создание, упоминающееся в «Некрономиконе» и цикле легенд «Комморион», сохраненным для нас первосвященником Атлантиды по имени Кларкаш-Тон.

Но об этом мы с вами поговорим позже. Сейчас уже, наверное, четыре или уже пять часов. Давайте-ка принесите все, что вы привезли, потом сходите перекусить и возвращайтесь для обстоятельной беседы.

Я медленно повернулся и повиновался хозяину; принес

свой саквояж, открыл его и выложил на стол привезенные материалы, а потом поднялся в комнату, отведенную для меня. В сочетании со следами когтей, увиденными мною на дороге, слова, которые прошептал мне Эйкели, оказали на меня причудливое воздействие, а отзвуки знакомства с неизвестным миром грибовидных — запретным Йюгготом — вызвали у меня на теле мурашки, чего я, признаться, не ожидал. Я очень сожалел о болезни Эйкели, но должен признаться, что его хриплый шепот вызывал не только сочувствие и жалость, но и ненависть. Если бы он не так торжествовал по поводу Йюггота и его темных секретов!

Отведенная мне комната оказалась очень уютной и хорошо меблированной, лишенной как неприятного затхлого запаха, так и раздражающей вибрации воздуха; оставив там саквояж, я спустился вниз, поблагодарил Эйкели и отправился в столовую, чтобы съесть оставленный для меня ланч. Столовая находилась по ту сторону от кабинета, и я увидел, что кухонная пристройка расположена в том же направлении. На обеденном столе находилось несколько сэндвичей, кекс, сыр, а рядом с чашкой и блюдцем меня ждал термос с горячим кофе. Плотно закусив, я налил себе большую чашку, но обнаружил, что здесь качество не соответствовало кулинарным стандартам. Первая же ложечка оказалась со слабым привкусом кислоты, так что я больше не стал пить. Во время всего ланча меня не покидала мысль об Эйкели, сидевшем в темноте соседней комнаты, в глубоком кресле. Я даже заглянул туда, предложив ему тоже съесть что-нибудь, но он прошептал, что еще не может есть. Позднее, сказал он, перед сном я выпью молока с солодом — и это будет все на сегодня.

После ланча я вымыл посуду в раковине на кухне — вылив туда кофе, которому я не смог отдать должное. Вернувшись после этого в темную комнату, я придвинул кресло к своему хозяину и приготовился выслушать все, что он сочтет нужным мне сообщить. Письма, фотографии и запись все еще лежали на большом столе в центре комнаты, но пока что мы к ним не обращались. Вскоре я перестал обращать внимание даже на непривычный запах и странное ощущение вибрации.

Я сказал уже, что в некоторых письмах Эйкели — особенно во втором письме, наиболее обширном, — были такие вещи, которые я не решаюсь повторить или даже записать на бумаге. Это в еще большей степени относится к тому шепоту, который я выслушал тем вечером в темной комнате в доме, стоявшем близ одиноких холмов. Я не могу даже намекнуть на безграничность космического ужаса, открытую мне этим хриплым голосом. Он и ранее знал много чудовищного, но то, что он узнал теперь, заключив мир с Существами Извне, было чрез-

мерным бременем для нормальной психики. Даже и теперь я полностью отказываюсь поверить в то, что он говорил о формировании первичной бесконечности, о наложении измерений, об угрожаемом положении наших космических пространства и времени в бесконечной цепи связанных космосов-атомов, которые образуют ближайший супер-космос кривых, углов, а также материальной и полуматериальной электронной структуры.

Никогда еще психически нормальный человек не оказывался в такой близости к тайне бытия — никогда еще органический мозг не был ближе к аннигиляции в хаосе, который полностью переступает все пределы формы, энергии и симметрии. Я узнал, откуда *впервые* пришел Цтулху и почему с тех пор засияла половина великих звезд истории. Я догадался — по намекам, которые даже мой хозяин делал с паузами, — о тайнах Магеллановых Облаков и шаровидных туманностей, черной истине, скрытой за древней аллегорией Тао. Была полностью раскрыта тайна Дозлей, и мне стала известна сущность (хотя и не источник происхождения) Псов Тиндалоса. Легенда о Йиге, Отце Змей, уже перестала быть метафорической, и я стал испытывать отвращение, узнав о чудовищном ядерном хаосе по ту сторону искривленного пространства, которое в «Некрономиконе» было скрыто под именем Азатхотха. Было шокирующим переживанием присутствовать при снятии покровов тайны с кошмаров древних мифов, которые, будучи изложены в конкретных понятиях, своей ненавистностью превзошли самые дерзкие предсказания античных и средневековых мистиков. С неизбежностью я был подведен к мысли, что первые, кто прошептал эти страшные сказки, должно быть, имели контакты с Существами Извне и, вероятно, посетили космические сферы, которые теперь предложено посетить Эйкели.

Мне было сообщено о Черном камне и о том, что он обозначает, после чего я искренне порадовался, что камень ко мне не попал. Мои догадки относительно иероглифов на камне оказались правильными. Несмотря на все это, Эйкели заключил мир с дьявольской силой; мало того — жаждал заглянуть еще глубже в ее чудовищные пучины. Я поинтересовался, с кем из потусторонних существ беседовал он после его последнего письма ко мне, и много ли среди них было столь же близких к человеческому роду, как тот первый посланец, которого он упомянул. Ощущение напряжения в голове у меня стало нестерпимым, и мне приходили на ум самые дикие мысли относительно странного, устойчивого запаха и странных вибраций в темной комнате.

Приближалась ночь, и, припомнив рассказы Эйкели о пре-

жних ночах, я задрожал, подумав, что сегодня ночь будет безлунной. Не нравилось мне и то, что дом находился вблизи от заросшего лесом крутого склона, ведущего к необитаемой вершине Темной Горы. С разрешения Эйкели я зажег маленькую лампу, прикрутил ее, так что она светила еле-еле, и поставил на книжную полку рядом с бюстом Мильтона, похожим на привидение; потом я, однако, об этом пожалел, потому что свет лампы сделал лицо моего хозяина, и без того напряженное, неподвижное, а также его безвольно лежащие на коленях руки, похожими на лицо и руки покойника. Похоже было, что он совершенно не в силах шевельнуться, хотя несколько раз я заметил, как он кивает головой.

После всего им сказанного оставалось недоумевать, какие важные секреты он оставил на завтра; однако, в конце концов, стало ясно, что темой завтрашнего разговора будет его путешествие на Йюгтот и по ту сторону от него — и *мое собственное возможное участие в путешествии*. Его, по всей видимости, позабавило чувство ужаса, которое я испытал, услышав предложение о путешествии через космические просторы, ибо голова его сильно затряслась, когда мой страх стал очевидным. Затем он очень мягко объяснил, как человеческие существа могут совершить — и уже несколько раз совершали — на первый взгляд совершенно невероятный перелет через межзвездное пространство. Насколько я понял, человеческое тело целиком не совершало этого полета, дело в том, что потрясающий уровень хирургических, биологических, химических и механических возможностей Существ Извне позволил им найти способ перемещать человеческий мозг без сопутствующей физической субстанции.

Существовал безболезненный способ извлечения мозга и сохранения органического остатка в живом состоянии во время его отсутствия. Обнаженное мозговое вещество помещалось затем в периодически пополняемую жидкость внутри непроницаемого для эфира цилиндра, изготовленного из металла, который добывали только на планете Йюгтот. Через систему электродов, помещенных в вещество мозга, и соединенных с хитроумной аппаратурой, удавалось воспроизвести функции зрения, слуха и речи. Для крылатых грибовидных существ перемещение этих металлических цилиндров через космос не представляло никакой сложности. На каждой из планет, принадлежащей к их цивилизации, они могли использовать многочисленные стационарные приборы, способные к взаимодействию, с герметически закрытым мозгом. В результате, после небольшой настройки, эти перемещенные интеллекты могли вновь обрести полную способность к сенсорной деятельности и артикуляции — причем на любом эта-

пе их перемещения через континуум пространства-времени и за его пределами. Это было для них не сложнее, чем перевезти запись звука и воспроизвести ее в любом месте, где имеется фонограф соответствующей конструкции. Надежность процесса не подлежала сомнению. Поскольку это путешествие совершалось многократно, у Эйкели не было оснований бояться перелета.

Тут в первый раз за весь вечер одна из вялых, тощих рук указала на дальнюю стену комнаты, где находилась высоко расположенная полка. На этой полке в ровном ряду стояло более дюжины цилиндров из металла, подобного которому я ранее никогда не встречал, — цилиндры эти были высотой примерно в фут и несколько меньшего диаметра с тремя углублениями, расположенными в форме равностороннего треугольника на выпуклой передней поверхности. Один из цилиндров был соединен через два углубления или гнезда с двумя же странного вида приборами, стоявшими внизу. Мне уже не нужно было объяснять их предназначение, и меня стал бить озноб, как при малярийной лихорадке. Потом рука указала на ближний угол, где также располагались какие-то сложные приборы с присоединенными к ним проводами и штекерами, некоторые из них были похожи на два устройства, стоявшие на полке за цилиндрами.

— Перед вами четыре типа приборов, Уилмерт, — вновь зазвучал шепот. — Четыре типа — по три функции каждый — всего дает двенадцать единиц. В этих цилиндрах наверху представлено четыре вида различных существ. Трое из них — люди, шестеро — грибовидные существа, которые не могут телесно перемещаться в космосе, двое — существа с Нептуна (Господи! Если бы вы только видели, какие у них тела на своей планете!), Остальные же происходят из центральных пещер одной темной звезды, лежащей по ту сторону Галактики. На главном аванпосту внутри Круглого Холма вы можете обнаружить другие цилиндры и приборы — цилиндры внекосмических веществ мозга, органы чувств у которых отличны от наших, — это союзники и исследователи из самых дальних пределов, расположенных Извне — и специальные приборы, предназначенные для того, чтобы их восприятие и возможности выражения устривали как их самих, так и их слушателей. Круглый холм, как большинство из аванпостов, используемых существами в разных частях Вселенной, представляет собой крайне космополитическое место. Разумеется, мне для экспериментов были переданы только представители самых простых типов.

Теперь возьмите вот эти три прибора, на которые я указываю, и поставьте их на стол. Вон тот высокий с двумя стеклянными линзами на передней части — потом ящик с

электронными лампами и резонатором — и еще вон тот с металлическим диском наверху. А теперь цилиндр с этикеткой «Б-67», видите? Подставьте этот виндзорский стул, чтобы дотянуться до полки. Тяжелый ли? Не беспокойтесь! Не перепутайте этикетку — «Б-67». Не заденьте тот новенький, блестящий цилиндр, который присоединен к двум измерительным инструментам — тот, что с моим именем на этикетке. Так, поставьте теперь «Б-67» на стол рядом с приборами — и установите вот этот переключатель на всех трех приборах в крайнее левое положение.

Сейчас соедините провод от прибора с линзами с верхним гнездом цилиндра — да, вот так! Присоедините теперь таким же образом прибор с электронными лампами к левому гнезду, а прибор с диском к внешнему гнезду. А теперь переместите все указатели приборов в крайнее правое положение — сначала у того, что с линзами, потом — с диском, а потом — с лампами. Так, хорошо. Я должен вам сказать, что перед вами здесь одно из человеческих существ. Такое же, как и любой из нас. Некоторых других я покажу вам завтра.

До сих пор не могу понять, почему я так покорно подчинялся шепоту, и еще — кем я тогда считал Эйкели — психически нормальным или безумцем. После происшедшего я, кажется, должен был бы ко всему приготовиться; однако этот механический балаган столь напоминал причуды сумасшедших изобретателей или ученых-маньяков, что у меня возникли сомнения более сильные, чем даже те, что вызвал предшествовавший разговор. То, что сообщил шепчущий, лежало далеко за пределами всех человеческих знаний и верований, — однако разве другие вещи, еще более выходящие за указанные пределы, не выглядят менее абсурдными только потому, что не предполагают конкретных вещественных доказательств?

Пока мой разум метался в творящемся хаосе, я уловил скрип и жужжание от всех трех приборов, присоединенных к цилиндру, — скрип и жужжание, которые вскоре ослабли до полной бесшумности. Что должно было произойти? Или мне предстояло услышать голос? А если так, то как мне можно было убедиться, что все это — не хитроумное приспособление, в которое говорит спрятанный человек? Даже сейчас я не могу с уверенностью сказать, что же я услышал или что там на самом деле происходило. Но что-то определенно происходило.

Чтобы быть кратким, скажу только, что машина с лампами и громкоговоритель начали говорить, причем по содержанию речи стало очевидным присутствие говорящего и его возможность нас видеть. Голос был громким, безжизненным, металлическим и механическим во всех своих проявлениях. В нем не было никакого намека на интонацию или вырази-

тельность, и он дребезжал и скрипел с чрезвычайной четкостью и неторопливостью.

— Мистер Уилмерт, — произнес голос, — надеюсь, что не испугал вас. Я — такое же человеческое существо, как и вы, но тело мое в данный момент находится в безопасности внутри Круглого Холма, примерно в полутора милях к востоку отсюда — оно подвергается сейчас требуемому оживляющему воздействию. Сам же я здесь, слышу и говорю при помощи этих электронных вибраторов. Через неделю я отправляюсь через пространство, как уже много раз делал до этого, и надеюсь, что мистер Эйкели составит мне приятную компанию. Я хотел бы и вас видеть рядом, ибо мне известны ваши взгляды и ваша репутация, а кроме того, я хорошо знаком с вашей перепиской. Я являюсь, как вы, разумеется, догадались, одним из союзников Существ Извне, которые посещают нашу планету. Впервые я встретился с ними в Гималаях и там оказал им некоторые услуги. В ответ они дали мне возможность испытать то, что мало кому из людей когда-либо приходилось испытывать.

Вы можете себе представить, что я побывал на тридцати семи различных небесных телах — планетах, темных звездах, а также менее определенных объектах — включая восемь, находящихся за пределами нашей галактики, а два — вообще, по ту сторону искривленного космоса пространства и времени. Все это не причинило мне ни малейшего вреда. Мозг мой был отделен от моего тела при помощи столь искусных разрезов и сечений, что назвать это хирургической операцией было бы слишком грубо. Прилетающие существа обладают методами, позволяющими так искусно отделять мозг от тела, что тело не стареет, когда из него извлечен мозг. Добавлю, что с применением аппаратуры мозг становится практически бессмертным, необходимо только периодически менять раствор, в котором он сохраняется.

В общем, я искренне надеюсь, что вы решитесь на это путешествие вместе со мной и мистером Эйкели. Пришельцы жаждут знакомства со знающими людьми, такими, как вы, чтобы показать им величайшие первозданные пучины, которые мы могли разве что воображать по своему невежеству. Первая встреча с этими существами может вас озадачить, но я не сомневаюсь, что вы будете выше этого. Я думаю, что мистер Нойес тоже отправится с нами — это тот, кто привез вас сюда в своей машине. Он уже несколько лет с нами — думаю, что вы узнали его голос по той записи, которую прислал вам мистер Эйкели.

Тут говорящий сделал небольшую паузу, отреагировав на то, как я вскочил с места, а затем продолжил.

— Итак, мистер Уилмерт, оставляю решение на ваше усмотрение; добавлю лишь, что человек с вашей любовью ко

всему необычному, интересом к фольклору не может пропустить такой шанс. Вам абсолютно нечего бояться. Все перемещения производятся безболезненно, более того — есть особого рода наслаждение в полностью механизированном состоянии органов чувств. Когда же электроды отключены, то вы просто погружаетесь в сон, полный ярких фантастических видений.

А теперь, если не возражаете, мы прервем наш разговор до завтрашнего утра. Доброй ночи — пожалуйста, отключите все эти тумблеры, верните их в левое крайнее положение; порядок не имеет значения, хотя лучше, если прибор с линзами вы отключите последним. Доброй ночи, мистер Эйкели, — прошу вас, отнеситесь к нашему гостю с максимальным уважением! Ну, что, готовы выключить?

Я механически подчинился и выключил все три тумблера, хотя меня раздирали сомнения по поводу всего происходящего. Моя голова все еще кружилась, когда я услышал шепот Эйкели, который попросил меня оставить все приборы на столе. Он никак не прокомментировал случившееся здесь, да и вряд ли какой-либо комментарий мог быть воспринят моим перегруженным сознанием. Я услышал, как он предложил мне взять в свою комнату лампу и заключил тем, что ему хочется теперь побыть одному в темноте. Пора было отдыхать, ибо его дневной и вечерний монологи утомили бы и совершенно здорового человека. Все еще ошарашенный, я пожелал хозяину доброй ночи и стал подниматься по лестнице, держа в руке лампу, хотя в кармане у меня лежал превосходный фонарик.

Я был рад покинуть этот кабинет, с его странным запахом и смутным ощущением вибрации, и в то же время никак не мог отрешиться от кошмарного ощущения страха, загадочности и космической аномальности происходившего в комнате, из которой только что вышел, и столкновения с невиданной силой. Дикая, пустынная местность; темный, таинственный, поросший лесом склон, подошедший так близко к дому; следы на дороге; болезненный, неподвижный хозяин дома, шепчущий во тьме; дьявольские цилиндры и приборы, и в довершение всего — приглашение подвергнуться невероятной хирургии и совершить немыслимое путешествие — все это, столь неожиданное и многочисленное, обрушилось на меня с нарастающей силой, которая подорвала мою волю и, похоже, физическое здоровье.

Особенно шокирующим оказалось то обстоятельство, что мой добровольный гид Нойес был участником чудовищного древнего ритуала, шабаша, зафиксированного фонографом, хотя я с самого начала почувствовал что-то смутно знакомое в его голосе. Другим шоком было мое отношение к хозяину,

поражавшее меня всякий раз, когда я пытался его анализировать; потому что, насколько я испытывал симпатию к нему раньше, по его письмам, настолько отталкивающее впечатление произвел он на меня сегодня. Казалось бы, его болезнь должна была вызвать у меня сострадание; но вместо этого меня охватила дрожь ужаса. Он был таким безжизненным, малоподвижным, похожим на труп — а этот беспрестанный шепот был таким ненавистным и нечеловеческим!

Мне пришло в голову, что этот шепот отличался от всего, что мне когда-либо приходилось слушать; что, несмотря на удивительную неподвижность губ шепчущего, прикрытых усами, в нем была некая скрытая сила и мощь, удивительная для сдавленной речи астматика. Я мог разобрать все слова говорящего, сидя в другом конце комнаты, а пару раз мне показалось, что слабые, но всепроникающие звуки его речи отражали не столько слабость, сколько умышленное подавление силы — причины этого были мне неясны. С самого начала в тембре голоса обнаружилось что-то раздражающее. Теперь, когда я пытался в этом разобраться, мне показалось, что сложившееся впечатление аналогично тому, которое сделало голос Нойеса таким смутно зловещим для меня. Но где или когда я с ним сталкивался, по-прежнему оставалось загадкой.

Одно было совершенно ясно — я не хотел бы провести здесь еще одну ночь. Моя жажда знаний улетучилась, растворившись в ужасе и отвращении, и теперь у меня было лишь единственное желание — побыстрее убежать из этой паутины болезненности и противоестественных откровений. Того, что я узнал, было для меня вполне достаточно. По всей видимости, странные космические контакты имели место в действительности, — но нормальному человеку, безусловно, не стоило с ними связываться.

Богохульство как будто обступило меня со всех сторон и невыносимо давило на все мои чувства. Я понял, что заснуть в эту ночь мне не удастся; я просто погасил лампу и лег на постель прямо в одежде. Это было, конечно, абсурдно, но я готовился к любой неожиданности, сжав в правой руке захваченный на всякий случай револьвер, а в левой — свой карманный фонарик. Снизу не было слышно ни звука, и я представлял себе, что мой хозяин сидит в кресле, как мертвец, в жесткой неподвижности, окруженный тьмой.

Откуда-то доносилось тиканье часов, и нормальность этого звука порождала во мне смутное чувство признательности. Однако этот звук напоминал мне еще одно обстоятельство, которое внушало тревогу, — полное отсутствие признаков животных, а теперь я осознал, что и привычные шумы дикой

природы тоже совершенно отсутствовали. Если не считать зловещего плеска отдаленных вод, тишина создавала впечатление аномальности происходящего — межпланетарную пустоту — и я задался вопросом — какая неясная порча, порожденная далекими звездами, обрушилась на эту местность. Я припомнил из старых легенд, что собаки и другие животные всегда ненавидели Существ Извне, подумал о том, что же могли значить те следы на дороге.

VIII

Не спрашивайте меня, сколько длилось мое забытие и что из последовавшего было просто сном. Если я скажу, что временами просыпался, что-то слышал или видел, вы ответите, что это мне тоже только снилось и что все случившееся дальше было сном вплоть до момента, когда я выбежал из дома, добрался до сарая, в котором увидел старый «форд», забрался в него и начал безумную, бесцельную гонку по холмистой местности, которая, в конце концов, вывела меня — после многочасового блуждания по пугающим лесным лабиринтам — в деревню, оказавшуюся Тауншендом.

Вы, наверняка, не склонны будете доверять и всем остальным деталям моего рассказа: скажете, что все фотографии, звукозаписи, цилиндры, разговаривающие при помощи приборов, и тому подобные доказательства есть не что иное, как чистой воды обман со стороны исчезнувшего Генри Эйкели, самая настоящая мистификация. Вы можете даже намекнуть, что он сговорился с другими чудаками, чтобы осуществить эту глупую, но изощренную мистификацию, — что он сам организовал инцидент в Киине, когда с поезда сняли посылку с черным камнем, и что он подговорил Нойеса сделать ту чудовищную запись на восковом валике. Однако остается странным, что Нойеса так никогда и не обнаружили; что он оказался неизвестным во всех деревнях близ дома Эйкели, нигде его не знали, хотя он часто бывал в этих местах. Я хотел бы прекратить попытки вспомнить номер его автомобиля — а может быть, лучше, что я и не вспомнил. Ибо я, что бы там ни говорили и что бы сам я ни говорил себе, знаю, что зловещие создания Извне должны скрываться где-то в области малоизученных холмов и что существа эти имеют своих шпионов и посланцев среди людей. Держаться подальше от этих существ и их посланцев — вот все, чего бы мне хотелось в дальнейшей жизни.

Когда мой безумный рассказ побудил шерифа послать от-

ряд к дому, Эйкели исчез безо всякого следа. Его просторный халат, желтый шарф и ножные бинты лежали на полу в кабинете рядом с его изящным креслом, причем нельзя было понять, что еще из одежды пропало вместе с ним. Собаки и скот действительно отсутствовали, а на стенах дома и внутри его имелись необычные следы пуль; однако, помимо этого, ничего необычного обнаружено не было. Ни цилиндров, ни приборов, ни тех доказательств, которые я привез с собой в саквояже, ни странного запаха, ни вибраций, ни следов на дороге, ничего загадочного, на что я обратил внимание в последний момент.

Неделю, последовавшую за моим бегством, я провел в Бреттлборо, расспрашивая самых разных людей, которые знали Эйкели, и убедился, что все случившееся не есть плод иллюзий или сна. Станные закупки собак и боеприпасов, а также химикатов, которые осуществлял Эйкели, разрезания его телефонных кабелей, которые были записаны; вместе с тем все, кто его знал, — включая сына в Калифорнии — настаивали, что его отрывочные высказывания по поводу своих странных исследований были весьма последовательны. Солидные люди считали его сумасшедшим и, не раздумывая, заявляли, что все собранные доказательства являются лишь мистификациями, сфабрикованными с изощренностью безумца и, возможно, поддерживали его соображения во всех деталях. Он показывал кое-кому из этих простых деревенских жителей фотографии и черный камень и даже давал прослушивать ужасающую звукозапись; и все до единого твердо сказали, что следы и жужжащий голос были точно такими же, как описывали старинные легенды.

Они подтвердили также, что возле дома Эйкели все чаще и чаще можно было видеть и слышать что-либо подозрительное после того, как он обнаружил черный камень, и что это место теперь избегают все, кроме почтальона и случайных людей. Темная Гора и Круглый Холм были давно уже печально знамениты, как места, посещаемые призраками, так что мне не удалось найти людей, которые когда-либо тщательно осматривали хоть одно из этих мест. Случавшиеся время от времени исчезновения местных жителей в истории этого района были тщательно зафиксированы, среди них значилось исчезновение полубродяги Уолтера Брауна, о котором неоднократно упоминал Эйкели в своих письмах. Я даже встретил одного фермера, утверждавшего, что он своими глазами видел одно из странных мертвых тел во время наводнения в потоке вспученной Уест-Ривер, однако рассказ его был слишком путаным, чтобы относиться к нему серьезно.

Покидая Бреттлборо, я решил никогда больше не возвра-

щаться в Вермонт и в тот момент был уверен, что решение мое окончательное. Эти дикие холмы и в самом деле были аванпостом наводящей страх космической расы — в чем я уже почти не сомневался после того, как прочитал сообщение об открытии девятой планеты за пределами Нептуна, что было предсказано пришельцами. Астрономы, даже не подозревая сами, насколько зловеще точными они оказались, назвали эту планету Плутон. Я понимал, что это — не что иное, как Йюгтот — мрачный, как ночь, — и меня охватывала дрожь при попытках понять, почему ее чудовищные обитатели желали открытия своей планеты именно таким образом и именно в это время. Я безуспешно старался убедить себя, что демонические создания не намерены совершить нечто враждебное по отношению к Земле и ее обитателям.

Но я еще не рассказывал вам, чем же закончилась та ужасная ночь в сельском доме. Как я упомянул, в конце концов, меня захватил в свои объятия тревожный сон; дремота, переполненная обрывками сновидений, в которых передо мной являлись чудовищные пейзажи. Что именно разбудило меня, я не могу еще сказать, но то, что в какой-то момент я действительно проснулся, не подлежит сомнению. Первое смутное впечатление состояло в том, что мне послышались крадущиеся шаги за моей дверью, скрип половиц и неуклюжие попытки справиться с дверным замком. Это, однако, очень быстро прекратилось; а затем очень явственно донеслись до меня голоса снизу, из кабинета. Там, по всей видимости, было несколько говоривших, причем чувствовалось, что между ними идет спор.

Прислушавшись несколько секунд, я полностью стряхнул с себя сон, ибо голоса были такие, что помышлять о продолжении ночного отдыха было совершенно невозможно. Интонации говоривших были различными, но тот, кто хоть раз слушал эту проклятую запись фонографа, ничуть не сомневался бы в происхождении и принадлежности, по крайней мере, двух из них. Как ни чудовищна была эта мысль, но я понял, то нахожусь под одной крышей с безымянными существами из пучин космоса; ибо эти два голоса, несомненно, представляли собой дьявольское жужжание, которое использовали Существа Извне в своих разговорах с людьми. Голоса эти были разными — они отличались по высоте, темпу и интонации, — но это были те самые проклятые голоса.

Третий голос, безусловно, шел от машины, которая соединялась с одним из изолированных веществ мозга, содержащимся в цилиндре. Отличить его можно было даже яснее, чем жужжание пришельцев; громкий; металлический, безжизненный голос, который я слышал накануне вечером, с его

безликой, лишенной всякой интонации, скрипучей манерой был незабываемым. Я не пытался задаться вопросом, был ли он идентичен тому самому, который я слышал вечером, потому что понял, что *любой* мозг будет продуцировать вокальные тона одинакового характера, будучи присоединенным к тому же самому прибору; единственные отличия могли касаться языка, ритма, скорости и произношения. В довершение картины были слышны два подлинных человеческих голоса: один — грубый голос неизвестного мне и, без всякого сомнения, местного жителя; в другом я без труда узнал мягкие бостонские нотки моего давешнего гида, мистера Нойеса.

По мере того, как я пытался разобрать слова, которые массивный пол моей комнаты столь надежно глушил, я уловил также шум, шарканье и скрипы в той комнате, где собрались говорившие; это не позволяло избавиться от впечатления, что кабинет переполнен живыми существами — их, по всей видимости, было куда больше, чем позволяли предположить голоса. Истинную природу царившего там возбуждения и шума описать трудно, ибо не с чем было сравнить происходящее. По комнате передвигались какие-то предметы, причем словно они были разумными существами; звук их шагов был подобен тяжелому топоту — как будто по полу тяжело и неуклюже шатались плохо скоординированные создания из твердой резины или роговой массы. Если применить более конкретное, но менее точное сравнение, — как будто люди в разбитых деревянных ботинках не по размеру ковыляли и топали на полированном полу. Я даже не пытался представить себе происхождение и внешний вид тех, кто издавал эти звуки.

Вскоре я понял, что разобрать что-то связное в происшедшем разговоре мне не удастся. Отдельные слова — включая имя Эйкели и мое — звучали время от времени довольно разборчиво, особенно когда их произносил механический голос; однако подлинное значение их оставалось неясным. И по сей день я не могу вывести определенного связного содержания из услышанного, а страх, порожденный ими, был скорее *внушенным*, чем *открывшимся* в результате ужаснувшего меня *откровения*. Леденящий кровь конклав собрался там, внизу, понимал я; но что именно обсуждалось — было загадкой. Любопытно, что меня охватило ощущение безусловного святотатства и гибельности происходящего, вопреки уверениям Эйкели о дружелюбии Существ Извне.

Терпеливо прислушиваясь, я, наконец, начал отличать голоса друг от друга, хотя еще не в силах был схватить суть произносимого внизу. Однако мне удалось, насколько я понял, уловить эмоции, владевшие основными участниками об-

суждения. Один из жужжащих голосов, несомненно, принадлежал носителю каких-либо властных полномочий, поскольку в нем слышались нотки авторитарности; механический же голос, несмотря на свою громкость и регулярность, явно принадлежал носителю подчиненной позиции, в нем была даже мольба. В голосе Нойеса звучали примирительные оттенки. Что касается других участников, то тут я не решался сделать предположения. Я не расслышал уже знакомый мне шепот Эйкели, но это меня не удивило, поскольку столь слабый звук ни за что не проник бы через массивный пол моей комнаты.

Я попытаюсь привести здесь кое-что из разрозненных слов, а также других звуков, с указанием тех, кто их произносил, разумеется, по моей догадке. Первые разборчивые фразы принадлежали говорящей машине.

(Говорящая машина)

«...взял это на себя... получить обратно письма и записку... кончить на этом... обманут... видеть и слышать... черт побери... безличная сила, в конце концов... новенький, блестящий цилиндр... Боже правый...»:

(Первый Жужжащий Голос)

«...в этот раз мы остановились... маленький и человеческий... Эйкели... мозг... говорит...»

(Второй Жужжащий Голос)

«...Ньярлатхотеп... Уилмерт... Записи и письма... дешевое жульничество...»

(Нойес)

«... (Непроизносимое слово или имя, может быть, — Н'га-Ктхан)... безвредно... покой... пару недель... театрально... говорил вам об этом раньше...»

(Первый Жужжащий Голос)

«...нет повода... первоначальный план... результаты. Нойес может стеречь... Круглый Холм... новый цилиндр... машина Нойеса...»

(Нойес)

«...ладно... все ваши... здесь внизу... отдохнуть,... место»

(Несколько Голосов одновременно и совершенно неразборчиво)

(Топот множества ног, сливающийся с возбужденным шумом и грохотом)

(Странный звук хлопающих крыльев)

(Шум заведенного автомобиля, постепенно удаляющийся)

(Тишина)

Вот какие звуки донеслись до моих ушей снизу, пока я, не шевелясь, лежал на кровати в этом сельском доме — пристанище призраков, расположившемся вблизи демонических

холмов — я лежал совершенно одетый, сжимая в правой руке револьвер, а в левой — карманный фонарик. Сна у меня не было, как я уже сказал, ни в одном глазу; и тем не менее какой-то жуткий паралич сковал меня до тех пор, пока эхо последних звуков не исчезло вдали. Я слышал тиканье старинных деревянных коннектикутских часов откуда-то снизу, а также неровный храп спящего человека. Видимо, Эйкели заснул после этого бурного ночного обсуждения, и я нисколько не был удивлен.

Даже просто подумать, что все это значит или решить, что мне делать, я не мог. В конце-то концов, что я услышал, помимо того, на что меня уже навела предыдущая информация? Разве я не знал, что Пришельцы теперь свободно приходят в этот дом? Эйкели, несомненно, был удивлен их столь неожиданным визитом сегодня. И все-таки что-то в этом отрывочном разговоре невообразимо испугало меня, пробудило самые чудовищные подозрения и самые ужасные сомнения, заставило страстно желать, чтобы все это оказалось не более, чем сном. Я думаю, что мое подсознание уловило нечто, недоступное пока моему рассудку. Но как там Эйкели? Как он себя вел? Разве он не мой друг и разве он мог допустить, чтобы мне был причинен какой-нибудь вред? Мирное похрапывание снизу, казалось, доказывало смехотворность охвативших меня страхов.

Возможно ли, чтобы Эйкели был использован зловещими силами в качестве средства, чтобы заманить меня сюда, в эти холмы, вместе с письмами, фотографиями и записью фонографа? Неужели эти существа собрались уничтожить нас обоих, потому что мы слишком много знаем о них? Вновь мне на ум пришла мысль о несжданности и неестественности того изменения ситуации, которое произошло между предпоследним и последним письмами Эйкели. Что-то, подсказывало мне чутье, было не так. Все было не так, как выглядело. Этот кислый кофе, который я выплеснул, — не было ли тут попытки со стороны неизвестной силы подмешать яд или наркотик? Я должен поговорить с Эйкели, причем немедленно, и призвать его к трезвой оценке ситуации. Они загипнотизировали его своими обещаниями космических путешествий и открытий, но теперь он вынужден будет прислушаться к доводам рассудка. Мы должны выбраться отсюда, пока не поздно. Если ему не хватает силы воли, чтобы вырваться на свободу, то я должен его поддержать. Ну, а уж если мне не удастся убедить его, то, по крайней мере, самому нужно отсюда бежать. Я уверен, что он одолжит мне свой «форд», а я могу оставить его в Бреттлборо, в гараже. Я увидел его в сарае — дверь была приоткрыта, и я был уверен, что машину

удастся сразу завести. Та минутная неприязнь к Эйкели, которую я ощутил во время нашего вечернего разговора и сразу после его окончания, теперь бесследно исчезла. Теперь он был в таком же положении, как и я, так что мы должны были держаться друг друга. Зная о его болезненном состоянии, я очень не хотел будить его, но иного выхода не было. Я понял, что оставаться в этом доме до утра невозможно.

Наконец, я почувствовал, что смогу начать действовать, и вытянулся, чтобы напрячь все мышцы и восстановить свой контроль над ними. Поднявшись, я стал действовать очень осмотрительно и тихо, повинаясь скорее импульсу, чем сознательному обдумыванию. Я нашел свою шляпу, взял саквояж и направился вниз по лестнице, освещая себе путь фонариком. В правой руке я по-прежнему нервно сжимал револьвер, держа в левой и саквояж и фонарик одновременно. Зачем я предпринял эти предосторожности, я не очень понимал, поскольку на самом деле спускался вниз, чтобы разбудить единственного, помимо меня, обитателя дома.

Спустившись на цыпочках по скрипящей лестнице в нижний холл, я смог услышать спящего более явственно и понял, что он, скорее всего, находится в комнате слева от меня — гостиной, в которую я не заходил. Справа от меня развезалась дверь кабинета, из которого я некоторое время назад слышал голоса. Открыв незапертую дверь гостиной, я провел дорожку светом фонарика по направлению к источнику храпа и, наконец, осветил лицо спящего. Но в следующее мгновение я резко отвел от него луч фонарика и быстро, по-кошачьи выскочил в холл, на этот раз проявив осторожность не инстинктивно, а совершенно сознательно. Дело в том, что спящим на диване был вовсе не Эйкели, а мой бывший попутчик Нойес.

В чем тут дело, я не мог понять; но здравый смысл подсказывал мне, что самое безопасное было бы — выяснить как можно больше, прежде чем кого-либо будить. Вернувшись в холл, я тщательно прикрыл за собой дверь в гостиную; тем самым снизив шансы разбудить Нойеса. После этого я тихонько вошел в кабинет, где ожидал увидеть Эйкели, спящего или бодрствующего, в большом угловом кресле, которое, очевидно, было излюбленным местом его отдыха. Пока я двигался вперед, луч фонарика поймал большой центральный стол, на котором стоял один из этих дьявольских цилиндров, с машинами для зрения и слуха, присоединенных к нему, а также с говорящей машиной, которую можно было присоединить в любой момент. Здесь, как я предполагал, находился мозг, который говорил со мной во время той жуткой встречи предыдущим вечером; на секунду я испытал непреодолимое

желание присоединить к нему говорящую машину и посмотреть, что он теперь скажет.

Должно быть, он и сейчас ощущал мое присутствие; ибо приборы для зрения и слуха не могли бы пропустить свет моего фонарика и скрип половиц под моими ногами. Однако мне сейчас было не до того, чтобы выслушивать эту штуку. Я безучастно отметил про себя, что это было совсем новенький цилиндр с именем Эйкели на нем, который я раньше видел на полке и который мой хозяин просил не трогать. Вспоминая теперь это обстоятельство, я могу только пожалеть о своей робости и думаю, что необходимо было заставить этот цилиндр говорить. Бог знает, какие тайны, ужасные сомнения и вопросы это могло бы прояснить! Но в тот момент с моей стороны оказалось милосердием, что я оставил этот препарат в покое.

Со стола я перевел луч фонарика в угол, где, как я думал, сидит Эйкели, но обнаружил, к своему изумлению, что кресло было пустым, то есть в нем никто не сидел. С сиденья на пол свешивался знакомый старый домашний халат, а рядом с ним на полу лежал желтый шарф, а также громоздкие бинты — повязки на ступни, которые показались мне такими странными. Пока я размышлял, куда мог деваться Эйкели и почему это он так легко расстался со своими аксессуарами больного, я заметил, что комната очистилась от странного запаха и что вибрация, на которую я обращал внимание раньше, тоже отсутствует. Что же, в таком случае, было их источником? Неожиданно я сообразил, что ощущал их только во время присутствия здесь Эйкели. Они были сильнее всего там, где он сидел, и полностью отсутствовали за дверью этой комнаты. Я остановился и стал обводить комнату лучом своего фонарика, напрягая свой мозг поисками объяснений того, что произошло здесь.

О, если бы Небу было угодно, чтобы я ушел прежде, чем свет фонарика упал на пустое кресло еще раз! После того, как это все-таки произошло, я не мог уйти тихо; вместо этого я издал приглушенный крик, который, видимо, потревожил, хотя и не разбудил спящего с другой стороны холла. Мой сдавленный крик и прежнее ровное похрапывание Нойеса были последними звуками, которые я слышал в подавленном безумием доме под покрытой черными деревьями вершиной холма, населенного призраками, — в этом доме, ставшем средоточием транскосмического ужаса меж одиноких зеленых холмов и шепчущих проклятия ручьев этой древней земли.

Удивительно, что я не выронил из рук фонарик, саквояж и револьвер во время своего панического бегства, но мне как-то удалось все это удержать. Я выбрался из ужасной комнаты

и из этого дома без всякого лишнего шума, сумел забраться со своими пожитками в старый «форд», стоявший под навесом, и вывести эту древнюю развалюху, чтобы отправиться на ней в неизвестную мне пока зону безопасности посреди этой черной безлунной ночи. Последовавшая затем гонка была похожа на бред, порожденный воображением По или Рембо, или гравюрами Гюстава Доре, но в конце концов я достиг Тауншенда. Вот и все. Если мое психическое здоровье до сих пор сохранилось, то это чистая удача. Время от времени меня охватывает страх при мысли, что принесут предстоящие годы, особенно это проявляется с тех пор, как была открыта столь неожиданно планета Плутон.

Как я уже упоминал, тогда мой фонарик вновь вернулся к пустому креслу, описав перед этим круг по комнате; и тут я в первый раз заметил на сиденье странные предметы, поначалу не разглядев их из-за разбросанных пол пустого халата. Эти предметы, всего три, не были впоследствии обнаружены следователями. Как я сказал уже в самом начале, ничего собственно ужасного в них не было. Кошмар определялся тем, что можно было предположить, исходя из их присутствия здесь. Даже теперь меня не покидают сомнения — моменты, во время которых я почти готов разделить скепсис людей, приписавших все случившееся со мною сну, галлюцинациям и расстроеным нервам.

Эти три предмета были чертовски умно сконструированы и снабжены весьма оригинальными металлическими зажимами для их присоединения к органическим образованиям, о которых я не пытаюсь делать никаких предположений. Я надеюсь — искренне надеюсь — что то были восковые объекты, произведения искуснейшего художника, хотя мой глубоко кроющийся внутренний страх подсказывает совершенно иное. Боже праведный! Этот шепчущий во тьме, окруженный отвратительным запахом и вибрациями! Колдун, чародей, посланник, ребенок, подмененный эльфами, тот, что извне... этот страшный шепот... подавленное жужжание... и все это время — в новеньком блестящем цилиндре на полке... бедняга... «Потрясающий уровень хирургических, биологических, химических и механических возможностей...»

Дело в том что три предмета на кресле были совершенными, до самой последней микроскопической детали точными копиями — или оригиналами — лица и обеих рук Генри Уэнворта Эйкели.

Х.Ф.ЛАВКРАФТ

ТЕНЬ БЕЗВРЕМЕНЬЯ

I

После того как в течение двадцати двух лет почти непрерывных мучений и ужасных переживаний мой разум спасался лишь отчаянной верой в мифическое происхождение терзавших его видений, я уже не имею морального права поручиться за реальность существования всего того, что, как мне представляется, мне удалось отыскать в ночь с 17 на 18 июля 1935 года в пустыне Западной Австралии. У меня сохраняется, правда, некоторая надежда на то, что данное открытие явилось целиком, либо, по крайней мере, отчасти плодом галлюцинации, хотя вопиющая реальность всего пережитого представляется мне настолько очевидной, что я уже начинаю считать подобную надежду абсолютно беспочвенной.

Если все описываемые события действительно имели место, то в таком случае человеку следует быть готовым к тому, чтобы смириться с существованием такого понятия как Космос и осознать свое истинное место в бурлящем водовороте времени, одно лишь упоминание о котором способно оказать на него ошеломляющее и даже парализующее воздействие. Кроме того, он должен быть постоянно начеку перед весьма необычной и глубоко затаившейся угрозой, которая если и не способна поразить разом все человечество, однако может подвергнуть своему чудовищному и доселе неразгаданному воздействию отдельных его наиболее безрассудных представителей. Именно по этой последней причине я хотел бы со всей настойчивостью предостеречь любого исследователя или ученого от каких-либо попыток повторно раскопать фрагменты того загадочного первобытного сооружения, которое было обнаружено в ходе работы нашей экспедиции.

С учетом того, что во время описываемых событий я пребывал в здравом уме и трезвой памяти, смею утверждать, что выпавшие на мою долю испытания никогда еще не были известны ни одному из населяющих нашу планету людей. Они явились чудовищным подтверждением реальности всего того, что я так долго и настойчиво пытался опровергнуть как некий миф или выдумку. Как ни странно, я благодарю судьбу за то, что в настоящее время не существует никаких доказательств моего открытия, поскольку, объятый ужасом, я тогда потерял тот зловещий предмет, который, будучи извлеченным на земную поверхность, несомненно, с неопровержимой убедительностью подтвердил бы его наличие.

Свою кошмарную находку я обнаружил в одиночку и до настоящего времени никому о ней не рассказывал. Разумеется, я был не в праве запретить другим исследователям заниматься раскопками в том же районе, однако волею судьбы и благодаря смещению зыбучих песков они с тех пор так ничего там и не

нашли. Сейчас же я считаю себя обязанным сделать вполне конкретное заявление — не столько во имя сохранения собственного душевного спокойствия и умственного равновесия, сколько для того, чтобы предупредить и предостеречь тех людей, которые не только с доверием, но и с достаточной серьезностью отнесутся к содержанию этих строк.

Данное повествование, начальная часть которого во многом покажется знакомой внимательным читателям прессы, особенно — следящим за публикациями на научные темы, написано в каюте парохода, который вернул меня к родным берегам. По завершении работы я намерен передать их своему сыну, профессору Мискатонского университета Уингейту Пейнсли, являющемуся единственным членом моей семьи, сохранившим ко мне родственные чувства и любовь после постигшего меня много лет назад странного приступа амнезии, и остающемуся наиболее информированным человеком по части подоплеку описываемых событий. Из всех живущих людей он, надеюсь, будет в наименьшей степени склонен высмеивать содержание моего повествования о событиях той роковой ночи.

Перед посадкой на судно я воздержался от передачи ему какой-либо информации в устной форме, поскольку полагал, что будет лучше, если он ознакомится именно с моими записями. Прочтение, а затем, возможно, и повторное ознакомление с ними в досужий час, позволит ему получить гораздо более целостное представление о пережитом мною, нежели на то может рассчитывать мой сбивчивый и во многом непоследовательный рассказ.

Он также вправе исключительно по собственному усмотрению распорядиться данными записями, в том числе и обнародовать их в той или иной части, сопроводив, возможно, собственными комментариями, которые покажутся ему наиболее соответствующими благим целям. В интересах же тех читателей, которые незнакомы с ранними стадиями моей истории, я предваряю собственно рассказ о пережитом довольно подробным отчетом о предшествовавших ему событиях.

Зовут меня Натаниель Уингейт Пейнсли, и те читатели, которым еще памяты старые газеты или статьи психологического журнала шести-семилетней давности, несомненно, вспомнят, кто я такой. В то время едва ли не все газеты были испещрены сообщениями о постигшей меня в 1908-1913 годах странной амнезии и последовавших за нею кривотолках в стиле и традициях тех ужасов, массовых помешательств и колдовства, которые испокон веку приписываются древнему Массачусетсу, являющемуся в настоящее время местом моего проживания. Мне также хотелось бы заявить — прямо и без обиняков, — что ни по части моей наследственности, ни в событиях детства и юношества, в моей жизни никогда не было

и намека на какое-либо душевное заболевание или иной психический порок. Данное обстоятельство является крайне важным с учетом того, что тень подозрений в моем душевном нездоровьи впоследствии зависла надо мной, хотя в основе ее лежит причина исключительно внешнего свойства.

Возможно, долгие десятилетия мрачного, застойного умственного брожения и тягостных раздумий, издревле присущих жителям нашего разваливающегося на куски и одержимого слухами Эркхама, сделали их особенно восприимчивыми к любым подозрениям подобного рода — хотя, надо признать, это представляется мне весьма маловероятным в свете тех событий и явлений, к изучению которых я впоследствии приступил. Сейчас же мне хочется особо повторить: и предки мои, и собственные юношеские годы были самыми что ни на есть нормальными, а то неведомое, что пришло, что каким-то образом прокралось в мою жизнь, до сих пор не находит ни своего убедительного объяснения, ни, тем более, слов для его выражения.

Я являюсь сыном Джонатана и Ханны Уингейт Пейнсли, причем оба моих родителя происходят из старинных хэверхиллских родов. Родился я и вырос также в Хэверхилле, в старом доме, располагавшемся в то время на Бордмен-стрит, что неподалеку от Золотого холма, и в Эркхаме не бывал вплоть до тех пор, пока в 1895 году не поступил на работу в Мискатонский университет в качестве ассистента кафедры политэкономии.

В течение тринадцати последовавших за этим лет жизнь моя протекала вполне гладко и, можно сказать, счастливо. В 1896 году я женился на Элис Кизар, а в 1898, 1900 и 1903 годах у нас родились трое детей, соответственно Роберт, Уингейт и Ханна. В год рождения нашего первенца я стал ассистентом профессора, а в 1902 — полным профессором, и за все это время не проявлял ни малейшего интереса ни к оккультизму, ни к проблемам патологической психологии.

Во вторник 14 мая 1908 года я впал в состояние весьма странной амнезии. Все произошло совершенно внезапно, а наступившие за несколько часов до этого короткие и довольно смутные видения — совершенно хаотичные и сильно меня тогда встревожившие именно своей необъяснимостью — скорее всего были предвестником подступавшего заболевания. У меня внезапно разболелась голова и возникло странное чувство — также новое для меня, — будто некто пытается силой завладеть моими мыслями.

Паралич наступил ровно в 10.20 утра, когда я вел в одной из аудиторий занятия с первокурсниками. Я вдруг начал видеть у себя перед глазами странные образы и ощущать себя находящимся не в классе, а в каком-то совершенно другом помещении.

Мои мысли и речь утратили всякую связь с темой занятия, и потому студенты сразу же заметили, что творится что-то

неладное. Затем я, все так же сидя на стуле, как-то резко обмяк и впал в оцепенение, из которого меня никому не удавалось вывести. Забегая вперед, скажу, что прошло целых пять лет, четыре месяца и тринадцать дней, прежде чем ко мне вернулись все мои нормальные способности.

Ход дальнейших событий стал мне известен исключительно со слов других людей. Хотя меня сразу же перевезли из университета домой и назначили лучшее медицинское обслуживание, я шестнадцать с половиной часов находился без сознания.

15 мая в три часа утра я наконец открыл глаза и ко мне вернулся дар речи, хотя еще долгое время доктора и члены моей семьи испытывали серьезное беспокойство по поводу моей лексики и выражения лица. Было совершенно очевидно, что я не помню ни своего прошлого, ни вообще кто я такой, хотя поначалу я усиленно пытался скрыть от окружающих данный провал в памяти. Я с неподдельным изумлением глядел на стоявших вокруг меня людей, которым сразу показалась незнакомой моя мимика.

Речь моя стала неловкой и какой-то чужой. Я с заметным трудом пользовался своим артикуляционным аппаратом, а в моей дикции появились странные, словно искусственные интонации, как будто я лишь недавно изучил английский язык, причем сделал это исключительно по книгам. Произношение было просто варварским, донельзя чужим, тогда как отдельные идиомы включали в себя нелепые архаизмы и выражения самого что ни на есть загадочного свойства.

В частности, двадцать лет спустя один из наиболее молодых (на период моего заболевания) врачей с известной долей злобещей многозначительности припомнил кое-что из моих высказываний — к тому времени аналогичные фразы стали получать распространение как в Европе, в первую очередь в Англии, так и в Соединенных Штатах, и, несмотря на всю свою замысловатость и явную новизну, они странным образом в мельчайших подробностях повторяли непонятные слова, произнесенные в 1908 году его чудаковатым пациентом из Эркхама.

Физическая сила вернулась ко мне практически сразу же, хотя мне и пришлось потратить некоторое время на то, чтобы заново научиться как следует пользоваться своими ногами, руками, да и вообще всем телом. По этой, а также ряду других причин, обычно связанных с временной потерей пациентом памяти, я постоянно находился под пристальным медицинским наблюдением.

Убедившись в тщетности всех своих попыток скрыть от окружающих факт утраты памяти, я честно признался им в этом, после чего стал настойчиво добиваться получения буквально любой информации извне. Пожалуй, у врачей сложи-

лось впечатление, что как только я смирился с фактом потери памяти как с чем-то вполне естественным и чуть ли не нормальным, то тут же потерял интерес ко всему тому, что прежде привлекало и волновало меня.

Особенно бросалось в глаза то, что я стремился получить сведения по совершенно конкретным отраслям истории, естественных наук, искусства, языкознания и фольклора — иногда действительно фундаментальные, а подчас по-детски наивные, которые, как ни странно, очень часто не имели никакого отношения к моей прежней деятельности и существованию в целом.

С другой стороны, окружающие подметили, что я непостижимым образом прекрасно ориентировался во многих практически неизвестных науке областях знания, и при этом всячески старался утаить от них факт подобной осведомленности. Я нередко с подчеркнутой небрежностью и одновременно обескураживающей уверенностью манипулировал ссылками на события, происшедшие едва ли не за пределами традиционной истории древнего мира, но всякий раз, когда подобные ремарки и замечания с моей стороны вызвали явное удивление слушающих, старался обратить сказанное в шутку. Бывало и так, что я вдруг заводил речь о далеком будущем, чем пару-тройку раз вызывал среди окружающих прямо-таки испуганный переполох.

Постепенно подобные жутковатые всплески памяти становились все реже и наконец исчезли вовсе, хотя некоторые специалисты были склонны объяснять это не столько утратой мною конкретных знаний, сколько моей повышенной настороженностью и нежеланием проболтаться. Со своей стороны, я с неподдельным интересом впитывал в себя особенности речи, привычек и даже внешности окружавших меня людей, словно являлся неким пытливым путешественником, прибывшим в этот край из дальних заморских стран.

Как только врачи позволили, я стал чуть ли не дневать и ночевать в нашей университетской библиотеке, а вскоре после этого совершил своеобразное турне по ряду американских и европейских городов, где выступил с лекциями, наделавшими немало шума в научных кругах ряда стран.

Таким образом я отнюдь не испытывал недостатка в научных контактах, а кроме того мой случай к тому времени уже приобрел довольно широкую известность в среде психологов. В своих лекциях они частенько упоминали меня как своего рода живое подтверждение феномена так называемой вторичной или «побочной» личности, хотя временами я и ставил их в довольно затруднительное положение некоторыми подозрительными выходками, весьма смахивавшими на тщательно замаскированное притворство.

С подлинно дружеским отношением к себе я сталкивался

нечасто. Было, наверное, в моем поведении и, в частности, в речи нечто такое, что вызывало практически у всех, с кем мне приходилось сталкиваться, смутное ощущение страха и острой апатии, как если бы я был неким существом, бесконечно далеким от всего того, что сами они считали нормальным и естественным.

Не составляла исключения и моя семья. С того самого момента, когда я вернулся из странного забытья, моя жена стала воспринимать меня с явным ужасом и неподдельным отвращением, убеждая всех в том, что я стал совершенно чужим, даже враждебным ей существом, как будто кто-то посторонний вселился в тело ее мужа. В 1910 году она наконец добилась развода, но и после моего возвращения к нормальной жизни в 1913 году категорически отказывалась даже видеться со мной. Аналогичные чувства разделяли также мой старший сын и дочь, которых я с тех пор так ни разу и не видел.

Лишь мой второй сын — Уингейт — казалось, смог преодолеть ужас и отвращение, которые производило мое неожиданное преобразование. Он также признавал, что я стал совершенно другим человеком, но на протяжении всех этих долгих лет свято хранил надежду на то, что когда-нибудь я вновь обрету самого себя. Вскоре он предложил мне жить у него в доме и добился через суд права опеки надо мной; кроме того, в последние годы он активно помогал мне в моих исследованиях, причем настолько успешно, что сам стал крупным ученым-психологом.

По правде говоря, меня отнюдь не удивляет то обстоятельство, что я повсеместно вызывал своим появлением чувство неловкости и даже острой неприязни, поскольку разум, голос и выражение лица существа, проснувшегося 15 мая 1908 года, принадлежали отнюдь не тому человеку, которого все знали под именем Натаниеля Уингейта Пейнсли.

Я не намерен подробно описывать здесь свои жизненные перипетии в период с 1908 по 1913 годы, поскольку читатели смогут без труда собрать — как, собственно, сделал это и я сам — нужные сведения в подшивках старых газет и научных журналов. При этом отмечу лишь, что за мной было оставлено право в разумных пределах распоряжаться собственными средствами, что я и делал, путешествуя по свету и посещая многочисленные научные центры. Поездки эти, надо признать, были весьма странными, поскольку я неизменно предпочитал весьма отдаленные и наиболее укромные места.

В частности, в 1909 году я провел месяц в Гималаях, в 1911 вызвал значительный интерес читающей публики своим переходом на верблюдах через неизведанные районы аравийских пустынь. Мне, однако, так и не представилась возможность поведать миру о том, что происходило во время этих экспедиций.

Летом 1912 года я нанял судно и отправился на нем в плавание по Северному Ледовитому океану севернее Шпицбергена, однако остался разочарован результатами этого путешествия.

В тот же год, но чуть позже, я в полном одиночестве провел несколько недель в доселе неизведанных обширных известняковых пещерах Западной Вирджинии — эта сеть потаенных лабиринтов оказалась настолько запутанной, что с тех пор по моим стопам больше не прошел ни один человек.

Мое пребывание в зарубежных университетах неизменно сопровождалось поразительно быстрой адаптацией к новым местам, как будто моя «побочная» личность по уровню своего интеллектуального развития намного превосходила мою собственную. Я также обнаружил у себя поразительные способности к быстрому чтению и усвоению нового научного материала. В частности, я мог наизусть пересказать содержание книги, предварительно однократно просмотрев ее с такой скоростью, с какой пальцы успевали листать страницы; что же до моей способности работать со сложными числами, то у окружающих она порой даже вызвала чувство благоговейного страха.

Временами то и дело появлялись тревожные сообщения о моих способностях оказывать влияние на мысли и поступки других людей, хотя я и старался свести к минимуму любые проявления подобного рода.

Помимо этого мое имя нередко мелькало в сообщениях о встречах с главами различных оккультистских групп и учеными, которые подозревались в связях с безымянными когортами поклонников всевозможных древних богов. Все эти слухи, кстати сказать, так и не нашедшие своего подтверждения, во многом основывались на общей направленности изучавшихся мною книг, поскольку сам по себе факт моего ознакомления с редкими библиотечными изданиями едва ли мог долго оставаться в тайне.

В списках прочитанных мною книг фигурируют такие произведения — разумеется, это лишь ничтожная их крупица, — как «Культы вампиров» графа д'Эрлетта, «Тайны примитивных народов» Людвига Принна, «Неведомые культы» фон Юнзта, уцелевшие фрагменты загадочной «Книги Эйбон», зловещий «Некрономикон» безумного араба Абдул Альхазреда. Кроме того, не следует забывать и тот неоспоримый факт, что за время моей странной мутации поднялась новая волна увлечения всевозможными культами и прочей таинственной деятельностью.

Летом 1913 года я все чаще стал проявлять признаки апатии, скуки и ослабевающего интереса ко всем подобным вещам, одновременно с этим загадочно намекая своим коллегам, что не исключаю возможности в скором времени наступления некоей «очередной трансформации». Я начал поговаривать о постепенном восстановлении воспоминаний о

моей прошлой жизни, хотя, надо признать, многие с большим недоверием относились к подобным высказываниям, поскольку все упоминавшиеся мною фрагменты носили характер самых заурядных и даже банальных вещей, сведения о которых можно было без труда почерпнуть из моих же старых записей.

Примерно в середине августа я вернулся в Эркхам и вновь отпер двери собственного дома на Крейн-стрит. Вскоре по приезде я установил в нем один агрегат, который имел поистине странный вид и был собран из различных механизмов европейского и американского производства. При этом я тщательно следил за тем, чтобы ни один достаточно образованный человек не имел возможности увидеть его и, тем более, задуматься над его назначением.

Те, кому довелось все же взглянуть на него, — а это были помогавший мне в его сборке механик, слуга и моя новая экономка, — утверждали, что по виду он напоминал странную смесь всевозможных стержней, колес и зеркал. В высоту вся конструкция немногим превышала полметра, а в ширину достигала примерно тридцать сантиметров, и в центре ее располагалось сферическое выпуклое зеркало.

Вечером в пятницу 26 сентября 1913 года я отпустил экономку и служанку до середины следующего дня. Как могли заметить соседи, в доме уже зажегся свет, когда к нему на автомобиле подъехал высокий, худощавый, похожий на иностранца человек, одетый в темное.

В последний раз свет в доме видели примерно в час ночи. Несколько позже, где-то в начале третьего, патрульный полицейский заметил, что дом погружен в темноту, но автомобиль незнакомца по-прежнему стоит у тротуара; к четырем же часа утра машины у дома уже не было.

В шесть часов утра доктору Вильсону позвонил неизвестный, который неуверенным голосом с явным иностранным акцентом попросил его прибыть ко мне домой, чтобы вывести меня из состояния глубокого обморока. Этот звонок — как впоследствии выяснилось, междугородний — был сделан из телефона-автомата на Северном вокзале Бостона, однако никаких следов высокого худощавого господина впоследствии так и не обнаружили.

Прибывший по вызову доктор обнаружил меня в бессознательном состоянии в гостиной — я сидел на стуле за письменным столом. На его полированной поверхности остались царапины от какого-то тяжелого предмета. Что же до загадочного агрегата, то он бесследно исчез и больше о нем никто и никогда не слышал. Мало кто выражал сомнение в том, что его унес с собой тот самый таинственный иностранец.

В расположенном в библиотеке камине лежала большая куча пепла, оставшегося, судя по всему, после сожжения многочис-

ленных записей, которые я регулярно вел после того как вышел из бессознательного состояния. Поначалу доктор Вильсон выражал серьезные опасения по поводу состояния моего дыхания, однако после соответствующего укола оно пришло в норму.

27 сентября в начале двенадцатого часа я резко вздрогнул и на моем доселе походившем на маску лице стали проступать первые признаки оживления. Доктор Вильсон отметил, что они уже не походили на выражение, присущее моей «побочной» личности, а больше напоминали следы моей прежней, так сказать — нормальной личности. В 11.30 я произнес несколько невнятных звуков и слогов, которые не имели абсолютно никакого сходства с человеческой речью. Сам же я как будто пребывал в состоянии борьбы с некоей неведомой мне силой. Вскоре после полудня, когда вернулись экономка и служанка, я снова забормотал по-английски, произнеся что-то вроде :

«...из ортодоксальных экономистов того периода Йевонс является типичным представителем господствующей тенденции научной корреляции. Его попытки увязать производственные циклы процветания и депрессии с периодичностью появления пятен на Солнце, возможно, представляют собой вершину...»

Таким образом Натаниел Уингейт Пейнсли снова вернул себе собственное «я», покинувшее его во вторник утром 1908 года, когда он проводил со студентами занятия по политэкономии.

II

Мое возвращение к нормальной жизни проходило довольно непросто и, надо сказать, весьма болезненно. Потеря пяти лет активной жизни обусловила более тяжелые последствия, нежели я мог предположить прежде, тогда как мне в моем положении предстояло еще уладить массу важных дел.

То, что я услышал о собственных деяниях, совершенных после 1908 года, меня не только крайне поразило, но и не на шутку встревожило, хотя я и пытался относиться к случившемуся с философским спокойствием. Находясь под опекой младшего сына и поселившись с ним в доме на Крейн-стрит, я попытался было возобновить свою преподавательскую деятельность — колледж к тому времени любезно восстановил меня в должности профессора.

К работе я приступил с начала второго семестра 1914 года и в течение одного курса занимался с отдельной группой студентов. Ко времени окончания этого срока я понял, сколь серьезными оказались последствия перенесенного мною заболевания. Физически — во всяком случае, я искренне над-

еюсь на это — абсолютно здоровый и не страдающий каким-либо явным душевным недугом, я, к сожалению, во многом утратил творческую энергию былых лет. Кроме того, по ночам меня стали преследовать смутные, словно размытые сновидения, а днем возникали какие-то странные идеи.

Когда разразилась Мировая война и мое внимание невольно переключилось на исторические проблемы, я обнаружил, что представляю себе происходящие процессы и явления в весьма причудливом, попросту фантастическом виде. Мое представление о времени — а точнее способность провести четкую грань между последовательностью и одновременностью двух разных событий — оказалось причудливо дезорганизованным. У меня стали формироваться нелепые идеи о возможности такой ситуации, когда индивидуум, например, существует в одну эпоху, тогда как разум его пытается — причем отнюдь не ортодоксальными и сугубо научными способами — освоить безбрежные просторы знания минувших и, что самое главное, грядущих веков!

Война создала у меня странное представление, будто я помню ее далекие грядущие последствия — как если бы я знал, чему суждено произойти в дальнейшем, и мог оглянуться назад, чтобы оценить нынешние события с точки зрения будущей информации. Подобные псевдовоспоминания воспринимались мною с мучительной болью и сопровождались незнакомым доселе ощущением, словно на пути их воздвигнут некий искусственный психологический барьер.

Когда я пытался робко намекнуть другим людям о своих впечатлениях, то встречал с их стороны весьма неоднозначную реакцию. Кто-то поглядывал на меня с трудно скрываемым смущением и неловкостью, зато коллеги с математических кафедр тут же начинали приписывать мне авторство поистине нетривиальной трактовки теории относительности. В то время она обсуждалась лишь в узких научных кругах и, по их словам, доктор Альберт Эйнштейн научился довольно оригинально сворачивать время, доводя его до статуса ординарного измерения.

Все эти сны и образы продолжали преследовать меня с нарастающей силой, а потому в 1915 году я был вынужден оставить преподавательскую деятельность. Некоторые из моих представлений к тому же начинали приобретать весьма неприятную окраску, создавая у меня все более крепнувшее ощущение того, что амнезия сформировала некую зловещую разновидность обмена: будто моя «любочная» личность и в самом деле оказалась неким пришельцем из неведомых миров, тогда как мое основное, подлинное «я» отчаянно страдало от своего смещения.

Все это подтолкнуло меня к смутным и, надо признаться, довольно жутковатым рассуждениям и догадкам насчет того, где же пребывала моя подлинная личность все то время, пока

ее место занимал загадочный двойник? Любопытные знания и странное поведение последнего обитателя моего тела волновали меня все больше по мере того, как я узнавал от людей, а также из газет и журналов, все новые фактические подробности своих поступков.

Моя странность и эксцентричность, столь сильно смущавшая в те годы окружающих, непостижимым образом гармонировала с неким потаенным, темным знанием, гнездившимся в глубинах моего подсознания. Почувствовав это, я принялся лихорадочно выискивать любые крохи информации, которая бы указывала на те действия, которые мое второе «я» предприняло в те смутные годы.

Следует признать, что далеко не все мои тревоги носили такой же расплывчатый и полуабстрактный характер. Оставались еще сновидения, которые, казалось, с каждым днем приобретали все большую живость и конкретность. Подозревая, как к ним могут относиться окружавшие меня люди, я старался в своих беседах как можно меньше распространяться на этот счет, делая исключение лишь для собственного сына и для некоторых особо доверенных докторов. Вскоре, однако, я пришел к мысли о целесообразности изучения других случаев заболевания амнезией, чтобы проверить, сколь типичны, либо, напротив, нетипичны были мои собственные видения на фоне общей картины заболевания.

Полученные результаты, подкрепленные данными психологов, историков, антропологов и ряда других специалистов самого широкого профиля, а также исследованиями всех случаев расщепления психики, известных со времен легенд о вселении в человека дьявола вплоть до современных и вполне достоверных медицинских отчетов, поначалу не столько успокоили, сколько встревожили меня.

Я вскоре обнаружил, что мои собственные сновидения и образы не имеют ничего общего с подавляющим большинством случаев заболевания амнезией. Оставалась, правда, жалкая кучка свидетельств и фактов, которые на протяжении ряда лет сбивали с толку и шокировали меня своей близостью к моим собственным переживаниям и ощущениям. Некоторые из них имели отношение к древним фольклорным преданиям; другие же были почерпнуты из анналов истории медицины; нашлась и парочка попросту анекдотичных повествований.

Из всего этого следовало, что хотя моя особая разновидность заболевания действительно представляла собой исключительно редкое явление, в истории человечества подобные случаи отмечались и прежде, хотя и с очень большими временными интервалами. В некоторые столетия могло найтись по одному-двум, от силы трем аналогичным примерам, в дру-

гие же века они не отмечались вовсе — по крайней мере, если верить сохранившимся записям.

Резюме, однако, всякий раз оставалось одним и тем же : человек, обладающий незаурядными для своего времени умственными способностями, внезапно словно начинал вести совершенно иной образ жизни, нежели прежде, что поначалу проявлялось в затруднениях его речевой и моторной активности, а затем сменялось прямо-таким обвальным увлечением историческими, художественными, антропологическими и иными аналогичными изысканиями, которые он проводил с лихорадочной активностью и поистине патологическим рвением. Вслед за этим наступало восстановление прежнего нормального сознания, временами перемежавшегося смутными, неконкретными видениями, в которых словно высвечивались отдельные фрагменты тщательно блокировавшихся, зловещих, а подчас и просто ужасных псевдовоспоминаний. Близкое подобие всех этих кошмаров моим собственным ощущениям — вплоть до мельчайших деталей — не оставляло для меня никаких сомнений в их относительной типичности. В одном или двух случаях отмечались смутно припоминаемые, но все же чертовски знакомые мне явления, словно я уже слышал о них раньше, причем информация эта дошла до меня по каким-то неведомым, космическим каналам, слишком неведомым и жутким, чтобы всерьез задумываться над их строением. В трех случаях прямо говорилось о наличии некоей таинственной машины, аналогичной той, которая находилась у меня в доме до моего выздоровления.

Другое обстоятельство, которое беспокоило меня во время этих исследований, заключалось в том, что довольно часто встречались случаи, в которых короткие, почти неприметные штрихи моих типичных кошмаров отмечались у людей, не страдавших амнезией в ее классической форме.

В большинстве своем это были личности с самым заурядным интеллектом, а то и менее того — некоторые из них оказались настолько примитивными, что едва ли бы их могли избрать в качестве средства доставки на землю каких-то паранормальных знаний или сверхъестественного умственного багажа. Их попросту спалил бы огонь чужеродной силы, а в конце пути ожидал бы обратный «переход», сопровождающийся чахлыми, быстро затухающими воспоминаниями о нечеловеческих ужасах.

За последние полвека было отмечено по меньшей мере три подобных случая, причем последний всего пятнадцать лет назад. Может, из какой-то неведомой бездны природы загадочная сила пыталась на ощупь прорваться сквозь толщу времени ? Или же все эти случаи были лишь чудовищными, зловещими экспериментами таинственного нечто, совершенно недоступного усвоению здравым разумом ?

Вот такие и им подобные размышления занимали меня в долгие часы моего домашнего затворничества — причуды, порожденные представшими моему вниманию мифами. У меня не оставалось сомнений в том, что некоторые из дошедших до нас легенд незапамятной старины, очевидно, несомые ни жертвам изученных мною случаев амнезии, ни их врачам, сформировали столь поразительные и зловещие, похожие на мои собственные завихрения механизмов памяти.

Я до сих пор не нахожу в себе смелости заводить разговор о природе и содержании тех видений, которые столь громогласно заявляли о себе в моих снах. В них чувствовался определенный привкус безумия, а временами мне действительно начинало казаться, что я схожу с ума. Были ли у тех, кто страдал провалами памяти, какие-то особые разновидности галлюцинаций?

А может, именно попытками бессознательного разума восполнить обескураживающую пустоту реальной памяти различными псевдовоспоминаниями удастся объяснить все эти странные всплески причудливого воображения?

Несмотря на то, что альтернативная фольклорная теория казалась мне предпочтительной и более правдоподобной, именно к подобному выводу склонялось большинство психиатров, оказывавших мне помощь в изучении аналогичных случаев и разделявших мое изумление при каждом новом открытии загадочных совпадений.

При этом они не были склонны относить данное состояние к классическому помешательству, а рассматривали его как некую разновидность невротического расстройства. Мои попытки выявить и проанализировать данные совпадения, а не просто найти их и забыть, вызывали со стороны специалистов искреннюю поддержку как отвечающие высшим принципам психиатрической науки. Особенно высоко я ценил советы тех экспертов, которые изучали мое состояние во время заболевания.

Его первые симптомы были практически незаметны и больше имели отношение к абстрактным категориям, о которых я уже писал выше. Помимо этого там присутствовало ощущение глубокого, непередаваемого ужаса. Я пытался изучить странную разновидность страха, как бы рассматривая свой организм со стороны и пытаясь отыскать в нем признаки чего-то невероятно чуждого и невообразимо отвратительного.

Когда я окидывал себя взглядом и рассматривал знакомые очертания человеческой фигуры в сером или синем костюме, то всегда испытывал любопытное облегчение, хотя, чтобы достичь его, мне приходилось поначалу противостоять ощущению бездонного отвращения. Я даже старался как можно реже смотреться в зеркало, а брился исключительно в парикмахерских, предпочитая попросив мастера посадить меня лицом к стене.

Прошло немало времени, прежде чем я совладал с подо-

бными безрадостными чувствами благодаря беглым, скользящим осмотрам своего тела, которые я стал регулярно совершать по утрам. Надо сказать, что первые мои попытки сопровождалось странным ощущением, будто некая внешняя искусственная сила пытается сдерживать мою память.

Я чувствовал, что те мгновения, когда я разглядывал самого себя, имели огромный смысл и были каким-то пугающим, даже ужасным образом связаны со мной, однако эта самая неведомая сила удерживала меня от осознания данного смысла. Позднее же начались новые странности с полетами во времени и с отчаянными попытками расположить фрагментарные проблески видений в хронологическом и пространственном порядке.

Поначалу эти проблески казались мне скорее странными, нежели пугающими. Я словно оказывался в громадной сводчатой палате или комнате, высоченные крестовые потолки которой почти терялись в царившей в вышине густой тени. Когда бы и где бы ни были сооружены подобные хоромы, сам по себе принцип построения их арочных перекрытий имел большое сходство с культурой древних римлян.

В стенах были прорублены огромные круглые окна и высокие арочные двери, а сами помещения были заставлены своеобразными пьедесталами или столами, каждый из которых по высоте был сопоставим с размерами нормальной человеческой комнаты. Вдоль стен тянулись сделанные из темного дерева полки, на которых стояло то, что походило на громадные фолианты с причудливыми иероглифами на обложках.

Обнаженные камни были испещрены причудливой резьбой, в которой преобладали математические кривые и присутствовали надписи, очень напоминавшие те, что я видел на обложках книг. Поражала своими чудовищными, поистине циклопическими размерами темная гранитная кладка, вертикальные, выпуклые на торцах блоки которой удерживали лежавшие на них столь же массивные плиты, но уже с вогнутым основанием.

Стульев в помещении не было, хотя поверхность громадных пьедесталов была завалена книгами, бумагами и еще чем-то, похожим на принадлежности для письма — причудливыми сосудами, сделанными из красноватого металла, и стержнями с запачканными концами. Достигая по высоте некоторых из наиболее миниатюрных пьедесталов, я мог разглядеть их поверхность как бы с некоторого возвышения. На некоторых из них лежали массивные шары, сделанные из какого-то светящегося минерала или кристалла и служившие, очевидно, осветительными лампами; на других стояли всевозможные устройства непонятного мне назначения, составленные из стеклоподобных трубок и металлических стержней.

Окна были застеклены и забраны прочными на вид решет-

ками. В первый раз я так и не решился подойти к ним и выглянуть наружу, однако даже с того места, где я находился, мне были видны верхушки каких-то диковинных, похожих на папоротник растений. Пол был сложен из массивных восьмиугольных плит; ни ковров на полу, ни штор на окнах не было.

Позднее у меня стали возникать видения того, как я стремительно несусь вверх и вниз по гигантским покатым плоскостям, сложенным из той же чудовищной гигантской кладки. Ступеней в помещениях не существовало, а коридоры достигали в ширину не менее десяти метров. Некоторые из конструкций, мимо которых я перемещался, на многие сотни метров возносились ввысь.

Нижние черные своды располагались в несколько ярусов, причем на самых нижних я заметил странные люки, которые, похоже, никогда не открывались и были наглухо заперты полосами из толстого металла, что наводило на мысль о чем-то особо грозном и зловещем.

Сам себе я представлялся кем-то вроде пленника, и все, на чем останавливался мой взгляд, казалось наполненным безотчетным ужасом. Я чувствовал, что, не оказавшись я столь милосердно невежественным, загадочные извилистые иероглифы на стенах попросту сокрушили бы мой разум, а заодно и душу.

Чуть позже мои сновидения стали включать в себя панорамы, открывавшиеся из больших круглых окон и с обширной плоской крыши, на которой располагались причудливые сады, имелись обширные участки неводеланной почвы, и края которой были окаймлены зубчатыми каменными парапетами.

Я видел раскинувшиеся передо мной бесчисленные вереницы гигантских строений — каждое со своим садом, — которые выстроились вдоль мощеных улиц, достигавших в ширину не менее шестидесяти метров. В отдельных деталях они отличались друг от друга, но лишь редкое здание имело в высоту менее трехсот метров. Некоторые из них казались настолько безмерными, что их фасады возвышались на полтора, а то и два километра, тогда как вершины отдельных супергигантов вообще терялись в подернутых дымкой высотах.

Сложены они были из какого-то камня или бетона, а некоторые имели на себе извилистые узоры, чем-то похожие на те, которые украшали внутреннюю кладку находившегося у меня под ногами строения. На некоторых плоских крышах располагались террасы, возвышавшие их на еще более высокие уровни, а внутри некоторых садов были сохранены обширные пространства голой земли. На просторных дорогах ощущался некий намек на какое-то движение, однако поначалу я не смог разобрать детали движущихся механизмов.

В некоторых местах я видел громадные, темные, цилиндри-

ческие башни, вздымавшиеся на гораздо большую высоту, чем многие из окружавших меня строений. Мне они казались совершенно уникальными сооружениями и несли на себе признаки солидного возраста и обветшалости. Сложены они были из неизвестных мне квадратных, похожих на базальт каменных блоков и чуть сужались ближе к закругленной вершине. Ни на одном из них я не заметил ни малейших признаков окон или иных проемов, за исключением лишь, пожалуй, громадных дверей. Видел я и более приземистые здания — все также сильно потертые под воздействием многовековых ветров, — по своей структуре чем-то походившие на цилиндрические башни. Вокруг этих необычных конструкций из квадратных каменных блоков висела необъяснимая зловещая аура угрозы и концентрированного страха, подобного тому, который окружал запечатанные люки.

Внушительного вида сады оказывали почти гипнотическое воздействие своей необычностью и причудливыми, неизвестными видами растений, склонившихся в кучки над широкими дорожками, по краям которых возвышались каменные бордюры также с причудливо выполненной резьбой. Крутом преобладали неестественно высокие папоротниковидные растения — некоторые зеленые, а изредка довольно омерзительного зеленоватого оттенка.

Были среди них и крупные прозрачные, похожие на гигантские хвощи растения, чьи бамбукоподобные стебли взмывали на невероятную высоту. Были там и другие растения вроде причудливых темно-зеленых кустов и похожих на хвойные деревьев. Зато цветы в садах были неестественно маленькие, невзрачные и совершенно неизвестных мне видов, произраставшие на геометрически правильных клумбах и в промежутках между более крупными посадками.

На некоторых террасах и в садах на крышах зданий встречались более крупные и яркие цветы почти угрожающих очертаний и наводящие на мысль о явно селекционном происхождении. Повсюду пестрели грибы самых невероятных размеров, форм и расцветок, которые образовывали замысловатые узоры и явно свидетельствовали о наличии неизвестной мне, но хорошо укоренившейся садоводческой традиции. В более обширных садах на поверхности земли, похоже, предпринимались попытки сохранить естественную беспорядочность растительного мира, тогда как на крышах преобладали упорядоченность и фигурная стрижка.

Небо было почти всегда затянуто дождевыми облаками и время от времени мне доводилось наблюдать поистине ошеломляющие ливни. Изредка, правда, проглядывали солнце — казавшееся неестественно крупным, — или луна, в очертаниях которой присутствовало что-то необычное, хотя я так и не смог понять, что именно. Когда ночное небо полностью освобождалось от облаков — а такое случалось крайне ред-

ко, — я мог наблюдать почти незнакомые мне созвездия. В некоторых из них угадывалось определенное сходство с «земными» звездами, а по расположению отдельных известных мне групп можно было предположить, что я нахожусь где-то в южном полушарии возле тропика Козерога.

Линия горизонта всегда оставалась едва различимой из-за застилавшей ее дымки, но я все же мог разглядеть громадные заросли папоротникоподобных деревьев, фантастическая листва которых дразняще подрагивала на фоне перемещающихся пластов полупрозрачного вдали воздуха. Временами на небе можно было заметить какое-то движение, но я со своим зрением не разглядел ничего конкретного.

К августу 1914 года у меня появились нерегулярные видения какого-то плаванья или скольжения над городом и прилегающими к нему участками местности. Я видел бесконечные дороги, которые пересекали леса, заросшие грозного вида деревьями с крапчатыми, гофрированными и ребристыми стволами. Дороги эти явно тянулись к другим городам, столь же диковинным, наверное, как и тот, образ которого неотступно преследовал меня по ночам.

В прогалинах между деревьями, где постоянно царил полумрак, я различал чудовищные конструкции, сложенные из черного или переливчатого камня, а по длинным гатям пересекая мрачные и темные болота, практически ничего не мог разглядеть за их сырой, буйной растительностью.

Однажды мне довелось увидеть казавшуюся безграничной пустынную зону — она была завалена многовековыми базальтовыми развалинами, скорее всего оставшимися от строений, аналогичных тем глухим почти цилиндрическим башням, которые я наблюдал в околдовавшем меня городе.

И также один раз я увидел тамошнее море — безбрежное, покрытое паром пространство, простиравшееся за колоссальными каменными волноломами, сплошь усеивавшими береговую линию города. Изредка над водой проносились какая-то тень, а ее поверхность словно покрывалась бороздами от недоступных взору и чуть жутковатых завихрений и течений.

III

Как я уже писал, все эти дикие сновидения отнюдь не сразу приобрели свою устрашающую отчетливость. Более того, если разобраться, то некоторым людям грезились подчас и более жуткие вещи — картины, словно немыслимым образом сложенные из несочетающихся друг с другом фрагментов повседневной жизни, зарисовок, прочитанных или

услышанных сюжетов, сплетенных по невообразимой фантазии сна в самые невообразимые сюжеты.

Некоторое время я воспринимал все эти видения как нечто вполне естественное, хотя в прошлом отнюдь не замечал, чтобы мне снились какие-то особенно экстравагантные сны. Я подозревал, что многие из этих аномальных видений имели под собой самые что ни на есть банальные причины, причем настолько разнообразные, что их невозможно даже перечислить; в других явно отражалось содержание прочитанных мною некогда книг, в том числе и тех, где описывалась растительность, покрывавшая нашу планету около ста пятидесяти миллионов лет назад — в пермский и триасовый периоды.

Через несколько месяцев, однако, во всех этих картинах со все нарастающей силой стал проступать элемент кошмара. При этом мои сны стали более походить на некие псевдовоспоминания, сопровождающиеся усиливающимися расстройствами абстрактного характера — ощущением блокирования памяти, странными временными сдвигами, выматывающим душу осознанием былого вмешательства в мои поступки «побочной» личности, а позднее и необъяснимым отвращением, которое я стал питать к своему собственному телу и личности в целом.

По мере того как в сновидения стали проникать более конкретные детали, их кошмарность возросла тысячекратно, и к октябрю 1915 года я понял, что надо что-то делать. Именно тогда я приступил к интенсивному изучению аналогичных случаев амнезии и последовавших за нею видений, поскольку чувствовал, что смогу таким путем хотя бы попытаться прояснить сущность своей проблемы и очистить ее от гнетущих эмоциональных наслоений.

Однако, как я уже отмечал, результат поначалу оказался прямо противоположным. Меня крайне встревожило то обстоятельство, что мои сны едва ли не дублировали видения других людей, тем более, что в некоторых случаях речь шла об очень давних свидетельствах, полностью исключавших возможность наличия у пациентов каких-либо познаний в области геологии, и уж конечно по части ландшафтов доисторических времен.

Более того, во многих отмеченных мною случаях появлялись поистине потрясающие детали, связанные с видениями массивных зданий, громадных садов и тому подобного. Разумеется, детали были крайне размыты и малоопределенны, но то, на что намекали или о чем прямо утверждали некоторые мои «коллеги по несчастью», определенно имело привкус безумия или явной инфернальности. Хуже всего было то, что мои собственные псевдовоспоминания словно распахнули двери перед еще более дикими видениями грядущих откровений. И все же, даже несмотря на подобные эксцессы, боль-

шинство врачей находило мои исследования вполне приемлемыми и даже целесообразными.

Я достаточно систематично занимался дальнейшим самообразованием. В 1917-1918 годах я прослушал спецкурс психологии в своем родном Мискатонском университете, а параллельно, с завидным постоянством изучал труды по медицине, истории и антропологии. Наряду с этим я активно посещал самые отдаленные библиотеки и в конце концов добрался даже до так называемого запретного знания, поскольку, как мне сообщили очевидцы моего поведения во время болезни, именно к нему моя «побочная» личность проявляла особо повышенный интерес.

Я повторно просмотрел книги, которые уже держал — сам того не подозревая — в своих руках в период заболевания, и меня крайне встревожило то обстоятельство, что на их полях явно моей рукой были сделаны многочисленные пометки и даже поправки к отдельным фразам и идеоматическим выражениям, которые при повторном просмотре представлялись мне начисто лишёнными какого-либо смысла.

Подобные ремарки, как правило, делались на языке соответствующей книги, причем было заметно, что автор их свободно владел всеми этими языками, разве что в некоторых его замечаниях ощущался некоторый академизм. Между тем одна из пометок, сделанная на полях упоминавшейся выше книги фон Юнзта, была совершенно иного рода. Она состояла из странных извилистых иероглифов, исполненных теми же чернилами, что и надписи по-немецки, но при этом не имела ни малейшего сходства с человеческой письменностью. Эти закорючки более походили на те надписи, которые я постоянно встречал в своих сновидениях, и смысл которых, как мне иногда казалось, я знал или вот-вот должен был вспомнить.

В довершение моего крайнего замешательства библиотекари в один голос уверяли меня, что если основываться на их учетах и записях в книжных формулярах, то сделать эти пометки и поправки мог только я — находясь, как я полагал, под контролем своей «побочной» личности. И это несмотря на то, что я никогда не знал трех из использованных автором пометок языков!

Собирая воедино разбросанные фрагменты старинных и современных, антропологических и медицинских сообщений и публикаций, я обнаружил едва уловимую последовательность и даже некоторую логическую взаимосвязь между некоторыми древними мифами и моими галлюцинациями, что окончательно сбивало меня с толку. И лишь одна деталь отчасти приносила успокоение — то, что все эти мифы имели чуть ли не доисторическое происхождение. И все же следовало признать, что я и понятия не имел, каким образом столь подробные описания палеозойских или мезозойских ландшафтов проникли в при-

митивные легенды древнего человека. Однако образы эти существовали, а следовательно имела и возможность для возникновения соответствующих галлюцинаций.

Постепенно я стал приходить к выводу о том, что под воздействием амнезии у больного формировался общий сюжет мифологической картины, который в дальнейшем нередко приукрашивался каждым конкретным индивидуумом, превносившим в свои псевдовоспоминания все новые и более причудливые краски. Как показали мои дальнейшие поиски, я и сам в период заболевания читал и слышал едва ли не все подобные древние истории. Не было ли поэтому столь же естественно предположить, что и мои собственные последующие сновидения также стали формироваться и окрашиваться под воздействием того, что моя память тайным образом сохранила с времен господства «побочной» личности?

Некоторые из мифов имели значительное сходство с другими туманными легендами доисторического периода, особенно индуистскими сказаниями, содержащими упоминания о поразительных временных перестановках, что является составной частью учения современных теософов. В частности, примитивный миф и современное верование сходились в том, что человечество является одним — и, возможно, наименее развитым — из высших и доминирующих рас, некогда населявших землю за всю долгую и во многом неизвестную историю ее существования. Согласно их утверждениям, невообразимые существа вознесли к небу свои небывалой высоты башни и постигли сокровенные тайны природы еще задолго до того как триста миллионов лет назад на поверхность суши из горячего моря выползло первое земноводное.

Некоторые из этих существ прибыли к нам со звезд, причем отдельные особи по возрасту не уступали самому космосу; другие же стремительно развились из таившихся в земле спор, по времени своего появления опережая наших далеких предков настолько же, насколько сами эти предки опережают нас, людей нынешних. В то время речи велись об интервалах в миллиарды лет и о расстояниях, на которое солнечная система отстоит от других галактик. Разумеется, тогда вообще не существовало такого понятия как время в его современном человеческом понимании.

Однако большинство древних мифов и сновидений имели отношение к относительно недавним эпохам, населенным существами со странными и крайне сложными формами, не имеющими никакого сходства со всем тем, что известно современной науке, и жившими примерно «лишь» за пятьдесят миллионов лет до появления первого человека. Согласно подобным представлениям, это была одна из величайших рас, поскольку ей в одиночку удалось постичь законы времени.

Она познала все, что стало или когда-либо станет известным населяющим землю людям, и достичь этого ей удалось благодаря более совершенным и могучим механизмам разума ее членов, позволявшим им проецировать себя в прошлое или будущее даже через пропасти в миллионы лет, и черпать таким образом знания из любой эпохи. Именно из деяний этой расы и выросли все существующие поныне легенды и пророки, включая и персонажей человеческой мифологии.

В их громадных библиотеках хранились тома с текстами по всемирной истории, с описанием каждого вида, который когда-либо населял или будет населять землю, с полным перечнем искусств, существовавших в ту или иную эпоху, достижений, языков и психологии.

При помощи этого космического знания Великая Раса выбирала из каждой эры жизни такие мысли и виды искусств, которые в наибольшей степени отвечали ее собственным потребностям на том или ином отрезке исторического развития. Знание прошлого, достигавшееся путем мысленного, а отнюдь не сенсорного обзора, давалось с несколько большим трудом, нежели получение информации из будущего — последнее представлялось им более материальным и потому легкодоступным.

При помощи соответствующих механических устройств разум проецировал себя в грядущее или прошлое, ощупывая свой грядущий и мрачный экстрасенсорный путь, пока не доходил до нужного ему отрезка исторического развития. После пробных замеров и испытаний выявлялся наиболее доступный представитель высшей на тот период формы земной жизни. Затем они проникали в мозг данного существа и начинали генерировать свои собственные импульсы, а обладатель замещенного разума как бы занимал их собственное место, переносясь во время жизни разума-«интервента» и продолжая жить в его теле вплоть до тех пор, пока не произойдет процесс обратного замещения.

Таким образом, спроецированный разум, обретший форму представителя организма будущего, занимал свое место среди членов расы, образ которой он принял — в данном случае, человека, — стремясь как можно быстрее впитать в себя всю информацию по интересующим его областям знания.

Тем временем замещенный разум, перемещенный в эпоху и тело «интервента», будет находиться под строгим контролем представителей тамошней цивилизации. Ему ни при каких условиях не позволят причинить ущерб временно занимаемому им телу, а опытный эксперт постепенно извлечет из него всю интересующую его информацию, который тот располагает. Подобные беседы обычно проводятся на языке гостя — предварительный зондаж будущего позволяет заранее изучить данный язык, и если окажется, что Великая Раса

чисто физически не в состоянии воспроизвести его звучание, будут созданы специальные программы для электронных машин, которые смогут добиться этого механическим путем.

Внешне члены Великой Расы походили на массивные морщинистые конусы трехметровой высоты с головой и другими членами, подсоединенными к вершине корпуса посредством эластичных отростков. Разговаривали они, издавая характерные щелчки или поскребывая громадными когтистыми лапами, которыми заканчивались два из четырех подобных отростков; передвижение всего тела осуществлялось за счет растяжения и сокращения его «подметки» — серии вязких пластин, расположенных на нижней части основания корпуса, диаметр которого составлял около трех метров.

Когда изумление, либо негодование плененного разума начинало идти на убыль и постепенно иссякало чувство ужаса при виде своего незнакомого временного тела — разумеется, если гость прибывал из краев, население которого внешне существенно отличалось от аборигенов Великой Расы, — ему разрешалось приступить к знакомству со своей новой средой обитания и испытать на себе все те чудеса и почувствовать всю ту мудрость, которые были присущи жизни истинного обладателя конусовидного тела.

При соблюдении соответствующих мер предосторожности и обычно в обмен на некоторые услуги с его стороны, гостю разрешалось перемещаться по всей заселенной части нового для него мира — для этого использовались титанических размеров воздушные суда или внешне похожие на лодки громадные повозки с атомным двигателем, которые ездили по широченным дорогам. Он также мог свободно заходить и пользоваться библиотеками, в которых были собраны записи о прошлом и будущем этой планеты.

Подобная практика обычно способствовала тому, что гость довольно скоро примирялся со своей участью. С учетом же того, что все вновь прибывающие отличались недюжинным интеллектом, то для них познание сокрытых доселе тайн вселенной — неведомых глав ее безмерно далекого прошлого или ошеломляющих завихрений будущего, включая периоды, опережающие их собственное текущее время — всегда представляло громадный интерес, даже несмотря на то, что некоторые из подобных открытий были подчас поистине ошеломляющи и даже ужасны.

Временами отдельным гостям разрешалось встретиться со своими соседями по временному жилищу — такими же пришельцами из будущих веков, — чтобы они могли обменяться впечатлениями о жизни в период, отстоящий в любую из сторон от их собственной жизни на сто, тысячу или даже миллион лет. При этом все они были обязаны вести скрупу-

лезные записи на своих родных языках о самих себе и знакомой им жизни родственников им существ — эти отчеты затем отправлялись в громадные архивы.

Следует добавить, что среди «гостей» был один особый тип, привилегии которого намного превышали права любого из остальных временных пришельцев. Это были умирающие постоянные гости, чьи тела были выхвачены из будущей жизни наиболее хитроумными, но престарелыми членами Великой Расы, стремившимися подобным образом избежать физического угасания.

Следовало признать, что подобный тип гостей был не столь частым явлением, как того можно было бы ожидать, поскольку поразительное долголетие членов Великой Расы заметно притупляло их тягу к безмерному продлению индивидуальной жизни — в первую очередь это касалось именно незаурядных в интеллектуальном отношении существ, способных самостоятельно осуществлять подобные умственные телепортации. Как раз из таких случаев переселения престарелых разумов возникло много устойчивых изменений личности, отмечавшихся в более поздней истории, в том числе и человеческой.

В обычных же случаях, когда разум-«интервент» узнавал в будущем все, что ему требовалось, он приступал к конструированию аппарата, при помощи которого первоначально оказался в новом для него мире и затем намеревался вернуться обратно. Таким образом он снова оказывался в родном ему мире и в собственном теле, а временно пребывавший в нем разум возвращался к себе — в будущее, к которому он первоначально принадлежал.

Подобный взаимообмен оказывался невозможным лишь в тех случаях, когда между обеими его фазами одно из тел погибало. В подобных случаях, как бывало и со стареющими членами Великой Расы, разум-«интервент» продолжал жить в будущем, обитая в чужом теле; либо наоборот — пришелец в мир Великой Расы становился постоянным «гостем» и был вынужден доживать свой век в облике и времени членов Великой Расы. Подобная участь оказывалась особенно тяжелой и даже ужасной в тех случаях, когда «гость» также принадлежал к Великой Расе, что было отнюдь не таким уж редким явлением, поскольку во все периоды своего существования она проявляла особую заботу о своем будущем.

Количество постоянных «гостей» было в целом крайне незначительным — в первую очередь благодаря тому, что каждая попытка самопроизвольного переселения дряхлеющего разума влекла за собой по законам Великой Расы суровое наказание. Метод проекции также позволял покарать нарушителя даже в тех случаях, когда он находился в чужом теле, а в ряде ситуаций беглеца насильно возвращали домой, в прошлое.

Практиковались и более сложные операции по замене того или иного «интервента» или, наоборот, «гостя», другими разумами, взятыми из различных периодов прошлого — все подобные эксперименты строго контролировались и учитывались. Со времени открытия метода проекции буквально в каждой эпохе земной жизни всегда присутствовал крайне незначительный, но достаточно хорошо распознаваемый процент членов Великой Расы.

Перед возвращением «гостя» в его собственное время он подвергался особой процедуре, отдаленно напоминавшей глубокий гипноз, с тем, чтобы стереть из его памяти все полученные им у Великой Расы знания. Это было обусловлено тем, что ее члены опасались — и небезосновательно — возможных пагубных последствий проникновения избыточного количества новой информации в неподготовленные для этого условия. Несколько случаев прямой передачи подобной информации уже вызвали, а в ближайшем будущем, как предполагалось, наверняка вызовут чудовищные катастрофы. Если верить старинным мифам, то два подобных случая в значительной степени обусловили получение землянами сведений о существовании самой Великой Расы.

Из всего материального, что существовало в этом отделенном от нас целыми эпохами мире, сохранились лишь разбросанные по удаленным концам планеты и дну моря каменные развалины, да отдельные фрагменты старинных манускриптов весьма зловещего содержания.

Таким образом, возвращенный разум вновь обретал свой прежний возраст, но обычно сохранял лишь скудные и крайне фрагментарные остатки тех знаний, которые он получил за время своего невольного временного заточения. Все воспоминания, которые можно было уничтожить, уничтожались, так что в большинстве случаев на место своего бывшего обитания возвращалось существо, имевшее в своей памяти лишь смутные обрывки воспоминаний о днях минувших. Некоторым особям, правда, удавалось сохранить больше, чем другим, а редкие и случайные совпадения из этих воспоминаний оказывались своего рода робкими намеками, долетевшими в будущее века из запретного прошлого.

Пожалуй, не было в истории человечества таких ее этапов, когда отдельные группы или культы не пытались бы сохранить эти намеки и в тайне от остального мира поклоняться им. В книге «Некрономикон» прямо говорилось о существовании в человеческом обществе подобного культа — того самого, который иногда помогал отдельным разумах в их путешествии сквозь века от времен Великой Расы.

Позднее эта раса, став неким всеведущим образованием, задалась целью наладить обмен информацией с разумами других планет и изучить как их прошлое, так и будущее. Ей

также хотелось максимально подробно исследовать и свое глубокое прошлое, а также установить истоки появления загадочных и темных миров далекого космоса, откуда к ним пришло их собственное интеллектуальное наследие, ибо разум Великой Расы по возрасту намного превосходил ее конусовидную телесную оболочку.

Когда-то в незапамятном прошлом существа старого и умирающего мира, мудрые в своем бездонном знании, заглянули в отдаленное будущее в поисках новой среды и новых форм, в которых они могли бы обрести еще более продолжительное долголетие. По завершении всей подготовительной работы они осуществили массовую засылку туда своих разумов, чтобы те проникли в тела конусообразных организмов, населявших землю миллиарды лет назад. Так и возникла Великая Раса, тогда как мириады отправленных в еще более далекое прошлое разумов были обречены на вымирание в образе странных для них кошмарных существ. Когда же над этой расой вновь нависнет угроза гибели, она в очередной раз выживет, имплантировав лучших представителей своего разума в такие организмы, которые будут иметь больший цикл физического существования.

Такова была подоплека чудовищного хитросплетения легенд и галлюцинаций. Когда же примерно в 1920 году я придал своим исследованиям достаточно стройную форму, то сразу ощутил некоторое ослабление непонятного психологического давления, которое испытывал на более ранней их стадии. А может, все мои ощущения, если их очистить от чисто эмоциональных наслоений, и в самом деле смогут найти свое вполне рациональное объяснение? В период амнезии любая случайность могла подвинуть мой разум на изучение тайн оккультизма, и я стал вникать в содержание запретных легенд, встречаться с членами древних и несправедливо ошельмованных культов, что, в свою очередь, дало пищу для беспокойных снов и тревожных ощущений, которые стали одолевать мой мозг уже после выздоровления. Ведь подобное и в самом деле могло стать ключом к разгадке мучивших меня тайн.

Что же до заметок на полях книг, сделанных таинственными иероглифами и на других незнакомых мне языках, но убежденно приписываемых мне всеми библиотекарями, то, находясь во власти своей «побочной» личности, я мог где-то нахвататься по верхам чужеземной речи, а непонятные закорючки попросту явились продуктом моих фантазий, базировавшихся на описании старинных легенд, и позднее также нашедших отражение в сновидениях. В своих беседах с известными культовыми деятелями я неоднократно пытался отыскать истоки тех или иных фрагментов моих видений, но так и не смог нащупать сколь-нибудь убедительных связующих звеньев.

Временами меня вновь начинал беспокоить явный параллелизм многих эпизодов из жизни глубокой древности, хотя, с другой стороны, я понимал, что в далеком прошлом стимулирующий эмоции фольклор носил гораздо более универсальный характер, нежели в наши дни.

Возможно, все остальные заинтересовавшие меня жертвы амнезии также были давно и достаточно близко знакомы с содержанием историй, которые мне лично стали известны лишь в период господства «побочной» личности. Когда эти люди лишились памяти, они стали ассоциировать себя с созданиями, порожденными их собственными мифами — например, о легендарных пришельцах, якобы подменяющих разум людей, — и это послужило для них толчком к поиску источников знания, якобы находящегося в воображаемом доисторическом прошлом. Затем же, когда к ним вновь возвращалась память, они словно поворачивали вспять свои ассоциативные процессы, и начинали думать о себе как о бывших «гостящих» разумах, а не об «интервентах», что и порождало сновидения и псевдовоспоминания типично мифологического характера.

Несмотря на кажущуюся сложность и запутанность подобных объяснений, они в конце концов вытеснили из моего сознания все остальные версии, в первую очередь по причине очевидной слабости таковых и, надо сказать, значительное число известных психологов и антропологов также вскоре встали на мою точку зрения.

Чем больше я размышлял над этой теорией, тем более убедительной она мне казалась, пока в итоге я не воздвиг действительно неприступный бастион, противостоявший продолжавшим осаждать меня видениям и впечатлениям. К примеру, если ночью меня посещал какой-то странный сон, я наутро говорил себе, что это лишь результат чего-то прочитанного или услышанного мною ранее; или, скажем, у меня возникало какое-то странное, омерзительное псевдовоспоминание — я успокаивал себя словами о том, что это также лишь отголосок каких-то мифов, усвоенных в период господства моей «побочной» личности. Ничего из того, что мне могло присниться или что я мог почувствовать, теперь не имело для меня ровным счетом никакого значения, а следовательно и не представляло никакой реальной опасности.

Вооружившись подобной концепцией, я постепенно восстанавливал душевное равновесие даже несмотря на то, что видения (чаще, чем ощущения абстрактного характера) с каждым днем становились все более частыми и обескураживающе подробными. В 1922 году я снова смог приступить к регулярной работе и найти практическое применение моим новым знаниям, устроившись в университет в качестве консультанта кафедры психологии.

Мое место на кафедре политэкономики уже давно было занято вполне достойным преемником, а кроме того следовало признать, что за истекшие годы в самой методике преподавания этого предмета произошли довольно серьезные перемены. Сын мой также успешно продолжал свою научную карьеру, а потому мы в значительной степени могли объединить наши усилия.

IV

Между тем я упорно продолжал вести скрупулезные записи всех своих сновидений, которые к тому времени буквально хлынули бурным потоком, причем отдельные их фрагменты по-прежнему чертовски походили на самые настоящие воспоминания, хотя к тому времени я уже твердо вознамерился напрочь отметать все подобные предположения.

Ведя свои записи, я старался четко выделять все то, что действительно могло быть результатом моего зрительного восприятия, а остальные видения попросту игнорировал как заурядные ночные иллюзии и никогда не упоминал о них в своих беседах с другими людьми. Тем не менее, записи эти каким-то образом все же становились достоянием окружающих, что порождало массу слухов относительно моей психической полноценности. Любопытно было замечать, что подобные кривотолки распространялись исключительно среди толпы и не привлекали к себе внимания профессиональных врачей или психологов.

Из тех видений, которые посетили меня после 1914 года, я упомяну здесь лишь некоторые, поскольку более полный их перечень скорее представил бы интерес для студентов университета. Нетрудно заметить, что постепенно я начал как бы освобождаться от существовавших ранее запретов и ограничений, отчего границы моих видений расширились необычайно, хотя сами они при этом неизменно оставались всего лишь разрозненными фрагментами без какой-либо единой связующей их темы.

В своих снах я обретал все большую свободу передвижения и перемещался по многочисленным каменным строениям, переходя из одного в другое по просторным подземным туннелям, которые, похоже, являлись для их обитателей нормальными путями сообщения. На самом нижнем уровне мне иногда попадались те самые гигантские запечатанные люки, вокруг которых царила атмосфера особого страха.

Я видел огромные, украшенные мозаикой бассейны и комнаты, заполненные бесчисленным количеством совершенно незнакомых и не юнятных мне предметов. На моем пути попадались вместительные пещеры со стоящими в них замыс-

ловатыми устройствами, строение и назначение которых также оставалось для меня полнейшей загадкой, и звук работы которых я стал распознавать лишь после многолетней практики подобных сновидений. Следует заметить, что за время моих блужданий по этому фантастическому миру моими единственными органами чувств оставались зрение и слух.

Настоящий кошмар начался лишь в мае 1915 года, когда я впервые повстречался с живыми существами, причем произошло это еще до того как мои исследования древних мифов и легенд дали мне хотя бы приблизительное представление о том, чего именно следует ожидать.

Итак, когда рухнули все прежние барьеры и ограничения, я стал постепенно различать во всех частях здания и на проходивших внизу улицах громадные скопления пара, за которыми просматривались смутные очертания неведомых мне фигур. Затем они стали проступать все более явно, пока я наконец не увидел достаточно четкие и оттого, наверное, показавшиеся мне особенно чудовищными странные силуэты. Это были внушительные, примерно трехметровые конуса, состоящие из какой-то переливающейся, морщинистой, достаточно эластичной субстанции. С их вершин произрастали четыре гибких цилиндрических стебля, каждый толщиной около тридцати сантиметров, состоящих, видимо, из той же ткани, что и сами конусы.

Иногда эти отростки сокращались настолько, что практически исчезали под складками тела, а подчас вытягивались чуть ли не на трехметровую длину. Два стебля заканчивались громадными когтями или чем-то, отдаленно напоминавшим клешни. На конце третьего имелись четыре воронкообразных отростка, тогда как четвертый завершался желтоватым, неправильной формы шаром чуть более полуметра в диаметре, с тремя темными глазами, располагавшимися по горизонтالي вдоль его окружности. Данное подобие головы увенчивали четыре мягких серых стебля, снабженные похожими на цветок придатками, из нижней стороны которых свисали восемь зеленоватых антенн или миниатюрных щупалей. Основная база конусовидного тела была окаймлена эластичной серой массой, которая посредством своих сокращений и набуханий приводила в движение всю эту живую конструкцию.

Их действия, по виду, впрочем, совершенно безвредные и неопасные, наводили на меня еще больший ужас, чем их отталкивающая внешность, поскольку всегда есть что-то нездоровое и жуткое, когда видишь, как чудовищные предметы совершают действия, которые, вроде бы, предписано выполнять исключительно человеку. Объекты совершенно спокойно перемещались по огромным комнатам, доставали, или, напротив, ставили на стеллажи громоздкие книги, подносили

их к массивным столам-пьедесталам, а иногда что-то усердно записывали на их страницах, используя при этом любопытного вида стержни, зажатые между зеленоватыми головными шуальцами. Громадные клещи использовались ими при переносе книг и в общении — речь их состояла из своеобразных пощелкиваний.

Объекты были лишены какой-либо одежды, но носили нечто вроде ранцев или рюкзаков, свисавших вдоль конусообразного туловища. Обычно голова и поддерживающий ее отросток находились на одном уровне с вершиной корпуса, хотя иногда могли приподниматься, либо опускаться ниже ее.

Остальные три главных отростка как правило безвольно свисали вдоль тела, находясь как бы в полусокращенном состоянии. По тому, с какой скоростью эти существа читали, писали или управляли своими машинами — те стояли на столах и были каким-то образом связаны с их мыслительным аппаратом, — я пришел к выводу, что в интеллектуальном отношении они фантастически превосходили человека.

После того первого случая я стал видеть их буквально повсюду. Они перемещались по всем палатам и коридорам, управляли чудовищными агрегатами, стоящими в сводчатых склепах, и разъезжали по широченным дорогам в своих гигантских, похожих на лодки машинах. Вскоре я практически перестал их бояться, поскольку они и в самом деле прекрасно вписывались в окружающую их среду.

Между ними можно было заметить некоторые индивидуальные отличия, а отдельные особи, казалось, вели себя несколько сдержаннее, чем остальные. Хотя внешне они были такими же как все, своими повадками и жестами они все же различались, причем не столько на фоне общей массы, сколько друг от друга.

Писали такие существа особенно много, причем, насколько я мог заметить, совершенно различными почерками, но никогда не пользуясь иероглифическими закорючками большинства. Мне даже показалось, что некоторые из них пользовались знакомым мне алфавитом. Почти все они работали гораздо медленнее остальных особей.

В то время мое личное участие во всех этих сновидениях ограничивалось бесстрастным созерцанием, причем с неестественно широким диапазоном зрения. Вплоть до августа 1915 года я не испытывал ни малейшего намека не беспокойство относительно своей собственной телесной формы. Постепенно, однако, данное обстоятельство стало все больше занимать мое внимание. До некоторых пор моей главной заботой в сновидениях было не опускать взгляд на собственное тело, и я запомнил, с каким облегчением воспринял то обсто-

ятельство, что в странных комнатах совершенно не было зеркал. Впрочем, уже тогда меня смутно беспокоило то обстоятельство, что я всегда видел массивные столы, высота которых была не менее трех метров, отнюдь не снизу, а несколько даже возвышаясь над их поверхностью.

С каждым днем болезненное влечение взглянуть на свое тело становилось все сильнее, пока однажды ночью я не смог устоять перед его натиском. Поначалу мой взгляд, устремленный вниз, не выявил абсолютно ничего, но затем я понял, что моя голова, видимо, находилась на конце невероятно длинной и гибкой шеи. Втянув ее и резко опустив взгляд, я увидел морщинистую, переливающуюся громаду трехметрового конуса, покоившуюся на таком же трехметровом основании — именно в ту ночь я своим истощенным воплем разбудил чуть ли не половину Эркхэма, вынырнув из пучины безумного кошмара.

Лишь после нескольких недель омерзительных репетиций и повторов я смог отчасти смириться со своим чудовищным обличем. В сновидениях я передвигался в массе других неизвестных мне существ, читал их диковинные книги и часами простаивал за массивными столами, что-то вписывая на страницы причудливым пером, зажатым между зеленоватыми щупальцами, которые тянулись от моей головы.

В то время я искренне надеялся на то, что отдельные фрагменты прочитанного мною навсегда останутся в моей памяти. Это были мрачные летописи других миров, других вселенных, и даже история существования бесформенной жизни за их пределами. Я находил записи о странных общинах неких существ, населявших мир в давно забытом прошлом, и пугающие хроники новых творений природы с нелепыми телами, которые заселят их через миллионы лет после исчезновения последнего человека. Мне стали известны отдельные главы из истории человечества, осуществлении которых современные ученые даже не подозревали. Записи эти, как правило, были сделаны иероглифами, значение которых я постигал при помощи необычных гудящих машин. Я смехнулся тогда, что имею дело с агглютинативной формой языка, базирующейся на корневой системе и не имеющей ни малейшего сходства с любым из человеческих языков.

Некоторые тома были написаны на других незнакомых мне языках, которые я также изучил аналогичным способом. Лишь редкие главы этих летописей были сделаны на тех языках, которыми владел я сам. В работе с книгами мне очень помогали талантливо исполненные иллюстрации, которые содержались как непосредственно в книгах, так и в отдельных альбомах. Все это время я скрупулезно вел по-английски записи, имевшие отношение к моей родной эпохе. Просыпаясь

же, я мог припомнить лишь крохотные и практически лишенные смысла отрывки, сделанные на неведомых мне языках, тогда как законченные фразы, видимо, оставались сокрытыми где-то в глубине моего подсознания.

Я узнал — еще до того как в должной мере изучил родственные мне случаи амнезии и проникся содержанием старинных мифов и легенд, на основе которых и формировались мои сновидения, — что окружавшие меня существа принадлежали к элите Великой Расы, которой удалось победить время и отправлять исследовательские разумы в любые века. Мне стало известно также, что я находился у них в плену, а в это время мое тело занимал чужой разум. Надосказать, что в этом смысле я был не одинок, поскольку вместе с моим они на некоторое время похитили также несколько других разумов. Используя причудливый язык щелкающих клешней, я разговаривал с плененными интеллектуалами, прибывшими туда буквально из всех уголков Солнечной системы и из-за ее пределов.

Например, там был представитель планеты, известной нам под названием Венеры, который должен был появиться на свет миллиарды лет спустя, а также обитатель одного из спутников Юпитера, живший шесть миллионов лет назад. Из земных разумов там находились крылатое звездноголовое существо, наполовину растение, которое в доисторические времена населяло просторы Антарктиды; представители разумных рептилий из болотистой Валузии; трое мохнатых доисторических гиперборейца, принадлежавших к числу идолопоклонников Цатогуа; один особенно омерзительный тип по имени Чо-Чо; двое паукообразных обитателей сравнительно недавнего прошлого Земли; пятеро из числа выносливых жесткокрылых существ, эра которых наступала сразу же вслед за человечеством, и к которым Великая Раса намеревалась со временем в массовом порядке заслать своих наиболее развитых представителей в целях спасения перед последствиями грядущих катаклизмов, и, наконец, несколько членов обособленных ветвей человеческого рода.

Я вел долгие беседы с разумами обитателей многих эпох и народов, начиная от одного из представителей большеголовых и коричневокожих людей, населявших Южную Африку за пятьдесят веков до нашей эры; жившего в двенадцатом веке флорентийского монаха Бартоломео Корси, и кончая философом Янь Ли из жестокой и кровавой империи Цан Чана, которая появится на Земле через пять тысяч лет. Подолгу общался с римскими мыслителями из времен Суллы; древнеегипетскими мудрецами Четырнадцатой династии, раскрывшими мне тайны одного из своих самых загадочных фараонов; со священником из древней Атлантиды; с джен-тльменом из Суффолка, жившим во времена Оливера Кром-

веля; с придворным астрономом из Перу, пока еще не подвергшегося завоеванию инками; с австралийским физиком, который умрет в 2518 году; с Великим Магом исчезнувшей в пучине Тихого океана народности Ихе; с престарелым подданным французского короля Луи XIII; с киммерийским вождем из пятнадцатого века до нашей эры, и со многими другими, хотя ныне мой мозг не в состоянии вспомнить даже тысячной доли всех тех потрясающих секретов и ошеломляющих чудес, которые они поведали мне при наших встречах.

Каждое утро я просыпался словно в лихорадке, иногда испытывая страстное желание удостовериться, либо, напротив, опровергнуть всю эту информацию доступными современной науке средствами. Традиционные факты представляли в совершенно новом свете, а я восхищался диковинными снами, которые способны внести столь разительные коррективы в современное научное знание.

Меня пробирала дрожь при мысли о том, какие загадки может хранить далекое прошлое, и я вздрагивал, представляя себе угрозы, исходящие от грядущего будущего. Что же до собственных ощущений, которые я испытал, выслушивая речи моих собеседников о том, какая судьба уготована всему человечеству, то я решаюсь воспроизвести их здесь лишь в самом кратком виде.

После человека землю заполонит могущественная цивилизация жуков, причем тела некоторых из них займут лучшие представители Великой Расы, когда над ней нависнет угроза физического уничтожения. Затем, по завершении земного цикла, они совершат очередную миграцию во времени и пространстве, на сей раз избрав в качестве своего пристанища луковичцеобразных растительных обитателей Меркурия. Но и после них будут другие расы, которые станут отчаянно цепляться за уже остывшую к тому времени планету, и закапывать в нее яйца, заполненные зловедим содержанием, покуда не наступит окончательный финал.

В своих снах я вел бесконечные записи по истории своего времени, делая это отчасти добровольно, а в чем-то и под воздействием обещанной большей свободы передвижения и доступа к новым книгохранилищам. Архивы Великой Расы располагались под землей в центральной части города, о чем мне стало известно в ходе моих неустанных трудов и бесконечных бесед. С учетом того, что этому гигантскому помещению было суждено сохраняться на всем протяжении времени, покуда существует сама Великая Раса, противостоя самым разрушительным процессам на Земле, оно по своей массивности и необычайной прочности конструкции намного превосходило все другие сооружения.

Записи эти — как, впрочем, и все остальные, — нанесенные на большие листы, сделанные из какого-то тонкого, но необычно прочного материала, переплетались затем в книги, которые открывались сверху, как блокнот, и хранились каждая в отдельном футляре, сделанном из странного, поразительно легкого, нержавеющей сероватого металла, и украшенном математическими символами и традиционными для Великой Расы извилистыми иероглифами.

Футляры располагались рядами в прямоугольных камерах, напоминавших закрывающиеся полки, которые были изготовлены из такого же загадочного металла и снабжены ручками с довольно замысловатыми запорами. Моей собственной истории было отведено место на полке, предназначенной для низших типов, или позвоночных, где помимо человеческих культур содержались данные о рептилиях и млекопитающих, непосредственно предшествовавших завоеванию человеком земного пространства.

Однако ни один сон не давал мне полного представления о повседневной жизни аборигенов Великой Расы, и я видел лишь ее расплывчатые и разрозненные фрагменты, причем выстроенные отнюдь не в порядке последовательности. Так, я располагал самой неопределенной информацией о собственной жизни в этом мире, где у меня, вроде бы, была отдельная каменная комната. Со временем все ограничения первого этапа пребывания, похоже, были сняты, поскольку в своих видениях я совершал продолжительные поездки по дорогам, проходившим сквозь густые заросли, останавливался в незнакомых мне городах, и занимался исследованием загадочных и темных развалин домов без окон, которые по непонятной для меня причине сами члены Великой Расы опасливо обходили стороной.

Были в моей практике и морские путешествия, совершавшиеся на громадных многопалубных судах, передвигавшихся с поразительной быстротой, и полеты над неосвоенными районами планеты в закрытых, похожих на ракету аппаратах на электротяге.

За обширным и теплым океаном также находились города Великой Расы, а на одном отдаленном континенте я видел довольно грубые постройки, населенные похожими на гигантских жуков крылатыми существами с черными мордами, которым суждено было утвердить свое господствующее положение после того, как Великая Раса телепортирует свой разум в другие миры. Огромные пространства занимала ровная, но весьма буйная растительность; изредка встречались невысокие холмы, обычно имевшие на себе следы былой вулканической активности.

Описание увиденных мною животных могло бы занять

целые тома. Все они были дикие, поскольку механизированная культура Великой Расы давно перестала испытывать потребность в домашних животных, а пища была исключительно растительного или синтетического происхождения. В курящихся удушливыми испарениями топях барахтались грузные, неуклюжие рептилии, которые встречались также в морях и озерах. Во многих из них я смутно угадывал очертания доисторических динозавров, птеродактилей, ихтиозавров, лабиринтодонт и плезиозавров, знакомых мне по трудам палеонтологов. При этом я совершенно не обнаружил присутствия там птиц или млекопитающих.

Леса и болота кишели змеями, ящерицами и крокодилами, а выше, среди зарослей буйной растительности царствовали бесчисленные массы насекомых. В удаленных от берега океанских водах неведомые мне таинственные чудовища изредка исторгали в дымное небо горы пены. Однажды я даже погрузился на некоем подобии подводной лодки в толщу океана, где наблюдал зловещих существ самой что ни на есть омерзительной наружности; там же я видел развалины невероятных затопленных городов и мог любоваться богатствами морской жизни во всех ее проявлениях.

По части физиологии, нравов и подробностей истории Великой Расы мои видения сохранили мало информации, а то, что все же удалось зафиксировать, было в основном почерпнуто из легенд и рассказов других лиц, перенесших родственное моему заболевание, а не из моих собственных сновидений. Дело в том, что нередко мои исследования словно опережали грядущие видения, в результате чего отдельные фрагменты последних объяснялись как бы заранее и в дальнейшем становились подтверждением того, что я мог почерпнуть из книг или других источников. Это вселяло в меня успокоительную мысль о том, что именно в ходе подобного чтения, которым занималась моя «побочная» личность, закладывались основы всех последующих кошмарных псевдовоспоминаний.

Периоды моих сновидений, очевидно, охватывали события, происходившие чуть менее ста пятидесяти миллионов лет назад, когда палеозойская эра уступала место мезозойской. Тела, занятые Великой Расой, представляли собой несохранившуюся — и даже неизвестную современной науке — ветвь земной эволюции, и являлись специфической, однородной, и в высшей степени специализированной разновидностью органической жизни, тяготевшей в равной степени как к растительным, так и к животным формам.

Их клеточное строение было поистине уникальным, поскольку практически исключало физическую утомляемость и полностью устраняло потребность во сне. Пища усваивалась

через красноватые воронкообразные отростки, располагавшиеся на одном из массивных гибких отростков, и всегда употреблялась в полужидком состоянии, часто совершенно отличаясь от того, чем питались существовавшие в те времена животные.

Мне удалось выявить у них лишь две разновидности органов чувств — зрение и слух, — причем функции последнего выполняли цветкоподобные отростки на сероватых стеблях поверх головы. Кроме того, они располагали многими другими, неведомыми мне органами чувств, которыми, кстати сказать, «гостящие» в их телах разумы практически никогда не пользовались. Три глаза располагались таким образом, что обеспечивали необычайно широкое поле зрения, а кровь была густой и темно-зеленой.

Разницы полов у них не существовало, а размножение происходило посредством спор, вырабатывавшихся где-то под основанием их конусов, и способных развиваться исключительно в водной среде. Для выращивания молодежи использовались просторные и неглубокие резервуары. Надо сказать, что с учетом их необычайного долголетия — от четырех до пяти тысяч лет — размножение было не особенно интенсивным.

Особи с явными физическими пороками своевременно уничтожались, а болезнь и приближение смерти распознавались — за неимением органов осязания и с учетом нечувствительности к боли, — исключительно визуальным путем.

Мертвые тела кремировались в торжественной обстановке. Как я уже упоминал выше, тот или иной сообразительный индивидуум иногда предпринимал попытку избежать смерти путем проецирования своего угасающего разума в будущее, однако подобное случалось весьма нечасто. Когда это все же происходило, к вновь прибывшему из будущего разуму относились с подчеркнутым вниманием, вплоть до тех пор, пока полностью не разлагалась принявшая его телесная оболочка.

Скорее всего, Великая Раса представляла собой единую, хотя и не особенно плотно спаянную нацию или лигу, имевшую общие главные институты, хотя в них и просматривалось деление на четыре отдельные группы. Политическая и экономическая система каждой группы в чем-то походила на социализм фашистского толка с рациональным распределением основных жизненных ресурсов. Власть в них делегировалась небольшим органам управления, избираемым из всех живущих особей после прохождения ими ряда обязательных общеобразовательных и психологических тестов. Семейные узы особой популярностью не пользовались, хотя между представителями одного поколения существовала некоторая близость, и молодежь, как правило, пользовалась поддержкой родителей.

Сходство с человеческими оценками и институтами про-

ступало особенно явно в тех областях, где, с одной стороны, затрагивались понятия высшего абстрактного порядка, а с другой — доминировали базисные, неспецифические потребности, присущие органической жизни в целом. Некоторые дополнительные аналогии просматривались в тех случаях, когда в целях грядущей адаптации Великая Раса заблаговременно опробовала будущее и копировала отдельные его детали.

Промышленность была высокомеханизированной и требовала лишь незначительного личного участия жителей; избыток свободного времени заполнялся интеллектуальными и эстетическими видами деятельности самого различного характера.

Науки достигли невероятного расцвета, а искусство являлось важной составной частью жизни, хотя ко времени начала моих сновидений они уже миновали высшую точку своего развития. Технология усиленно стимулировалась необходимостью постоянно вести борьбу за выживание и поддерживать нормальный облик крупных городов, что было особенно важно в тот период бурной тектонической активности. Преступность находилась на поразительно низком уровне и ей противостояла прекрасно отлаженная полицейская служба. Наказания правонарушителям варьировали от лишения каких-то привилегий и тюремного заключения до смертной казни или полного эмоционального оглушения, и выносились лишь после тщательного и объективного изучения всех обстоятельств дела.

Войны иногда случались — за последнее тысячелетие в основном гражданские, хотя отмечались и столкновения с населявшими Антарктиду крылатыми и весьма агрессивными аборигенами или Старожилами, сопровождаясь, как правило, значительными разрушениями. Громадная армия была вооружена похожими на нынешние фотоаппараты электрическими устройствами, обладавшими поразительной убойной силой; содержали ее в основном ради редко упоминаемых целей, которые, однако, явно имели отношение к неизбывному страху перед старинными развалинами темных, глухих зданий и опечатанными люками, расположенными на нижних подземных уровнях городских строений.

Страх перед этими руинами и люками передавался, как правило, посредством невербального внушения, в крайнем случае — таинственным псевдошепотом. Все, что имело хотя бы малейшее отношение к данным объектам, тщательно вымарывалось со страниц стоявших на стеллажах книг. Пожалуй, это было единственное табу для всей Великой Расы и оно имело какую-то связь с ужасными древними битвами, равно как и с грядущей угрозой, которая рано или поздно вынудит всю расу к массовому исходу в другое время.

Неполная и фрагментарная, как, впрочем, и другие дета-

ли моих сновидений и древних легенд, эта часть истории Великой Расы была окутана еще большей тайной. Старинные мифы обходили ее стороной или, по крайней мере, всячески замалчивали, тогда как в снах — моих собственных и других людей — намеки на нее были крайне скудными. Члены Великой Расы никогда по своей воле не касались этой темы, а то, что иногда удавалось разузнать, поступало от более наблюдательных «гостящих» разумов.

Судя по этим обрывкам информации, основой страхов являлась некая ужасная старая раса крайне злобных полиповидных существ, которые прибыли из неимоверно далеких вселенных и доминировали на Земле и трех других планетах Солнечной системы примерно шестьсот миллионов лет назад. Насколько можно было понять, они лишь частично являлись материальными субъектами, а их сознание и способ восприятия коренным образом отличались от того, что было присуще земным обитателям. Например, их органы чувств вообще не предусматривали такой функции как зрение, а мыслительный мир представлял собой странный, невизуальный конгломерат представлений.

Впрочем, когда возникала необходимость в использовании обычных орудий и предметов, если таковые оказывались в окружающем их мире, они обретали необходимую материальную плотность. Были у них и дома, хотя и весьма специфического свойства. Их органы чувств могли проникать сквозь любые материальные барьеры, хотя сами они такой способностью не обладали. Некоторые виды электроэнергии оказывали на них полностью разрушающее воздействие. Несмотря на отсутствие крыльев или других средств левитации, они умели перемещаться по воздуху, а их умственное строение полностью исключало любые контакты с представителями Великой Расы.

Прибыв на землю, эти существа возвели массивные базальтовые города, состоявшие из глухих башен, и принялись охотиться за всеми другими живыми существами, которые попадались им на пути. Примерно тогда же из бездн мрачного трансгалактического мира, известного под мифическим названием Ид, на землю прибыли разумные Великой Расы.

Новые переселенцы, вооруженные созданными ими орудиями, легко покорили хищных тварей и загнали их в глубь пещер, которые они к тому времени уже присоединили к своим жилищам и начали осваивать.

Входы в эти пещеры были наглухо запечатаны, а основная часть громадных городов и отдельные сохранившиеся крупные строения были сохранены новыми переселенцами, причем не ради утилитарных целей, а скорее как объект некоего зловещего суеверия.

Однако по истечении ряда веков стали поступать смутные

и зловещие сигналы о том, что твари эти, находясь под землей, заметно окрепли и размножились. В отдельных маленьких или отдаленных городах Великой Расы начали отмечаться спорадические вторжения таинственного и непонятного свойства — это были те самые опустевшие города «полипов», которые не стали заселяться членами Великой Расы, и где входы в их пещеры оказались почему-то недостаточно прочно запгертыми и не охранялись снаружи.

Сразу вслед за этим были приняты экстренные меры безопасности, а большинство входов в пещеры наглухо замурованы — за редким исключением, где были сооружены те самые открывающиеся люки. Подобная мера была принята на тот случай, если «полипов», прорвавшихся наружу в каком-о неожиданном месте, пришлось бы преследовать и добывать в их собственном нынешнем логове.

Вышеупомянутые вторжения зловных существ повсеместно вызывали состояние неопиcуемого ужаса, и с тех пор эти эмоции навечно отпечатались в психике членов Великой Расы. Чувство это было настолько сильным, что даже одно лишь упоминание «полипов» считалось чем-то вроде святотатства, и потому все мои попытки получить хотя бы намек на то, как они выглядели и что собой представляли в более детальном описании, оканчивались безрезультатно.

Высказывались, правда, предположения, что твари обладали необычайной пластичностью и могли на время становиться невидимыми, тогда как, согласно другим разрозненным слухам, они каким-то образом умели контролировать и использовать в военных целях силу ветра. Им также приписывались странные и зловещие свистящие звуки и громадные отпечатки, состоявшие из пяти округлых вдавленных отметин.

Было совершенно очевидно, что надвигающаяся угроза, способная в одночасье отправить миллионы интеллектуально развитых разумов сквозь бездну времени в незнакомые тела безопасного будущего, имела непосредственную связь с возможностью нового и окончательного прорыва зловещих «полипов» на поверхность планеты.

Умственная проекция сквозь века со всей ясностью предсказывала возможность наступления подобного кошмара, и Великая Раса твердо решила, что ни один из ее членов, способный к бегству, не столкнется с врагом лицом к лицу. То, что нашествие произойдет в качестве акта мести, а не в целях возврата себе отнятого мира, они узнали из будущей истории планеты, поскольку проекция обнаружила, что последующие расы никоим образом не испытывали на себе зловещего влияния этих чудовищных созданий.

Возможно, «полипы» сами избрали для себя глубинные

бездны земли, предпочтя их переменчивым и подверженным нашествию стихий наружных ее слоев, тем более, что свет для них не имел никакого значения, а возможно, они просто со временем стали слабеть. Во всяком случае, достоверно известно, что в постчеловеческую эпоху расы жуков, в которой поселятся летучие разумы Великой Расы, «полипы» уже прекратят свое существование.

Несмотря на все это, Великая Раса продолжала проявлять повышенную бдительность и держать «порох сухим», несмотря на тщательное избегание любого упоминания коварных врагов в своих речах и записях. И постоянно над запечатанными люками и темными глухими башнями висела тень безымянного ужаса.

V

Это был мир, мрачные и разрозненные отголоски которого сон приносил мне каждую ночь. Я не тешу себя надеждами на то, что смог передать хотя бы самое отдаленное представление о том, какой ужас несло с собой каждое подобное эхо, ибо все эти видения оставались на некоем неосязаемом уровне жутковатых и во многом неконкретных псевдовоспоминаний.

Как я уже говорил, постепенно результаты моих исследований стали предоставлять мне все большую возможность обороняться от подобных ощущений посредством нахождения им рациональных психологических объяснений; кроме того, на руку мне было и то, что со временем я стал понемногу привыкать к подобным вещам. Однако, несмотря на все эти спасительные обстоятельства, меня по-прежнему изредка охватывало чувство смутного, ледящего душу кошмара, хотя влияние его уже не было столь всеобъемлющим. Короче говоря, с некоторыми оговорками можно констатировать, что после 1922 года я начал вести вполне нормальную, полную творческих исканий жизнь.

С годами я стал все больше осознавать, что мои переживания — в сочетании с результатами изучений аналогичных случаев заболевания амнезией и фольклорными зарисовками — должны быть сведены воедино и изданы в виде своего рода учебного пособия для студентов. Поэтому я подготовил серию статей, где в краткой форме излагалась подоплека описываемых событий, а сам текст был снабжен незатейливыми иллюстрациями отдельных сюжетов, образов и иероглифических надписей, которым удалось сохраниться в уголках моей памяти.

В период с 1928 по 1929 годы они с разными промежутками

во времени появлялись в «Журнале Американского психологического общества», хотя, надо признать, не привлекли к себе широкого внимания научных кругов. Тем временем я продолжал с максимальной скрупулезностью фиксировать свои сновидения, хотя груды исписанной бумаги с каждым месяцем достигали все более внушительных размеров.

10 июля 1934 года при посредничестве Психологического общества я получил письмо, с которого, можно сказать, началась решающая и, пожалуй, наиболее трагическая стадия всей перенесенной мною безумной пытки. Письмо это пришло из находившегося в Западной Австралии города Пилбарра и было подписано, как я впоследствии выяснил, довольно известным в тех местах горным инженером. К письму прилагалось несколько весьма любопытных любительских фотоснимков. Текст этого послания я привожу полностью, чтобы любой ознакомившийся с ним мог понять, какое потрясающее воздействие произвели на меня и само это письмо, и приложенные к нему фотографии.

Некоторое время я попросту отказывался поверить во все это, поскольку, хотя я и допускал возможность существования определенной фактической основы под теми легендами и преданиями, которые столь причудливо раскрашивали мои сновидения, однако был все же совершенно неподготовлен к тому, что действительно сохранились какие-то осязаемые остатки того затерянного мира, который был отделен от нас невообразимой бездной времени. Наибольшее потрясение вызвали именно фотографии, поскольку на них, в бесстрастной и неоспоримой форме холодного реализма, передо мной вновь предстали на фоне песчаных пустынь выветрившиеся, изрытые дождевыми потоками, потрепанные бурями каменные блоки, чьи слегка выпуклые вершины и немного вогнутые основания говорили сами за себя.

Внимательно изучив их при помощи лупы, я смог со всей отчетливостью различить среди многочисленных выбоин и щербин следы тех самых бесконечных извилистых узоров и иероглифических надписей, которые всегда были преисполнены для меня самого зловещего смысла. Впрочем, вот оно, это письмо.

«49, Дэмпьер-стрит, Пилбарра, Западная Австралия.
18 мая 1934 года.

Проф. Н.У.Пейнсли — через Американское психологическое общество. 30Е, 41-я стрит, Нью-Йорк, США.

Дорогой сэр !

Недавно состоявшийся у меня разговор с доктором Е.М.Бойлом из Перта и переданные им газеты с Вашими статьями подтолкнули меня к мысли проинформировать Вас о некоторых находках, которые я обнаружил в Великой пес-

чаной пустыне к востоку от наших золотоносных месторождений. В свете некоторых описанных Вами легенд о старинных городах с массивными каменными постройками и странными иероглифическими надписями, мне представляется, что я обнаружил нечто действительно очень важное.

Местные чернокожие жители издревле толковали о неких «больших камнях с отметинами», причем, похоже, подобные вещи всегда вызывали у них состояние дикого страха. Они отчасти увязывают их с местными легендами о некоем Буддае — гигантском старце, который веками спит под землей, положив голову себе на руки, но затем однажды проснется и поглотит весь мир.

Поныне бытуют очень старые, наполовину забытые рассказы о громадных подземных каменных хижинах, коридоры в которых спускаются в самую глубь земли, и где произошли все описываемые в легендах кошмарные вещи. Туземцы утверждают, что когда-то некие воины в пылу битвы спустились туда, но назад так и не вернулись, а вскоре после их исчезновения снизу из подземелья подули сильные ветры. Впрочем, Вы и сами знаете, насколько можно верить во все эти рассказы.

Я же хотел проинформировать Вас о другом. Дело в том, что два года назад, когда я занимался разведкой местности, то примерно в пятистах метрах к востоку от нашей стоянки, по направлению в глубь пустыни, я наткнулся на нагромождения довольно странных на вид обработанных камней, каждый размерами примерно 90 x 60 x 60 сантиметров, причем все они несли на себе следы многих веков.

Поначалу я не мог обнаружить на них ничего из того, о чем гласят легенды туземцев, однако при ближайшем рассмотрении все же разглядел на фоне изъеденных временем и погодой поверхностей следы глубокой резьбы по камню. Это были странные на вид завитки и узоры, очень похожие на те, что упоминались в рассказах здешних аборигенов. Я насчитал тридцать или сорок таких блоков, некоторые из которых почти полностью утопали в песке, и все они располагались на территории диаметром примерно в полтора-два километра.

Обнаружив первые экземпляры, я принялся искать и другие, и с помощью имевшихся у меня инструментов произвел необходимые замеры этого места. Я также сфотографировал десять-двенадцать наиболее типичных блоков — снимки прилагаются.

Все эти сведения вместе с фотографиями я передал местным властям, однако они никак на это не отреагировали.

Потом я встретился с доктором Бойлом, который читал Ваши статьи в «Журнале Американского психологического общества» и также в свое время что-то рассказывал про ана-

логичные камни. Он крайне заинтересовался и даже пришел в некоторое возбуждение, когда я показал ему свои снимки, и сказал, что и камни, и надписи на них в точности повторяют описанные вами кладки, которые вы видели в своих сновидениях и встречали в различных легендах и преданиях.

Он и сам хотел написать Вам, но все как-то не собрался. Между тем, он передал мне все журналы с Вашими статьями и по приводимым Вами описаниям и зарисовкам я сразу понял, что обнаруженные мною камни как две капли воды похожи на Ваши. Вы сами можете в этом убедиться, глядя на снимки, а впоследствии, надеюсь, поговорите и с самим доктором Бойлом.

Я понимаю, что для Вас это действительно может представить определенный интерес. Лично я не сомневаюсь в том, что мы имеем дело с остатками древней цивилизации, по возрасту превосходящей все известные нам, и составляющей основу многих Ваших видений и многовековых легенд.

Будучи горным инженером, я немного разбираюсь в геологии, и смею уверить Вас в том, что неимоверно древний возраст этих блоков даже у меня вызывает чувство безотчетного страха. В своей массе они состоят из песчаника и гранита, хотя один из обнаруженных мной кусков явно представляет собой какую-то разновидность цемента или бетона.

На блоках явно остались следы воздействия влаги, как если бы некогда эта часть планеты была скрыта водой, а спустя длительный промежуток времени вновь вышла на поверхность, причем весь этот период они уже существовали в обработанном виде и использовались по какому-то назначению. Идет ли речь о сотнях тысяч лет, а может и более того — ведомо одному лишь Всевышнему, и мне не хотелось бы даже пускаться в рассуждения на эту тему.

С учетом того, что в прошлом Вы энергично пытались установить корни различных легенд и всего с ними связанного, я не сомневаюсь в том, что Вы наверняка захотите отправиться в эту пустыню с экспедицией и произвести там кое-какие археологические раскопки. И доктор Бойл, и я готовы принять в ней посильное участие, если Вы лично, либо любая известная Вам организация согласились бы финансировать подобное мероприятие.

Для работ по глубокому бурению у меня найдется десяток толковых рабочих — туземцы в данном случае не подойдут, поскольку, как я выяснил, они испытывают перед этим местом почти маниакальный страх. Ни Бойл, ни я не сказали никому ни слова об этой находке, ибо мы оба понимаем, что приоритет открытия в подобных вопросах должен остаться за Вами.

К месту можно будет добраться на тракторе — если следовать из Пилбарры, это займет примерно четыре дня пути. Расположено оно несколько юго-западнее маршрута Варбуртона 1873 года и примерно в двухстах километрах юго-восточнее колодца Джоанны. Снаряжение мы могли бы доставить по реке Де Грей, а не везти с собой из Пилбарры, однако эти и другие детали можно будет обсудить позднее.

По моим оценкам, координаты места, где лежат эти камни, таковы : 22 градуса, 3 минуты 14 секунд южной широты и 125 градусов 0 минут 39 секунд восточной долготы. Климат в этой местности тропический, а само пребывание в пустыне довольно утомительно.

Жду Вашего возможного ответа на это письмо и, повторяю, горю желанием принять участие в любом предпринятом Вами начинании в этой области. Изучив Ваши статьи, я проникся убежденностью в необычайной важности данного исследования. Доктор Бойл напишет Вам позже. В экстренных случаях можете воспользоваться телеграфом.

Искренне Ваш —

Роберт Макензи»

События, последовавшие непосредственно за получением мною этого письма, были отчасти освещены в печати. Мне крайне повезло, что я смог заручиться поддержкой Мискатонского университета, а Макензи и доктор Бойл провели большую подготовительную работу с австралийской стороны. При этом мы не стремились к широкой огласке нашего мероприятия, хорошо понимая, какую пищу это могло бы дать бульварной прессе. В общем, сообщения о нашей экспедиции оказались весьма скудными, однако достаточными, чтобы получить представление о намечавшемся исследовании древних австралийских развалин и всей подготовительной работе. В путешествии нас сопровождали профессор Уильям Даер с кафедры геологии, возглавлявший в 1930-31 годах антарктическую экспедицию, Фердинанд Эшли с кафедры истории древнего мира, Тайлер Фриборн с кафедры антропологии, и мой сын Уингейт.

В начале 1935 года Макензи прибыл в Эркхам, чтобы принять участие в заключительной стадии подготовки экспедиции. Он оказался поистине незаменимым знатоком своего дела и к тому же весьма приветливым человеком лет пятидесяти, превосходно начитанным и хорошо знакомым с особенностями путешествий по Австралии.

В Пилбарре нас ждали его тракторы, которые мы погрузили на плоскодонную баржу, чтобы добраться по реке до пункта назначения. Раскопки мы намеревались проводить

максимально тщательно, просеивая каждую пригоршню песка и ничего не нарушая на месте проведения работ.

Отправившись 28 марта 1935 года из Бостона на пылящем «Лексингтоне», мы беззаботно отдыхали, пока судно пересекло Атлантический океан, Средиземное море, Суэцкий канал, Красное море, и наконец направилось через Индийский океан к цели нашего путешествия. Не стану утомлять вас описанием того, сколь гнетущее впечатление произвел на меня сам вид австралийской пустыни, зато доктор Бойл, встретивший нас на месте, оказался приятным интеллигентным мужчиной средних лет, и мы с сыном провели немало времени в обсуждении с ним различных психологических проблем, специалистом в которых он являлся.

Дискомфорт полевых условий и нетерпеливое ожидание странным образом смешивались в каждом из нас, когда экспедиция в количестве восемнадцати человек наконец отправилась в путь по бескрайним просторам песка и камня. В пятницу 31 мая мы вброд пересекли один из рукавов Де Грей и вступили в царство развалин. Приближаясь к месторасположению легендарного мира, я испытывал жутковатое ощущение, порожденное, естественно, тем, что мои тревожные сновидения и псевдовоспоминания по-прежнему продолжали держать меня в своей неодолимой власти.

В понедельник 3 июня мы увидели первые наполовину вросшие в песок каменные блоки. Невозможно выразить словами охватившие меня эмоции, когда я прикоснулся — не во сне, а наяву — к осколкам гигантской каменной кладки, в точности повторявшей детали тех блоков, из которых были сложены стены моих призрачных сооружений. На них явно проступали следы глубокой резьбы, и руки мои дрожали, когда я опознал часть извилистых узоров, с адской настойчивостью преследовавших меня сквозь годы мучительных кошмаров и поразительных исследований.

За месяц раскопок мы обнаружили в общей сложности тысячу двести пятьдесят блоков различной степени изношенности и разрушения. В основном они представляли собой высеченные мегалиты с изогнутыми вершинами и основаниями; встречались также экземпляры меньших размеров, более плоские и гладкие, квадратные или восьмиугольные — похожие на те, что в моих сновидениях устилали полы зданий и тротуары улиц, — а отдельные образцы отличались особой массивностью и специфическими дугообразными или косыми срезами по краям, что наводило на мысль об их использовании в сводчатых перекрытиях, арках или обрамлении круглых окон.

Мы копали вглубь в северном и восточном направлениях

и находили все новые блоки, хотя пока не могли обнаружить в их расположении признаков сколь-нибудь стройной системы. Профессор Даер был поражен колоссальным возрастом этих каменных глыб, а Фриборн выявил следы символов, перекликавшихся с некоторыми легендами папуасов и полинезийцев, дошедших до нас с незапамятных времен. Состояние и разброс блоков безмолвно указывали на головокружительные промежутки времени и геологические потрясения небывалой, поистине космической мощи.

Мы располагали небольшим аэропланом, и мой сын Уингейт неоднократно поднимался на нем в воздух, чтобы с высоты оглядеть песчаные просторы пустыни и попытаться уловить хотя бы самые смутные намеки на какую-то систему, либо обнаружить значимые различия в расположении блоков. К сожалению, всякий раз результаты этих полетов оказывались негативными, поскольку там, где сегодня он обнаруживал некое подобие более или менее устойчивого рисунка, завтра появлялись новые, столь же иллюзорные признаки структуры, что, несомненно, являлось следствием перемещений масс песка под напором непрекращающегося ветра.

Пару раз, однако, его эфемерные догадки вызывали в моей душе смутные и весьма малоприятные ощущения. Они словно странным образом перекликались с тем, что я видел во сне или о чем когда-то читал, но потом основательно забыл. Было в них нечто отвратительно знакомое, что заставляло меня украдкой бросать опасливые взгляды в разные концы этой безбрежной местности.

В первую неделю июля у меня сформировался необъяснимый комплекс эмоций, имевших отношение ко всему этому северо-восточному региону. В нем переплетались ужас и любопытство, а кроме того меня неотвратимо преследовала некая запутанная и противоречивая иллюзия воспоминаний.

При помощи всевозможных психологических приемов я пытался выбросить все эти фантазии из головы, однако неизменно терпел полный крах. Потом откуда ни возьмись нахлынула бессонница, но я был почти рад ей, поскольку она значительно укорачивала мои сновидения. Вскоре у меня сформировалась привычка совершать по ночам долгие одинокие прогулки по пустыне — обычно в северном или северо-западном направлениях, — куда меня словно смутно влекла масса новых странных ощущений.

В ходе таких прогулок я иногда спотыкался о кусок древнего камня, и хотя по сравнению с началом раскопок лежавшие на поверхности глыбы попадались относительно редко, я был уверен, что под землей их осталось во много крат больше, чем нам удалось обнаружить. Местность здесь была не

столь ровной как в зоне нашего лагеря, а беспрерывно дувшие ветры то там, то здесь образовывали причудливые, почти фантастические временные песчаные курганы, скрывая следы верхних блоков и неожиданно обнажая те, что располагались ниже.

У меня почему-то возникло странное желание провести раскопки также и на территории моих ночных блужданий, хотя к этому чувству примешивалось смутное опасение того, какие находки они могут принести. Я сознавал, что психическое состояние мое с каждым днем становилось все хуже, но самое неприятное заключалось в том, что причины этих перемен оставались для меня совершенно непонятными.

Подтверждением моего нервного истощения является хотя бы то, каким образом я реагировал на загадочную находку, обнаруженную во время одной из моих ночных прогулок. Это произошло вечером 11 июля, когда окружавшие нас таинственные холмы залила почти мистическая бледность лунного света.

Пройдя чуть дальше своего обычного ночного маршрута, я наткнулся на крупный камень, который заметно отличался от всего того, что мы находили ранее. Он был почти полностью скрыт под слоем песка, но я наклонился и очистил часть его, после чего принялся внимательно разглядывать, подсвечивая к дополнение к лунному свету лучом карманного фонарика.

В отличие от других массивных камней, этот имел почти идеальную кубическую форму, без малейшего намека на какие-либо выпуклости или вдавленности. Изготовлен он был из какого-то камня, отдаленно напоминавшего базальт, в отличие от гранита, песчаника или бетона, из которых были сделаны наши предыдущие находки.

Внезапно какая-то неведомая мне сила заставила меня подняться, я повернулся и со всех ног бросился бежать назад к лагерю. Меня охватил совершенно безотчетный, даже иррациональный страх, и лишь оказавшись у входа в свою палатку, я понял, почему побегал. Это осознание словно нахлынуло на меня. Дело в том, что странный темный камень определенно был из числа тех, которые мне доводилось видеть во сне, о которых я читал и которые были каким-то образом связаны с кошмарным, чудовищным ужасом многовековых легенд.

Это был один из блоков той старинной базальтовой кладки, которая вселяла в представителей Великой Расы безотчетный и бездонный страх; он являлся составной частью развалин высоких глухих башен, оставшихся после неведомых, полуматериальных и враждебных существ, которые веками гноились на чудовищной глубине под землей, и против неви-

димой, похожей на ветер силы которых были сооружены и наглухо опечатаны люки, охраняемые бессонными часовыми.

Всю ночь я не мог сомкнуть глаз и лишь к рассвету осознал, как глупо было позволить каким-то мифическим теням настолько подчинить меня своей загадочной магии, и что вместо того чтобы испытывать страх, мне бы следовало переживать прилив энтузиазма, присущий настоящему исследователю.

Наутро я рассказал коллегам о своей находке, после чего Даер, Фримэн, Бойл, мой сын и, разумеется, я сам отправились к месту, где находился смутивший меня камень. К сожалению, нас на этот раз ожидала неудача. Ночью я не позаботился о том, чтобы зафиксировать его точное местонахождение на карте, а ветер окончательно затер всякие остатки моих следов.

VI

Итак, я перехожу к решающей и наиболее трудной части моего повествования — трудного, поскольку не могу быть до конца уверенным в реальности всего происшедшего. Временами меня начинает мучить тревожная догадка, заключающаяся в том, что все это отнюдь не было лишь сном или галлюцинацией, и именно это чувство, с учетом того, какой огромный смысл может быть скрыт за всем случившимся, заставляет меня продолжать вести свои записи. Мой сын, являющийся, как вам известно, дипломированным психологом, и прекрасно знакомый с перипетиями моего состояния, станет главным судьей в оценке всего того, о чем я намерен рассказать.

Но сначала позвольте мне обрисовать основные контуры событий, насколько они стали известны членам нашей экспедиции. В ночь с 17 на 18 июля, после того как весь день непрерывно дул сильный ветер, я рано лег спать, но сон никак не приходил. Где-то около одиннадцати я наконец поднялся и, беспрестанно держа в голове странно манивший меня участок местности, располагавшийся к северо-востоку от нашего лагеря, отправился на свою обычную ночную прогулку. Выходя за пределы лагеря, я повстречал лишь одного члена экспедиции — австралийского горняка по фамилии Таппер. Поприветствовав его, я покинул пределы нашей стоянки.

На чистом ночном небе сияла почти полная луна, заливавшая древние пески белесым, каким-то муторным сиянием, которое показалось мне в ту ночь особенно гнетущим и даже зловещим. Ветер, как ни странно, совсем не ощущался. В

общей сложности я отсутствовал около пяти часов, что подтверждается словами Таппера и тех людей, которые, возможно, могли видеть как я быстро шагаю по бледным, хранившим под собой неразгаданные тайны холмам в северо-восточном направлении.

Примерно в половине четвертого неожиданно поднялся сильный ветер, от которого проснулся весь лагерь и даже завалились три палатки. На небе не было ни облачка, и пустыня по-прежнему казалась озаренной мгlistым, нездоровым сиянием. Мое отсутствие обнаружили лишь когда стали заново ставить палатки, однако, с учетом опыта прошлых дней, это ни у кого не вызвало особой тревоги. И все же по крайней мере трое членов экспедиции — все они оказались австралийцами — явно ощутили в окружающей атмосфере нечто особенно зловещее.

Макензи объяснил профессору Фриборну, что страх этот своими корнями уходит в некоторые легенды местных туземцев — аборигены сотворили некий мрачный и таинственный миф о сильных ветрах, которые дуют с определенными интервалами над песками под ясным небом. Ветра эти, по преданию, дули из расположенных глубоко под землей громадных каменных хижин, в которых находились ужасные существа, и ощущались лишь поблизости от тех мест, где обнаруживали скопления крупных камней.

Ближе к четырем часам утра песчаная буря улеглась, причем столь же неожиданно, как и разразилась, после чего окружающие холмы приняли совершенно новые, незнакомые очертания.

Сразу после пяти, когда распухшая, грибовидная луна стала смещаться к западу, я наконец доковылял до лагеря — без шляпы, оборванный, до крови исцарапанный, и вдобавок без фонаря. Большинство членов экспедиции уже вернулись в свои палатки, хотя профессор Даер все еще покуривал трубку, сидя рядом со входом в свое временное жилище. Увидев мой крайне потрепанный вид и близкое к помешательству состояние, он позвал доктора Бойла и они оба проводили меня в палатку, где настояли на том чтобы я прилег и немного успокоился. Вскоре к ним присоединился и мой сын, и они уже втроем стали пытаться заставить меня хоть немного вздремнуть.

Но о сне не могло быть и речи. Я пребывал в поистине небывалом психическом возбуждении, совершенно непохожем на все то, что мне доводилось испытывать прежде. Вскоре я принялся рассказывать — нервно и максимально тщательно описывая свое приключение.

Я сказал им, что во время прогулки внезапно ощутил

усталость и прилег на песок, чтобы немного отдохнуть. При этом мне виделись еще более пугающие, даже страшные сны, чем когда-либо ранее, а когда от резкого порыва ветра поднялись тучи песка, мои издерганные нервы не выдержали. Меня захлестнула паника, заставив без конца спотыкаться о полуприсыпанные песком камни, отчего я и приобрел этот крайне потрепанный и грязный вид. Проспал я, наверное, довольно долго — об этом можно было судить по времени моего отсутствия в лагере.

Я ни словом не обмолвился им о чем-либо странном, что видел или пережил, хотя это и стоило мне немалых усилий и самоконтроля, но, говоря о целях всей экспедиции, неожиданно для всех стал настаивать на том, чтобы всякие раскопки в северо-восточном направлении были прекращены.

Аргументация моя при этом была довольно слабой — я ссылаясь на то, что там почти нет каменных блоков, что, дескать, не стоит оскорблять религиозные предрассудки местных горняков, что подходят к концу отпущенные колледжем средства, в общем, говорил о чем-то таком, что было либо неправдой, либо в сущности не имело никакого значения. Естественно, никто не принял всерьез все эти мои возражения и доводы, в том числе и мой сын, которого уже явно стало беспокоить состояние моего здоровья.

Весь следующий день я бродил вокруг нашего лагеря, но никакого участия в раскопках не принимал. Желая поберечь нервы, я решил как можно скорее вернуться домой, и сын пообещал доставить меня на аэроплане в Перт — за тысячу миль на юго-запад, — но прежде ему хотелось завершить изучение с воздуха того самого района, от которого я пытался отвлечь их внимание.

Я рассчитывал, что если посетившее меня видение повторится, то мне удастся по крайней мере попытаться как-то предостеречь своих коллег, даже рискуя при этом показаться в их глазах нелепым и смешным. При этом я смутно надеялся на то, что некоторые члены экспедиции из числа местных жителей, знавшие местные мифы и обычаи, могут меня поддержать. Мой сын в тот же день совершил облет упомянутого мною района, но по горькой иронии судьбы ничего из того, о чем я говорил ранее, так и не смог обнаружить.

Все поиски по-прежнему вертелись вокруг того приметного базальтового блока, контуры которого оказались сейчас полностью сокрытыми перемещающимися песками. На какое-то мгновение я даже пожалел, что в приступе безумного страха потерял свою мрачную находку, однако позднее стал понимать, что забывчивость эта обернулась для меня подлинным благом. Я до сих пор сохраняю способность верить в то,

что все это было лишь иллюзией, сном наяву, особенно если — на это я надеюсь особо — ту дьявольскую пещеру так никогда и не отыщут.

20 июля Уингейт отвез меня в Перт, хотя сам решил остаться с экспедицией и продолжить раскопки. Он пробыл со мной до двадцать пятого числа, когда отплывал пароход на Ливерпуль. И вот сейчас, сидя в каюте «Эмпресс», я подолгу размышляю над всем этим делом, и постепенно прихожу к выводу о том, что по крайней мере мой сын должен узнать обо всем, а уж после этого принять решение, следует ли придавать этой истории более широкую огласку.

На случай возможных непредвиденных обстоятельств я изложил здесь подоплеку описываемых событий — частично и разрозненно уже знакомую некоторым читателям, — а сейчас в максимально лаконичной форме постараюсь описать то, что на самом деле произошло в ту зловещую ночь, когда я покинул наш лагерь.

Чувствуя дикое напряжение, подгоняемый каким-то извращенным, почти патологическим рвением, во что переросла вся мучившая меня жуткая смесь необъяснимых воспоминаний, я брел по пустыне, освещаемый зловещим сиянием луны. То там, то здесь я вновь различал наполовину сокрытые песком древние циклопические блоки, оставшиеся с безымянных, давно забытых эпох.

Их невероятный возраст и постоянно бродивший во мне ужас перед лицом этих чудовищных развалин начал с невиданной доселе силой угнетать меня; я был не в состоянии избавиться от мыслей о моих безумных сновидениях, от лежавших в их основе пугающих легенд, и от того страха, который испытывали уже нынешние поколения местных жителей перед этой пустыней и ее камнями.

И все же я продолжал брести дальше, словно меня влекло к месту какого-то жуткого свидания, а мозг мой буквально атаковали всевозможные видения, представления и псевдovспоминания. Я думал о тех намеках на возможные контуры камней, которые видел с воздуха мой сын, и беспомощно гадал, почему они казались мне столь зловещими и одновременно странно знакомыми. Что-то то едва слышно бормотало, то оглушительно грохотало у самого порога моей памяти, тогда как другая неведомая мне сила пыталась сохранить ее врата на вечном и надежном запоре.

Ночь выдалась на удивление безветренная, и бледные изгибы песка то вздымались, то опускались передо мной подобно застывшим морским волнам. Я шел, не имея перед собой никакой конкретной цели, но продолжал продвигаться вперед, словно влекомый одержимостью обреченного. Былые ви-

дения словно материализовывались в окружавшем меня реальном мире, отчего каждая укутанная в толщу песка каменная глыба становилась похожей на часть какого-то бесконечного коридора или комнаты доисторического строения, покрытой причудливой резьбой или иероглифами, столь хорошо знакомыми мне по годам жизни в качестве плененного Великой Расой разума.

В отдельные моменты мне казалось, что я вижу эти всеведущие конические существа, которые двигаются вокруг меня и занимаются своими повседневными делами, и тогда я не решался опустить взгляд, поскольку боялся увидеть свою, в точности похожую на них телесную оболочку. И все же я продолжал видеть эти покрытые песком блоки, равно как и сложенные из них комнаты и коридоры; различал злобную полыхающую луну и одновременно лампы из светящихся кристаллов; созерцал бесконечную пустыню и раскачивающиеся за округлым окном верхушки гигантских папоротниковидных деревьев. Я бодрствовал и одновременно с этим грезил.

Не знаю, как долго, далеко и даже в каком направлении я так прошел, когда обнаружил прямо перед собой присыпанную песком грудку каменных блоков. До этого мне не доводилось встречать столь большое их скопление в одном месте, и зрелище это произвело на меня настолько сильное впечатление, что видение далеких эпох внезапно исчезло.

Вновь передо мной была голая пустыня, над головой мерцал диск луны, а вокруг маячили осколки неведомого прошлого. Я подошел к каменным надолбам чуть ближе, остановился и направил на них луч фонаря. Холм словно распался, оставив на месте себя невысокую округлую массу неправильной формы, состоявшую из громадных глыб и более мелких фрагментов — в общей сложности она была метров двенадцать в поперечнике и от полуметра до двух с половиной метров в высоту.

Уже с первого взгляда я понял, что было в этих камнях нечто такое, что в корне отличалось от всего виденного мною прежде. И дело было даже не в их небывалом доселе количестве — просто на их изъеденной песком поверхности я хотя и не без труда, но все же разглядел в лучах света луны и фонаря следы весьма своеобразного резного узора.

Нельзя сказать, чтобы он в корне отличался от всего того, что попадалось нам прежде — нет, речь шла о чем-то более тонком, почти неуловимом, причем впечатление это возникло лишь тогда, когда я разглядывал не какой-то один камень, а пытался окинуть взором всю группу блоков.

Наконец до меня стал доходить истинный смысл увиденного. Извилистый узор на многих блоках был явно однотип-

ным и определенно некогда представлял собой единое целое. Впервые за все это время я наткнулся на древнюю каменную кладку, которая почти сохранилась в своем первоизданном положении — не вполне точном и отчасти фрагментарном, но все же определенно сохранившемся.

Я начал взбираться на вершину каменного холма, временами счищая ладонями слои песка и постоянно пытаюсь оценить разнообразие размеров, очертаний и стиля нанесенного узора.

Спустя некоторое время я стал смутно догадываться о природе древней конструкции и характере рисунка, некогда покрывавшего ее поверхность. Абсолютная идентичность увиденного наяву и того, что сохранилось в отдельных моих сновидениях, потрясла и донельзя возбудила меня.

Когда-то это было чем-то вроде циклопических размеров коридора метров десяти в ширину и столько же в высоту, вымощенным восьмиугольными плитами и обрамленным сверху массивным сводчатым потолком. По правую руку от него должны были располагаться комнаты, а в дальнем конце его странно наклоненной поверхности начинался переход к более низким уровням.

Я и сам словно окаменел под воздействием нахлынувших мыслей, поскольку было во всем этом нечто большее, нежели просто груда каменных развалин. Откуда мне было известно, что этот уровень уходил глубоко под землю? С чего я взял, что ведущая вверх плоскость располагается прямо позади меня? Почему я был так уверен в том, что длинный подземный проход, ведущий к Площади с колоннадой, должен находиться слева и на один уровень выше меня?

Как я узнал, что комната с машинами и ведущий к центральному архиву туннель расположены на два уровня ниже меня? Кто подсказал мне, что на самом дне всей этой конструкции находится один из тех зловещих, опечатанных широкими металлическими полосами люков? Окончательно сбитый с толку этим неожиданным вторжением сновидений в реальную действительность, я стоял, дрожа всем телом и обливаясь холодным потом.

Под конец всего этого чудовищного нагромождения неведомых чувств я ощутил слабое, едва уловимое движение прохладного воздуха, легкими толчками вырывавшегося наружу из небольшой впадины, которая располагалась почти по центру громадного каменного кургана. И снова, столь же внезапно как и в первый раз, все мои видения исчезли и я увидел лишь недоброе сияние лунного света, затаившуюся вокруг меня пустыню, да нагромождение древних каменных блоков. Нечто реальное и осязаемое, и одновременно наполненное

загадочным, непостижимым смыслом, возникло словно из ничего, зависнув передо мной. Явное движение холодного воздуха могло говорить о чем угодно, однако одно обстоятельство оставалось неоспоримым — в толще хаотично наваленных блоков находилось пока сокрытое от меня отверстие.

Первой моей мыслью было воспоминание о легендах местных туземцев, утверждавших, что глубоко в толще земли находятся огромные каменные хижины, в которых происходят всякие кошмарные вещи и где зарождаются мощные ветры. Потом снова вернулись былые видения, и я почувствовал как мозг мой попал в цепкие объятия прежних псевдовоспоминаний. Что же за пространство простиралось подо мной? Какие первобытные, непостижимые для разума источники подпитывали столь долго мучившие меня многовековые мифы и легенды? Вдруг я сейчас нахожусь у самого порога познания этой тайны?

Колебания мои продолжались недолго, ибо наряду с любопытством и рвением ученого меня подстегивал и более мощный импульс, заставлявший карабкаться все выше и выше, преодолевая неослабевающий страх.

Движения мои были почти автоматическими, словно подчиненными непреодолимой воле рока. Убрав фонарь в карман, я принялся рьяно — откуда только взялись силы? — отодвигать обломки камней, пока в их массе не образовалось довольно широкое отверстие, откуда вырвался поток густого влажного воздуха, что особенно явно ощущалось на фоне сухой атмосферы окружавшей меня пустыни. Подо мной стали проступать контуры удлиненного отверстия, которое расширялось с каждым извлеченным из него куском камня, пока я не разглядел в лучах света неровную щель, вполне, однако, широкую, чтобы в нее можно было протиснуться.

Я снова вынул фонарь и осветил им вход в неведомое. Подо мной виднелись нагромождения остатков каменной кладки, уходившие в северном направлении под углом примерно в сорок пять градусов, и определенно застывшие в таком положении под воздействием какого-то мощного давления сверху.

Пространство между теми камнями, на которых я стоял, и предполагаемым основанием строения, было заполнено непроглядной теменью, хотя у самой верхней ее границы можно было различить признаки гигантского, принявшего на себя всю силу чудовищного давления свода. В этом месте, как мне показалось, пески пустыни устилали собой непосредственно пол некоей титанической структуры, по возрасту ненамного уступавшей совсем юной тогда планете. Как ей удалось сохраниться на протяжении эпох геологических потрясений и

земных катаклизмов, я не понимал ни тогда, ни сейчас, поскольку постичь подобное человеческий разум попросту неспособен.

Сейчас, мысленно оглядываясь назад, я считаю, что сама по себе идея ночью и в одиночку спуститься в эту бездонную пропасть, местонахождение и даже само существование которой оставалось полнейшей загадкой для всех живых существ, была чистейшим и высшим проявлением безумия. Скорее всего, так оно и было, хотя в тот момент я без малейших колебаний начал спуск, даже не понимая, что двигали мною в те минуты исключительно соблазн неведомой тайны и решимость обреченного.

Желая поберечь батарейки, я включал фонарь лишь урывками, и в лучах его света, медленно сползая по зловещему циклопическому уклону, иногда лицом вперед — когда находились удобные упоры для рук и ног, — а чаще повернувшись спиной к бездне и осторожно нащупывая шероховатости в поверхности базальтовых блоков.

Посветив фонарем, я увидел непосредственно подступавшие ко мне стены громадной пещеры, хотя отдаленная перспектива утопала в непроглядном мраке.

Спускаясь в провал, я совершенно не следил за временем, и был настолько поглощен созерцанием загадочных теней и смутных рельефов, что для всего остального в моем сознании попросту не оставалось места. Физические ощущения словно онемели, и даже страх отодвинулся на задний план, приобретя неясные, призрачные очертания неподвижной горгульи, злобно, но неопасно поглядывавшей на меня с высоты.

Наконец я достиг относительно ровной поверхности, заброшенной свалившимися сверху блоками, бесформенными кусками камня, песком и прочим природным мусором. По обеим сторонам от меня на расстоянии примерно десяти метров друг от друга высились массивные стены, которые переходили наверху в громадный крестообразный сводчатый потолок. Я достаточно отчетливо различал покрывавшие их резные узоры, происхождение которых, однако, оставалось для меня полнейшей загадкой.

Особенно меня поразило сводчатое перекрытие помещения. Луч фонаря не мог достичь потолка, хотя нижняя часть чудовищных арок была достаточно различима, а их сходство с образами, бесконечное число раз всплывавшими в моих сновидениях, оказалось настолько явным, что меня в буквальном смысле затрясло от переживаемого возбуждения.

Позади меня и где-то высоко над головой просматривалось слабое, отдаленное лунное свечение, робко напоминавшее об оставшемся снаружи мире. Остатки осторожности предуп-

реждали меня о том, чтобы я не терял из виду этот маяк, остававшийся, в сущности, единственным ориентиром для возвращения на поверхность.

Я стал неторопливо продвигаться вперед вдоль левой от меня стены, поскольку покрывавшая ее резьба показалась мне наиболее отчетливой. Пол был настолько захламлен, что ступать по нему оказалось не легче, чем спускаться в провал, однако я настойчиво, хотя и очень медленно, пробирался вперед.

В одном месте я наклонился, сдвинул в сторону несколько крупных кусков камня и разгреб мусор, чтобы лучше разглядеть покрытие пола — и тут же вздрогнул, пораженный видом знакомых восьмиугольных плит, которые все еще достаточно плотно прилегали друг к другу.

Отойдя на некоторое расстояние от стены, я принялся при свете фонаря внимательно рассматривать покрывавшие ее истертые и замысловатые резные узоры. Казалось, что стекавшие с высоты миллионы лет назад ручейки воды прорезали в поверхности песчаника тоненькие русла, покрыв ее странными, непонятными мне завитками и иероглифами.

В некоторых местах кладка едва держалась, так что мне оставалось лишь гадать, сколько тысячелетий эта первобытная, сокрытая от всех конструкция сохраняла свои причудливые украшения, противостоя бесчисленным природным потрясениям.

Но больше всего меня взволновала именно эта резьба по камню. Несмотря на свое крайне обветшалое состояние, она просматривалась довольно отчетливо, и вновь меня поразило то обстоятельство, что я узнавал в ней давно и хорошо знакомые образы, хотя это никак не вмещалось в рамки возможного. Загадочным способом повлияв на создателей некоторых мифов, они легли в русло таинственных знаний, которые, в свою очередь, неведомым образом дошли до меня во время моего забытья, и вызвали в мозгу живые подсознательные образы.

Но как можно было объяснить то, что эти узоры в мельчайших деталях завитков и линий повторяли картины моих сновидений, которые я наблюдал на протяжении ряда лет? Какая загадочная, забытая иконография смогла настолько точно воспроизвести мельчайшие оттенки и нюансы этих рисунков, что они с неизменной настойчивостью и последовательностью преследовали меня во время моих ночных блужданий в безвременье?

Нет, это не было ни случайностью, ни отдаленным сходством. Не вызывал никакого сомнения тот факт, что древний, доисторический, веками находившийся в толще земли коридор, в котором я сейчас находился, был прообразом того помещения, которое я изучил во сне с такой же тщательностью и основательностью, словно это была моя собственная квартира на Крейн-стрит. Правда, в своих сновидениях я любо-

вался этими хорами, когда они переживали период наивысшего расцвета и совершенства, а не такого вот упадка и запущения, и все же сходство не вызывало никаких сомнений. Таким образом, получалось, что все те годы моим разумом руководила какая-то жуткая и всемогущая сила.

Та комната, в которой я сейчас пребывал, была мне хорошо знакома, но столь же прекрасно я знал ее расположение в кошмарном здании моих снов, и то обстоятельство, что я совершенно спокойно мог посещать ее в любой из этих двух структур — реальной и воображаемой, причем в последнем случае она не претерпевала пагубных изменений под гнетом бесчисленных тысячелетий, — внезапно дошло до меня со всей своей зловещей и непреложной ясностью. Но что, о Боже, могло все это означать? Каким образом я обрел все эти знания? И какая жуткая реальность могла скрываться за этими античными сказаниями о неведомых существах, обитавших в доисторических каменных казематах?

Слова лишь отчасти могут передать весь тот сумбуз, всю ту мешанину страха и замешательства, которые теснились в моем мозгу. Мне определенно было знакомо это место. Я знал, что именно располагалось подо мной, и что находилось выше, пока мириады возвышающихся этажей не рухнули, превратившись в обломки, пыль и пустыню. К чему теперь, подумал я с содроганием, постоянно держать в поле зрения едва различимый белесый диск луны, когда я и без него прекрасно ориентируюсь во всем этом хаосе?

Меня раздирали противоречивые желания: с одной стороны — стремление поскорее покинуть это место, а с другой — лихорадочная, обжигающая жажда исследователя. Что же случилось с этим гигантским мегаполисом через миллионы лет после того, как он предстал передо мной в моих снах? Какая судьба постигла подземные лабиринты, пролежавшие под городом и связывавшие титанические башни между собой? Как долго они простояли, сопротивляясь безудержным корчам земной коры?

Или же я прибыл на пепелище, оставшееся от мира нечестивого архаизма? Смогу ли я отыскать дом Учителя и ту башню, на стенах которой высекал свои узоры С'гг'ха — плененный разум звездноголового, плетящего растения, некогда обитавшего в Антарктиде? Проходим ли в настоящее время тот коридор, который спускался со второго уровня в обитель чужеземных разумов? В том зале обитал разум представителя совершенно невероятной расы существ — полупласт-массовых жителей, которые через восемнадцать миллионов лет заселят один из спутников Плутона, — сохранившего изготовленную им из глины загадочную модель.

Я смежил веки и сжал ладонями голову в тщетном, жалком

усилии пытаюсь вытеснить из своего сознания эти безумные, отрывочные воспоминания. Именно тогда я впервые остро ощутил движение окружавшего меня прохладного, влажного воздуха. Вздвогнув, я осознал, что надо и подо мной продолжает существовать зияющая бездна давным-давно погибших миров.

Я постепенно извлекал из своей памяти пугающие очертания странных помещений, коридоров, подъемов и спусков. Открыт ли до сих пор доступ к главным архивам? И вновь в моем мозгу с одержимой обреченностью всплыли очертания громоздких фолиантов, запечатанных в футляры из нержавеющей металла и стоящих в прямоугольных нишах.

В них, как гласили сны и легенды, была отражена вся история — прошлое и будущее в масштабах космического летоисчисления, — написанная плененными разумами из всех миров и времен солнечной и иных звездных систем. Безумие, конечно же, но не столкнулся ли я сейчас с миром, который, подобно мне, впал в черное как ночь безрассудство?

Я думал о запертых металлических стеллажах и о хитрым рукоятках, которые надо было долго поворачивать, чтобы проникнуть к заветным книгам. В мозгу всплыли отчетливые воспоминания об отведенных лично мне полках — как часто я совершал все эти замысловатые процедуры, в которых чередовались бесчисленные нажимы и повороты, чтобы добраться до секции, относящейся к низшим типам разумных существ — позвоночным! Каждая деталь сейчас ясно и четко стояла перед моим мысленным взором.

Если там действительно имеется такой стеллаж, то я без труда смогу открыть его. Именно в тот момент, когда я подумал об этом, безумие окончательно захлестнуло мой разум: не прошло и секунды как я, спотыкаясь и натыкаясь на что-то, стал продираться через усеянный каменными обломками коридор в сторону так хорошо знакомого спуска, ведущего к нижним уровням.

VII

С этого момента и далее едва ли можно целиком полагаться на мои впечатления, поскольку я и в самом деле продолжаю питать отчаянную надежду на то, что все они явились плодом какого-то демонического сна или иллюзии бредового состояния. Мой мозг охватила самая настоящая лихорадка, и все ощущения достигали его, словно продираясь сквозь какую-то пелену, причем нередко с интервалами во времени.

Луч моего фонаря едва рассекал слои окружавшего меня мрака, выхватывая из него призрачные всплески пугающе

знакомых стен и пещер, нещадно постаревших за тысячелетия своего существования. В одном месте огромная масса сводчатого перекрытия рухнула на пол, так что мне пришлось карабкаться по громадным плоскостям каменных монолитов, иногда взбираясь по ним чуть ли не к неровной, поросшей гротескными сталактитами крыше.

Это был поистине апофеоз кошмара, казавшийся еще более тяжким под воздействием чудовищных всплесков моих псевдовоспоминаний. Лишь одно казалось мне странным и совершенно незнакомым — размеры моего тела в сравнении с масштабами окружавших меня гигантских сооружений. Меня угнетало ощущение собственной малозначительности, как если бы лицемерие всех этих вздымающихся стен с высоты обычного человеческого роста являлось чем-то совершенно новым и ненормальным. Снова и снова я окидывал нервным взглядом сверху вниз свою фигуру, испытывая смутное беспокойство по поводу принадлежавшего мне человеческого обличья.

Я стремительно летел, прорываясь сквозь черную бездну, нередко спотыкаясь и даже падая, больно царапая руки и ноги, а однажды даже чуть было не разбил свой фонарь. Мне был знаком каждый камень, любой угол в этой демонической пучине мрака, и я часто останавливался, чтобы направить луч света в сторону осыпавшихся, разрушенных, но все так же хорошо знакомых арочных сводов.

Некоторые комнаты превратились в сплошные руины; другие были совершенно пустынными, либо засыпанными мусором. В некоторых я заметил скопления какого-то металла — когда целого, а когда смятого и исковерканного, — в котором не без труда распознал колоссальные пьедесталы или столы из моих сновидений.

Наконец я добрался до пологого спуска и направился по нему вниз. Вскоре дорогу мне преградил зияющий разлом с неровными краями, в самом узком месте достигавший примерно полутора метров — здесь каменная кладка пробила пол, обнажив начало бездонной, черной как ночь пропасти.

Я вспомнил, что в этом титаническом сооружении существовало еще два подвальных уровня, и невольно вздрогнул, подумав о запечатанных и запаянных люках на самом нижнем из них. Сейчас там, разумеется, не было никакой охраны, поскольку те жуткие подземные существа, которые она была призвана стеречь, давным давно должны были погибнуть. К тому времени, когда на место людей придет раса жуков, они окончательно исчезнут, и все же, памятуя о древних легендах, я невольно поежился, едва лишь мысль о них посетила мое сознание.

Мне стоило громадных усилий заставить себя перепрыгнуть через эту зияющую бездну, тем более, что захламленный пол не позволял как следует разбежаться. Однако безумие продолжало преследовать меня, а потому я заметил место у левой стены, где пролом казался поуже, а точка приземления была относительно свободна от коварных обломков, и, собрав всю свою волю в кулак, благополучно достиг противоположного края провала.

Наконец спустившись на следующий уровень, я остановился у входа в машинный зал, который был заполнен кучами исковерканного металла, наполовину сокрытого под обломками рухнувшего свода. Все находилось именно там, где ему и надлежало быть, а потому я уверенно карабкался по нагромождению камней, закрывавших доступ к просторному поперечному коридору. Я знал, что таким образом смогу пробраться в главный подземный архив.

Мне казалось, что прошли века, пока я прыгал, полз, спотыкался и карабкался по этому замусоренному коридору. То там, то здесь мне попадались следы резьбы по камню вековых стен — некоторые из них были мне знакомы, другие же определенно появились уже после того как я увидел это помещение в своих снах. Поскольку данный подземный проход соединял различные здания между собой, в нем не было арочных сводов, за исключением тех мест, где он пролегал через нижние уровни строений. В местах подобных пересечений я нередко отклонялся от своего основного маршрута, чтобы заглянуть в столь хорошо сохранившиеся в памяти комнаты. Лишь дважды я обнаружил в них достаточно серьезные изменения по сравнению с тем, что запомнил в своих снах.

Поспешно и с явной неохотой пересекая пространство склепа одной из тех самых разрушенных глухих башен, чья чужеродная базальтовая кладка отождествлялась в моем сознании с загадочными и ужасными существами, я испытывал непонятно откуда появившуюся дрожь и странную слабость во всем теле, словно кто-то намеренно замедлял мое продвижение вперед. Этот доисторический склеп имел округлую форму, в поперечнике достигал примерно шестидесяти метров, а его темные стены были начисто лишены каких-либо резных узоров. Пол был относительно чистым, если не считать многовековой пыли и песка, и в ряде мест виднелись дверные проемы, которые открывали доступ в длинные, извилистые коридоры. И нигде не было ни малейшего намека на какой-то уклон или ступени — как и в моих сновидениях, я чувствовал, что эти старинные башни никогда не посещались представителями Великой Расы. Те, кто построил их, не нуждались ни в лестницах, ни в уклонах.

В моих снах я видел, что ведущие вниз двери наглухо опечатаны и постоянно тщательно охраняются; сейчас же они были распахнуты настежь — черные и зияющие, — и оттуда струились потоки прохладного влажного воздуха, но что таилось в глубине этих бездонных вытянутых пещер, я не только не знал, но и не решался об этом даже подумать.

Позже, пробираясь через особенно трудный участок заваленного обломками прохода, я выбрался на место, где крыша целиком обрушилась на пол. Руины вздымались как горы, и я карабкался через них, пробираясь сквозь громадное пустое пространство, где луч моего фонарика не мог дотянуться ни до стен, ни до краев сводов. Я смекнул, что это, должно быть, подвал какого-то здания, располагавшегося неподалеку от главного архива. Что здесь произошло, так и осталось для меня полнейшей загадкой.

По другую сторону грандиозного завала я вновь отыскал свой коридор, но уже через несколько десятков метров путь мне преградило новое препятствие — казалось, здесь обрушилось абсолютно все, отчего вершины развалин в ряде мест едва не достигали опасно провисшего потолка. Как мне удалось разгрести и отвалить несколько блоков, чтобы образовался более или менее пригодный лаз, и как я вообще осмелился потревожить плотно слежавшиеся глыбы камня, тогда как малейшее нарушение равновесия могло вызвать обвал сотен тонн камня, способного раздавить меня как муху, я и до сих пор не имею ни малейшего представления.

Повторяю, я шел, побуждаемый и направляемый чистейшим безумием — если не сказать, что сама затея спуститься под землю также была лишена даже рудиментов здравого смысла, — но все же пробрался, как червяк проник сквозь громаду завала. Зажав во рту зажженный фонарь, я полз по шершавым камням и чувствовал, как спину обдирают зазубренные края свисавших с потолка гигантских сталактитов.

Наконец я почти вплотную приблизился к подземному архиву, который и был главной целью моей авантюры. Спустившись — все так же ползком — по противоположной стороне преграды, изредка включая для ориентировки фонарь, я все же достиг низкого круглого склепа с арками, прекрасно сохранившегося и имевшего выходы в разные направления.

Стены, насколько их достигал луч фонаря, были покрыты изысканной резной вязью и хорошо знакомыми мне извилистыми иероглифами, а отчасти и новыми, которые я не видел в своих снах. Я понял, что достиг цели, и сразу же повернул налево, направляясь к видневшемуся неподалеку арочному проходу. У меня практически не было сомнений в том, что там я отыщу свободный наклонный проход, ведущий ко всем

сохранившимся уровням. Это огромное, защищенное толщей земли помещение, содержащее в себе тайны всего мирового пространства, было построено с великим знанием дела и сконструировано явно таким образом, чтобы устоять при любых потрясениях.

Колоссальных размеров блоки были размещены с математической точностью и соединены посредством неимоверно прочного цемента, отчего получался крепкий как камень монолит. И сейчас, по прошествии сотен веков, его погребенная под землей громада стояла в целости и сохранности, чуть припорошенная просочившейся сверху пылью, тогда как в других помещениях всюду лежали горы каменных обломков и мусора.

Мне даже показалось странным, что я с такой легкостью передвигаюсь по этому залу. Скинув с плеч бремя предыдущих препятствий, я чуть ли не перешел на бег и с неожиданной для себя скоростью несея по коридорам с низкими потолками, в который уже раз ловя себя на мысли, что прекрасно помню окружающую обстановку. Впрочем, данное обстоятельство уже почти перестало удивлять меня. Сейчас я видел маячившие повсюду громадные, покрытые иероглифами металлические двери стеллажей; некоторые из них оставались запертыми, другие были распахнуты настежь, а отдельные и вовсе погнуты, расплющены под воздействием чудовищных геологических потрясений, оказавшихся, впрочем, недостаточными, чтобы сокрушить кладку самого помещения.

В ряде мест по запорошенным пылью холмикам под зияющими, пустыми отделениями стеллажей, можно было догадаться, что там лежали фолианты, выпавшие наружу от сокрушительных толчков земной тверди. На некоторых стойках сохранились броские указатели разделов и подразделов собранных здесь томов.

Я остановился перед одним из распахнутых шкафов, внутри которого виднелись знакомые металлические футляры, покрытые толстым слоем вездесущей пыли. Протянув руку, я с трудом извлек одну из наиболее тонких коробок и положил ее на пол. На корпусе были начертаны привычные извилистые иероглифы, хотя что-то в их контурах и расположении показалось мне слегка отличным от прежних надписей.

Я прекрасно помнил замысловатую последовательность действий, которые необходимо было совершить, чтобы открыть футляр, а потому быстро справился с отлично сохранившимся механизмом, изготовленным из такого же нержавеющей металла, и извлек лежавшую внутри него книгу. Как я и ожидал, размерами она была примерно тридцать на сорок сантиметров, толщиной примерно в три пальца, и открывалась вверх напоподобие блокнота.

Казалось, что ее сравнительно толстые, похожие на целлофан страницы совершенно не подверглись воздействию минувших веков, и я сразу же приступил к изучению текста, исполненного совершенно отличной от привычных мне иероглифов или каких-либо известных языков письменностью.

Я смекнул, что это была книга, написанная известным мне по былым снам плененным разумом — ранее он принадлежал к неимоверно древней, обитавшей на неведомой планете цивилизации, а позднее, когда эта планета взорвалась, чудом уцелел на одном из крупных астероидов. Одновременно я припомнил, что на этом же уровне архива содержались тома, касавшиеся планет, находившихся за пределами солнечной системы.

Бестолку проведя некоторое время над этим фолиантом, я с тревогой обнаружил, что свет фонаря заметно ослаб, а потому поспешно вставил в него новую батарейку, которую всегда носил при себе. В более ярких лучах света я возобновил свои блуждания по бесконечным проходам между стеллажами, то и дело узнавая знакомые разделы и испытывая смутное раздражение от непривычного эха, которое порождалось звуком моих шагов по полу гигантских катакомб.

Едва взглянув на отпечатки моих башмаков, оставшиеся на нетронutom за сотни веков толстом слое пыли, я невольно вздрогнул, мгновенно представив себе, что никогда еще — если в моих безумных сновидениях действительно содержалась хотя бы крупинка правды — здесь не ступала нога человека.

Я как одержимый метался по громадному залу, не имея ни малейшего представления о цели своих перемещений. Вместе с тем, мне казалось, что эти блуждания все же не вполне хаотичны, и что мною словно руководит чья-то злобная сила, подчинившая себе мою обмякшую волю.

Достигнув идущего под уклон прохода, я спустился по нему на порядочную глубину. В спешке я почти не обращал внимания на череду сменявших друг друга этажей и даже не пытался приглядываться к тому, что на них находится. В моем мозгу даже стал проступать определенный ритм, в такт с которым я изредка подергивал правой рукой, словно репетировал процедуру открытия хитроумного сейфового замка, но тут же с удивлением обнаруживал что давно знаю комбинацию всех его поворотов и щелчков.

Во сне или наяву, но я когда-то узнал ее, и продолжал хранить это знание до сих пор. И все же я не имел ни малейшего понятия о том, как мог какой-то сон — или фрагмент бессознательно усвоенной легенды — в мельчайших деталях обучить меня всем этим сложным, загадочным операциям. И

разве не было все это приключение — эта потрясающая осведомленность о расположении древних развалин, и вообще чудовищное сходство окружающей обстановки со всем тем, что могли подсказать мне лишь мои сны и осколки древних мифов, — чудовищным, неизведанным еще никем и никогда кошмаром ?

Возможно, я уже тогда был почти убежден — как и сейчас, в более спокойный и размеренный период моей жизни, — что так до конца и не просыпался, и что весь этот похороненный город был лишь фрагментом лихорадочной галлюцинации.

В конце концов я добрался до самого нижнего уровня и двинулся вправо от наклонного прохода. По непонятной причине я старался ступить как можно мягче, хотя к тому времени заметно поубавил шаг. Было на этом нижнем, глубоко запрятанном под землей уровне, такое пространство, проникать в которое я почему-то боялся.

Приблизившись к нему, я понял, что именно вселяло в меня смутный страх — это был один из наглухо опечатанных и тщательно охранявшихся прежде люков. Сейчас там не могло быть никакой охраны, а потому я дрожал всем телом и ступал на цыпочках, как и когда проходил через черный базальтовый склеп, где зиял аналогичный люк.

Здесь, как и там, ощущалось дуновение холодного сырого ветерка, и я уже стал сожалеть, что вообще оказался в этом месте. Почему же я пришел сюда, какая сила влекла меня на самое дно подземелья, мне было неизвестно.

Неожиданно я увидел, что крышка люка распахнута настежь. Впереди опять начинались стеллажи, а на полу под одним из них я заметил невысокий бугорок, покрытый очень тонким слоем пыли — определенно совсем недавно сюда с полок свалилось несколько футляров с книгами. В то же мгновение я ощутил новый приступ паники, хотя поначалу мне была непонятна причина ее возникновения.

Лежащие под стеллажами груды книг отнюдь не являлись редкостью в этих местах, поскольку за истекшие века земля пережила немало поднимавшихся из ее недр толчков и встрясок, и лишь подойдя почти вплотную к этой куче, я понял, что именно вселило в меня столь дикий страх.

Дело было отнюдь не в самих футлярах с книгами, а в слое покрывавшей их пыли. При ближайшем рассмотрении в свете фонаря мне показалось, что пыль на них лежит неровно — в некоторых местах слой был совсем тонким, словно буквально несколько месяцев назад ее кто-то или что-о потревожило или вовсе смахнуло. Твердой уверенности у меня, однако, не было, поскольку даже на этих относительно свежих местах пыли было все же достаточно; и все же наличие определенной

системы в расположении неровностей на запыленной поверхности футляров меня не на шутку встревожила.

Поднеся фонарь почти вплотную к заинтересовавшему меня месту, я почти утвердился в своем подозрении — следы на пыли определенно имели отнюдь не хаотичные, а ровные, даже симметричные неровности. Создавалось впечатление, что на ней отпечатались не просто полосы и пятна, а вполне определенные следы, идущие группами по три и размерами около тридцати квадратных сантиметров. Каждый такой след состоял из пяти почти круглых пятен примерно по семь-восемь сантиметров в поперечнике : один впереди, а четыре по бокам и чуть сзади.

У меня сложилось впечатление, что следы — если это действительно были чьи-то следы, — вели в двух противоположных направлениях, словно некое существо шло куда-то, а затем возвращалось обратно. Разумеется, отпечатки проступали очень слабо и могли быть следствием игры света или вообще чистой случайностью, однако было в их расположении нечто такое, что вселяло в меня смутный, безотчетный страх. Дело в том, что один конец цепочки следов явно упирался в кучу относительно недавно свалившихся со стеллажей книг, тогда как другой уводил в сторону зловещего люка, из которого тянуло холодным, сырым воздухом, и который смотрел на меня черным глазом нескончаемой бездны.

VIII

Овладевшее мною безумное влечение носило настолько всеобъемлющий и непреодолимый характер, что почти полностью вытеснило любые остатки здравого смысла. Ни один рациональный довод не смог бы заставить меня отправиться на выяснение природы зловещих отпечатков и тех смутных воспоминаний, которые всколыхнулись под воздействием этой находки. И все же моя правая рука, несмотря на бившую ее дрожь, по-прежнему ритмично вздрагивала, словно ей не терпелось как можно скорее повернуть ключ в загадочном замке. Не успев еще ничего толком понять, я миновал кучу недавно свалившихся с полок футляров с книгами и на цыпочках побегал по покрытым девственной пылью проходам в направлении хорошо знакомого мне места.

Лишь в те минуты мой рассудок начал задаваться вопросами, о которых любой другой человек на моем месте задумался бы заранее. Смогу ли я с высоты своего роста дотянуться до нужной мне полки ? Сможет ли человеческая рука спра-

виться с замком, являвшимся плодом творений многовековой древности? В сохранности ли сам замок и можно ли его вообще открыть? И что я сделаю — что я осмелюсь сделать — с тем, что, как я только что начал соображать, хотел и одновременно боялся там найти? Станет ли это чудовищным подтверждением правды, которая не вмещается в рамки нормального человеческого восприятия, или в очередной раз докажет, что я по-прежнему пребываю во сне?

В следующее мгновение я осознал, что наконец прекратил свой осторожный бег и остановился как вкопанный, устремив взор на ряд стеллажей с ошеломляюще знакомыми иероглифическими надписями. Все они пребывали в почти идеальном состоянии и на всем их протяжении, куда простирался мой взгляд, были распахнуты лишь три дверцы.

Я не в состоянии описать свои чувства, которые испытал при виде этих стеллажей — настолько безграничным и подавляющим было осознание их сходства с прежним знанием, словно я пришел на встречу со старым другом. Я смотрел ввысь, уставившись на самый верхний ярус, который находился абсолютно вне пределов моей досягаемости, и гадал, как же мне до него дотянуться. Можно было встать на кромку открытой дверцы, располагавшейся в четвертом ряду от пола, тогда как замки на остальных, возможно, послужили бы упорами для рук и ног. Фонарь можно будет зажать в зубах, как я уже делал в других местах, где приходилось орудовать руками. А плюс ко всему я не должен был издавать ни малейшего шума.

Спустить вниз то, что я намеревался снять с полки, представлялось мне еще более затруднительным делом, хотя я вскоре смекнул, что задвижку замка футляра можно будет зацепить за воротник плаща, и тем самым снести поклажу за спиной наподобие рюкзака. И снова я подумал о том, цел ли сам замок, поскольку ничуть не сомневался в том, что если с ним все в порядке, то мне удастся проделать все манипуляции по его открытию, причем совершенно бесшумно, поскольку мне очень не хотелось, чтобы при этом раздался хоть какой-то скрип или лязг.

Все еще удерживая эти мысли в своем сознании, я зажал фонарь во рту и начал подъем. Выступающие замки на поверку оказались слабой опорой, хотя открытая дверца, как я и ожидал, существенно помогла моему продвижению. Используя одновременно ее покачивающуюся плоскость и край дверного проема, я продолжал восхождение, почти не издавая при этом заметного шума.

Балансируя на верхней кромке двери и потянувшись далеко вправо, я с трудом дотянулся до нужного мне замка.

Пальцы, основательно онемевшие от долгого цепляния за выступающие детали и края, поначалу действовали довольно неловко, однако я вскоре обнаружил, что со своей работой они все же справляются. Похоже, ритм памяти накрепко засел в них.

Сквозь неведомые трещины во времени в мой мозг проникали четкие и точные до мельчайших деталей движения, и поэтому примерно через пять минут неустанных усилий раздался характерный щелчок, показавшийся мне почти оглушительным, поскольку сознание все еще не было готово к его восприятию. В следующее мгновение металлическая дверь стала медленно, с едва различимым шорохом отходить в сторону.

Я в изумлении уставился на обнажившуюся вереницу сероватых корешков футляров и ощутил всплеск неподдающихся никакому описанию эмоций. В пределах досягаемости моей правой руки находился футляр, витиеватые иероглифы на котором заставили меня задрожать от мучительного чувства, по своей природе намного более сложного, нежели просто страх. Все так и не уняв дрожь, я ухитрился вытянуть его на себя, хотя и поднимая при этом клубы пыли, но по-прежнему почти бесшумно.

Он был практически таких же размеров, как и другие фолианты, которые мне приходилось держать в руках, хотя и чуть толще — где-то около восьми сантиметров. Плотно прижимая его ладонью к поверхности стеллажа, я подбирался пальцами к застежке замка, пока не откинул его крючок. Приподняв крышку, я подтянул ее к воротнику плаща и закинул за его край острие крючка. Теперь руки мои были свободны и я начал неуклюже спускаться на пол, после чего приготовился к осмотру своего трофея.

Опустившись коленями на похрустывающую пыль, я перевернул футляр и положил перед собой. Руки по-прежнему подрагивали, и я сколько мог оттягивал момент извлечения книги, но под конец все же заставил себя это сделать.

Постепенно и очень медленно до меня стало доходить, что я нашел именно то, что искал, и осознание этого факта почти парализовало все мои умственные способности.

Если предмет действительно находится там — и, соответственно, я не сплю, — то значение этого открытия выйдет далеко за рамки человеческого воображения. Больше всего меня одолевала и мучила моя кратковременная неспособность допустить то, что все это лишь сон. Ощущение реальности происходящего было просто пугающим — и вновь становится таковым всякий раз, когда я вспоминаю эту сцену.

Итак, я наконец извлек книгу из футляра и как зачаро-

ванный уставился на знакомые иероглифы на ее обложке. Она превосходно сохранилась, а извилистые буквы названия почти повергли меня в гипнотическое состояние, как если бы я мог понять смысл написанного. При этом я не мог бы поклясться, что и в самом деле не читал их, охваченный мимолетным и ужасным приступом паранормальной памяти.

Не знаю, сколько прошло времени, пока я не набрался смелости и перевернул тонкий металлический лист обложки. Я явно оттягивал этот момент и находил тому массу оправданий. Потом вынул изо рта фонарь и выключил его, чтобы дать немного передохнуть батарейкам. Наконец, все так же пребывая в темноте, я взялся за край обложки и потянул ее вверх; потом щелкнул кнопкой фонаря и направил луч света на первую страницу, застыв в напряженном ожидании и готовый подавить любой свой звук, вне зависимости от того, что там обнаружу.

С меня хватило одного-единственного взгляда, после чего я как подкошенный рухнул на землю, хотя все же успел перед этим выключить фонарь и стиснуть зубы. Я пролежал так некоторое время, окруженный крошечной темнотой, после чего нерешительно потрогал ладонью лоб. Я увидел в книге именно то, что ожидал и одновременно боялся увидеть. Либо я все еще спал и бредил, либо время и пространство просто решили подсмеяться надо мной.

Я не мог не грезить наяву, но все же был обязан пережить весь этот ужас и принести свою находку наверх, чтобы показать сыну, как если бы это и в самом деле было реальностью. У меня было такое ощущение, будто моя голова куда-то плывет, хотя я не различал вокруг себя абсолютно ничего, за что мог бы зацепиться в темноте мой взгляд. В моем сознании теснились мысли и образы, насыщенные диким ужасом, постепенно парализовавшие все органы чувств.

Внезапно я подумал о тех следах в пыли, вздрогнул от звука собственного дыхания, а потом снова на несколько секунд включил фонарь и посмотрел на страницу, подобно тому, как может смотреть жертва змеиного нападения в глаза и на ядовитые зубы своего смертельного врага.

Затем, вновь оказавшись в полной темноте, я захлопнул книгу, вставил ее в футляр и щелкнул замысловатыми застегивками замка. Я определенно должен был доставить ее туда, наружу, в реальный и материальный мир, если, конечно, таковой вообще существовал — если существовала вся эта бездна, — и если в этом мире еще оставалось место для меня самого.

Сейчас я уже не помню, сколько прошло времени, пока я наконец встал на ноги и двинулся в обратный путь. О том,

насколько изолированным я считал себя от всего остального мира, можно судить хотя бы по тому факту, что за все нахождение под землей ни разу не взглянул на часы.

С фонарем в одной руке и пресловутым футляром под мышкой другой, я наконец почувствовал, что в безмолвной панике на цыпочках прохожу мимо той бездны, из которой дуют холодные сквозняки и рядом с которой мерещатся зловещие следы. Идя по бесчисленным наклонным коридорам, я почувствовал себя немного увереннее, но так и не смог избавиться от тени смутного страха, которого не замечал, спускаясь в это подземелье.

Мне была ненавистна сама мысль о том, что придется снова проходить через тот черный базальтовый склеп, который по возрасту превосходил весь остальной город, и где также гуляли холодные ветры. Я не переставая думал о тех существах, которых так пугались члены Великой Расы и которые могли еще оставаться там, в глубине, пусть даже в очень ослабленном, угасающем состоянии. Думал о тех следах из пяти округлых пятен, и о том, что рассказывалось о них, равно как и о связанных с ними странных сквозняках и свистящих звуках в моих сновидениях. Думал о легендах, которые пересказывали современные туземцы и в которых все страхи сосредоточивались именно вокруг безымянных развалин и дующих поблизости от них ветров.

По характерному настенному символу я установил нужный мне уровень и, миновав оставленную в нем книгу, вступил в просторное круглое помещение с ответвляющимися от него арочными проходами. Справа от себя я сразу же узнал арку, через которую проник сюда, и прошел в нее, хорошо понимая, что оставшаяся часть пути будет гораздо труднее из-за всего того мусора, которым были заполнены коридоры за пределами помещений архива. Новая металлическая ноша затрудняла движения и я заметил, что при каждом очередном спотыкании о камни и прочий хлам мне становится все труднее удержаться на ногах.

Вскоре я взобрался на поднимавшуюся к самому потолку гору мусора, в которой по пути сюда проделал узкий, похожий на лаз проход. Вторично я пробирался через него с чувством пронзительного страха в душе, поскольку в первый раз нимало не заботился о производимом шуме, тогда как сейчас, уже обнаружив те загадочные отпечатки, отлично понимал, какую опасность могут таить в себе любые громкие звуки. Футляр также не способствовал наиболее бесшумному продвижению через завал.

Мне, однако, удалось достаточно благополучно просунуть его в проем, после чего с фонарем в зубах я протиснулся и

сам, в очередной раз ободрив спину об острые концы сталактитовых наростов.

Выбираясь наружу по другую сторону каменного нагромождения, я неосторожно выпустил из рук свою ношу, и металлический короб с лязгом проскользил несколько метров по склону завала, отбрасывая во все стороны гулкие звуки ударов и заставляя меня покрыться холодным потом. Наконец снова ухватив руками свою драгоценную находку, я собрался было выпрямиться во весь рост, но уже через секунду камни под ногами чуть сместились, толкая один другого, что вызвало волну гулкого, почти оглушительного грохота.

Звуки эти символизировали приближение моей гибели, поскольку в тот же момент я услышал — не знаю, было ли это на самом деле или мне лишь почудилось — далеко позади себя новый, совершенно иной, но столь же зловещий звук. Мне показалось, что он походил на пронзительный свист, непохожий ни на что иное, когда-либо слышанное мною на земле, и наполненный абсолютно неестественными модуляциями.

Я с ужасом ожидал, что от страха вот-вот окончательно лишусь рассудка, а потому, взяв фонарь в руку и слабо удерживая футляр под мышкой, отчаянно бросился вперед, спотыкаясь и перескакивая через какие-то нагромождения. При этом я начисто лишился возможности осознавать что-либо, кроме разве лишь дикого желания как можно скорее выбраться из этих кошмарных развалин и снова очутиться в мире земной пустыни, освещенном лучами лунного света.

Я почти ничего не соображал, взбираясь на вершину горы каменных обломков, восходившей в бескрайнюю черную бездну пролома крыши, обо что-о царапался, ударялся, но продолжал карабкаться по неровному склону, состоявшему из целых и разбитых блоков.

Впереди же меня поджидала катастрофа. Едва взобравшись на самую верхотуру, я совершенно забыл про простиравшуюся в каком-то метре от меня пустоту крутого уклона, и всем телом завалился вперед, смещая своей массой кучи каменного хлама, который, подобно снежной лавине в горах, повалил вниз, толкая нижние пласты и вызывая все новые и новые всполохи оглушительного грохота, усиленного сопровождающим его гулким, многократно повторенным эхом.

Не помню, как мне удалось выбраться из этого хаоса, но в какие-то проблески сознания я замечал, что продолжаю то ползти среди мусора, то бежать по относительно ровным участкам коридора, по-прежнему сжимая в руках и фонарь, и футляр. Однако как только я приблизился к тому первобытному, черному базальтовому склепу, который вселял в меня

неизбывный ужас, началось уже полное безумие. Едва улеглось эхо грохота, сопровождавшего каменный обвал, как снова послышался тот же устрашающий свистящий звук, который, как мне казалось, я слышал и ранее. На сей раз я слышал его вполне отчетливо, но, что было гораздо хуже, доносился он уже не сзади, а из какой-то точки, располагавшейся передо мной.

Кажется, именно тогда я впервые за все это время пронзительно закричал. Смутно припоминаю, как словно на крыльях пролетел по этому треклятому базальтовому склепу, слыша подрагивающее посвистывание, которое доносилось из распахнутой и никем не охраняемой черной пасти люка. Неожиданно резко подул ветер — уже не просто прохладный сквозняк, а жестокие, целенаправленные порывы масс воздуха, яростно выплескивавшиеся из той же самой преисподней, откуда доносились эти омерзительные свистящие звуки.

Сохранились воспоминания о том, как я перепрыгивал через всевозможные препятствия, а в спину с каждым мгновением все отчаяннее била мощная струя порывистого ветра, смешанная со зловещим, каким-то твякающим посвистом, и все это будто нарочно кружило, туго обволакивало, обматывало мое тело.

Несмотря на то, что ветер дул определенно сзади, он по странной, непонятной причине препятствовал моему продвижению вперед, словно это был вовсе не поток материального воздуха, а петля, лассо, плотно обвивавшая мои ноги и все тело. Не обращая уже внимания на производимый шум, я пробирался сквозь завалы каменных блоков и вскоре вновь оказался в помещении, откуда начинался путь на поверхность.

Помню, как мелькали перед глазами контуры арочного прохода в машинный зал, и едва было не вскрикнул при виде наклонной плоскости, ведущей вниз, туда, где двумя уровнями ниже должен был зиять один из тех зловещих люков. Однако вместо того, чтобы закричать, я принялся еле слышно бормотать себе под нос, что все это лишь сон и скоро я должен окончательно проснуться. Возможно, я на самом деле нахожусь в нашем лагере, а может и вообще у себя дома в Эрххаме. Подбадривая себя подобными мыслями и находя в них спасение от помешательства, я начал взбираться на верхние уровни.

Разумеется, я помнил, что мне предстоит еще преодолеть почти полутораметровую брешь, однако был настолько вымотан всеми предшествующими переживаниями и страхами, что в спешке едва не свалился в нее. Теперь я шел вниз, а потому прыгать было чуть легче, но почему я предварительно

не расчистил место для прыжка, как сделал это на пути сюда ? А может, мне просто помешали страх, усталость и тянувшийся книзу груз футляра ? Вспомнил я об этом лишь в самый последний момент, равно как и вообще о том, что могло таиться на дне простиравшейся подо мной бездонной пропасти.

Батарейки фонаря заметно подсели, но я все же довольно хорошо помнил те минуты, когда подошел к краю трещины. В те мгновения холодные порывы ветра и тошнотворные свистящие позывы у меня за спиной были подобны милосердному наркотику, притуплявшему цепенивший меня страх перед раскинувшейся впереди бездной. Неожиданно я почувствовал, что в грудь и лицо мне также ударяют порывы ветра и шелестящий свист — казалось, они долетали не только с противоположной стороны провала, но также вырывались из его бездонной глубины.

Это был уже настоящий кошмар. Мой здравый смысл определенно дал трещину, поскольку не обращая внимания ни на что, я продолжал подступать к краю обрыва, словно его не было вовсе. И вот я увидел его прямо под собой, отчаянно прыгнул с места, собрав все остатки сохранившихся сил, и в то же мгновение был поглощен адским водоворотом отвратительного звука и абсолютной, физически ощущаемой черноты.

На этом, насколько я могу помнить, закончилось мое приключение. Все остальные впечатления целиком относятся к области фантастического бреда. Сновидения, безумие и воспоминания диким образом переплелись в клубок причудливых, фрагментарных галлюцинаций, которые могут не иметь никакой связи с реальностью. Я словно совершил головокружительный полет или падение сквозь бесконечную, липкую, почти ощутимую массу темноты и столпотворение чудовищных звуков, абсолютно чуждых всему тому, что мы знаем о земле и ее органической жизни. Дремлющие, рудиментарные ощущения словно обрели во мне новое дыхание, повествуя о бездонных ямах и пустынях, населенных размытыми кошмарами, и подводя меня к мрачным скалам, океанам и ожившим городам, состоящим из глубоких базальтовых башен, над которыми никогда не сиял источник света.

Секреты первобытной планеты и ее незапамятного прошлого вспыхивали в моем мозгу без какой-то помощи со стороны органов зрения или слуха, и я получал сведения о таких вещах, которые неспособно представить себе самое дикое воображение. И в течение всего этого времени холодные пальцы сырого воздуха тянулись и хватали меня, а жуткий, дьявольский, пронзительный свист зловеще заглушал чередующиеся периоды одуряющей какофонии звуков и молчания в вихре окружавшей меня темноты.

Вслед за этим наступили видения циклопического города моих сновидений — не в руинах, а именно в таком виде, в каком он предстал передо мной в моих снах. Я снова оказывался в моем коническом, а отнюдь не человеческом обличье, бродя среди других представителей Великой Расы и плененных разумов, которые носили книги по коридорам с высоченными потолками и громадным наклонным переходам.

Затем на эти видения стали наслаиваться жутковатые вспышки незрительного восприятия картины какой-то борьбы, стремления освободиться от цепких объятий свистящего ветра, безумного, похожего на полет летучей мыши скольжения сквозь массы вязкого воздуха, лихорадочного сквозь пласты ошеломительно вращающейся темноты, и диких попыток уцепиться, карабканья и цепляния за остатки рухнувшей каменной кладки.

Однажды возникла странная, даже навязчивая, наполовину зримая вспышка — это был слабый, рассеянный намек на голубоватое свечение где-то высоко над головой. А потом пришел сон, в котором я, преследуемый порывами ветра, куда-то полз, за что-то хватался руками, устремляясь навстречу сардонически улыбающемуся мне диску луны, которая проглядывала сквозь нагромождение каменных обломков. Именно это видение наконец подсказало мне, что я действительно возвращаюсь в старую среду, которую всегда считал реальным и материальным, своим собственным миром.

Я по-пластунски полз по пескам австралийской пустыни, а вокруг меня бушевал ураган такой ошеломительной силы, что поначалу я даже усомнился в его реальности. Одежда моя превратилась в сплошные лохмотья, а тело покрылось бесчисленными синяками и ссадинами.

Сознание возвращалось очень медленно, и я долго не мог с определенностью сказать, где заканчиваются бредовые сновидения, а где начинаются подлинные воспоминания. Были в нем и высокий курган, сложенный из громадных каменных блоков, и зиявшая под ним бездна, мелькали чудовищные зарисовки из прошлого, а под конец всплыл и вовсе невообразимый кошмар — но что во всем этом было по-настоящему реального?

Фонарь мой пропал, равно как и металлический футляр, который я обнаружил под землей. Но были ли они — тот футляр, сам курган и вся эта бездна? Приподняв голову, я оглянулся, но увидел лишь бескрайние, местами чуть вздымавшиеся волнами пески пустыни.

Демонический ветер резко и полностью стих, и распухшая, грибовидная, чуть покрасневшая луна, медленно спол-

зала к западу. Я с трудом поднялся на ноги и побрел в сторону лагеря. Что же все-таки со мной произошло? Мог ли я попросту лишиться сознания и свалиться в пустыне, после чего непостижимым образом оттащить свое объятые сном тело на мили в глубь песков и похороненных под их слоями каменных блоков? А если нет, то как же мне жить дальше?

В свете этих вновь нахлынувших сомнений вся прежняя вера в порожденную мифами нереальность моих видений рассыпалась как карточный домик. Если та пропасть была на самом деле, то значит существовала и Великая Раса, а вместе с ней и ее фантастические эксперименты с перемещениями во времени и пространстве. Неужели я и в самом деле оказался втянутым в доисторический мир, существовавший сто пятьдесят миллионов лет назад? Было ли мое нынешнее тело неким транспортным средством диковинного, чужого разума, прибывшего в него из бескрайней бездны времени?

Действительно ли я, будучи плененным разумом, попавшим в лапы чудовищных созданий, узнал этот пугающий каменный город в период его наивысшего расцвета, и в самом деле блуждал по его бескрайним, просторным улицам и коридорам зданий? Были ли эти сновидения, терзавшие меня на протяжении более чем двадцати лет, всего лишь продуктом оледеневших, чудовищных воспоминаний?

Неужели я действительно разговаривал с разумами из других времен и пространств, и познавал от них секреты вселенной — как прошлые, так и грядущие, — и записывал историю своего собственного мира в книги, запечатанные в металлические футляры и помещенные в их гигантские архивы? И были ли те, другие, потрясшие мое воображение неведомые существа, способные порождать сокрушающие ветра и оглушительный свист, настоящей, реальной угрозой, затаившейся глубоко под землей и медленно слабеющей в своей черной бездне?

Всего этого я не знаю. Если та пропасть и ее содержимое были реальностью, то никакой надежды у меня не оставалось. Тогда и в самом деле над этим миром людей зависла невероятная тень безвременья. Но я, к счастью, не располагаю никакими доказательствами, которые подтверждали бы такую возможность и означали, что все это не просто новоявленный результат моих порожденных мифами и легендами сновидений. Металлический футляр с книгой, который мог бы стать таким доказательством, я потерял, а подземные туннели с тех пор так никто и не нашел.

Если законы вселенной смилостивятся надо мной, то их вообще никогда не найдут. Но своему сыну я все же должен рассказать, что видел, или, скорее, думаю что видел, чтобы

он, как ученый-психолог, попытался извлечь из всего этого крупинцы истины и решил, стоит ли рассказывать об этом другим людям.

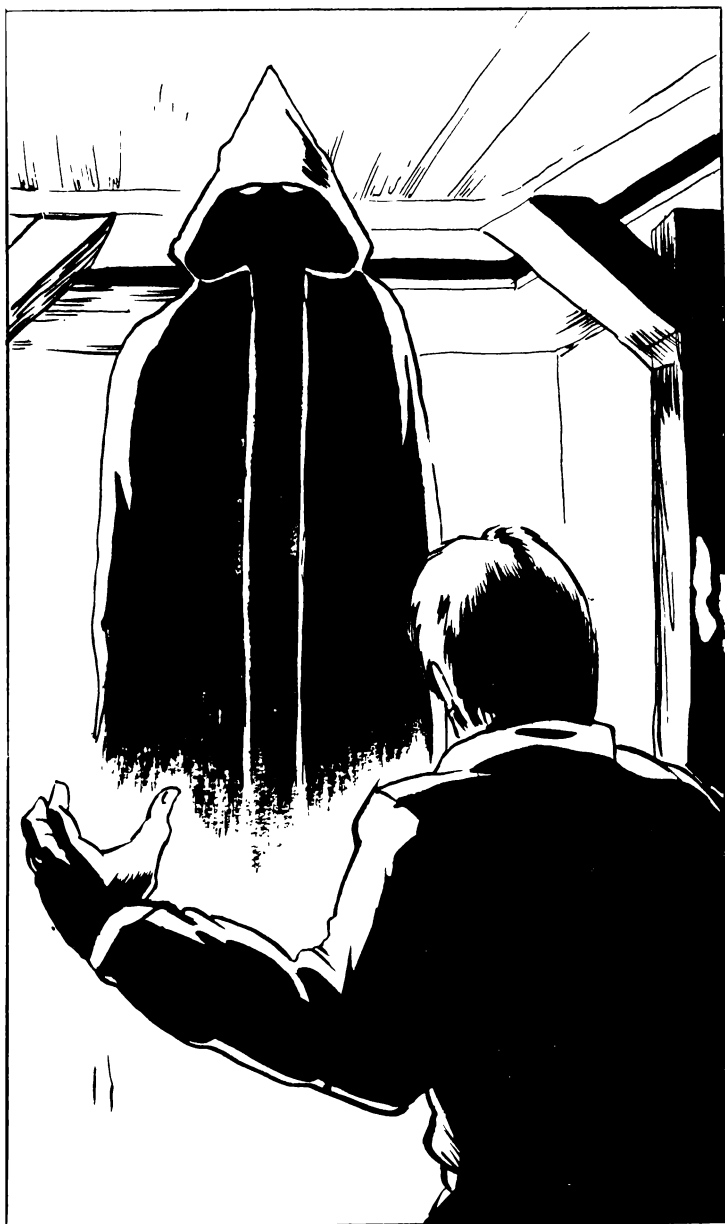
Я уже говорил, что ужасная правда перенесенных мною за двадцать лет страданий целиком зависит от того, сколь реально то, что, как мне казалось, я видел среди гигантских развалин. Мне было очень тяжело сделать свое открытие, и каждый, кто увидел бы то, что предстало перед моим взором, без сомнения испытал бы те же самые чувства, что и я. Однако все это так и осталось в той книге в металлическом футляре, которую я извлек из пыльного хранилища после того как она пролежала там миллионы лет.

Ни одна рука не касалась, ни один взгляд не скользил по страницам той книги с тех самых пор, как на этой планете появился первый человек. И все же, как только луч фонаря скользнул по гладкому, глянцевитому целлофановому листу, я увидел, что странно окрашенные, нанесенные неведомыми мне чернилами записи были отнюдь не безымянными иероглифами из времен далекой юности земли. На самом деле это были буквы хорошо знакомого мне латинского алфавита, сложенные в привычные всем нам английские слова и написанные моим собственным почерком.

Х.Ф.ЛАВКРАФТ

СВЯЩЕННИК- ЗЛОДЕЙ

В чердачное помещение меня провел мрачный человек с бородой серо-стального цвета, одетый в одежду спойных тонов; вид он имел всепонимающий.

— Да, ОН жил здесь, — говорил он, — но я не советую вам что-либо предпринимать. Ваше любопытство может заставить забыть о возможных последствиях. Мы никогда не приходим сюда ночью и поддерживаем все с таким порядком только лишь согласно ЕГО завещанию. Вы ведь знаете, что ОН сделал. Это ужасное общество взяло на себя всю ответственность, но мы не знаем, где ОН погребен. Не было никакой возможности, даже с помощью закона, выйти на это общество.

Надеюсь, вы не задержитесь здесь после наступления темноты. И, умоляю вас, оставьте ту вещь на столе, — ту, что похожа на спичечный коробок, — в покое. Нам неизвестно, что это такое, но мы подозреваем, что она имеет прямое отношение к ЕГО занятиям. Мы даже стараемся не задерживать на ней взгляда...

Спустя некоторое время человек оставил меня одного в чердачной комнате. Все в ней было покрыто пылью; стоявшая в комнате мебель была весьма простой, но в то же время здесь ощущалась упорядоченность, говорившая о том, что она не являлась жилищем обитателя трущоб. Там были полки, заставленные теологическими и классическими книгами, и еще книжный шкаф, содержащий трактаты по магии, — Парацелсус, Альбертус Магнус, Тритемиус, Гермес Трисмегистус, Борреллус — а также труды других авторов, написанные на незнакомых мне языках, в силу чего их названий мне разобрать не удалось.

Там была дверь, однако она вела всего лишь в чулан; единственным выходом было отверстие в верхнем перекрытии, к которому вела грубая крутая лестница; окна имели форму бычьего глаза, а почерневшие от времени дубовые балки свидетельствовали о невероятной древности, — совершенно очевидно: это дом — Старого Света. Мне казалось, что я знал, где нахожусь, но сейчас я не могу вспомнить, что же я тогда знал. Нет никаких сомнений в том, что город был не Лондон; у меня сложилось впечатление, что это был небольшой портовый городок на берегу моря.

Маленький предмет на столе магнетически притягивал меня. Казалось, я даже знал, что с ним делать, так как я вытащил карманный электрический фонарик — или нечто похожее на него — из кармана и нервно проверил вспышку. Свет был не белого, а фиолетового цвета и скорее походил на радиоактивное излучение, чем на обыкновенный свет. Помнится, тогда я и не воспринимал его, как обычный фонарь, — в самом деле, — обычный фонарь ЛЕЖАЛ у меня в другом кармане.

Темнело, и древние крыши и печные трубы, видимые через

оконные стекла, принимали причудливые формы. Наконец, я собрал все свое мужество, положил маленький предмет на стол на книгу и — направил лучи этого своеобразного фиолетового цвета на него. Теперь свет, казалось, был больше похож на дождь или град, состоящий из крошечных фиолетовых частиц, чем на непрерывный луч. Когда частицы ударялись о блестящую поверхность в середине странного прибора, раздавался треск, подобный тому, который издает электронная лампа при пропускании через нее электрических искр. На темной блестящей поверхности появилось свечение розоватого цвета, а возникший из середины белый силуэт неясных очертаний стал приобретать определенную форму. Тут я заметил, что я не один в комнате, — и спрятал лучезлучатель в карман.

Пришелец не заговорил, — более того — то, что произошло вслед за тем, совершалось в полнейшей тишине. Все выглядело, как пантомимическое представление, на которое зрители смотрят издали сквозь туман; хотя, с другой стороны, незнакомец и все вновь входящие, приближаясь, принимали угрожающие размеры и казались одновременно близкими и далекими, как бы следуя каким-то аномальным законам геометрии.

Незнакомец, худощавый, смуглый человек среднего роста, был в облачении священника англиканской церкви. Лет ему было, вероятно, около тридцати, на лице желтовато-бледном, даже оливкового цвета, тем не менее достаточно приятном, выделялся непропорционально высокий лоб; черные волосы были аккуратно пострижены и уложены, сквозь гладкую кожу острого подбородка просвечивала пробивающаяся щетина; он носил очки без оправы со стальными дужками. Ни телосложением, не чертами нижней части лица он не отличался от священников, которых я видел прежде, однако лоб у него был значительно выше, лицо смуглее, а выражение лица более интеллектуальное... и все же в нем неуловимо ощущалась какая-то порочность. В тот момент он явно нервничал. Зажег масляную лампу, тускло осветившую комнату, и — я не успел моргнуть глазом, как он уже швырял книги о магии в камин возле окна (там, где стена имела сильный наклон), который я не заметил ранее. Языки пламени пожирали тома с жадностью — переливаясь странными цветами и издавая неопишимо отвратительные запахи по мере того, как листья, испитые странными иероглифами и изъеденные червями переплеты сдавались перед пожирающей их силой. Вдруг я увидел, что в комнате были еще люди — все с мрачным выражением лица, в церковном облачении; одежда одного из них говорила о том, что он — епископ. Несмотря на то, что мне ничего не было слышно, я уловил, что они сообщили тому, кто пришел первым, о чрезвычайно важном для него решении. Они, каза-

лось, ненавидели и боялись его одновременно, и он, по-видимому, испытывал к ним те же чувства. Его лицо приняло жестокое выражение, однако я успел заметить, как дрожала его правая рука, когда он попытался ухватиться за спинку стула. Епископ указал на пустую коробку и камин (где пламя уже потухло и от книг осталась всего лишь кучка пепла), а его лицо дышало ненавистью. Тот, кто пришел первым, криво улыбнулся и протянул левую руку за маленьким предметом на столе. Лица присутствующих исказил страх. Процессия священнослужителей двинулась к люку в полу, и они, один за другим, начали спускаться по крутой лестнице; перед тем, как покинуть комнату, они оборачивались и угрожающе жестикулировали. Епископ удалился последним.

Тот, кто пришел первым, подойдя к шкафу, извлек оттуда веревку. Взгромоздившись на стул, он прикрепил один конец веревки к крюку в выступающей центральной балке из черного дуба и принялся делать петлю из другого. Думая, что он собирается повеситься, я бросился было к нему, чтобы отговорить и спасти его. Увидев меня, он прервал свои приготовления, при этом взглянув на меня с выражением ТРИУМФА, что крайне озадачило и обеспокоило меня. Он медленно сполз со стула и плавно заскользил по направлению ко мне с определенно волчьим оскалом на смуглом тонкогубом лице.

Неким шестым чувством я осознал, что на меня надвигается смертельная опасность, и вытащил тот странный лучезлучатель, надеясь применить его в качестве оружия для самозащиты. Почему мне пришло в голову, что он может мне помочь? До сих пор не знаю. Включив его, я направил луч прямо в лицо незнакомца, — бледно-желтое лицо засветилось сначала фиолетовым, затем розоватым цветом. Выражение экзальтации стало уступать место выражению дикого страха. Он остановился на полпути — затем, странно взмахнув руками в воздухе, начал, спотыкаясь, пятиться назад. Я видел, что он приближается к краю открытого люка, и попытался криком предостеречь его, но он меня не услышал. Через мгновение он упал навзничь в отверстие и исчез.

Я еле оторвал ноги от пола, чтобы подойти к люку — когда я все же добрался до него, то не обнаружил внизу никакого разбитого тела, зато услышал шаги спешащих наверх людей с фонарями — призрачная тишина оборвалась, и я опять слышал слова и видел людей в трехмерном измерении. Однако что-то, очевидно, привело эту толпу сюда... Может, шум, которого я не услышал? Вскоре двое впереди толпы (вероятно, простые селяне) заметили меня — и остановились, как вкопанные. Один из них взвизгнул: «А! Э-э-т-то с-с-лу-ч-ч-и-лось? С-с-эр? Опять?»

Тут они все развернулись и что было сил бросились прочь.

Точнее говоря, все, кроме одного. Когда толпа рассеялась, я увидел того мрачного бородатого человека, который привел меня на чердак. Он стоял поодаль с фонарем в руке, уставившись на меня, как зачарованный. Нет, он не испугался. Он поднялся ко мне на чердак и заговорил:

— Все-таки вы не оставили ее в покое! Мне очень жаль. Я знаю, что произошло. Подобное уже как-то случилось, и человек испугался и застрелился. Вам не следовало побуждать ЕГО вернуться. Вы ведь знаете, что ОН хочет. Вы не должны бояться, как тот человек, до которого он добрался. Нечто странное и ужасное произошло с вами, но дело не зашло так далеко, чтобы повредить ваш разум и разрушить личность. Если вы будете сохранять спокойствие и согласитесь с необходимостью сделать определенные радикальные изменения в вашей жизни, вы сможете по-прежнему наслаждаться всем на свете, так же, как и плодами вашей учености. Но здесь вам жить нельзя, и я не думаю, что вы захотите вернуться в Лондон. Я бы посоветовал вам поехать в Америку.

Вы не должны пытаться делать что-либо с этой... вещью. Ничего невозможно вернуть. Любые действия могли бы только ухудшить ситуацию. В конце концов, вы оказались не в таком уж бедственном положении, как могли бы; как бы то ни было, вы должны немедленно уехать отсюда и никогда больше здесь не появляться. Вы бы лучше поблагодарили бога за то, что не случилось худшего...

Я хочу подготовить вас по возможности мягко... В вас, вернее, в вашей внешности произошла некоторая перемена. ОН всегда является причиной этого. Но в другой стране вы сможете привыкнуть к новой внешности. В комнате есть зеркало, пойдемте, я провожу вас к нему. Вы будете шокированы, хотя и не увидите ничего отвратительного.

Меня почти трясло от смертельного страха, и бородатому человеку пришлось почти нести меня через комнату к зеркалу — при этом еще умудрился подхватить со стола неяркую лампу, которая все же светила ярче, чем принесенный им фонарь. Вот что я увидел в зеркале: худощавого, смутлого человека среднего роста, одетого в облачение священника англиканской церкви, лет около тридцати, с очками без оправы, но со стальными дужками, мерцающими чуть ниже непропорционально высокого лба желтовато-оливкового цвета.

То был молчаливый незнакомец, который пришел первым и сжег свои книги, и теперь до конца своих дней мне суждено жить во внешней оболочке этого человека!

Х.Ф.ЛАВКРАФТ

**КОСМИЧЕСКИЙ
ЦВЕТ**

Холмы к западу от Эрхэма необитаемы, в долинах стоят не тронутые вырубками дремучие леса. На отвесных склонах узких, темных ложбин непостижимым образом удерживаются густые деревья, а лесные ручьи нигде в своем течении не открываются солнечным лучам. На более пологих холмах, цепляясь за широкие уступы, примостились старые фермерские домики, приземистые и заросшие мхом, хранящие секреты старой Новой Англии. Они все пусты, их широкие трубы рассыпаются, а покосившиеся деревянные стены едва удерживают низкие треугольные крыши.

Первые поселенцы ушли, и приезжавшие иностранцы тоже не удержались. Здесь были и франко-канадцы, и итальянцы, и поляки, но никто не прижился. Что-то мешает людям селиться здесь, что-то, чего не увидеть, не услышать, не ощутить, а можно только вообразить. Здесь разыгрывается фантазия и появляются кошмарные сны. Должно быть, именно поэтому поселенцы избегают этих мест, ведь они никогда не слышали рассказов Амми Пирса о том, что произошло здесь в те Странные дни. Амми, который с тех пор не в себе, один остался жить в этих лесах и только он не боится говорить о Странных днях, наверное, потому, что его дом стоит среди открытых полей на перекрестке оживленных дорог, идущих вокруг Эрхэма.

Раньше здесь была прямая дорога через холмы и долины, там, где сейчас Окаянная пустошь. Но дорогой перестали пользоваться и проложили новую, огибающую это место далеко с юга. Старая дорога не совсем еще заросла наступающим лесом, ее следы сохранятся даже после того, как большую часть низин затопит новое водохранилище. Мрачные леса будут вырублены, окаянная пустошь уйдет под воду, в которой отразится голубое небо и заиграют солнечные зайчики. И загадка Странных дней останется в глубине, сольется с тайнами древнего океана и первобытной земли.

Когда я первый раз направился к диким холмам, чтобы наметить место для нового водохранилища, жители Эрхэма предупредили меня, что это дурное место. Но в старых городках всегда ходят легенды о ведьмах, и я отнес это предостережение к тем сказкам, которые няньки веками нашептывали детям. Само название Окаянная пустошь представлялось мне нелепым и театральным. Удивительно, как оно появилось в фольклоре местных пуритан! Потом я сам увидел протянувшиеся на западе зажатые крутыми склонами дремучие заросли и уже не удивился бы, какие бы древние тайны здесь ни открылись. Я пришел на место утром, но там еще господствовал мрак. Ни в одном новоанглийском лесу я не видел, чтобы такие мощные деревья росли столь густо. Под их темными кронами было слишком тихо, и ноги ступали неуверен-

но, чересчур глубоко утопая в разросшихся, годами не тронутых мхах.

На открытых склонах вдоль старой дороги виднелись маленькие фермы. Кое-где на них сохранились все постройки, кое-где — только домики, а местами лишь одинокая труба или затопленный погреб. Густо разрослись сорные травы и шиповник, что-то неуловимое и дикое шелестело в подлеске. Меня не покидало чувство беспокойства и угнетенности, пейзаж казался ирреальным и гротескным, как будто была нарушена перспектива или светотень. Не удивительно, что здесь никто не селился: в таком окружении невозможно спокойно спать. Слишком похоже на картины Сальватора Розы, слишком напоминает заколдованный лес в сказках.

Но все это не могло даже сравниться с Окаянной пустошью. Едва я увидел ее в центре просторной низины, я понял, что никакого другого названия нельзя дать подобному месту и что трудно найти другое место, которому дали бы такое название. Словно поэт изобрел его, взглянув именно в эту долину. Должно быть, рассуждал я, это последствия пожара, но почему тогда не видно новой поросли? Среди пышных лесов и полей зияло огромное, в пять акров, безжизненное пятно, как будто выжженное кислотой. Оно простиралось в основном к северу от старой дороги, но захватывало небольшой участок и по другую ее сторону. Я почувствовал инстинктивное нежелание приближаться, но дело требовало, чтобы я прошел дальше. На мертвой земле не видно было никакой растительности, только мелкая серая пыль или зола, которую, кажется, даже не раздувал ветер. Вокруг валялось или стояло, догнивая, множество голых стволов, а ближайшие деревья были чахлые и низкорослые. Пока я спешно пересекал пятно, справа я успел заметить развалины печной трубы и погреба, и открытый, заброшенный колодец, тяжелые испарения которого странно искажали солнечный свет. Я был рад, когда, наконец, достиг заросшего лесом склона, по которому мне предстояло подняться, и теперь страхи обитателей Эрхэма не казались мне надуманными. Поблизости не было никаких других строений, должно быть, это место и раньше не было особенно притягательным. Возвращаясь, я сделал крюк по новой дороге, не решившись в сумерках идти через зловещую низину, словно отражавшую темную пустоту вечернего неба. Мне было бы уютнее, если бы его заслонили облака.

Вечером я стал расспрашивать старожиллов Эрхэма об Окаянной пустоши и о том, что здесь подразумевалось под загадочными словами «странные дни». Я не узнал ничего определенного, кроме того, что вся история была совсем не такой уж древней. И вообще, эти события не были легендой, они про-

изошли еще при жизни рассказчиков, в 80-е годы прошлого века. Тогда пропала или была убита целая семья, а большего никто говорить не хотел. И так как мне настойчиво советовали не обращать внимания на глупые сказки Амми Пирса, который жил в старом домишке около леса, там, где деревья становились чересчур крупными, я на следующее же утро разыскал его. Жилище Пирса стояло так давно, что уже начало источать тот специфический запах, который присущ только очень старым домам. Мне пришлось долго стучать, пока я не услышал за дверью медленное старческое шарканье. Впрочем, Пирс был далеко не так стар, но его опущенный взгляд, ветхая одежда и белая борода производили гнетущее впечатление.

Я не знал, как лучше навести его на воспоминания, поэтому для начала заговорил о планах строительства водохранилища, своих изысканиях и задал ему несколько невинных вопросов о местности. Он отнюдь не был тем слабоумным невежей, каким мне его представляли, он не хуже других понял, о чем идет речь. Но в отличие от других крестьян, он, похоже, не жалел, что придется затопить много леса и пахотных земель (возможно, потому, что к его жилью это не относилось). Казалось, он даже испытывал облегчение от того, что темные старые долины, с которыми была связана вся его жизнь, были обречены. Им лучше быть под водой после того, что случилось в Странные дни. При этих словах его хриплый голос дрогнул, он подался вперед и многозначительно поднял трясущийся указательный палец.

И вот я услышал его беспорядочный рассказ. Голос старика то скрипел, то опускался до шепота, и, несмотря на летний день, меня охватывала дрожь. По ходу разговора мне приходилось все время возвращать его к основной линии, угадывать научные термины, которые он, коверкая, припоминал из бесед профессоров, соединять отдельные куски, так как логикой и связностью его рассказ не отличался. Когда он закончил, я уже не удивлялся, что после тех событий он повредился разумом и что жители Эркхэма не любят говорить об Окаянной пустоши. Я постарался уйти домой до темноты, чтобы не видеть над собой открытого звездного неба. На следующий день я уехал в Бостон и подал в отставку. Я не смог бы заставить себя еще раз войти в сумрачный, дикий лес на холмах и приблизиться к Окаянной пустоши с бездонным, открытым колодезем, зияющим среди развалин. Скоро там построят водохранилище, и старые тайны будут погребены под толщей воды. Но даже тогда мне не хотелось бы оказаться в этих местах ночью, особенно в безоблачную погоду, когда небо усыпано зловещими звездами, и ничто не заставит меня выпить воды из нового эркхэмского водопровода.

По словам Амми, все началось с метеорита. До него мес-

тные жители не боялись ходить в леса на западных холмах, а легенды рассказывали только о судилищах над ведьмами, которые якобы вершил дьявол на небольшом островке около Мискатоника, где сохранился необычный каменный алтарь, более древний, чем здешние индейские племена. Все другие окрестности не считались опасными, и даже темные ночи никого не пугали. Но однажды в полдень на небе появилось белое облако, в воздухе послышалась серия взрывов, а потом из лесной долины показался дымок. К ночи уже весь Эрххэм знал, что на ферме Наума Гарднера, прямо на дворе перед колодцем, упал с неба огромный камень. Тогда не месте Ока-янной пустоши стояла ферма — аккуратный белый домик, окруженный пышным фруктовым садом.

Наум отправился в город, чтобы рассказать о случившемся, и по дороге заглянул к Амми Пирсу. Амми тогда было сорок лет, и все происшедшее он запомнил хорошо. На следующее утро из Мискатонского университета приехали трое ученых, и Амми с женой вызвались проводить их на ферму Наума. Роковой посланец бесконечности ждал их на выжженной траве, среди комьев земли, возле колодца, перед домом, но он оказался отнюдь не таким большим, как его описывал Наум. Тот утверждал, что глыба усохла, однако ученые заметили ему, что камни не усыхают. Метеорит оставался теплым и, по словам Наума, светился ночью в темноте. Когда по нему ударили молоточком, он оказался удивительно мягким, почти как резина, так что образец породы для дальнейших исследований ученые скорее оторвали, чем откололи. Даже тогда кусок оставался горячим, и поэтому его положили в старое ведро из кухни Наума. На обратном пути профессора остановились у Амми Пирса и уже не проявили скептицизма, когда миссис Пирс сказала им, что образец прожог дно ведра и уменьшился. Действительно, он был совсем небольшим, но, может быть, им просто показалось, что они брали больше. Через день — а все это происходило в июне 1882 года — профессора вернулись с явно возросшим интересом. Остановившись у Амми, они рассказали, что образец, положенный в стеклянную пробирку, исчез вместе с ней. Вероятно, рассуждали они, странный камень чувствителен к кремниевым соединениям. Вообще, образец вел себя невероятным образом. Не изменялся при нагревании на углях, будучи удивительно жаропрочным, не проявлял признаков испарения при высоких температурах, даже в кислородно-водородной горелке. Он, правда, обладал хорошей ковкостью и светился в темноте. Сохраняющаяся теплота образца удивляла весь колледж, а когда в спектроскопе образец показал окрашенные лучи, отличающиеся от всех известных цветов нормального

спектра, заговорили о новых элементах, об особых оптических свойствах и обо всех прочих вещах, которые склонны обсуждать ученые, столкнувшиеся с неизвестностью.

Остающийся теплым образец исследовали в плавильном тигле. Вода не произвела на него ни малейшего воздействия. Как и соляная кислота. Азотная кислота и царская водка только шипели и брызгались на неуязвимом камне. Амми с трудом вспоминал эти названия, но я знаком с обычным порядком лабораторных исследований, поэтому догадывался, что он имел в виду. Пробовали воздействовать аммиаком и едким натром, этиловым спиртом и эфиром, сероуглеродом и еще многими реактивами. Но, хотя образец постепенно уменьшался и остывал, никаких признаков химической реакции не было. Несомненно, это был металл, он обладал магнетизмом, а после погружения в кислотные растворы на метеорите появилось нечто, похожее на фигуры Виндменштеттена. Когда образец охладился, решили продолжить исследование на стекле. Именно тогда образец положили на ночь в стеклянную пробирку, а утром они бесследно исчезли, оставив на деревянной полке обугленное пятно.

Отдохнув у Пирсов, ученые двинулись к Науму, и Амми снова отправился с ними, но без жены. Камень, несомненно, уменьшился, и даже самые недоверчивые профессора были вынуждены это признать. Вокруг коричневого камня образовалось свободное пространство, с семи футов в поперечнике он ужался до пяти. Он был еще теплый, ученые вновь внимательно осмотрели его поверхность и взяли еще кусочек для исследований. Потом они воткнули долото внутрь камня и разломали его. Внутри он оказался неоднородным.

В камне скрывался довольно крупный яркий шарик. Его совершенно не поддающийся описанию цвет напоминал необычное излучение, показанное образцом в спектро스코пе. Собственно говоря, цветом это можно было назвать лишь условно. Сам шарик был гладким на ощупь, при постукивании казался хрупким и пустотелым. Один из ученых чересчур сильно ударил его молоточком, и он с громким хлопком взорвался. После взрыва шарик исчез бесследно, без единого осколка. Только на камне осталась круглая выемка диаметром около трех дюймов. В надежде обнаружить что-нибудь еще, профессора решили тщательнее обследовать породу.

Однако их предположения не оправдались, камень просверлили в нескольких местах, но других шариков не нашли. Вскоре ученые уехали, взяв новые образцы. Их исследования дали все те же обескураживающие результаты. Вещество было пластичным, теплым, магнитным, светящимся, постепенно охлаждалось в сильных кислотах, излучало необычный спектр, исче-

зало на воздухе и вступало с кремниевыми соединениями в реакцию взаимного уничтожения. Однако никаких других свойств выявить не удалось. В конце концов ученым пришлось признать, что они не могли идентифицировать это вещество. Оно не походило ни на один из известных земных элементов. Оно происходило из космоса, обладало космическими свойствами и подчинялось космическим законам.

Следующей ночью была гроза, а когда наутро профессора снова явились к Науму, их ждало разочарование. Магнитный камень, вероятно, обладал особенными электрическими характеристиками, потому что неизменно «притягивал молнии», как выразился Наум. Шесть раз на ночь молния ударяла рядом с колодцем, где он лежал, а наутро там осталась только неровная яма, да колодец был наполовину засыпан комьями земли. Попытки раскопать яму и колодец ничего не дали, и ученым оставалось лишь зафиксировать факт бесследного исчезновения вещества. Провал был полным. Они должны были поспешить в лабораторию и продолжить исследования оставшегося уменьшающегося образца, который теперь хранили в свинце. Он полностью исчез через неделю, в течение которой ничего нового выяснить не удалось. А через некоторое время сами ученые уже с трудом верили, что когда-то своими глазами видели этот одинокий таинственный осколок иных миров, иных сил, иной реальности.

Естественно, эрхэмские газеты не могли остаться безучастными к сенсационным событиям, и к Науму зачастили репортеры. Из одного бостонского еженедельника прислали даже писателя, и Наум стал местной знаменитостью. Это был худой и добродушный пятидесятилетний крестьянин, живший с женой и тремя сыновьями на собственной ферме. Они с Амми уже много лет дружили, как и их жены, и в своем рассказе Амми очень тепло вспоминал Наума. Тот, казалось, гордился своей неожиданной популярностью и охотно говорил о метеорите. Июль и август в тот год выдались жаркими. Наум усердно заготавливал сено на своем лугу в десять акров, расположенном за ручьем Чэпман, и его старая повозка так часто ездила от луга к дому, что укатала настоящую дорогу. Наум уставал куда больше, чем в былые годы, и начал жаловаться на возраст.

Пришло время фруктов. Груши и яблоки постепенно созревали, и Наум клялся, что такого урожая у него еще не было. Плоды уродились на удивление крупные, налитые и в таком изобилии, что пришлось заказать дополнительные бочки. Но Наума ждало горькое разочарование: все эти красавицы были совершенно несъедобны. И яблоки, и груши имели такой тошнотворно-горький вкус, что даже крохотный кусочек вызывал стойкое отвращение. То же самое случилось с помидо-

рами и дынями, и Наум с грустью понимал, что все его труды были напрасны. Он считал, что это метеорит отравил землю, и благодарил Бога за то, что большая часть посевов была на холме за дорогой.

Зима была ранней и холодной. Амми реже видел Наума и стал замечать, что тот выглядит озабоченным. Его домашние тоже казались притихшими и молчаливыми. Они стали реже ходить в церковь и к соседям. Хотя причин для меланхолии у них вроде бы не было, все они жаловались на слабость и необъяснимое беспокойство. Лично Наума беспокоили следы на снегу. Это были обычные следы белок и зайцев, но что-то в них было не так. Он не мог ничего уточнить, только говорил, что их расположение и глубина не соответствуют нормальным беличьим, заячьим и лисьим следам. Амми пропускал эти рассказы мимо ушей, пока однажды ночью, проезжая на санях мимо фермы Наума, он не увидел в лунном свете зайца. Его прыжки показались Амми слишком уж длинными, а конь испугался и кинулся в галоп. После этого случая Амми стал внимательнее прислушиваться к рассказам Наума и заметил, что по утрам собаки у него на ферме выглядят затравленными и почти перестали лаять.

В феврале сыновья Мак-Грегора из Медоу Хилл охотились недалеко от фермы Гарднера и подстрелили необычного дятла. Тело его казалось деформированным, а в глазах застыло такое неопишемое выражение, какого никто не мог бы ожидать увидеть у пернатого существа. Ребята были по-настоящему напуганы и поскорее выбросили птицу, и только рассказы о ней потом обошли окрестности. Но уже всеми было замечено, что около дома Наума лошади ускоряют бег, и этого было достаточно, чтобы начали складываться поверья.

Весной стали говорить, что вокруг фермы Наума снег тает быстрее, а в марте в магазине Поттера на Кларк Корнерс разгорелся настоящий спор. Стефан Райс рассказывал, что когда он проезжал утром мимо фермы Гарднера, то заметил взошедшие симплокарпусы невиданного размера. Они были жутких форм, совершенно непередаваемого цвета и источали немыслимый запах, от которого конь Стефана начал храпеть и фыркать. Несколько человек поехали к Науму посмотреть на необычную растительность и решили, что на здоровой почве такое бы не выросло. Вспоминая прошлогодние несъедобные фрукты, все сходились на том, что земля у Наума отравлена. Конечно, виной всему был метеорит. Вспомнив, каким необычным находили камень ученые, некоторые фермеры сообщили новости в университет.

Вскоре Наума навестили ученые. Они явно не доверяли фольклорным сказкам и в своих выводах были очень консер-

вативны. Да, симплокарпусы очень необычны, но это растение всегда имеет замысловатую форму и цвет. Наверное, из метеорита в почву попали какие-то минеральные вещества, ну, что же, они, как правило, быстро вымываются. А что касается следов на снегу и испуганных коней — так это просто крестьянские предрассудки, которые неминуемо должно было породить такое редкое явление, как метеорит. Эти крестьяне наговорят чего угодно и поверят в любые небылицы, но серьезным людям тут делать нечего. Поэтому все Странные дни ученые отсутствовали. Только через полтора года один из них, исследуя по просьбе полиции два образца пыли, припомнил и цвет симплокарпусов, и странные лучи образца в спектрокопе, и блеск шарика, найденного внутри метеорита. У пыли был тот же оттенок, однако со временем он исчез.

Деревья в саду у Наума расцвели раньше времени, и по ночам они стали ужасно раскачиваться на ветру. Пятнадцатилетний Тадеуш, второй сын Наума, клялся, что они раскачиваются и в безветрие, но в этом сомневались даже самые легковверные. Однако в воздухе витало какое-то беспокойство. У всей семьи выработалась привычка украдкой прислушиваться, хотя они не могли вразумительно объяснить, к чему именно. Такое случалось все чаще и чаще, и вскоре вся округа говорила, что в «в семье Наума что-то не в порядке». Появившиеся на ферме камнеломки тоже были необычного цвета, не совсем такого, как симплокарпусы, но похожего на него и опять-таки никем не виданного. Наум отвез несколько цветков в Эрхэм и показал их редактору «Газетт», но этот достойный человек не нашел ничего лучшего, как написать фельетон, высмеивающий предрассудки сельчан. Науму не стоило рассказывать насмешливому горожанину, как кружатся над этими камнеломками гигантские бабочки-траурницы.

В апреле у крестьян сформировалось новое суеверие: они перестали пользоваться дорогой, проходившей мимо фермы Наума. Дело было в растительности. Расцветшие садовые деревья сияли невероятными оттенками, на каменистом дворе и прилегающем выпасе пробивались причудливые травы, известные, наверное, только ботаникам и необычные для здешних мест. Нормальную зелень сохранили только листья и трава, все остальное приобрело неверные, лихорадочные оттенки того навязчивого, нездорового цвета, который не сравним ни с одной из известных земных красок. Бикукуллы стали пугающими, а цветки волчьей стопы, казалось, нарочно выставляли напоказ извращенные тона. Науму и Амми все эти переливы напоминали один цвет — цвет найденного в метеорите шарика. Наум вспахал и засеял только десятиакровый луг и участок на холме, но ничего не стал делать вокруг дома в низине. Он знал, что

это не имело смысла, только надеялся, что нездоровая растительность вытянет яд из земли. Он уже ничему не удивлялся и привык к ощущению, что рядом находится нечто, к чему следует прислушаться. Изоляция начала сказываться на нем, но еще больше на его жене. Мальчикам было легче, они каждый день ходили в школу, но и их настигали сплетни. Особенно страдал чувствительный Таддеуш.

В мае появились насекомые, и во дворе у Наума началось нечто невообразимое. Слетающие и сползающие к нему создания не были похожи на привычных местных жуков, бабочек и мух. Гарднеры теперь все время опасливо осматривались по сторонам, словно ожидая чего-то — они сами не знали чего. Именно тогда они признали, что Таддеуш был прав насчет деревьев. Вслед за ним Миссис Гарднер заметила, что набухшие ветви клена шевелились в безветренную лунную ночь. Наверное, двигались соки. Следующее открытие сделали уже на Гарднеры, привыкшие к чудесам, а тихий приказчик мельника из Бостона. Не зная местных поверий, он проезжал ночью мимо злополучной фермы, а через несколько дней все фермеры, включая и Наума, прочли в «Газетт» его рассказ. Ночь была темная, огни на его повозке погасли, но вокруг фермы Наума, о которой он раньше читал, темнота редела. Казалось, что листья, трава, цветы испускали слабое свечение, и еще одно яркое пятно виднелось на заднем дворе, возле конюшни.

Так как трава сохраняла нормальный вид, коровы паслись на обычном месте около дома, но к концу мая молоко у них стало портиться. Наум перегнал коров на пастбище на холме, и они поправились. А через некоторое время уже стали заметны перемены и в траве, и в листьях. Вся зелень становилась серой, необычайно сухой и ломкой. Амми оставался единственным из соседей, кто еще отваживался навещать Наума, но и он делал это все реже. Когда в школе начались каникулы, Гарднеры оказались совсем отрезанными от общества и даже свои дела в городе теперь поручали Амми. Все они заметно сдали, и морально, и физически, а когда стало известно о помешательстве миссис Гарднер, никто особо не удивился.

Это случилось в июне, примерно через год после падения метеорита. Бедная женщина кричала, что в воздухе висит нечто, пугающее ее. Она ни разу не назвала ничего определенного, только рассказывала, что «оно» делает. «Оно» двигалось, изменялось и колыхалось, а у нее в ушах отдавались какие-то сигналы, какие-то необычные звуки. Что-то уходило, из нее что-то вытягивали, что-то связывало ее, неужели никто ее от этого не защитит, ночью не было покоя — стены и окна двигались! Она целыми днями бродила по дому, ста-

новясь все агрессивнее, но Наум не хотел отправлять ее в лечебницу. И только когда дети стали ее пугаться, и Таддеуш чуть не упал в обморок от ее гримас, Наум запер ее на чердаке. К июлю она перестала говорить и опустилась на четвереньки, а еще через месяц Наум с ужасом заметил, что она стала светиться, как и растения.

Незадолго до этого ночью всполошились кони. Их что-то разбудило, и они дико ржали и лягались в стойлах. Наум ничем не мог их успокоить и решил выпустить их из конюшни. Едва он открыл дверь, они унеслись, как вспугнутые олени, и он целую неделю не мог их найти. Когда он, наконец, поймал всех четверых, они были совершенно безумными, и их пришлось пристрелить. Для сенокоса Наум одолжил лошадь у Амми, но она никак не хотела даже приближаться к скотному двору. Она упиралась, била копытами, ржала, и под конец Наум был вынужден выпрячь ее на переднем дворе и вместе с сыновьями тянуть тяжелые телеги к сеновалу. А растительность становилась все более серой и ломкой. Даже цветы, переливавшиеся необычными красками, посерели, и фрукты уродились серые, мелкие и безвкусные. На астрах и золотарниках распустились серые, деформированные цветы, а циннии, розы и алтей имели такой богопротивный вид, что Наум велел старшему сыну Зенасу выкорчевать их. Насекомые к этому времени уже вымерли, странно раздувшись, даже пчелы, хотя они покинули ульи и улетели в лес.

К сентябрю вся растительность стала крошиться в серый порошок, и Наум боялся, что деревья погибнут раньше, чем яд вымоется из почвы. На его жену регулярно находили припадки истерии, и он с сыновьями жил в постоянном напряжении. Теперь они сами сторонились людей, и когда начались занятия, мальчики не пошли в школу. Амми, все еще изредка заходивший к ним, обнаружил, что вода в колодце испортилась. У нее был дурной привкус, нельзя точно сказать, сероводородный или соленый, и Амми посоветовал другу выкопать другой колодец на холме и пользоваться им, пока яд не выйдет из почвы. Наум, однако, не послушался, он уже смирился с неприятностями. И он, и мальчики продолжали пить гнилую воду, есть скудную и плохо приготовленную пищу, тянуть бессмысленную, неблагодарную работу по хозяйству. У них выработалось что-то похожее на самоотречение, словно они ушли в иной мир, и невидимые стражи направляли их к неизбежному роковому концу.

Таддеуш сошел с ума в сентябре. Он отправился за водой к колодезю, прибежал обратно без ведра, крича и размахивая руками, потом начал бессмысленно хихикать и шептать что-то о «пляшущих там цветах». Двое сумасшедших в одной

семье — это было уже слишком, но Наум стойчески встретил удар. Неделью он еще позволял мальчику бегать по двору, пока тот не начал спотыкаться и падать, а потом запер его на другом конце чердака, напротив матери. Они кричали друг на друга через закрытые двери, пугая маленького Мервина, которому казалось, что мать и брат говорят между собой на каком-то ужасном неземном языке. Мервин становился слишком впечатлительным и беспокойным, особенно после изоляции старшего брата, к которому он был очень привязан.

Почти в то же время начался мор на скотном дворе. Птица стала серой и вскоре вымерла; мясо ее было сухим и зловонным. Бычки невероятно растолстели и вдруг все были поражены отвратительной болезнью, причины которой никто не мог объяснить. Их мясо было, конечно, несъедобным, и Наум был в отчаянии. Ни один из местных ветеринаров не соглашался ехать к Науму, а ветеринар, приглашенный из города, был просто обескуражен. Свиньи стали серыми, иссохлись и крошились заживо, их глаза и мышцы чудовищно раздулись. Это было необъяснимо, ведь их никогда не кормили пораженными растениями. Затем что-то случилось с коровами. Отдельные участки тела у них неестественно ссыхались, сморщивались, нарушалась координация движений, животные не держались на ногах. Потом появились серость и хрупкость, за которыми последовала неизбежная гибель. Отравление исключалось, так как дверь хлева запиралась и следов взлома не было видно. Не могло быть укусов дикими животными, хлев был прочным и без щелей. Это была болезнь, но какая, никто не знал. К уборке урожая на ферме не осталось ни одного животного: скотина и птица вымерли, а собаки разбежались, все три пропали в одну ночь, и больше их не видели. Пять кошек исчезли еще раньше, но это никого не беспокоило: мыши на ферме уже перевелись, и миссис Гарднер держала грациозных животных только для красоты.

19 октября Наум прибежал к Амми с ужасной новостью. На чердаке умер Таддеуш, умер страшной смертью. Ничто не могло проникнуть в комнату снаружи, так как запертая дверь и зарешеченное окно не были тронуты. Но его смерть была слишком похожа на то, что произошло с животными. Наум похоронил останки сына за фермой. Амми и его жена утешали убитого горем отца, но сами содрогались. Страх окружал Гарднеров и все, к чему они прикасались, само их присутствие в доме, казалось, притягивало неисчислимые и невероятные беды. Амми нехотя проводил Наума домой и, как мог, успокоил истерически рыдающего Мервина. Зенас не нуждался в утешениях. Последнее время он только бесцельно смотрел в пространство и машинально выполнял все,

на что ему указывал отец: Амми считал, что судьба милосердна к нему. Иногда в ответ на рыдания Мервина с чердака раздавались вопли миссис Гарднер, и на вопросительный взгляд Амми Наум ответил, что его жена очень плоха. К ночи Амми удалось улизнуть, потому что даже дружба не могла заставить его провести ночь в таком месте, где растения светятся, а деревья качаются — или всетаки не качаются? — в безветрие. К счастью для Амми, он не обладал богатым воображением. Даже то немногое, что он увидел, пагубно повлияло на его рассудок, а если бы он еще дал волю фантазии, то стал бы настоящим маньяком. В сумерках он почти бежал домой, а в ушах у него не умолкали крик нервного ребенка и сумасшедшей женщины.

Через три дня Наум снова ворвался к Амми. Хозяина не было дома, и он кинулся к дрожащей от ужаса хозяйке. На этот раз речь шла о Мервине. Он пропал. Поздно вечером он, взяв ведро и фонарик, пошел к колодцу. В последнее время он был очень плох, не вполне понимал, что делает, вскрикивал по малейшему поводу. Вот и тогда со двора раздался громкий крик, но не успел Наум подбежать к двери, как мальчик исчез. Не было видно ни света фонарика, ни следов ребенка, хотя Наум обегал за ночь все окрестности. Он решил, что и ведро с фонарем пропали, но на рассвете обнаружил кое-что у колодца. Помятый и оплавленный кусок железа напоминал фонарик, а от ведра остались обожженные, скрученные металлические обручи и погнутая ручка. И все. Наум был близок к помешательству, миссис Пирс совсем оцепенела от страха, и пришедший Амми тоже не смог ничего посоветовать. Мервин пропал, бесполезно было обращаться к кому-то из соседей, все они теперь шарахались от Гарднеров; бесполезно было сообщать в Эркхэм, горожане только посмеялись бы над деревенскими предрассудками. Сначала умер Таддеуш, потом пропал Мервин, что-то подбиралось, подкрадывалось, пока еще невидимое и неслышимое. Наум ждал своей очереди и просил Амми присмотреть за миссис Гарднер и Зенасом. Должно быть, это наказание, но он не мог понять, за что именно, всю жизнь он, насколько мог, старательно следовал всем божьим заповедям.

Две недели Амми не видел Наума и, когда беспокойство пересилило страх, поутру поехал к Гарднерам. Над трубой не видно было дыма, и Амми приготовился к худшему. Вообще, вид фермы был ужасен — серые, увядшие листья и травы, сухие вьюнки мелкими кусочками осыпались со старых стен и крыши, огромные деревья цеплялись голыми ветками за серое ноябрьское небо. Они, казалось, вытянулись выше обычного, и в этом Амми мерещилась скрытая угроза. Но Наум был жив. Он лежал на кушетке в низенькой кухне,

очень слабый, но в полном сознании, даже покрикивал на Зенаса. Дом был нетоплен, и когда Наум заметил, что Амми поеживается, то велел Зенасу принести еще дров. Дрова действительно были необходимы, так как камин был пуст, не зажжен, только сквозной ветер из трубы раздувал горстку золы. Когда Наум спросил Амми, теплее ли ему от новой порции дров, все стало ясно. Крепчайший стержень сломался, и от новых напастей несчастного защищало безумие.

Амми стал осторожно расспрашивать, как Зенас, но ничего не добился. «В колодце, он живет в колодце», — твердил несчастный отец. Амми вспомнил о сумасшедшей жене Наума и перевел разговор на нее. «Набби? Да вот же она», — удивился тот, и Амми решил, что лучше будет поискать самому. Оставив заговаривающегося друга в кухне, он снял с козды связку ключей и по скрипучей лестнице поднялся на чердак. Там было темно, душно и тихо. Только одна из четырех дверей была заперта, и он стал подбирать к ней ключ. Третий ключ подошел, и, повозившись с замком, Амми распахнул низенькую белую дверь.

Сначала он почти ничего не увидел, так как маленькое окошко, полускрытое грубой деревянной решеткой, совсем не пропускало свет. Но запах был невыносим, и Амми пришлось выйти, чтобы набрать в легкие чистого воздуха. Когда он снова вошел в комнату, то заметил что-то на полу в углу, а подойдя поближе, не удержал громкого крика. В тот же момент ему показалось, что небольшое облачко заслонило окно, а затем он словно ощутил рядом с собой чье-то влажное дыхание. Перед глазами у него плясали неопишуемые яркие блики, и если бы он не был полностью парализован страхом, то сравнил бы их с цветом раздробленного шарика, скрывавшегося в метеорите, с нездоровой растительностью, пробившейся по весне. Но в тот момент он думал только об открывшихся чудовищных останках, напомнивших ему, во что превратились несчастный Таддеуш и скотина во дворе. Но самым ужасным было то, что жуткие останки еще пытались шевелиться, рассыпаясь при малейшем движении.

Дальнейших подробностей этой сцены Амми мне не описывал, но и о том, что останки шевелились, больше не упоминал. Есть вещи, о которых не принято говорить вслух; очень часто действия, продиктованные гуманизмом, строго караются законом. Я думаю, что Амми не оставил в комнате ничего живого, ибо оставить там живое существо означало бы обречь его на дальнейшие неисчислимые муки. Другой бы на мест Амми давно бы лишился рассудка, но выносливый крестьянин нашел в себе силы выйти из комнаты и запереть за собой дверь. Ему еще предстояло заняться Наумом: его

надо было накормить, согреть и отправить куда-нибудь в больницу.

Спускаясь по темной лестнице, Амми услышал глухой удар за спиной. Ему даже померещился заглушенный крик. Он вспомнил о почудившемся ему дыхании в той страшной комнате. Что за чудовище разбудил он своим приходом? Объятый страхом, он начал прислушиваться, нет ли какой опасности внизу. Ему послышалось, словно кого-то поволокли, а потом раздалось жуткое вампирическое причмокивание. О, боже, в какую преисподнюю его занесло? Он застыл на темной, зажатой между двух стен лестнице, не смея двинуться ни вверх, ни вниз. Каждая секунда отпечатывалась в его воспаленном мозгу. Звуки, отчаянное ожидание, темнота, замкнутое пространство лестницы — о, милосердный боже, — свечение деревянного дома: ступеней, стен, стропил, обшивки.

Вдруг со двора раздалось безумное ржание коня Амми, стремительный стук копыт и грохот колес. Охваченный паникой конь унесся так быстро, что через минуту его уже не было слышно. Не успел Амми подумать, что могло его так напугать, как раздался новый звук — похожий на всплеск воды, — вероятно, в колодце. Конь оставался во дворе непривязанным, и, когда он убежал, колесо тележки, наверное, задело ограду колодца и сбilo камень. Но это фосфоресцирующее свечение? Боже! Какой старый дом! Его же строили еще до 1670 года, даже крышу — не позже 1730-го.

Амми услышал, как внизу кто-то скребется по полу, поудобнее перехватил тяжелую палку, подобранную на всякий случай на чердаке. Взяв себя в руки, он спустился с лестницы и направился к кухне. Но не дошел. Тот, кого он искал, еще живой, встретил его у двери. Выбрался ли он сам, или его вытащили некие сверхъестественные силы, Амми не знал, но печать смерти уже лежала на нем. Прошло всего полчаса, но он превратился в серую развалину, сухие обломки отваливались от него на пол. Амми не решился дотронуться до него, только остолбенело смотрел на исковерканное подобие человека. «Что это, Наум, что это было?» — прошептал он. Сухие, изломанные губы вымолвили свои последние слова:

«Ничего... ничего... этот цвет... жжет... оно холодное, мокрое, но жжет... оно жило в колодце... я видел... как дым... как те цветы весной... колодец грел ночью... Таддеуш, и Мервин, и Зенас... все живое... из всего высасывает жизнь... в том камне... оно прилетело, наверное, в том камне... все отравило... что ему надо?... который нашли эти, из университета... они его разбили... это тот же самый цвет... как цветы и деревья... наверное, их было много... это семена... семена... они растут... я видел на этой неделе... схватило Зенаса... он был

большой мальчик, крепкий... сначала у тебя делается что-то с головой, потом оно захватывает тебя... жжет тебя... в воде, в колодце... ты был прав... это вода... Зенас не вернулся из колодца... невозможно вырваться... затягивает... ты знаешь, что там что-то не то, но все равно не уходишь... я это видел, и потом еще... Амми, где Набби?... голова не работает... не помню, когда я ее кормил... оно утнет ее, если мы не позаботимся... этот цвет... у нее на лице уже есть этот цвет, ночью... жжет и высасывает... оно не наше, там все подругому... тот профессор говорил... он прав... берегись, Амми, оно что-нибудь сделает... высасывает жизнь...»

Это был конец. Больше он ничего не смог сказать, осел на пол и рассыпался. Амми прикрыл останки красной скатертью и через заднюю дверь кинулся в поле. Он поднялся по склону и через луг, лес, по окружной дороге добрался домой. Он не мог заставить себя пройти через передний двор мимо колодца, откуда сбежал его конь. Но он видел колодец через окно — ограда была невинна. Значит, этот всплеск был не от камня, а от чего-то еще — что-то скрылось в колодец, покончив с бедным Наумом.

Вернувшись домой, Амми, как мог, успокоил жену, перепуганную тем, что конь вернулся домой с пустой повозкой, и немедленно отправился в Эрхэм. Он коротко сообщил властям, что умерли Наум и Набби (о смерти Таддеуша уже было известно) и что признаки болезни у них те же, что и у скота и птицы. Амми подробно допросили и заставили отвезти на ферму Гарднеров трех полицейских, следователя, медицинского эксперта и того ветеринара, который пытался лечить у Наума скот. Амми не хотел туда ехать, было уже за полдень, и он боялся оставаться там до ночи, но присутствие такого количества людей его приободрило.

Шестеро представителей власти поместились в крытую парную повозку, Амми на своей тележке поехал впереди, и к четырем часам они уже были на месте. Даже ко всему привычные полицейские были потрясены видом останков. Вся картина вымершей серой фермы была ужасна, но то, что нашли на чердаке и под скатертью в кухне, было слишком. Никто не мог долго смотреть на них, даже медицинский эксперт не стал их осматривать. Он только взял образцы для лабораторного исследования, — и потом эти два превратившиеся в пыль образца опять озадачили весь университет: в спектрографе они испускали необычный спектр лучей, такой, как метеорит полтора года назад. Через месяц это свойство у пыли исчезло, и там остались обычные щелочные фосфаты и карбонаты.

Амми не стал бы рассказывать собравшимся о колодце, если бы он знал, что они тотчас примутся за него. Солнце

уже садилось, и ему хотелось поскорей убраться оттуда. Но следователь заметил, как он нервно поглядывал на каменную ограду с журавлем, и ему пришлось признать, что Наум боялся чего-то в колодце, настолько боялся, что даже не пытался поискать там пропавших Мервина и Зенаса. Полицейские тут же принялись вычерпывать затхлую воду, а Амми, дрожа, ожидал, что произойдет. Полицейские только затыкали носы и отворачивались от зловонной жижи. Воды оказалось на удивление мало, и вскоре Мервин и Зенас, точнее — их скелеты, были найдены. В таком же невероятном состоянии были найдены останки оленя, собаки и нескольких мелких животных. Густая мутная грязь на дне колодца пузырилась от обилия испарений, а спустившийся на веревках полицейский длинным шестом не смог достать твердого дна.

Тем временем спустились сумерки, и работа продолжалась при фонарях. Потом, когда обследование колодца закончили, все вернулись в дом и поместились в старой гостиной, а серая пустошь за окном заиграла в лунных лучах необычными красками. Все были искренне обескуражены и никак не могли связать между собой плачевное состояние растительности, болезнь, поразившую и скот, и людей, необъяснимую смерть в колодце Мервина и Зенаса. Конечно, разные сплетни давно уже ходили по округе, но никто не мог поверить в чудеса, противоречащие законам природы. Понятно, что метеорит отравил землю. Но почему заболели животные и люди, ничего выросшего на этой земле не евшие? Отравленный колодец? Вполне возможно. Но что за безумие заставило двух мальчиков прыгнуть в него? Останки свидетельствуют, что оба они страдали от той же болезни. Почему все становилось таким серым и ломким?

Следователь, сидевший около выходившего на передний двор окна, первым заметил сияние над колодцем. Уже спустилась ночь, и необычайно яркая луна освещала все вокруг, но этот свет исходил определенно из колодца, словно луч огромного фонаря поднимался к небу и переливался в лужах вычерпанной воды. Амми задрожал, так как необычный цвет этого луча был ему слишком хорошо знаком. Он видел его раньше и знал, на что он способен. Он видел его в злополучной начинке метеорита, он видел его в безумной растительности весной, он еще сегодня утром видел это облачко в зарешеченном окне чердака, где происходили такие ужасные вещи. Оно лишь промелькнуло, и потом он почувствовал холодное, влажное дыхание — а потом этот цвет убил Наума. Он сам сказал об этом в последний момент, вспомнил шарик и растения. Потом испугался конь во дворе, и что-то погрузилось в колодец — откуда теперь выпирало зловещее сияющее облако того же непередаваемого демонического цвета.

Кстати, то, что в этот напряженный момент Амми делал вполне научные заключения, свидетельствует, что в свое время он был отнюдь не безумцем. Он не мог не удивляться, что и дневное облачко на хорошо освещенном небе, и ночные испарения, затягивающие окрестности фосфоресцирующим туманом, производят на него одинаковое впечатление. В этом было что-то противоестественное, противоречащее законам природы — он вспомнил последние слова погибшего друга: «...оно не наше, там все по-другому... тот профессор говорил...»

Все три лошади, привязанные к высохшим кустам у дороги, начали ржать и бить копытами. Возчик направился было к двери, но Амми остановил его трясущейся рукой: — Не ходите, — прошептал он, — это все оно же, просто мы не знаем. Наум говорил — что-то живет в колодце и высасывает жизнь. Он говорил, что оно выросло из того шарика в метеорите, который упал прошлым летом. Он сказал — высасывает и жжет... просто как цветное облачко, такого же цвета, как там сейчас, его сразу узнаешь, и неизвестно, что это. Наум говорил, что оно питается всем живым и все время растет. Он говорил, что видел его на неделе. Это что-то оттуда, с неба, как ученые говорили про этот камень, метеорит. Он был не так устроен, не такой, как все у нас. Оно из другого мира.

Все остановились в нерешительности, а свечение во дворе продолжало нарастать, и кони бесновались все сильнее. Это были ужасные минуты: старый, казалось, пораженный проклятием дом, четыре обезображенных трупа, два из дома и два со двора, необъяснимое, зловещее свечение бездонного колодца. Амми остановил возницу чисто интуитивно, не подумав, что ему самому то облачко и дыхание неизвестного существа не повредили, но все-таки он был прав. Никто уже не узнает, что было ночью во дворе, и, хотя это проклятие еще не коснулось ни одного находящегося в здравом рассудке человека, неизвестно, на что оно было бы способно тогда, когда оно окрепло и открыто показывало своим устремления.

Один из полицейских, стоящий у окна, коротко вскрикнул. Все взглянули на него, потом проследили направление его взгляда и застыли. Никто не промолвил ни слова. То, о чем спорили сельские болтуны, больше не нуждалось в доказательствах. Потому-то сейчас в Эрхэме не любят говорить о Станных днях, что все, находившиеся тогда в доме, утверждали: ветра в тот час не было, даже сухие серые головки гулявника, даже бахрома на крыше повозки не шелохнулись, но голые верхние ветки всех деревьев во дворе двигались. Они спазматически дергались, конвульсивно тянулись вверх, стремясь зацепиться за освещенные лунной облака, бессильно

хватали ночной воздух, как будто неведомая зловещая сила дергала их из-под черных корней за невидимые нити.

Несколько секунд от волнения никто не дышал. Потом луну заслонило темное облако, и неестественное движение прекратилось, деревья мгновенно приняли свой обычный облик. А еще через мгновение у всех вырвался крик, хриплый крик суеверного ужаса: в наступившей темноте на верхушке одного из деревьев обозначились тысячи светящихся точек. Они держались на кончике каждой ветки, похожие на огни святого Эльма или сияние над головами апостолов в день Святой Троицы. Жуткое созвездие неведомых огоньков шевелилось, словно туча облепивших труп жирных блестящих мух кружилась в пляске смерти. Они были того же дьявольского цвета, которого Амми так боялся. В то же время фосфоресцирующий луч из колодца усиливался, наливался, вселяя во всех присутствующих чувство обреченности и ирреальности происходящего. Ничего подобного нормальный человек не мог бы себе представить: колодец уже не просто светился, он словно извергал поток неизвестной людям материи, целенаправленно уходившей в небо.

Дрожащий ветеринар подошел к двери, подпер ее крепкой балкой. Трясущийся Амми уже не мог говорить и только показывал на деревья, тоже начавшие светиться. Кони продолжали неистовствовать во дворе, но ни за какие земные блага никто сейчас не решился бы выйти из дома. Деревья сияли все ярче, их напряженные ветви вытянулись почти вертикально вверх. Вскоре заблестели ограда колодца и журавль. Один из полицейских молча показал на старые доски и улы, лежавшие неподалеку — они тоже фосфоресцировали. Нормальный вид сохраняли пока только повозки и кони, беснующиеся во дворе на привязи. Амми даже затушил лампу, чтобы лучше взглянуть в полумрак. Но вот кони, впряженные в полицейскую повозку, рванулись, оборвали привязь, обломали куст и унеслись вместе с повозкой.

Внезапное бегство коней развязало языки, и со всех сторон послышался нервный шепот. «Оно поглощает все, что имеет органическую природу», — проговорил медицинский эксперт. Никто не возражал, полицейский, спускавшийся в колодец, предположил, что его длинный шест мог растревожить что-то неосоздаемое, скрывавшееся в глубине. «Это было ужасно, — прибавил он. — Там совсем не было дна, только ил и пузырьки, но у меня было такое чувство, что под ними что-то прячется». Конь Амми все еще бился и ржал во дворе, почти заглушая голоса в доме. Амми бессознательно шептал: «Оно из того камня, но разрослось там, в колодце, сожрало все живое — оно питалось ими, мозгом и соками, Таддеуш, Мервин, Зенас, и

Набби, Наум остался последним — они все пили воду оттуда. Теперь оно выросло — оно прилетело с неба, где у них все по-другому, теперь оно хочет улететь обратно».

В этот момент столб таинственного света начал извиваться, принимая формы, которые каждый потом описывал по-своему. Вдруг привязанный конь издал такой вопль, какого никто еще от коня не слышал. Все в страхе зажали уши и подались от окна. Словами этого не передать — когда Амми через некоторое время решился взглянуть во двор, несчастное животное неподвижно лежало на земле рядом с обломками тележки. На следующий день его закопали, но в тот момент людям было не до погибшего коня. Неизвестная опасность уже была рядом. Лампа была давно погашена, но в комнате становилось все светлее. Светились широкие доски пола, угол красного ковра, оконные рамы. Цветные отблески мерцали по углам, сияли полки и камин, двери, мебель. Свет усиливался с каждой минутой, и становилось ясно, что тем, кто хочет остаться в живых, лучше поскорее покинуть это место. Амми провел их через заднюю дверь, по полю и лугу. Они шли, спотыкаясь, как сомнамбулы, и, пока не поднялись по склону холма, никто не посмел обернуться. Эта тропинка была их спасением, никто не рискнул бы пройти через передний двор мимо колодца. Им было достаточно и того, что пришлось миновать фосфорецирующие скотный двор и сад, где деревья превратились в живые, шевелящиеся фонари, но, слава богу, их зловещие ветви были подняты высоко вверх. Когда они проходили по мостику через луговой ручей, луна скрылась за плотными облаками, и стало совсем темно.

Но далеко внизу, на ферме Наума, они видели страшную картину. Вся ферма сияла неописуемыми оттенками — деревья, постройки, даже трава, там, где она еще не стала серой и сухой. Ветви деревьев, вытянутые к небу, несли на себе тысячи огоньков, и их холодное пламя уже перекидывалось на коньки крыш дома, сарая и хлева. Все было охвачено этим мертвенным заревом, дьявольская радуга играла над колодцем, губительная для всего живого — она растекалась, пузырилась, кипела, отравляя все вокруг зловещим космическим цветом.

Затем внезапно цветное зарево устремилось вверх, словно запущенная ракета, и исчезло в небе, оставив лишь правильный круглый просвет в облаках. Все произошло в считанные мгновения, но никто потом не мог забыть этой картины. Амми стоял, уставясь вверх, на созвездие Лебеда, на сияющий Де-неб, где неизвестный цвет влился в Млечный путь. Потом в низине раздались скрип и треск, именно скрип и треск ломающегося дерева, а не взрыв, утверждал Амми. Но результат был схожим — в одно мгновение ферма взлетела на воздух,

ослепляя присутствующих, рассыпаясь фантастическими искрами, словно земля выталкивала в небо чуждое ей яркое, необычное вещество. Через сужающийся просвет в облаках оно тоже унеслось вверх и растворилось высоко в небе. Низина, куда никто не решился бы вернуться, покрылась мраком, и почти сразу же поднялся ветер, холодные порывы которого, казалось, шли прямо из черного космоса. Он гудел и завывал, тревожа окрестные леса, и они тоже зашумели, словно посылая ответ космосу. Было очевидно, что в эту ночь луна больше не покажется, и увидеть, что осталось от погибшей фермы несчастного Гарднера, не удастся.

Семеро скитальцев, уже слишком измученных, чтобы обмениваться предположениями, поспешили по окружной дороге к Эркхэму. Амми же до своей фермы нужно было еще пройти через густой, воющий лес, и он умолял остальных сначала проводить его до дома. Страх одолевал его больше, чем спутников, из-за навязчивого подозрения, о котором он с тех пор ни разу не обмолвился. Когда его товарищи, уже не оборачиваясь, шли по дороге в город, Амми все же решил в последний раз взглянуть на опустошенную темную низину, где нашел свой конец его несчастный друг. Издалека ему показалось, будто в том самом месте, откуда космический монстр устремился в небо, что-то еще пыталось подняться ввысь, но осталось на земле. Он различил только цвет — но не земной цвет. Он не мог ни с чем спутать этот цвет и с тех самых пор не знал покоя — частица той материи осталась-таки в недрах колодца.

Амми ни за что бы не согласился снова приблизиться к этому месту. Прошло уже сорок четыре года, но он ни разу там не был. Ему, несомненно, станет легче, когда новое водохранилище затопит низину. Мне тоже. Потому что, когда я шел мимо Окаянной пустоши, меня удивила своеобразная игра солнечных лучей над заброшенным колодцем. Надеюсь, водохранилище будет достаточно глубоким, но пить из него я ни за что не стал бы. Не думаю также, что я когда-нибудь еще приеду в Эркхэм. Трое из бывших с Амми в ту ночь наутро вернулись взглянуть на развалины. Но там не было собственно развалин — кирпичная труба, каменный погреб, какой-то металлический мусор, ограда кошмарного колодца. Кроме коня, которого они оттащили на луг и закопали, и обломков тележки, которые они вернули Амми, на этом месте не осталось даже признаков жизни. Пять акров жуткой серой пустыни, где так ничего и не растет. До сих пор долина, похожая на кислотное пятно, выжженное среди лугов и полей, словно вглядывается в темное небо. Те немногие, кто, несмотря на крестьянские поверья, решался навещать туда, прозвали это страшное место Окаянной пустошью.

Конечно, крестьянские суеверия — вещь своеобразная. Но они бы могли показаться еще более удивительными, если ученые горожане потрудились бы взять на анализ воду из заброшенного колодца или пыль, которую, кажется, не в силах развеять ветер. Ботаникам бы следовало изучить чахлые растения на границах пятна, они могли бы пролить свет на подозрение крестьян о том, что пустошь увеличивается — понемногу, может быть, на дюйм в год. Местные жители говорят, что цвет появляющихся весной растений какой-то не такой, а дикие животные оставляют необычные следы на снегу. И слой снега там вроде бы меньше, чем в округе. Кони — немногие оставшиеся в наш век моторов — начинают нервничать в той низине, а охотники жалуются, что в близлежащих лесах на собак нельзя положиться.

Еще говорят, что эта местность влияет на рассудок. После смерти Наума несколько человек помешались, возможно, потому, что им не хватало решимости вовремя уехать. Тогда уехали все те, кто еще сохранил здравый ум. В их ветшающих домах пытались селиться новые эмигранты, но и они не держивались. Стоит задуматься, было ли это только влиянием местных предрассудков, передаваемых опасливым шепотом. Поселенцы жаловались, что здешние ландшафты навевают кошмарные сны, и, действительно, одного взгляда на окрестности достаточно, чтобы пробудились самые фантастические опасения. Путешественники, очутившись среди местных ущелий, испытывают глубокую тоску, и художники содрогаются, когда пишут окрестные дремучие леса, не только внешний вид, но и атмосфера которых кажется полной тайн. Я на себе испытал их давящее воздействие, еще до того, как услышал рассказ Амми. Я помню, как мне в сумерках было неуютно под открытым пустым небом, как я желал, чтобы его заслонили облака.

И не спрашивайте, что я думаю по этому поводу. Я не знаю — вот и все. Я имел возможность поговорить только с Амми, остальные местные жители избегали воспоминаний о Станных днях, а все ученые, исследовавшие метеорит и скрытый в нем цветной шарик, уже умерли. Там могли быть еще шарики, вроде найденного. Должно быть, один уже напился и улетел, а другой пытался последовать за ним, но не успел. Несомненно, он еще в колодце, — я же помню, как мне что-то не понравилось в игре солнечных лучей над ним. Крестьяне говорят, что пустошь увеличивается по дюйму в год, — значит, он питается, растет. Но что бы за демон там ни сидел, *это* надо остановить, иначе опустошение продолжится. Или оно скрывается в корнях деревьев, которые голыми ветками хватались за небо? В Эрххэме упорно ходят слухи

о толстых дубах, которые светятся и удивительным образом шевелятся по ночам, а такого не бывает с нормальными деревьями.

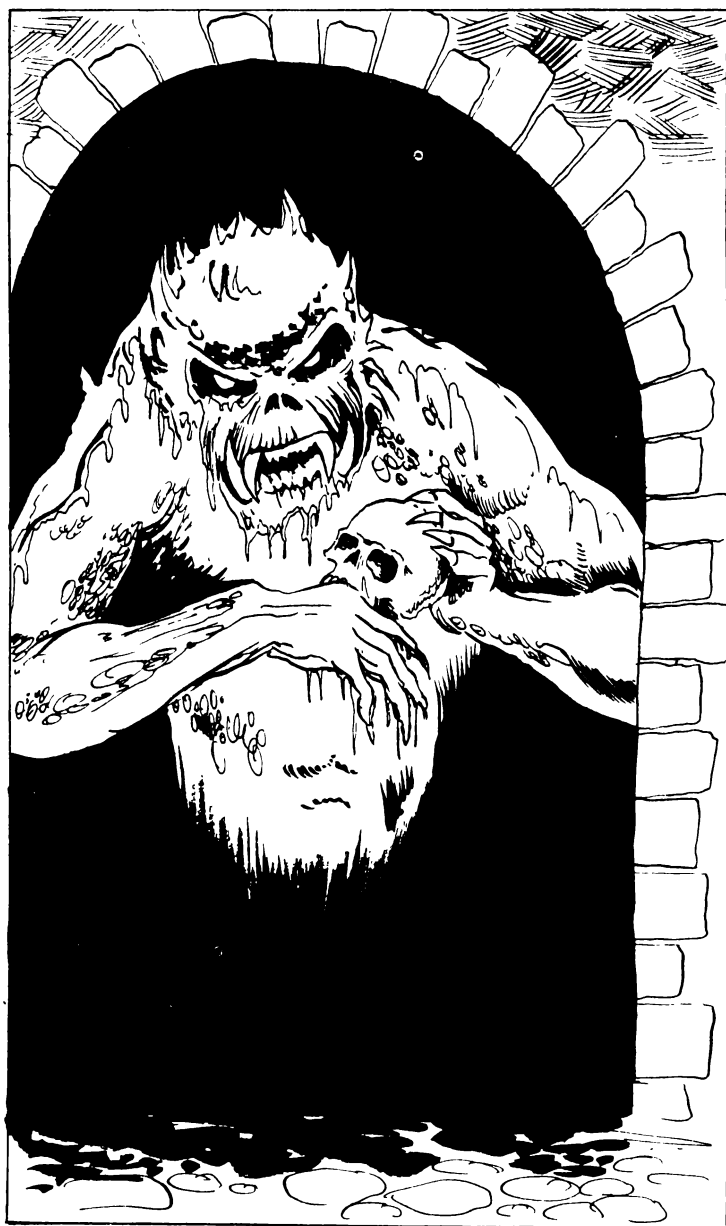
Только Богу известно что *это* было. Если обратиться к учению о состояниях вещества, то я думаю, что *это* можно было бы назвать газом, но этот газ не подчинялся законам нашего мира. *Это* был продукт других миров, которые нашим астрономам не увидеть даже в телескоп и не заснять на фотопленку. *Это* было дыхание иных небес, которые нашим ученым не измерить и не оценить. *Это* был всего лишь цвет, космический цвет — страшный посланец необъятных просторов бесконечности, непостижимой нам с нашими понятиями о природе, бесконечности, заключающей в себе иные миры, само существование которых кажется нам нереальным, и раскрывающей нашему изумленному взору недоступные и пугающие, как все неведомое, черные бездны.

Я очень сильно сомневаюсь, что Амми сознательно дурачил меня вымышленными страхами, я также не думаю, что его рассказ — каприз больной психики, как меня настойчиво предупреждали местные жители. Нечто ужасное было занесено метеоритом в эрхэмские леса и долины и нечто ужасное еще остается в тамошней природе, хотя неизвестно, в каких количествах. Я буду очень рад, когда местность, наконец, затопят. Надеюсь, что до тех пор ничего плохого не произойдет с Амми. Он слишком много соприкасался с этим цветом, а ведь известно, как пагубно он влияет на попавших в поле его досягаемости людей. Почему Амми так и не уехал оттуда? Как подозрительно точно он запомнил последние слова, произнесенные несчастным Наумом: «...невозможно вырваться... затягивает... ты знаешь, что там что-то не то, но все равно не уходишь...». Амми такой славный старик — когда придут строительные бригады и начнутся работы, я напишу будущему главному инженеру, чтобы тот присматривал за одиноким поселенцем. Я бы не хотел, чтобы он превратился в рассыпающееся серое привидение, которое все чаще не дает мне спокойно спать.

Х.Ф.ЛАВКРАФТ

**МОДЕЛЬ
ДЛЯ ПИКМЭНА**

Только не думайте, Элиот, что я окончательно сошел с ума, — масса людей страдает от гораздо более странных предрассудков, чем мой. Почему вы не смеетесь над дедом Оливера, который отказывается хотя бы раз сесть в автомобиль? В конце концов, если я ненавижу это чертово метро, то это касается лишь одного меня; а кроме того, если разобратся, то мы добрались сюда гораздо быстрее на такси. Ведь если бы мы не взяли машину, то нам пришлось бы пешком топать сюда от самой Парк-стрит.

Я знаю, что стал гораздо более нервным с тех пор, как вы в последний раз видели меня в прошлом году, но только не спешите с выводами о каком-то клиническом заболевании. Бог свидетель, тому было немало причин, и мне еще повезло, что я и в самом деле не лишился рассудка. Почему третья степень? Надо же, раньше вы не были таким любопытным.

Ну что ж, раз вы настаиваете, что должны узнать обо всем, не вижу причин, почему следует вам в этом отказывать. Возможно, вы просто обязаны это делать, ибо разве не вы, едва услышав о том, что я перестал бывать в Художественном клубе и начал сторониться Пикмэна, как встревоженный родственник, принялись бомбардировать меня своими письмами? Сейчас же, когда этот человек исчез, я все же изредка заглядываю в клуб, хотя нервы мои, надо признать, уже далеко не те, что были прежде.

Нет, я не знаю, что случилось с Пикмэном, да и вообще не склонен строить какие-либо предположения на этот счет. Возможно, вы и сами догадались, что у меня были достаточно веские причины порвать с ним, — и именно поэтому меня совершенно не интересует, куда именно он делся. Пусть этим занимаются в полиции — боюсь только, не много они обнаружат, коль скоро до сих пор даже не подозревают о том, что в старом Норт-Энде он снимал помещение под вымышленным именем Петерса. Кстати, не уверен, что и сам смог бы отыскать его вторично, — вы только не подумайте, что я хотя бы однажды уже попытался это сделать, даже в дневное время!.. Да, я знаю, точнее, — боюсь, что знаю, — для каких целей он арендовал тот подвал. Именно к этому я сейчас и перехожу, и, надеюсь, вы сами поймете, причем еще даже до того, как я закончу свой рассказ, почему я не стал ни о чем сообщать в полицию. Ведь они неминуемо потребовали бы от меня проводить их туда, а я не способен вторично спуститься в то подземелье, даже если бы знал дорогу. Было там нечто такое... во всяком случае, я теперь вообще не могу пользоваться метро и даже (если хотите, можете и над этим посмеяться тоже) просто спускаться во всевозможные подвалы.

Полагаю, вам следует знать, что с Пикмэном я расстался отнюдь не по той же глупой причине, почему с ним порвали все эти вздорные старые развалины, вроде Рейдлера Джо Ми-

но или Ресурорта. Меня никогда не шокировали произведения искусства на темы ужасов, и я считаю, что если человек столь талантлив, даже гениален, как Пикмэн, то для меня составит честь знать его лично, вне зависимости от того, какого конкретно направления в живописи он придерживается. А Бостон и в самом деле никогда еще не знал более великого художника, чем Ричард Алтон Пикмэн. Я говорил раньше, говорю и теперь, что ни разу не отводил взгляда, когда он выставлял свой «Обед вурдалаков», хотя именно после того вернисажа Мино прервал с ним всяческие отношения.

Вы понимаете, что нужно быть настоящим художником и уметь, как никто другой, проникнуть в природу вещей, чтобы создавать полотна, подобные тем, которые творил Пикмэн. Любой маляр, рисующий журнальные обложки, может выплеснуть на холст ведро краски и назвать это кошмаром, шабашом ведьм или даже портретом самого дьявола, но лишь подлинный мастер способен создать призведение, которое окажется по-настоящему пугающим и действительно, что называется, возьмет вас за живое. И это потому, что лишь настоящий художник знает во всех мельчайших деталях анатомию ужасного или психологию страха, только ему одному ведомо, какими линиями и пропорциями связаны мы со скрытыми, потаенными инстинктами или наследственными воспоминаниями о страшном и какими именно цветами, контрастами и подсветками добиться нужного эффекта, способного пробудить в нас дремлющее ощущение чего-то странного, непонятного и зловещего.

Не мне вам объяснять, почему Фьюзелли* заставляет нас по-настоящему содрогаться, тогда как фронтиспис из какого-нибудь дешевого рассказа про привидения вызывает всего лишь смех. Просто такие люди умеют схватить нечто, находящееся словно за пределами нашей обыденной жизни, способное заставить нас на несколько мгновений застыть на месте, затаив дыхание. Это умел делать Дорея**. Сайм умеет. Отчасти Энгарола из Чикаго. Пикмэн же владел этим, как никто другой до или — упаси Господи — после него.

Не спрашивайте меня, что такого особенного способны видеть подобные мастера. Понимаете, в настоящей живописи всегда существует большая разница между живыми, можно

* Фьюзелли Генри (1741-1825г.г.) — итальянский художник швейцарского происхождения, с 1782г. постоянно живший в Англии и прославившийся иллюстрациями к Мильтону («Потерянный рай»), а также картинами «готического ужаса» (Прим. ред.).

**Доре Гюстав (1833-1883г.г.) — выдающийся французский художник-график и книжный иллюстратор.

сказать, дышащими существами и целыми сюжетами, запечатленными в таком виде, в каком их создала сама природа, и искусственным, воображаемым хламом, который всякая псевдотворческая мелкота любит накручивать у себя в студиях и мастерских. Поэтому смею уверить вас в том, что настоящий художник-фантаст обладает особым видением стоящих перед его взором живых моделей, а затем суммирует и воспроизводит во вполне реалистичных сценах все то, что сам черпает в призрачном мире, в котором он обитает. Так или иначе, но он каким-то образом ухитряется добиться результатов, которые так же отличаются от слащавого пирога фантазий грубого поделщика, как произведение подлинно реалистичного мастера отличаются от стряпни выпускника заочной школы карикатуристов. Если бы я когда-либо увидел то, что довелось видеть Пикмэну, — впрочем, нет!.. Знаете что, давайте выпьем чего-нибудь, а потом продолжим наш разговор. Бог ты мой, я бы, наверное, вообще скончался на месте, если бы мне довелось увидеть то, что видел этот человек, — если он и в самом деле был человеком!

Вы помните, что Пикмэн всегда был особенно силен в портретной живописи. Не думаю, чтобы со времен Гойи* кому-либо удавалось до такой степени насытить черты человеческого лица, то или иное его выражение таким пронзительным, поистине адским содержанием. Если же взять времена еще до Гойи, то нам пришлось бы обратиться к средневековым мастерам, которые украсили своими горгульями и химерами Нотр-Дам или Сэн-Мишель. Они верили абсолютно во все — а, возможно, и в самом деле видели все это, поскольку история средневековья таит в себе ряд весьма прелюбопытных периодов.

Я припоминаю, как вы сами спрашивали Пикмэна за год до своего отъезда, какие громы и молнии навяли ему подобные идеи и видения. Не забыли, каким отвратительным смехом он отреагировал тогда на ваш вопрос? Из-за такого вот смеха Рейд как-то и порвал с ним всяческие отношения. А Рейд, как вы помните, в то время увлекался сравнительной патологией и на каждом шагу сыпал фразами по поводу «внутреннего содержания» и «исключительного биологического или эволюционного значения» того или иного умственного или физического заболевания. Так вот, он утверждал, что с каждым днем Пикмэн вызывал у него все большее отвращение; он даже стал побаиваться его и при этом настаивал, что черты и общее выражение лица этого человека медленно, но неуклонно претерпевают такие изменения, которые наво-

* Гойя Франсиско (1746-1828г.г.) — великий испанский художник и график.

дили его на самые зловещие подозрения, поскольку они якобы становились вовсе уж нечеловеческими. Он тогда много говорил на эту тему и утверждал, в частности, что Пикмэн в высшей степени эксцентричный и даже ненормальный человек. Если в своей переписке с Рейдом вы касались этой темы, то наверняка писали ему, что он позволил картинам Пикмэна оказать слишком сильное воздействие на свою нервную систему. Лично я, — во всяком случае, тогда — говорил ему именно это.

Но не забывайте, что, несмотря на все это, я продолжал поддерживать с Пикмэном довольно тесные личные отношения. Более того, мое восхищение его творчеством с каждым днем все более возрастало, поскольку тот самый «Обед вурдалаков» представлял собой действительно выдающееся произведение искусства. Вы знаете, что клуб отказался выставлять эту картину, а Музей изящных искусств не захотел принять ее от него даже в качества дара. От себя могу заметить, что никто не пожелал приобрести ее и для своей частной коллекции, и потому вплоть до самого исчезновения Пикмэна она так и продолжала висеть у него в доме. Сейчас она находится у его отца в Салеме — вы же знаете, что Пикмэн происходит из старинного салемского рода и что одного из его предков в 1692 году вздернули на виселице по обвинению в колдовстве.

Я взял тогда за правило регулярно навещать Пикмэна, особенно после того, как приступил к работе над монографией о так называемом «причудливом искусстве». Возможно, именно его работы и натолкнули меня на эту идею, во всяком случае, как только я стал развивать ее, он стал для меня подлинной кладью информации и всевозможных суждений на этот счет. Он показал мне все свои картины и рисунки на эту тему, в том числе несколько перьевых зарисовок, за которые, во что я искренне верю, его исключили бы из всех художественных клубов, если бы их членам довелось познакомиться с подобными творениями.

Довольно скоро я стал его искренним приверженцем и готов был, подобно усердному школьнику, часами выслушивать его рассуждения о теории живописи и всевозможные философские гипотезы, кстати, настолько бредовые и дикие, что за одно это его можно было навечно упрятать в сумасшедший дом. Мое искреннее преклонение, значимость которого особенно усиливалась в условиях, когда все большее число людей постепенно отворачивалось от него, делало его особенно доверительным в беседах со мной, и однажды вечером он намекнул, что если я не стану слишком распространяться на этот счет и к тому же не буду проявлять излишней щепетиловости и брезгливости, то он мог бы показать мне

нечто необычное — что-то такое, что по своей силе превосходило все то, что я видел у него в доме.

— Знаете, — говорил он, — есть такие вещи, которые вряд ли подойдут для Ньюбэри-стрит; они просто покажутся здесь неуместными и едва ли смогут быть по достоинству оценены. Я всегда старался постичь потаенные обертоны души, а этого вы никогда не сыщете на вульгарных искусственных улицах, проложенных по искусственной земле искусственных городов. Моя студия — это уже не Бостон; это вообще ни с чем несравнимо, поскольку вы даже не успеете собрать все нахлынувшие на вас там воспоминания и видения загадочных духов. Если здесь, в городе, все еще сохранились какие-то привидения, то это всего лишь ручные, можно сказать, почти домашние призраки соляных болот и мелководных бухт; я же хочу настоящих, человеческих привидений — таких, которые достаточно высокоорганизованы, чтобы уметь заглянуть в преисподнюю и быть способными постичь смысл увиденного там.

Настоящий художник должен жить в Норт-Энде. Если в человеке действительно присутствует эстетическое начало, он смирится с нищетой ради познания исконных традиций широких масс. Боже мой! Неужели вы не понимаете, что места, подобные тому, о котором я говорю, на самом деле вовсе не рукотворны,

а развивались сами по себе? Поколение за поколением жили, чувствовали и умирали в тех местах, причем происходило все это в те времена, когда люди еще не боялись жить, чувствовать и умирать.

Разве вы не знаете, что в 1632 году на холме Коппа была мельница и что половина из всех ныне существующих там улиц была проложена еще в 1650 году? Я могу показать вам дома, которым по двести пятьдесят лет, а то и более; дома, которые были свидетелями таких времен, за которые все современные постройки давным-давно развалились бы в пыль. Что нынешние поколения знают о стоящей за всем этим жизнью и наполнявших ее силах? Вы считаете салемянское колдовство иллюзией, обманом, а я готов биться о заклад, что моя пра-пра-пра-прабабка могла бы порассказать вам такое... Они вздернули ее на Холме висельников, тогда как Коттон Матер стоял неподалеку и лицемерно глазел на это зрелище. Мазер, черт бы его побрал, страшно боялся, что кто-то может выбраться из проклятой клетки сплошной монотонии окружающей жизни, — как бы я хотел, чтобы кто-нибудь наслал на него порчу или ночью высосал у него всю кровь!

Я могу показать вам дом, в котором он жил, и могу указать другой, в который он боялся даже заходить, — и это несмотря на всю свою самоуверенную болтовню. А ведь он и сам знал

такие вещи, которые не осмелился включить в свою глупую «Магналию» или в ребячьи «Чудеса невидимого мира». Послушайте, вам известно, что когда-то весь Норт-Энд представлял из себя сеть подземных туннелей, посредством которых некоторые люди обеспечивали себе доступ в дома друг друга, могли проникать на кладбища и выходить в море? И пусть наверху устраивали судилища и организовывали гонения — все равно ежедневно там происходили вещи, которые они не были в состоянии понять, а по ночам раздавался смех, источник которого они не могли установить!

Дорогой мой, если вы возьмете десяток любых домов, которые были построены до 1700 года и впоследствии никуда не перевозились, то готов поклясться, что в подвалах восьми из них я отыщу что-нибудь пикантное, во всяком случае, такое, что заслуживало бы самого пристального внимания. Ведь едва ли проходит месяц, чтобы вы не прочитали в газетах про то, как рабочие обнаружили в том или ином месте сложенные из кирпича арки и стены, которые ведут в никуда, — да что там ходить далеко за примерами, взять хотя бы прошлогодние раскопки на Хэнчмен-стрит. Там обитали ведьмы и те духи, которых они вызывали; скрывались пираты, прятавшие награбленное в морских плаваниях; контрабандисты и разбойники — в общем, скажу вам, в старое время люди знали, как жить и как расширять границы жизни! А ведь это был не единственный мир, знакомый смелым и мудрым людям, уверяю вас! И сравните все это с тем, что мы видим сегодня, — все эти бледно-розовые, изнеженные мозги так называемых художников, которые содрогаются от страха и бьются в корчах, если картина хотя бы на малую толику выходит за рамки традиционных представлений о вкусах обитателей чайных салонов на Бикон-стрит!

Единственным спасительным обстоятельством дня сегодняшнего является то, что он слишком глуп, чтобы пристально присмотреться к прошлому. Что могут карты, записи и путеводители рассказать о настоящем Норт-Энде? Эге! Я готов наугад провести вас по тридцати, а то и сорока улицам и переулкам, хитросплетениям всевозможных узких проходов к северу от Принс-стрит, о существовании которых не подозревает даже десяток ныне живущих там существ, если не считать наводнивших их иностранцев. А что все эти болваны знают об их подлинном значении? Нет, Турбер, эти древние места пребывают пока в великолепной неподвижной дреме, но они переполнены такими чудесами и ужасами, которые ни за что не встретишь в общедоступных местах, и все же ни одна живая душа не понимает и не может извлечь из них никакой пользы. Точнее сказать, одна живая душа все же отыщется, поскольку я ведь не зря копался в прошлом!

Похоже на то, что вас все это действительно заинтересовало. А как вы отнесетесь к тому, если я скажу вам, что обосновал там еще одну студию, находясь в которой способен ухватить ночной дух античного ужаса и нарисовать такое, о чем даже не посмел бы подумать на Ньюбэри-стрит? Разумеется, я даже не подумал рассказать об этом всем нашим проклятым клубным «старым девам» — Рейду, например, черт бы его побрал, который продолжает нашептывать повсюду, будто я являюсь каким-то чудовищем, привязанным к саням, которые, дескать, мчатся по желобу «обратной эволюции». Да, Турбер, я давно решил про себя, что просто должен срисовывать ужасное, как и прекрасное, с самой жизни, а потому исследовал те места, где, как я знал, обитает этот самый ужас.

Я откопал одно место, о существовании которого, кроме меня, наверняка не знают даже и трое ныне живущих старожилов. Кстати, расположено оно не так уж далеко от ветки наземного метро, хотя на самом деле отстоит от нынешней жизни на века. А нашел я его благодаря странной старой кирпичной стене в подвале — вроде той, о которой я вам рассказывал. Лачуга эта вот-вот готова разрушиться, а потому там никто не живет, и я даже не стану смущать вас упоминанием той мизерной суммы, которую я плачу, снимая ее. Все окна там заколочены, но мне это даже еще больше нравится, поскольку в моей работе солнечный свет не нужен. Рисую я в подвале, где вдохновение оказывается особенно сильным, хотя на первом этаже довольно неплохо обставил жилые комнаты. Владеет всем этим какой-то сицилиец, а само помещение я снял под фамилией Петерс.

Если вы в настроении, я мог бы проводить вас туда сегодня же. Думаю, вам понравятся эти картины, поскольку, как уже сказал, я позволил себе там немного раскрепоститься. Путь туда недалекий, и иногда я предпочитаю идти пешком, а не брать такси, чтобы не привлекать излишнего внимания. На Южной станции мы можем сделать пересадку на Бэттери-стрит, откуда до места рукой подать.

Что и говорить, Элиот, после таких речей я был готов не просто идти, а броситься со всех ног в поисках свободного кэба, только чтобы поскорее добраться до того места. Мы действительно сделали пересадку на Южной станции, где-то возле полуночи спустились по ступеням на Бэттери-стрит и по набережной Конституции пошли вдоль старого порта. За дорогой я особенно не следил, а потому не могу точно сказать вам, где именно мы свернули, однако уверен, что это была не Гринаф Лэйн.

Как только мы свернули, я увидел, что нам предстоит небольшой подъем по узкой и пустынной улочке, грязнее и стариннее которой мне еще не доводилось видеть за всю свою

жизнь. Со всех сторон ее окружали рассыпающиеся от ветхости фронтоны домов, искривленные от старости оконные проемы глазели на нее, а архаичные дымоходы устремляли в освещенное лунным светом небо свои полуразвалившиеся трубы. Пожалуй, там не нашлось бы и трех зданий, построенных после времен Коттона Матера — я лично увидел, по меньшей мере, два дома с характерными для прошлого века навесами над крышами, а однажды, как мне показалось, разглядел заостренную линию почти забытой ныне двускатной крыши, хотя антиквары в один голос утверждают, что в Бостоне таких уже не осталось.

С той улицы, освещенной тусклым светом редких фонарей, мы свернули налево на столь же пустынный и еще более узкий проулок, где свет вообще не горел, и примерно через минуту сделали еще один поворот, кажется, под тупым углом — уже в полную темноту. Вскоре после этого Пикмэн извлек из кармана фонарь и высветил его лучом ветхую, изрядно изъеденную червями деревянную дверь. Отперев ее, он проводил меня в пустую прихожую, обшитую тем, что некогда являлось прекрасными дубовыми панелями, — совсем простыми, разумеется, но невольно наводящими на мысль об обитателях времен Андроса, Фипса и других колдунов. После этого он провел меня в располагавшуюся слева дверь, зажег масляную лампу и предложил чувствовать себя, как дома.

Скажу откровенно, Элиот, любой человек с улицы посчитал бы меня крутым парнем, однако от того, что я увидел на стенах той комнаты, уверяю вас, мне едва не сделалось дурно. Там были картины, которые Пикмэн никогда бы не смог написать или хотя бы выставить на Ньюбэри-стрит, — и я убедился в его правоте, когда он сказал, что «решил немного раскрепоститься»... Давайте выпьем еще, — по крайней мере, мне это просто необходимо!

Совершенно бесполезно описывать вам то, на что все это было похоже, поскольку буквально повсюду я лицезрел чудовищный, дьявольский ужас, отвратительную мерзость и чуть ли не ощущал смертельное зловоние, которое исходило буквально ото всего, к чему я мог прикоснуться. На тех полотнах не было ни намека на экзотическую технику живописи, которую можно наблюдать в работах Сиднея Сайма, или на транс-сатурнические ландшафты и лунные грибы, которыми привык леденить кровь зрителей Кларк Эштон Смит. Фоном картин Пикмэна являлись преимущественно старые кладбища, непроходимые леса, прибрежные утесы, кирпичные туннели, старинные, обшитые панелями комнаты или просто каменные склепы. Располагавшаяся неподалеку от того дома кладбищенская территория холма Коппа могла бы показаться в сравнении с увиденным лужайкой для веселых прогулок.

Все же безумие и чудовищность его картин были воплощены в фигурах, помещенных на переднем плане, поскольку в своем зловещем, демоническом мастерстве Пикмэн продолжал оставаться сторонником исключительно портретной живописи. Изображенные тела редко бывали полностью человеческими, причем последнее качество присутствовало в них в самой разной степени. Практически все существа оставались двуногими, но сверху имели неуклюжие, в чем-то даже собачьи торсы, а структура тканей большинства из них отчасти напоминала резину. Бр-р-р! Они до сих пор стоят у меня перед глазами!

То же, чем они занимались, — о, не спрашивайте меня в деталях, что это было такое. Как правило, они ели — не скажу, на чем и что именно. Иногда они были изображены группами на кладбище или в каком-то подземном проходе, и часто в состоянии драки за свою добычу — а точнее, за найденный клад. А какую дьявольскую выразительность Пикмэн подчас придавал этим слепым мордам участников кладбищенской вакханалии! Иногда создания были изображены запрыгивающими ночью в открытые окна или сидящими на корточках на груди своих жертв, вонзившими зубы в их глотки. На одном из полотен было изображено кольцо этих тварей, лающих на повешенную на Холме висельников ведьму, мертвое лицо которой сильно смахивало на их собственные морды.

Но только не подумайте, что лишь сама тематика этих произведений и позы персонажей произвели на меня столь сильное впечатление. В конце концов, я не трехлетний младенец и немало повидал на своем веку всякого. Нет, речь идет об их лицах, точнее — мордах. Да, Элиот, об их проклятых мордах, которые бросали на меня с полотен свои хитрые, алчущие взгляды, словно срисованные с натуры! Бог мой, я был готов поклясться, что все они были живыми! Этот обезумевший чародей воплотил в тошнотворных красках само пламя ада, а его кисть стала источником плодящихся кошмаров... Элиот, дайте-ка мне этот графин!

Была там, например, одна картина — называлась она «Урок». Прости меня, Боже, за то, что я вообще увидел подобное! Послушайте, вы можете себе представить кладбище, на котором по кругу расположились сидящие на корточках собакоподобных существа, обучающие младенца, как питаться по-ихнему? Видимо, такова была цена этой «подмены», — надеюсь, вы слышали стародавний миф о том, как эльфы оставляют в колыбелях своих отпрысков в обмен на похищаемых ими человеческих детей. Так вот, на своей картине Пикмэн изобразил, что именно происходит с этими самыми похищенными младенцами, как они вырастают, и после этого я стал улавливать зловещее сходство между лицами людей и мордами этих тварей — во всех гнусных, тошнотворных ста-

диях и градациях перехода от явно нечеловеческих морд к относительно человеческим, хотя и явно деградировавшим лицам. Он показал сардоническую связь между ними, как говорится, эволюцию в натуре. Получалось, что собакоподобные существа происходили от людей!

Но не успел я еще подумать о том, как же он намеревался изобразить судьбу собственных отпрысков этих чудищ, оставленных с людьми в порядке «обмена», как тут же мой взгляд выхватил картину, изображавшую именно этот сюжет. На ней был изображен старинный и типично пуританский интерьер — комната с тяжелыми балками и зарешеченными окнами, деревянная скамья с высокой спинкой, неудобная мебель семнадцатого века, и вся семья, сидящая за столом, во главе которого восседал отец, читающий библию. На всех лицах — кроме одного — было запечатлено подлинное благородство и искреннее благоговение, тогда как то самое, единственное, выражало ехидную, адскую насмешку. Принадлежало оно относительно молодому человеку, определенно сыну этого набожного главы семейства, но было во всем его облике что-то от нечестивой, нездешней твари. Это и была та самая «подмена», — и словно повинуясь зову крайней иронии, Пикмэн придал этому лицу максимальное сходство со своим собственным!

Вскоре Пикмэн зажег в соседней комнате лампу и любезно придержал дверь в нее открытой, спросив, не желаю ли я взглянуть на его «свежие работы». Я был не способен толком высказать ему свое мнение, поскольку буквально лишился дара речи от душившего меня страха и отвращения, однако, как мне показалось, он все прекрасно понимал сам и даже чувствовал себя где-то польщенным. Сейчас мне хотелось бы вновь заверить вас, Элиот, в том, что я никогда не был изнеженным младенцем, готовым завизжать от страха при виде любого, даже самого гротескного отхода от канонов классической живописи. Мне немало лет, и я отличаюсь достаточной широтой взглядов, а кроме того, вы сами довольно неплохо заметили по Франции, что меня отнюдь не так легко вышибить из седла. Не забывайте также, что я тогда как раз вернулся из поездки по стране, где успел привыкнуть к путающему зрелищу того, как колониальная Новая Англия начинает все более походить на своего рода филиал преисподней. Так вот, несмотря на всю мою подготовленность, соседняя комната заставила меня попросту вскрикнуть, и я даже был вынужден ухватиться за косяк двери, чтобы не споткнуться и не упасть. Предыдущее помещение познакомило меня со скопищем вампиров, упырей и ведьм, населявших мир наших праотцов, тогда как в этой комнате передо мной предстал весь ужас уже наших, нынешних дней!

Боже, как же рисовал этот человек! Был там у него один

сюжет, назывался он «Случай в метро», в котором изображалась стая омерзительных существ, выползающих из каких-то неведомых катакомб через трещину в полу станции «Бойлстон-стрит» и нападающих на стоящих на платформе людей. На другой картине была в деталях расписана пляска дьяволов среди могил на холме Коппа — также на фоне панорамы современного города. Потом масса сюжетов на темы «подвала» с чудовищами, выползшими через щели и проломы в кирпичной кладке, и с ухмылками на мордах притаившимися на корточках за бочками и каминами в ожидании того момента, когда по лестнице спустится их первая жертва.

На одном особенно отвратительном полотне был изображен перекресток неподалеку от холма Бикона, где из бесчисленных отверстий в земле, похожих на пчелиные соты, наружу выползают сотни похожих на муравьев омерзительных чудовищ. На многих картинах были запечатлены всевозможные пляски на современном кладбище, но одна поразила меня особенно сильно — это была сцена в каком-то потаенном склепе, где полчища неведомого зверья окружили одного из членов своего племени, держащего в руках и читающего вслух хорошо известный путеводитель по Бостону. Все указывали пальцами на какую-то конкретную улицу или переулок, и каждая морда была искажена трясущимся, эпилептическим хохотом, отзвуки которого, казалось, доносились даже до меня. Называлась она «Могилы Холмса, Лоувела и Лонгфелло на Каштановой горе».

По мере того, как я постепенно начинал брать себя в руки и привыкать к болезненной, дьявольской обстановке этой второй комнаты, я попытался проанализировать причины своего тошнотворного отвращения ко всему увиденному. Поначалу, сказал я себе, все эти существа вызывали омерзение своей запечатленной Пикмэном в высшей степени бессердечной жестокостью, самым настоящим садизмом. Похоже, этот парень был заклятым врагом всего человечества, чтобы испытывать подобное сладострастие при изображении мучений плоти и разума населяющих землю людей. С другой стороны, они ужасали, поскольку были изображены с поразительным мастерством. Убеждала именно высокопрофессиональная манера исполнения этих картин, — глядя на них, я видел самих дьяволов и боялся именно их. Причем странно было именно то, что подобной силы воздействия Пикмэн достигал отнюдь не за счет подчеркнутой эксцентричности или гротеска. Ни одна деталь не была им умышленно смазана, искажена или заменена условным штрихом; все контуры отличались резкостью, правдоподобием, а мельчайшие фрагменты были проработаны с величайшей скрупулезностью. Но эти морды!..

Нет, на этих картинах перед моим взором предстала отнюдь

не авторская интерпретация увиденного им; это был настоящий ад — крошечный, отчетливый, можно сказать, кристально ясный в своей поразительной объективности. Клянусь всем святым, это было именно так! Человек этот отнюдь не был фантастом или романтиком — он даже не пытался предъявить зрителю мешанину каких-то штрихов и контуров, призматический срез, смутную зарисовку своих бредовых видений, но демонстрировал холодно исполненную, сардонически уверенную картину какого-то вполне реального, механистического, прочно устоявшегося кошмарного мира, который он сам видел со всей отчетливостью и ясностью, причем наблюдал непосредственно и пристально. Одному лишь Господу Богу ведомо, что это мог быть за мир и где Пикмэн лицезрел все эти порожденные преисподней образы, которые беспрестанно скакали, ползли, куда-то спешили. Однако, что бы ни являлось прототипом всех этих сюжетов, одна вещь для меня оставалась совершенно ясной: во всех отношениях — как в концепции своего творчества, так и в манере исполнения — он оставался скрупулезным, старательным, можно сказать, почти научным реалистом.

Затем хозяин дома повел меня вниз, в подвал, где располагалась сама его студия, и я невольно содрогался, проходя мимо полотен, на которых были сделаны лишь отдельные наброски будущих сюжетов. Дойдя до конца заплесневелой лестницы, он направил луч фонаря в угол большого открытого пространства, осветив округлую кирпичную кладку колодца — да, мне действительно показалось, что это было нечто вроде прорытого в земляном полу большого колодца. Когда мы подошли к нему поближе, я увидел, что в диаметре он достигал полутора метров, причем стены были не менее тридцати сантиметров в толщину и сантиметров на двадцать возвышались над полом. Одним словом, это была солидная работа семнадцатого века, хотя в подобных вещах легко и ошибиться.

По словам Пикмэна, это было именно то, о чем он говорил, — вход в сеть туннелей, заполнявших пространство под холмом. Я обратил внимание, что сверху колодец не был заложен кирпичом и закрывала его лишь толстая деревянная крышка округлой формы. Я невольно поежился, подумав обо всех тех существах, которые могли иметь отношение к этому сооружению, если, разумеется, дикие намеки Пикмэна не были всего лишь пустой риторикой. После этого мы поднялись на пару ступеней и через узкую дверь прошли в довольно просторную комнату с деревянным полом и оборудованную, как студия. Ацетиленовая горелка обеспечивала необходимый для работы минимум освещения.

Незавершенные картины, укрепленные на мольбертах или стоявшие прислоненными к стенам, казались столь же

зловещими, как и готовые работы наверху, и со всей отчетливостью демонстрировали дичайшее мастерство этого художника. Сцены были проработаны с высочайшей скрупулезностью, а карандашные штрихи красноречиво указывали на то, что Пикмэн старался с максимальной точностью передать правильную перспективу и соблюсти нужные пропорции. Даже сейчас, с учетом всего того, что я знаю, смею утверждать, что человек этот был великим художником.

Особый же мой интерес привлекла стоявшая на столе большая фотокамера — Пикмэн пояснил, что пользуется ею при создании фоновых сюжетов своих полотен. В самом деле, гораздо удобнее было срисовывать их с фотографии прямо здесь, в студии, чем таскать с собой по городу этюдник в поисках нужной сцены или сюжета. Он считал, что фотография ничуть не хуже натуры или живой модели, особенно когда речь идет о длительной работе, и добавил, что довольно часто пользуется камерой.

Было во всех тех тошнотворных сюжетах и полузавершенных чудовищах, глазевших на меня буквально из каждого угла студии, что-то очень тревожное. Неожиданно Пикмэн открыл один довольно большой холст, стоявший чуть в стороне от света, и при виде его я уже не мог сдержать самого настоящего возгласа ужаса — второго за ту ночь. Эхо от него еще долго отражалось от сумрачных сводов древнего и затхлого подвала, но он все же помог мне выплеснуть наружу хотя бы часть того дикого возбуждения, которое было готово вот-вот взорваться истерическим смехом. Боже Праведный! Элиот, я и до сих пор не знаю, где там кончалась реальность и начиналось поистине болезненное воображение. Мне кажется, на земле попросту не могло возникнуть подобного видения.

Это было колоссальное, совершенно непонятное и абсолютно богопротивное существо с пылающими красными глазами; в своих костлявых лапах оно держало какой-то предмет, который при ближайшем рассмотрении оказался человеческим телом, и оно вгрызалось в его голову, подобно тому, как нетерпеливый ребенок пытается откусить край неподатливого леденца. Поза чудовища была чем-то похожей на сидение на корточках, причем создавалось ощущение, что оно в любой момент готово бросить свою добычу и отправиться на поиски более сочного лакомства. Но, черт побери, даже не сам по себе изображенный на картине объект являлся источником охватившей меня дикой паники, не его собачья морда с торчащими ушами, налитыми кровью глазами, плоским носом и истекающими слюной губами; и не чешуйчатые лапы, не заплесневелое тело, не похожие на копыта ноги — нет, ничего подобного, хотя каждой из этих деталей вполне хва-

тило бы на то, чтобы окончательно лишить впечатлительного человека остатков рассудка.

Нет, Элиот, это была техника — все та же проклятая, нечестивая, совершенно противоестественная техника исполнения! Будучи, надеюсь, также живым существом, я еще ни разу не видел, чтобы на полотне с таким ошеломляющим правдоподобием было запечатлено дыхание жизни. Изображенное там чудовище взирало на меня и пожирало свою добычу, вгрызалось в нее и смотрело, — и я понимал, что лишь временная приостановка действия всех законов природы могла позволить человеку нарисовать подобное без модели, не заглянув хотя бы краем глаза в самую преисподнюю, что было доступно лишь человеку, продавшему свою душу дьяволу.

К свободной части холста кнопкой был прикреплен сильно закрученный кусок какой-то бумаги, — очевидно, это была фотография, с которой Пикмэн срисовывал злоеущий фон для своей новой картины. Я уже потянулся было вперед, чтобы развернуть ее, когда внезапно заметил, что Пикмэн вздрогнул, словно у него над ухом выстрелили из пистолета. С того самого момента, когда мой порожденный шоком вопль сотряс сводчатое помещение темного подвала, он вслушивался во что-то, и сейчас его словно поразил страх, который, хотя и совершенно непохожий на мой собственный, в своей основе имел нечто скорее материальное, нежели духовное. Он выхватил откуда-то револьвер и сделал мне знак замолчать, после чего вышел, притворив за собой дверь.

Мне показалось, что на мгновение я словно окаменел. Также начав прислушиваться, я, кажется, и в самом деле разобрал доносившийся непонятно откуда слабый звук какого-то то ли шевеления, то ли стремительного бега, вслед за чем последовала серия коротких отрывистых повизгиваний и ударов, источник которых также оставался для меня совершенно непонятным. Я подумал о громадных крысах и невольно поежился. После этого послышался какой-то приглушенный звук шагов, от которого кожа моя буквально покрылась мурашками, — это были медленные, крадущиеся на ощупь шаги, хотя, боюсь, словами не в состоянии передать сущность услышанного. Со стороны могло показаться, как что-то тяжелое и деревянное падает на что-то каменное или кирпичное. Дерево на кирпич — вот о чем это заставило меня тогда подумать!

Потом звуки повторились, уже громче. Послышалось слабое вибрирующее эхо, как если бы дерево свалилось в некое сводчатое подземелье, — во всяком случае, определенно глубже, чем оно опускалось в первый раз. После этого раздался резкий скрипучий звук, довольно громкая, но совершенно нечленораздельная речь Пикмэна, и оглушительная

серия из шести выстрелов, опустошивших весь барабан его револьвера, — пальба эта прозвучала несколько театрально, как если бы укротитель львов в цирке палил в воздух, чтобы усмирить разбушевавшихся хищников. Затем приглушенный, сдавленный писк или клекот, после чего очередной глухой удар; снова звук дерева, ударяющего по камню, пауза, и звук открываемой двери, — при котором, признаюсь честно, я прямо-таки подпрыгнул на месте. В студию вошел Пикмэн с дымящимся револьвером в руке и принялся громко проклинать крыс, заполонивших весь подвал и старый колодец.

— Один лишь черт знает, Турбер, чем они здесь питаются, — ухмыльнулся он тогда, — потому как эти туннели проходят под кладбищами, убежищами ведьм, и даже достигают морского побережья. Однако что бы это ни было, похоже, запасы их провианта подходят к концу, а потому они стремятся любой ценой выбраться наружу. Наверное, ваш крик встревожил их. Советую в подобных старых местах вести себя поосторожнее — от наших друзей-грызунов возникает масса неудобств, хотя мне иногда кажется, что с точки зрения создаваемой общей атмосферы и своей специфической расцветки они иногда бывают даже полезными для творческого процесса.

Таким образом, Элиот, и закончилось наше ночное приключение. Пикмэн обещал показать мне свою берлогу, и, клянусь Всевышним, свое обещание сдержал! Обратно он провел меня, как мне показалось, уже через другое хитросплетение тупиков и закоулков, поскольку, как только я увидел первый фонарный столб, то обнаружил, что мы находимся на относительно знакомой мне улице, окруженной монотонными рядами многоквартирных домов и старинных построек. Как выяснилось, это оказалась Чартер-стрит, однако я был тогда слишком возбужден, чтобы понять, каким образом мы на нее вышли. На метро мы уже опоздали — время было слишком позднее, — а потому пешком пошли по Ганновер-стрит. Я хорошо запомнил ту прогулку. У Тремонта мы свернули, прошли немного вверх по Бикон-стрит, после чего вскоре расстались. Всю дорогу никто из нас не проронил ни слова.

Почему я с ним порвал? Не будьте таким нетерпеливым. Подождите, пока я закажу кофе. Остального, пожалуй, достаточно, хотя мне бы сейчас понадобился... Нет, причина заключается отнюдь не в картинах, которые мне довелось увидеть в том месте, хотя, признаюсь, одних их было бы достаточно, чтобы, повторяю, закрыть Пикмэну доступ в девять десятых всех домов и клубов Бостона, и теперь вы, думаю, наконец, поняли, почему я сторонюсь метро и всевозможных подвалов. Причина заключалась совсем в ином, и обнаружил я ее на следующее утро в кармане своего плаща.

Помните, я упомянул вам ту скрутившуюся бумажку, которая была прикреплена кнопкой к краю одного из холстов в том самом подвале? Как я тогда предполагал, она предназначалась для того, чтобы срисовывать с нее фон для последующего изображения на нем одного из очередных монстров. Я тогда хотел было развернуть ее и посмотреть, что именно на ней было изображено, но что-то меня отвлекло, а потому я машинально сунул ее в карман своего плаща... А вот и кофе — настоятельно рекомендую, Элиот, выпить черный.

Так вот, именно из-за той бумажки я и порвал с Пикмэном всяческие отношения. С Ричардом Аптоном Пикмэном, величайшим художником из всех тех, кого я когда-либо знал, — и самым отвратительным типом, который когда-либо вырывался из оков реальной жизни, чтобы окунуться в пучину мифов и безумия. То ли он родился в неурочный и весьма порочный час, то ли каким-то образом отыскал ключи к воротам запретного — не знаю. Впрочем, сейчас это уже и неважно, поскольку он исчез — в ту самую легендарную темноту, посещать которую сам так любил... Так, давайте-ка зажжем эти свечи.

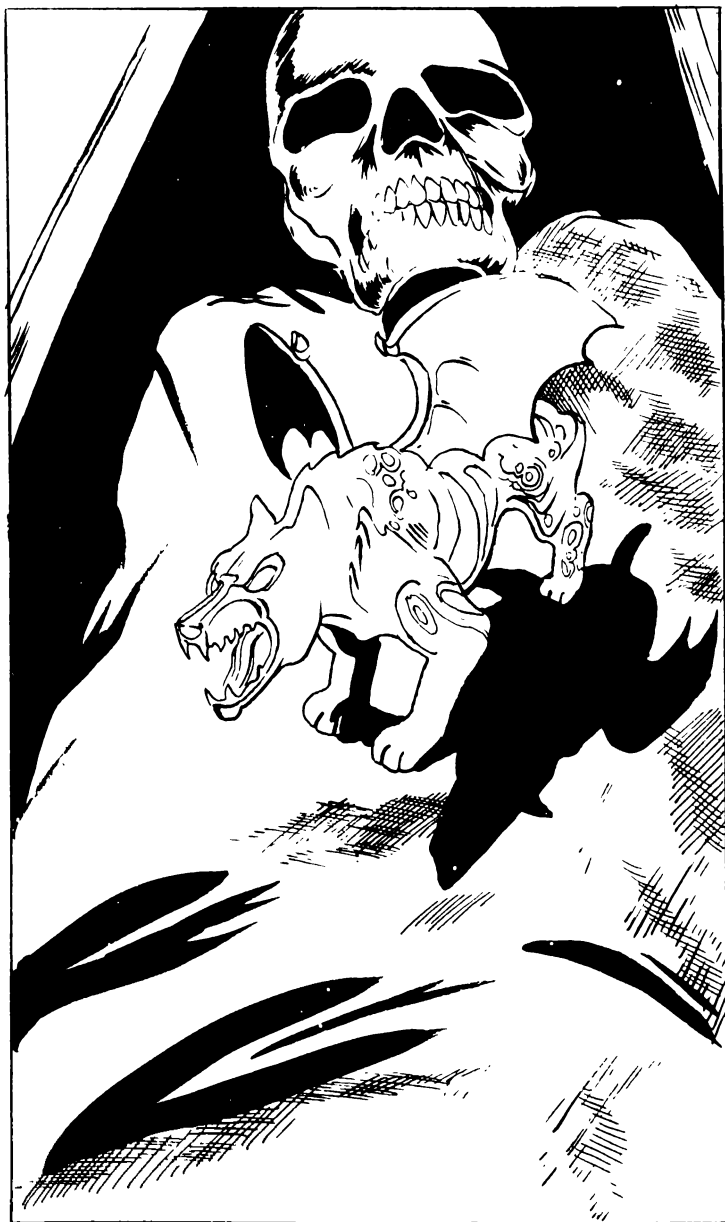
Не просите меня объяснить или хотя бы поделиться своими догадками насчет того, что именно я тогда сжег. Не спрашивайте и о том, что стояло за теми скребущимися и карабкающимися звуками, которые Пикмэну так хотелось объяснить активностью самых заурядных крыс. Видите ли, существуют, наверное, такие секреты, которые дошли до нас со времен Салема, хотя Коттон Матер рассказывал и о более странных вещах. Теперь вы знаете, сколь невероятно, просто чертовски правдоподобными были сюжеты Пикмэна — и как все мы терзались догадками, с чего он срисовывает своих персонажей.

Так вот, на той скрученной фотографии на самом деле был изображен отнюдь не фон для его будущей картины. Там было запечатлено само это существо — то самое, которое я увидел на незавершенном ужасном полотне. В сущности, это была та самая модель, с которой он срисовывал своего монстра, а фоном ему служила стена студии в том подвале, на которой даже отфиксировались мельчайшие дефекты ее покрытия. Но Божьей, Элиот, это была фотография живого существа!

Х.Ф.ЛАВКРАФТ

СОБАКА

Мой многострадальный слух продолжает улавливать звук непрекращающегося, кошмарного стрекота, к которому примешивается еще один — похожий на слабый, отдаленный лай неведомой громадной собаки. Это, увы, не сон и, боюсь, даже не безумие, ибо все то, что случилось со мной за несколько последних месяцев, попросту не оставляет мне надежды на столь спасительное и милосердное объяснение происходящего.

Итак, Ст.Джон превратился в изуродованный, растерзанный в клочья труп. Лишь одному мне ведомо, как и почему это случилось, и я искренне сожалею об этом, ибо подобное знание способно разорвать мой мозг от дикого страха, что и меня самого может ожидать точно такая же участь. По темным, бесконечным коридорам жуткой фантазии бредет черная, бесформенная богиня возмездия — Немезида, — обрекающая меня на неминуемое самоуничтожение...

Возможно, когда-нибудь небеса простят нас обоих за те греховные, болезненные причуды, которые и стали причиной столь жестокой судьбы! Утомленные посещением традиционных мест паломничества, переполненных всеми остальными так называемыми «обычными» людьми, пресытившись радостями чувственного свойства и подустав от всевозможных приключений, которые постепенно стали казаться нам невыносимой преснятиной, мы со Ст. Джоном перебрали массу эстетических и интеллектуальных занятий, которые позволили бы нам избавиться от гнетущей, опустошающей скуки. На какое-то время мы увлеклись исследованием загадок симболистов и экстатического творчества ранних эпигонов Рафаэля, однако довольно скоро охладели и к ним, ибо каждая новая любовь рано или поздно утрачивает свою приятную свежесть и пленительную новизну.

Спасти нас могла лишь мрачная философия декадентов, да и та оказывала свое целебное воздействие лишь благодаря постепенному углублению нашего проникновения в потаенные глубины этого дьявольского учения. Бодлер и Гюисманс* вскоре перестали потрясать наше воображение, и потому нам не оставалось ничего иного кроме как испытать на себе воздействие непосредственных раздражителей, таящихся в личном опыте и приключениях самого что ни на есть авантюрного свойства. Именно эта окрашенная яркими эмоциями острая потребность в конечном счете и привела нас к тому мерзкому

* Шарль Бодлер, французский поэт 19 в., предшественник французского символизма; Шарль Мари Жорж Гюисманс, французский писатель 19-нач.20в.в., творчество которого характеризовали натуралистические, декадентские тенденции.

занятию, о котором я сейчас, даже находясь в состоянии дикого страха, вспоминаю с искренним раскаянием и стыдом, ибо его нельзя было назвать иначе как крайним проявлением человеческого порока и извращенности. Короче говоря, мы стали самыми настоящими раскапывателями могил.

Я не в состоянии привести здесь все подробности совершенных нами экспедиций или перечислить хотя бы малую часть тех жутких трофеев, которые «украшали» омерзительный музей, сооруженный нами в громадном каменном доме, в котором мы оба проживали — одни, без единого слуги. Трудно даже представить себе более богохульное, чудовищное творение, чем этот наш музей, в котором с сатанинским, поистине невротически-виртуозным вкусом мы собрали коллекцию образчиков кошмарных, упадочнических творений, призванных возбуждать наши пресыщенные, чувственные натуры.

Музей наш располагался в потаенном месте, расположенном глубоко под землей. Разместившиеся в нем вырезанные из базальта и оникса громадные крылатые демоны исторгали из своих перекошенных, ухмыляющихся пастей струи причудливого, оранжевого и зеленого света, а незаметно расставленные органые трубы надрывно исторгали из себя калейдоскопические мелодии танцев смерти, в которых бесновались, кружась в диких хороводах, сцепившиеся руками и смешавшиеся в кучу багровые кладбищенские твари. Из этих же труб по нашей воле вырывались столь желанные и чарующие ароматы — то запах бледных погребальных лилий, то наркотические благовония последних обитателей умерших царствующих особ Востока, а то и — Боже! я даже сейчас не могу без содрогания вспоминать об этом! — чудовищная, назиданку выворачивающая душу вонь свежеразрытой могилы.

Вдоль стен этой омерзительной палаты высились коробы с античными мумиями, среди которых, впрочем, попадались и вполне благопристойные, вполне натуралистичные, исполненные со всем мастерством таксидермиста чучела людей и животных, а то и надгробные камни, свезенные с древнейших кладбищ всего мира. Во вделанных в стены нишах покоились всевозможные черепа и даже целые головы, дошедшие до нас подчас в почти разложившемся состоянии. Там же можно было отыскать иссохшие, лысые макушки черепов известных благородных господ, равно как и свежие, лучезарно-золотистые головки только что захороненных младенцев.

В музее хранились и многочисленные статуэтки и картины, изображавшие различных зловещих существ, причем некоторые из них были делом наших собственных рук — Ст.Джона и меня самого. В закрытом, сделанном из смуглой человеческой

кожи портфеле покоились неизвестные и поистине мерзостные рисунки, которые по слухам принадлежали кисти самого Гойи, хотя последний не осмелился признать за ними свое авторство. Были там и музыкальные инструменты — струнные и духовые, металлические и деревянные, — исторгавшие из себя самые что ни на есть тошнотворные звуки, на которых Ст.Джон и я временами сотворяли весьма причудливые, часто болезненно-нелепые и омерзительно-вычурные диссонансы. Что же до встроенных шкафов эбенового дерева, то в них и вовсе покоились бесчисленные и поразительные в своем многообразии образчики плодов труда кладбищенских воров, своим безумным свойством и извращенностью способные поразить любое человеческое воображение. Там же находился и тот самый предмет, о котором мне не следовало бы никому рассказывать — слава Богу, что я успел избавиться от него еще до того, как решился наложить на себя руки!

Те хищнические вылазки, которые позволяли нам приобретать все эти невероятные «сокровища», всякий раз представляли собой поистине виртуозные и потому надолго запоминающиеся мероприятия. При этом мы отнюдь не вели себя как какие-то заурядные кладбищенские воры, но работали исключительно при особом расположении и фазе луны, очертаниях ландшафта, в должном окружении, при определенной погоде и в конкретное время года. Подобные забавы являлись для нас способом достижения самого утонченного эстетического самовыражения, и мы всегда с неизменной тщательностью заранее прорабатывали их мельчайшие детали. Неподходящий час, неподобающее освещение или отвратительное состояние влажной почвы могли совершенно свести на нет то экстатирующее, трепетное состояние, которое возникало при эксгумации некоторых особо зловещих и мрачных секретов земли. Наша тяга к новизне и пикантным условиям работы носила поистине лихорадочный, ненасытный характер — при этом Ст.Джон неизменно выступал в роли лидера и именно он привел меня к тому нечестивому, проклятому месту, которое и навлекло на нас все эти неисчислимые и неизбежные напасти.

По какому же зловещему зову рока уступили мы тогда собственному влечению и пришли на то ужасное голландское кладбище? Пожалуй, в основе всего этого лежали темные слухи и легенды, источник которых на протяжении более чем пяти столетий лежал в земле, ибо сам в свое время был кладбищенским вором, похитившим из таинственной усыпальницы хранившийся в ней зловещий предмет. Я до сих пор отчетливо помню последние мгновения, предшествующие нашему открытию: бледная осенняя луна, зависающая над могилами и отбрасывающая повсюду ужасные тени; гротес-

кные деревья, угрюмо склонившие свои спутанные ветви над зарослями неухоженной травы и рассыпающимися надгробиями; бесчисленные полчища небывало крупных летучих мышей, снующих на фоне сизовато-бледной луны; густо увитая плющом древняя церквушка, устремившая в серовато-синее небо свой громадный, призрачный палец-шпиль; фосфоресцирующие насекомые, снующие в покоем на мерцание свечи у гроба погойника беспокойном и бесконечном танце под притулившимся в дальнем конце кладбища вековым тисом; запахи влажной земли, сопревшей растительности и еще чего-то уже менее понятного, смешавшиеся с доносящимися с моря и близлежащих болот ночными ароматами; и, самое ужасное — едва уловимый, низкий, глухой лай какой-то гигантской собаки, которую мы ни разу не видели и даже не представляли себе, где именно она находится. Едва услышав тогда этот намек на слабый лай, мы невольно встрепнулись, поскольку на память сразу пришли имевшие хождение среди местных крестьян сказания — ибо тот, могилу которого мы столь усердно разыскивали и наконец отыскали, много веков назад был найден на этом самом месте, растерзанный и изуродованный когтями и зубами какого-то неведомого зверя.

До сих пор я помню, сколь энергично вгрызались мы в могилу этого кладбищенского упыря и сколь потрясло нас то, как должны были мы смотреться в те минуты со стороны: могила, бледная, наблюдающая за нами луна, чудовищные тени, причудливые деревья, титанические летучие мыши, античная церковь, танцующие мертвенные огоньки насекомых, одуряющие запахи, слегка постанывающий ночной ветер и странный, едва различимый лай неведомого существа, в самом существовании которого мы отнюдь не были тогда уверены.

Наконец наши лопаты наткнулись на что-то более твердое, чем сырая земля, и вскоре нашим взорам предстал покрытый коростой минеральных отложений полуистлевший продолговатый ящик. Впрочем, на поверку он оказался необычайно крепким и тяжелым, но нам все же удалось — хотя и с большим трудом — откинуть крышку, после чего мы с нетерпением стали всматриваться в его содержимое.

Несмотря на миновавшие с тех времен пять столетий, большая — как ни странно, но действительно большая — часть этого самого содержимого достаточно хорошо сохранилась. Скелет, хотя и истерзанный и смятый в некоторых местах челюстями неведомого существа, практически не распался на части, и мы с вожделенным любопытством взирали на чистый и белый череп, длинные крепкие зубы и пустые глазницы, которые некогда так же, как и наши собственные глаза в данный момент, горели лихорадочным, алчущим пламенем.

В гробу также лежало что-то похожее на амулет довольно странной и весьма экзотической формы, который, судя по всему, когда-то был на шее усопшего. На амулете было запечатлено символическое изображение присевшего на задние лапы крылатого зверя, а возможно, и сфинкса, с похожей на собачью мордой, и все это с типично античным восточным изяществом было вырезано из небольшого куска зеленого жадеита. Облик крылатого существа поражал своей подчеркнутой омерзительностью, словно воплотившей в себе одновременно смерть, бесстыдство и злобу. Изображение было окружено надписью, исполненной на языке, о котором ни я, ни Ст.Джон не имели ни малейшего представления, а на тыльной стороне, подобно личному клейму мастера, был выгравирован гротескный и угрожающий череп.

Едва увидев этот необычный амулет, мы сразу же решили, что он должен принадлежать только нам; что это сокровище являлось логичной и естественной наградой за копанье в этой многовековой могиле. Даже если бы его очертания носили и более таинственный характер, мы и тогда бы возгорелись желанием заполучить его. Между тем, присмотревшись к нему повнимательнее, мы обнаружили, что он нам даже отчасти знаком. Несмотря на то, что любому нормальному здравомыслящему исследователю литературы и искусства он показался бы совершенно непонятным и диковинным творением, мы сразу же поняли, что именно об этой вещице смутно намекал «Некрономикон» — запретное творение безумного араба Абдул Альхазреда. Это был зловеющий символ души, имевший хождение среди членов таинственного культа пожирателей трупов, гнездившегося где-то в Центральной Азии, в гуще недоступного и непроходимого Лэнга. Мы слишком хорошо помнили его грозные черты, описанные старым арабским демонологом, особо подчеркивавшим, что он срисовал их с некоторых темных, сверхъестественных образов душ тех существ, которые издревле терзали и грызли плоть умерших.

Изяв жадеитовый амулет, мы бросили прощальный взгляд на выбеленное, зияющее черными глазницами ликом его обладателя, после чего снова забросали могилу землей. Удаляясь от этого мрачного места — амулет лежал во внутреннем кармане Ст.Джона, — мы увидели — а может, нам это просто показалось? — огромную стаю летучих мышей, с жадностью набросившихся на недавно вывороченную нами землю и словно выискивавших в ней некое проклятое, нечестивое лакомство. Впрочем, осенняя луна светила слабо, урывками, а потому все это действительно могло нам лишь померещиться.

Следует также добавить, что когда на следующий день мы паромом покидали Голландию, возвращаясь к родным бе-

регам, нам вроде бы показалось, что мы слышим слабый, отдаленный лай какой-то огромной собаки. Но и тогда в наших ушах колыбался осенний ветер — стонущий, подвывающий, — а потому мы не могли сказать с определенностью, было ли все это на самом деле.

Менее чем через неделю после нашего возвращения в Англию, начали происходить странные вещи. Как я уже говорил, жили мы в полном одиночестве, без друзей и даже слуг, занимая несколько комнат старинного особняка, который стоял неподалеку от унылого и глухого болота, а потому нам крайне редко доводилось слышать, чтобы какой-то посетитель стучался в дверь нашего дома.

Однажды поздно вечером нас немало встревожило то обстоятельство, что в ночи действительно кто-то бродил, причем не только возле дверей, но также и под окнами! В какой-то момент, когда в окне библиотеки виднелась сияющая луна, нам показалось, что ее ненадолго заслонил некий крупный темный объект; потом у нас возникло ощущение, что мы слышим раздающиеся неподалеку от дома странные звуки — это был то ли шелест, то ли какое-то хлопзнь. Разумеется, в каждом случае мы все тщательно осматривали и проверяли, а потому под конец стали более спокойно объяснять случившееся, считая, что оно порождено лишь богатым воображением, которое все еще вызывало в нашем сознании тот слабый, отдаленный собачий лай, который мы слышали на голландском кладбище. Что же до жадитового амулета, то он хранился в одной из ниш нашего музея, и время от времени мы зажигали перед ним специальную, причудливо ароматизированную свечу. Помимо всего прочего, мы несколько раз перечитали «Некрономикон» Альхазреда, особенно те его места, где речь шла о взаимодействии душ призраков и олицетворяющих их предметов, и, надо признать, прочитанное неизменно вызывало в наших сердцах чувство заметной тревоги.

Но вскоре после этого начался настоящий кошмар.

В ночь на 24 сентября 19... года раздался стук в дверь моей комнаты. Подумав, что это Ст.Джон, я предложил стучавшему войти, но в ответ услышал лишь пронзительный хохот. Выглянув наружу, я обнаружил, что в коридоре никого нет. Я сразу же разбудил Ст.Джона, но тот уверил меня, что не имеет ни малейшего понятия о том, что случилось, и встревожился не меньше меня. Именно в ту ночь слабый, отдаленный лай над болотом стал для нас обоих конкретной и пугающей реальностью.

Четыре дня спустя, когда мы оба находились в нашем музее, до нас донесся звук осторожного, вкрадчивого царапанья, доносившийся со стороны двери, ведущей к единст-

венной потайной лестнице в библиотеку. На сей раз мы не на шутку испугались, причем к традиционному страху перед неведомым теперь примешивались заметно усилившиеся опасения, что о нашей тайной коллекции кому-то стало известно.

Погасив свет, мы подошли к двери и резким движением распахнули ее — и тут же почувствовали, как в лицо нам ударил сильный поток воздуха; кроме того мы явственно услышали затихающий вдаль звук, точнее даже причудливую смесь звуков: это было то же загадочное шуршание, сопровождающееся нелепым хихиканьем и совершенно нечленораздельным бормотанием. В тот момент мы так и не поняли, сошли ли оба с ума, пребываем ли в полном душевном здравии, или же все это нам лишь только снится. И лишь одно обстоятельство было совершенно очевидно для наших вконец напуганных рассудков, а именно то, что это бормотание было не чем иным, как невнятной речью на голландском языке.

С того самого вечера все наше существование было отмечено знаком нарастающего ужаса и одновременно какой-то нелепой, зловещей зачарованности. Чаще всего мы объясняли происходящее тем, что все эти противоестественные эксперименты попросту постепенно лишают нас обоих рассудка, хотя нередко у нас возникало соблазнительное желание посчитать себя жертвами некоего жестокого и неотвратимого рока.

Между тем странные факты и явления стали настолько частыми, что все их невозможно было даже перечислить. Наш уединенный дом словно бы наполнился существованием невидимого зловещего существа, природа которого оставалась для нас совершенно непонятной, и буквально каждую ночь ветер доносил до нас со стороны болота этот самый демонический собачий лай, который с каждым разом становился все громче и отчетливее.

29 октября мы обнаружили на мягкой почве под окнами библиотеки чьи-то следы, хотя было совершенно невозможно определить, кому именно они принадлежали. Они оставались для нас столь же неразрешимой загадкой, как и орды летучих мышей, которые стали с беспрецедентной настойчивостью и во все возрастающем количестве осажать наш старинный особняк.

Своей кульминации весь этот ужас достиг поздно вечером 18 ноября, когда Ст.Джон возвращался домой с какой-то отдаленной железнодорожной станции и был атакован неведомым плотоядным существом, чуть ли не в клочья разорвавшим его тело. Истошные вопли друга донеслись до меня, и я немедленно поспешил ему навстречу, однако смог застать лишь шелестящее хлопанье чьих-то крыльев, да заметить

черный, размытый силуэт непонятного существа, промелькнувший на фоне восходящей луны.

Мой друг явно умирал, и потому не мог хоть сколь-нибудь внятно отвечать на мои возбужденные вопросы. Единственное, на что ему хватило сил, это на то, чтобы прошептать:

— Амулет... эта проклятая тварь...

После чего окончательно затих, превратившись в груды истерзанной, окровавленной плоти.

В следующую полночь я похоронил его в одном из заброшенных садов и прочитал над могилой одно из тех дьявольских ритуальных заклинаний, которые он так любил при жизни. В те мгновения, когда я уже заканчивал последние фразы, со стороны болота снова послышалось все то же лающее завывание огромной собаки. Луна ярко светила на небе, однако я не решился поднять на нее свой взгляд, а когда заметил появившееся в районе едва различимого болота громадную, расплывчатую тень, грузно перескакивавшую с кочки на кочку, то и вовсе закрыл глаза и бросился на землю, уткнувшись в нее лицом.

Не знаю, как долго я так пролежал, однако, наконец поднявшись, с трудом доковылял до нашего — теперь уже моего — дома, где совершил один из зловещих ритуалов почитания и преклонения перед нишей, в которой покоился тот самый амулет из зеленого жадеита.

Чувство страха не позволяло мне больше оставаться одному в этом старом доме на болоте, а потому уже на следующий день я переехал в Лондон — с собой я взял лишь амулет, всю остальную же нашу нечестивую и богопротивную коллекцию сжег, а прочее — закопал в саду.

Несмотря на это, через трое суток лай возобновился, а еще через неделю я поймал себя на мысли о том, что как только за окном сгущается темнота, постоянно ощущаю на себе чей-то напряженный взгляд. Однажды вечером, выйдя на набережную Виктории, чтобы просто подышать свежим воздухом, я заметил, как что-то темное на миг заслонило в воде световой блик одного из уличных фонарей. В ту же секунду я вновь ощутил резкий порыв ветра, и только тогда до меня дошло, что та же участь, которая постигла Ст.Джона, неотвратимо надвигается и на меня самого.

На следующий день я тщательно упаковал жадеитовый амулет и пароходом отплыл в Голландию. Я совершенно не представлял, какую пользу смогу извлечь из того, что попросту верну его прежнему безмолвно спящему владельцу, однако чувствовал, что должен перепробовать все мало-мальски логичные средства. Что именно это была за собака и почему она преследовала меня, продолжало оставаться пол-

нейшей загадкой, но именно там, на старом голландском кладбище я впервые услышал тот зловещий лай, и все последующие события, в том числе и предсмертный шепот Ст.Джона, неизменно указывали на существование некоей таинственной связи между ними и фактом похищения амулета. Можно представить себе, в какую бездну отчаяния я погрузился в тот момент, когда обнаружил, что проникшие в роттердамскую гостиницу воры похитили из моего номера то самое единственное средство, с которым я теперь связывал все надежды на собственное спасение.

В тот вечер собачий лай показался мне особенно сильным, а наутро я прочитал в газете про чудовищное преступление, совершенное в одном из наиболее мрачных районов города, население которого пришло в ужас от совершенной там кровавой трагедии. Как выяснилось, все члены семьи, населявшей один из воровских притонов, были буквально в ключья растерзаны неведомым и бесследно исчезнувшим существом, а жившие по-соседству обитатели таких же трущоб заявляли, что всю ночь слышали слабый, отдаленный, непрекращающийся лай какой-то огромной собаки.

Таким образом, я вновь оказался на том же мерзком кладбище; зависавшая в небе бледная луна отбрасывала кругом жутковатые тени, голые деревья мрачно склоняли свои ветви над иссохшей, схваченной морозом травой и покосившимися надгробиями, увитая стеблями плюща церквушка насмешливо протыкала своим пальцем неприветливое небо; а над замерзшими болотами и ледяными водами моря зловеще завывал ночной ветер. Теперь собачий лай был едва слышен, а когда я приблизился к той древней могиле, которую сам же в недавнем прошлом разграбил, смолк вообще. При моем появлении в небо взмыла неестественно большая, просто громадная стая летучих мышей, перед этим настойчиво кружившая вокруг этого места.

Не знаю, пришел ли я туда лишь для того, чтобы помолиться, а может, чтобы пробормотать одно из наших безумных заклятий, прося прощения у лежавшего под землей белесого покойника; однако, как бы там ни было, я буквально набросился на эту землю, стал раскапывать ее, отбрасывая скованный морозом дерн, причем в те минуты моими действиями руководили отчасти мое собственное отчаяние, а отчасти и навязанная извне чья-то воля.

Раскопки оказались в общем-то гораздо более простым и легким делом, нежели я предполагал прежде, если не считать одного непредвиденного и довольно странного препятствия — когда с пронизанного холодом неба камнем свалился исхудавший, совсем отощавший ястреб, принявшийся неистово

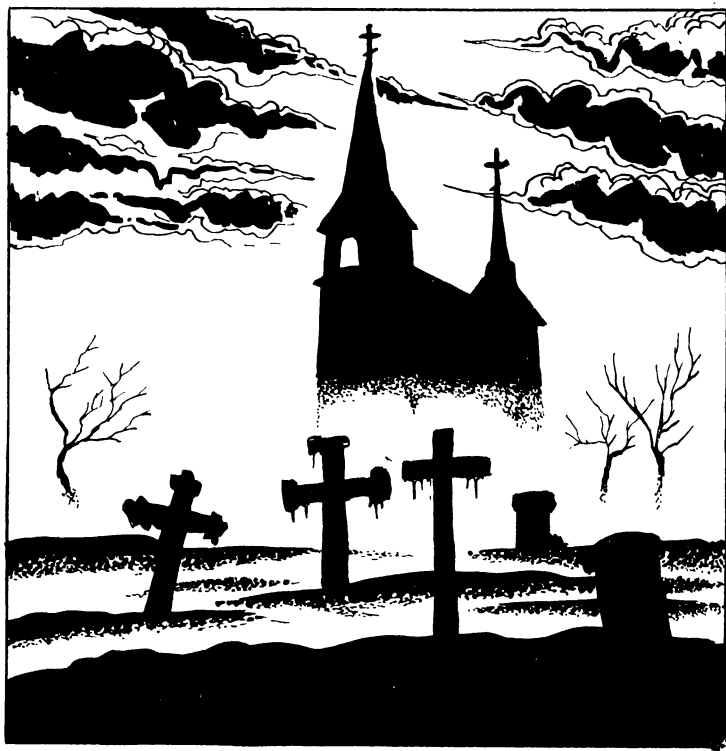
клевать и разгребать тонкими ногами лежавшие вокруг меня комья земли, покуда я не убил его ударом лопаты. Наконец я добрался до того самого продолговатого деревянного ящика и сбросил с него омерзительно осклизлую крышку. В сущности, это было последним моим осознанным и вполне разумным действием.

Внутри этого созданного много веков назад гроба облепленное телами огромных, жилистых, словно иссохших спящих летучих мышей, лежало то самое костлявое существо, могилу которого некогда разграбили я и мой ныне покойный друг. Но теперь скелет был отнюдь не таким чистым и аккуратным, каким мы увидели его в тот, первый раз — сейчас его покрывали сгустки запекшейся крови, лохмотья чужеродной плоти и волос. Из гроба на меня плотоядно взирали фосфоресцирующие глазницы, а острые, обгаренные кровью клыки алчно поблескивали, словно намекая на неотвратимо надвигающуюся на меня гибель. Когда же из этих искаженных дьявольской усмешкой челюстей вырвался низкий, сардонический лай, словно исторгнутый некоей громадной собакой, и в окровавленных, полуразложившихся руках-лапах промелькнули очертания того самого утерянного мною рокового жадеитового амулета, я едва нашел в себе силы издать истошный вопль, после чего со всех ног бросился прочь от того места, перемежая панические крики всполохами истеричного хохота.

Скачет безумие, оседлавшее звездный ветер... за долгие века пожирания трупов отточились зубы и когти... кровавая смерть каплями стекает на летучих мышей, устроивших свою очередную оргию над черными как ночь развалинами захороненных храмов Белиала... Сейчас, когда чудовищный лай той мертвой, бестелесной твари с каждой минутой становится все громче и громче, а шелест и хлопанье проклятых перепончатых крыльев все быстрее приближается ко мне, заряженный револьвер остается моим единственным средством к спасению и забвению, способному избавить меня от неведомой мне, а пожалуй и вообще не имеющей названия злобной силы.

Х.Ф.ЛАВКРАФТ

НЕСКАЗАННОЕ

9. Тварь у порога

Мы сидели на старом кладбище в Эрхеме, на полуразрушенном надгробии семнадцатого века и спорили о том, что обычно называют «несказанным». Осенний день близился к концу. Глядя на огромную иву, ствол которой почти опрокинул старую надгробную плиту со стершейся надписью, я неожиданно для себя вслух подумал о том, чем жуткая кладбищенская почва должна была питать мощные корни. Мой друг упрекнул меня за подобные мысли и сказал, что раз новых захоронений здесь не происходило уже больше века, то почва и, следовательно, питание деревьев были вполне обыкновенными. Кроме того, добавил он, мои постоянные рассуждения о непостижимом и несказанном были довольно примитивным приемом, впрочем вполне соответствующим уровню моих весьма скромных литературных успехов. Я чересчур часто заканчивал свои рассказы картинами или звуками, парализующими героев, лишаящими их дара речи, храбрости, способности оценить или связно пересказать случившееся. Мы воспринимаем окружающий мир, утверждал он, только посредством наших пяти органов чувств или следуя догмам религиозного учения. Поэтому невозможно найти какой-либо предмет или явление, которые нельзя было бы описать, как совокупность реальных научных фактов, или объяснить с помощью правильных теологических построений — желательно конгрегационалистских*, какие бы ответвления основной концессии ни преподносили нам история и сэр Артур Конан Дойл**.

С этим моим другом, Джозелом Мэнтоном, мы всегда любили поспорить. Он был директором Восточного колледжа в Бостоне — типичный представитель Новой Англии, самодовольный и невосприимчивый к таинственным нюансам жизни. Он был убежден, что эстетическое значение имеет лишь наш нормальный, объективный чувственный опыт, следовательно, задача художника — не столько нагнетать страсти, живописуя стремительную смену событий, экстаз или чуда, сколько постоянно поддерживать спокойный интерес читателя к аккуратным, детальным описаниям повседневной жизни. Особенно возражал он против моего чрезмерного увлечения мистическим и необъяснимым, потому что, хотя сам и верил в сверхъестественное больше меня, ни за что не хотел признать, что оно вполне уместно в качестве объекта литературного исследования. Ему, педанту с практическим, ло-

* Конгрегационалисты — сторонники и участники религиозного учения, возникшего в XVI в. в Англии.

**Известен как не только выдающийся писатель, но и творец мистического учения христианского толка.

гическим складом мышления, было трудно понять, что человеческий разум может находить удовольствие в том, чтобы отрешиться от повседневности, окунуться в мир непостоянных, изменчивых драматических образов, которыми призыва и усталость не дают нам насладиться в рамках тривиального бытия. Для него все вещи и чувства имели четко определенные размеры, свойства, причины и следствия. И, хотя в глубине души он понимал, что наш мозг иногда порождает видения и чувства, которые не так-то легко измерить, классифицировать и объяснить, он считал себя вправе ограничивать литературный поиск, отмечая все, что не в состоянии испытать и понять среднестатистический гражданин. Кроме того, он был почти уверен, что в действительности ничего «несказанного» не существует. Для него в этом не было смысла.

Я прекрасно понимал, что художественные и метафизические аргументы бессильны против самодовольства ортодоксального обывателя, что-то в сегодняшнем разговоре побудило меня пойти дальше нашей обычной пикировки. Разрушающиеся серые плиты, огромные деревья, старинные двускатные крыши патриархального городка, хранящего колдовские легенды, — все это вдохновляло меня, и я решил отстаивать свою литературную позицию, обрушив вскоре целую серию ударов на моего оппонента. Начать наступление было нетрудно, так как Джоэл Мэнтон и сам был отчасти привержен самым невежественным предрассудкам, которые чужды людям более развитым, — например, о том, что мертвецы могут вставать из могил и появляться в самых неожиданных местах или что старые окна хранят отражения лиц покойников, смотревших в них при жизни. Верить в нашептывания деревенских старух, утверждал я, — значит, допускать возможность существования духа вне его материальной оболочки или после ее разрушения. То есть это аргумент в пользу существования явлений, не объяснимых с точки зрения нормальных повседневных понятий. Потому что, если мы признаем, что покойник способен переносить через полмира или сквозь века свой зрительный и даже осязаемый образ, то как же можно отрицать, что покинутые дома населены духами или что на старых кладбищах живет бесплотный разум ушедших поколений? И если дух, во всех приписываемых ему проявлениях, не подчиняется законам материального мира, что же особенного в моем предположении о том, что души умерших продолжают жить, принимая определенные формы и образы или даже без них? И почему такие явления надо с тайным страхом и отвращением называть «несказанное»? Так называемый здравый смысл, мягко увещевал

я, неприменим при рассмотрении этих феноменов, обращен к нему призваны лишь скрыть нехватку воображения и косность ума.

Вечерело, но нам не хотелось прерывать разговор. На Мэнтонна мои аргументы, похоже, не произвели большого впечатления, и он намеревался опровергнуть их с присущей ему убежденностью в своей правоте, немало способствовавшей его преподавательским успехам. Я же чувствовал, что правда на моей стороне, и не собирался сдаваться. Сумерки сгустились, в отдаленных окнах стали зажигаться огни, но мы не двигались с места. Мы удобно устроились на старой плите, и я был уверен, что моего прозаически мыслящего друга не тревожат ни глубокая трещина в зарастающем сорняками каменном надгробии рядом с нами, ни густая тень от построенного еще в семнадцатом веке, а ныне разрушающегося, безлюдного дома, стоявшего между нами и ближайшей освещенной дорогой. Итак, в темноте на разбитой могиле у заброшенного дома мы рассуждали о «несказанном», и когда мой друг истощил свой запас колкостей в мой адрес, я рассказал ему о некоторых фактах, по которым был написан один из моих рассказов, казавшийся ему особенно нелепым и смехотворным.

Эта вещь под названием «Окно на чердаке» была впервые опубликована 22 января 1922 года в «Уисперс». Во многих местах, особенно на Юге и на Западном побережье, журнал был изъят из продажи из-за жалоб некоторых слабонервных. Но в Новой Англии обывателей трудно чем-нибудь пронять, они только пожимали плечами, читая мое невероятное повествование. Возражения же критиков против моего рассказа строились прежде всего на том, что все это невозможно по законам биологии. Очередная деревенская сказка, из тех, которые легковерный Коттон Матер занес в свою бессистемную Великую Американскую Христианскую энциклопедию, настолько недостоверная, что он даже не посмел точно назвать место, где ужасные события якобы происходили. А уж что касается моей интерпретации сделанного им наброска давней легенды, — так это уже не вписывается ни в какие рамки, типичный пример взбалмошного, витающего в облаках графомана. Матер хотя бы описал только факт рождения этого страшного существа. И только такой бульварный охотник за сенсациями, как я, мог додуматься до того, чтобы расписывать, как оно растет, заглядывает по ночам к людям в окна, прячется на чердаке дома, пока некто через столетие не заметил его там и не поседел от кошмарного зрелища, которое потом даже не смог описать. Все это — вопиющая безвкусица, повторял и мой друг Мэнтон. Тогда я рассказал

ему, что среди бумаг моей семьи, жившей неподалеку от того места, где мы находились, я случайно нашел дневник 1706-1723 годов, подтверждающий мою историю. Также я давно знал о своеобразных шрамах на груди и спине одного из моих предков, и они были точно описаны в дневнике. Я упомянул и о страхах местных жителей, и о вполне реальном молодом человеке, сошедшем с ума после того, как он вошел в заброшенный дом, чтобы обследовать останки, которые, по его предположениям, должны были там находиться.

Это было жуткое происшествие — неудивительно, что чувствительные историки содрогаются, изучая нравы пуританской эпохи в Массачусетсе. На поверхности все было гладко, но если подумать о том, что происходило втайне от посторонних глаз, то даже самых незначительных свидетельств достаточно, чтобы обнаружить страшный, мучительный, гигантский гнойник. Охота на ведьм — это лишь луч, высвечивающий то, что творилось в головах у людей, в сравнении с чем даже вера в колдовство покажется пустяком. Не было красоты, не было свободы — об этом можно судить по архитектуре, предметам быта и сохранившимся проповедям тогдашних духовников. Но под ржавой смирительной рубашкой внешних приличий процветали уродства, извращения, сатанизм. Вот где действительно — «несказанное»!

В своей демонической шестой книге энциклопедии, которую лучше не читать после наступления темноты, Коттон Матер описывает тот кошмар, называя все вещи своими именами. Непреклонный, как ветхозаветный пророк, он невозмутимо поведал о животном, породившем на свет полуживотное-получеловека с бельмом на глазу, и о несчастном пьяном бродяге, которого повесили за то, что у него было такое же бельмо. Но смело описав этот факт, Коттон не пошел дальше. Может быть, он не знал, что произошло впоследствии, может, знал, но не смел сказать. Многие знали, но не смели говорить. Иначе как объяснить обилие сплетен о том, что некий бездетный, одинокий и озлобленный человек поставил серую плиту без надписи над обходимой всеми могилой и еще скрывал что-то под замком у себя на чердаке. Если собрать вместе все эти избыливающие недомолвками легенды, то и у самых отъявленных смельчаков волосы встанут дыбом.

Все это изложено в дневнике моего предка — все намеки и запретные предания о чудовище с бельмом на глазу, которое видели ночью в окнах или на пустынных лужайках около леса. Что-то напало на моего предка на тропе через темную лесную долину, и с тех пор у него остались шрамы от рогов на груди и от когтей на спине, а когда обеспокоенные поселенцы рассмотрели отпечатки шагов в пыли, то обнаружили

следы раздвоенных копыт и человекоподобных лап. Сохранился рассказ почтового курьера о том, что однажды, просезжая на заре мимо Медоу Хилл, он заметил на опушке какого-то старика, который звал и пытался поймать невиданное, невесомое существо; многие ему верили. И еще, когда в 1710 году тот зловещий старик умер, его похоронили в склепе за его собственным домом, неподалеку от установленной им безымянной могильной плиты. Если все это — досужие сплетни, то почему никто так и не решился открыть ведущую на чердак дверь, и дом остался пустым и необитаемым? А когда из покинутого дома доносился непонятный шум, все испуганно крестились и щептали, что замок на дверях чердака должен быть достаточно крепким. Однако их надежды не сбылись — однажды ночью чудовище ворвалось в дом священника, оставив после себя только обезображенные трупы. С годами предания утратили былую фактическую достоверность — по видимому, это существо, если только оно действительно жило на свете, умерло. Но страшные легенды о нем остались, еще более страшные от того, что они считались запретными, и в них было столько неясного.

Постепенно мой друг Мэнтон притих, и я видел, что мое повествование произвело на него значительное впечатление. Когда я сделал паузу, он не рассмеялся, но совершенно серьезно спросил о том молодом человеке, который сошел с ума в 1793 году и которого я сделал главным героем своего рассказа. Я объяснил своему другу, зачем этот юноша пошел к заброшенному дому, заметив, что это должно было его заинтересовать, ведь он тоже верит, что старые окна сохраняют отражения тех, кто в них смотрел. Юноша хотел взглянуть на окна чердака, предания об обитателе которого наводили ужас на всю округу, и прибежал обратно с безумными криками.

Мэнтон задумался на минуту, но его аналитический ум не хотел сдаваться. Он был готов, из уважения к моим аргументам, допустить реальность существования некоего монстра, но оговаривался при этом, что даже самые жуткие природные аномалии не следует считать «несказанными» или научно необъяснимыми. Трудно было отказать ему в настойчивости и логике, но у меня в запасе было еще несколько свидетельств старожилов. Эти более современные предания описывали невероятные явления, более страшные, чем любое мыслимое создание природы: гигантские звероподобные существа, иногда видимые, а иногда только осязаемые, рыскали по ночам вокруг заброшенного дома и склепа за ним, вокруг безымянной могилы под серой плитой, из-за которой уже пробился росток. Эти ничем не подтвержденные предания

по-прежнему наводят страх на стариков, но почти забыты последними двумя поколениями. Они не дают точных свидетельств о том, были ли подобные видения причиной гибели людей, но все же их не так-то легко сбросить со счетов. Более того, если теория признает, что душа — это психологический портрет человека, отражение его мыслей и чувств, то нельзя забывать, что любое отражение, в том числе и это, может быть искажено. Тогда какое же жуткое зрелище должно представлять собой искаженное отображение психики противостественного монстра, чудовищной ошибки природы. Большое порождение мертвого мозга ненормального гибрида — не стал бы такой бестелесный кошмар тем самым «несказанным», во всей его отвратительной неприглядности?

Стало совсем темно. Бесшумная летучая мышь задела меня крылом. Должно быть, она коснулась и Мэнтон, я почувствовал в темноте, как он взмахнул рукой. Потом он спросил меня:

— А этот дом, с окном на чердаке, он все еще необитаем?

— Да, — ответил я. — Я был внутри.

— И вы нашли там что-нибудь, на чердаке или где-то еще?

— На чердаке под крышей были кости. Вероятно, их-то и видел тот юноша. Для чувствительного человека этого было бы вполне достаточно. Если все они принадлежали одному существу, то это действительно был монстр, который и в кошмарном сне не привидится. Было бы преступно оставить такие кости в этом мире, поэтому я вернулся туда с мешком, собрал их и отнес к могиле за домом. В надгробии была щель, и я спустил их туда. Не думайте, что это — мои причуды. Если бы вы их только видели! На черепе были четырехдюймовые рога, но при этом лицо и челюсть, как у нас с вами.

Наконец-то я почувствовал, что Мэнтон задрожал, придвинулся поближе ко мне. Но его любопытство было неистребимо:

— А окна?

— Они не сохранились. В одном рама была вырвана целиком, в других уже не было ни куска стекла. Там старинные окна, шестиугольные, ячеистые, такие перестали делать еще в семнадцатом веке. Думаю, уже лет сто назад, или даже больше, там не оставалось стекол. Может быть, юноша перебил их в шоке, во всяком случае, предания ничего об этом не говорят.

Мэнтон задумался.

— Я бы хотел увидеть этот дом, Картер. Где он? Есть там стекла или нет, но его надо обследовать. И могилу, куда вы спрятали кости, и ту, другую, с плитой без надписи, — в этом наверняка что-то кроется.

— А вы его видели — до того, как стемнело.

Оказалось, что мой друг воспринял эту историю куда более серьезно, чем предполагал, просто до сих пор ему удавалось скрывать свое волнение. Однако от моего достаточно невинного театрального приема он вдруг нервно шарахнулся в сторону и отчаянно закричал, хрипло, как будто его душили. К нашему ужасу, тут же последовал ответ. Это не было эхо, в темноте раздался скрип, и я понял, что открывается ячеистое окно в проклятом доме напротив нас. Я убежден, что это окно — на чердаке, в других рамы давно уже выпали или сгнили.

А потом со стороны ужасного дома налетел порыв тлетворного ледяного воздуха, и рядом со мной, над разбитой могилой человека и монстра, раздался пронзительный крик. В следующий момент я был сброшен наземь безжалостным ударом невидимого, непонятного, но реально осязаемого огромного существа. Я лежал ничком на покрывавших кладбищенскую почву могучих корнях, вслушивался в глухой рокот и шумное дыхание и с ужасом представлял себе, какие еще бесчисленные легионы исчадий ада таятся в непроницаемой темноте. Пронесся сухой леденящий вихрь, затем послышался звук падающих кирпичей и глины. К счастью, я потерял сознание и был избавлен от дальнейших открытий.

Мэнтон, хотя он и меньше меня, оказался выносливее. Он пострадал куда больше, но глаза мы открыли одновременно. Наши кровати стояли рядом, и через несколько секунд мы уже знали, что находимся в больнице Святой Марии. Сгорающие от любопытства сиделки, собравшиеся вокруг нас, рассказали, как мы попали к ним, надеясь взамен услышать всю историю в подробностях. Оказалось, один фермер нашел нас в полдень на отдаленном лугу за Медоу Хилл, где, говорят, раньше располагалась бойня, примерно в миле от старого кладбища. У Мэнтонна были две зловещие раны на груди и несколько менее серьезных порезов на спине. Я отделался только царапинами и ушибами, но очень своеобразными, а один из них напоминал отпечаток раздвоенного копыта. Было ясно, что Мэнтон помнит больше меня, но он ничего не сказал заинтригованным врачам до тех пор, пока не узнал, какие именно раны у него обнаружили. Тогда он рассказал, что на нас напал невероятно громадный бык, — но описать его или объяснить, откуда он появился, было невозможно.

После того, как врачи и сиделки ушли, я с затаенным страхом прошептал:

— Господи, Мэнтон, но что это было? Эти шрамы — он был похож... на то, о чем мы говорили?

Я был почти уверен з его ответе и уже ничему не удивился бы.

— Нет, совсем не то. Оно было кругом — как желе, как туман, но все время в разных формах; тысячи форм, за ними невозможно было уследить. Но я точно помню, там были глаза — и бельмо! Это яма — бездна, отвратительный кошар! Картер, это было что-то... несказанное.

Х.Ф.ЛАВКРАФТ

ОБИТАТЕЛЬ ТЬМЫ

Посвящается Роберту Блоху

Я видела, как разверзлась темная вселенная,
Где без цели вращаются черные планеты, —
Где они вращаются, оставленные без внимания,
Никому не известные, всеми забытые, безымянные.
Немезида

Даже самый дотошный следователь не решился бы оспаривать общее мнение, что Роберт Блейк был убит молнией, точнее, погиб в результате сильного нервного шока, вызванного электрическим разрядом. Конечно, никто не спорит, что окно, лицом к которому он сидел, было разбито, но выражение ужаса на его лице могло появиться в результате неизвестного мышечного спазма, а вовсе не потому, что он что — то увидел перед смертью. Записи в дневнике Блейка свидетельствовали о его необузданном воображении, подогреваемом определенными местными суевериями и некоторыми событиями, происшедшими в древние времена, о которых Роберту удалось узнать.

Что же касается страшных событий, якобы происходивших в заброшенной церкви, расположенной на Федеральном холме, то проницательный психиатр не замедлил бы приписать их некоему шарлатанству, к которому Блейк явно имел подспудное влечение.

Всем известно, что погибший был писателем и художником. Он целиком посвятил свое творчество всевозможным мифам, грезам, тайнам, ужасам и суевериям. А в жизни страстно стремился к поискам всего необычайного. Он верил, что природа полна тайнами и загадками.

Первый приезд Блейка в этот город — посещение странного старика, который занимался запрещенными оккультными науками, — закончился среди смерти и пламени, и совершенно очевидно, что какой-то болезненный интерес заставил Роберта снова приехать сюда из своего родного Милуоки. Ему наверняка было что-то известно о том, о чем здесь говорили только намеками.

В дневнике писателя содержались любопытные сведения, заслуживающие внимания, которые и нашли отражение в нашем повествовании.

Среди тех, кто изучал и приводил в порядок все факты, собранные по этому делу, нашлись люди, которые не придерживались рационального и общепринятого мнения. Они были склонны принимать все содержащееся в дневнике за чистую монету. В частности, они указывали на неопровержимую подлинность архива старой церкви, на подтвержденное документально существование до 1877 года неортодоксальной религиозной секты Старри Уисдома; указывали на таинственное исчезновение в 1893 году не в меру любопытного журналиста

по имени Эдвин М. Лиллибридж. И наконец, помимо уже сказанного, нельзя сбрасывать со счетов, как утверждали эти люди, преобразившегося до неузнаваемости лица молодого писателя, каким его увидели после смерти. Среди людей, на верящих в смерть Блейка от удара молнии, особенно выделялся один человек, который в приступе слепого фанатизма сбросил в залив камень с причудливо обточенными углами и металлический ящик, покрытый странной резьбой. Эти вещи были найдены в колокольне старой церкви, черной колокольне без окон, а вовсе не в башне, где по записям в дневнике Блейка и происходили таинственные события. И хотя его осуждали, этот человек, всеми уважаемый в городе врач, уделявший большое внимание старинному фольклору, доказывал, что своим поступком спас мир от губительной угрозы.

Итак, читатель, вот две точки зрения. Одним больше по нраву факты, изложенные подробно с изрядной долей скепсиса в документах. Зато для других важнее то, как сам Роберт Блейк видел события или воображал, что видел. Давайте же тщательно изучим дневник Блейка и беспристрастно на досуге рассмотрим загадочную цепь событий с точки зрения ее главного участника.

Молодой Блейк вернулся в Провиденс в конце зимы 1934 года и поселился на втором этаже старинного особняка, возвышавшегося на гребне холма невдалеке от студенческого городка Университета им. Брауна, позади построенной из мрамора библиотеки Джона Хейя. Это было очень уютное, очаровательное место, маленький зеленый оазис с садами и лужайками, напоминающий сельскую местность, где огромные ласковые кошки грелись на солнце, удобно устроившись на крышах небольших домиков. Особняк имел крышу со световым фонарем, классический портал, украшенный резьбой, решетчатые окна и другие особенности архитектурного стиля конца XVIII — начала XIX веков. Внутри особняка были филенчатые двери, пол был выложен широкими половицами. На второй этаж вела винтовая лестница, а камин — отделан резным камнем. Анфилада комнат в задней части дома располагалась на три ступени ниже, чем комнаты в передней его части.

Кабинет Блейка представлял собой огромную комнату, окна которой с восточной стороны выходили на расположенный внизу сад, а у окон, обращенных на запад, стоял стол Роберта. Оттуда открывался удивительный вид на лежащий внизу город, и крыши его домов пламенели в лучах заходящего солнца. Далеко на горизонте виднелись поросшие травой и деревьями склоны, а в нескольких милях поднимался призрачный черный хребет Федерального холма, где беспорядочно толпились дома и колокольни, чьи отдаленные очертания таинственно клубились, приоб-

рета фантастические формы. Когда в безветренную погоду дымы города круто поднимались вверх, Блейка каждый раз охватывало странное чувство — он словно видел перед собой неизвестный, неземной мир, который может внезапно исчезнуть, если он не попытается туда добраться.

Из дома Блейку, по его просьбе, переслали любимые книги, здесь же он купил старинную мебель, которая гармонировала с новым жильем, и он с упоением принялся работать, живя в полном одиночестве и выполняя все посильные обязанности по хозяйству самостоятельно. Студия Роберта находилась в мансарде в северной части дома, где свет от стеклянного фонаря на крыше создавал неповторимое освещение. В течение этой зимы он написал четыре из наиболее известных коротких рассказов: «Постигший тайну», «Лестница, ведущая в склеп», «Юдоль печали» и «Звездный пришелец», а также семь картин, сюжетами которых стали фантастические чудовища и космические пейзажи.

Во время заката он обычно сидел за письменным столом и любовался расстилающимся перед ним ландшафтом — темными башнями мемориального здания, колокольной здания суда, величественными остроконечными скалами и мерцающим вдалеке остроконечным холмом. Лабиринты улиц и дома вызывали у Блейка самые романтические фантазии. От немногих знакомых в городе он узнал, что отдаленный склон холма является кварталом, заселенным итальянцами, хотя многие дома были давно построены американцами и ирландцами. Временами он рассматривал заинтересовавший его холм в бинокль, пытаясь разгадать этот недостижимый мир, клубившийся в тумане. Он мог видеть отдельные крыши и трубы на них и представлял себе нечто таинственное и неизвестное, спрятанное среди холмов и колоколен. Даже через бинокль Федеральный холм казался нереальным, полужантасическим местом, удивительно напоминавшим Блейку его собственные нереальные истории и картины. Это чувство не оставляло его даже в наступивших сумерках, когда здание суда было залито огнями, холм не виден, а свет маяка делал ночь еще более черной.

Больше всего внимание Блейка занимала огромная мрачная церковь. Ее хорошо можно было разглядеть в определенные дневные часы, а во время заката огромная башня и конусообразная колокольная мрачно темнели на фоне пламенеющего неба. Казалось, что церковь стоит на очень высоком фундаменте, поскольку ее закопченный фасад с покатой крышей и верхней частью огромных узких окон высоко вздымался над окружающим сплетением домиков и печных труб. В высшей степени мрачная и аскетичная, церковь хранила на себе следы непогоды и штормов, которые выдерживала в течение века, а может быть, и больше. Что касается стиля, то, насколько можно

было судить, глядя на церковь в бинокль, он свидетельствовал о возврате к готике, хотя и нес в себе некоторые черты архитектурного ансамбля начала XIX века. Вероятнее всего, церковь была воздвигнута в 1810 или 1815 году.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как Блейк поселился в этом особняке, но далекое мрачное строение вызывало в нем все больший интерес. Поскольку он никогда не видел света в огромных окнах церкви, то был убежден, что она заброшена. Чем больше Роберт смотрел на нее, тем сильнее разыгрывалось его воображение, пока на ум не стали приходить совершенно фантастические мысли. Казалось, странная атмосфера разрушения витает над этим местом, потому что даже голуби и ласточки старались держаться от церкви подальше. На других колокольнях и башнях он видел огромное количество этих птиц, но ни одна из них не гнездилась на закопченных карнизах старой церкви. По крайней мере, так он думал и об этом написал в своем дневнике. Он попытался узнать что-либо о церкви у своих друзей, но ни один из них никогда не был на Федеральном холме и не имел ни малейшего представления о том, что она из себя представляла.

Ранней весной Блейка охватило глубокое беспокойство. Он начал работать над давно задуманным романом, в основу которого был положен сюжет о предполагаемом тайном существовании культа черной магии в Майне, но работа не спорилась. Все чаще и чаще он сидел у окна и смотрел на далекий холм с черной мрачной колокольней. Когда первые ласточки появились в саду около дома Блейка и весь мир наполнился красотой расцветающей весны, беспокойство, охватившее Блейка, стало еще сильнее. Именно тогда им завладело желание пересечь город, вскарабкаться на этот загадочный холм и попасть, наконец, в причудливый мир своей мечты.

В конце апреля, незадолго до пресловутой Вальпургиевой ночи, Блейк совершил первое путешествие в неизвестное. Пройдя по бесконечным улочкам и унылым обветшалым площадям города, он оказался возле поднимающейся вверх широкой лестницы со стершимися от времени ступенями, обрамленной провисшими дорическими портиками. Именно она, как ему чудилось, должна привести в такой желанный и недостижимый мир его грез. Вокруг были выцветшие белоголубые дорожные знаки, которые ему ни о чем не говорили; он заметил загадочные, темные лица людей, проходящих мимо, надписи на незнакомом языке над угрюмыми магазинами в мрачных обветшалых домах. И нигде он не обнаружил признаков того, что видел из окна своего дома в бинокль. Поэтому ему еще раз показалось, что Федеральный холм — это нереальный мир, куда невозможно попасть простому смертному.

То там, то здесь на глаза Блейку попадались фасады церквей или колоколен, но ни одна из них не была той, которую он искал. Когда Роберт, наконец, спросил владельца небольшого магазинчика об огромной каменной церкви, человек в ответ улыбнулся и покачал головой, сделав вид, что не понял его, хотя говорил по-английски достаточно хорошо. Блейк продолжал идти дальше, затерянный в беспорядочном лабиринте темных аллей. Однажды ему показалось, что где-то невдалеке мелькнул силуэт знакомой башни. Тогда он еще раз спросил у прохожего об огромной каменной церкви, и на этот раз Блейк мог бы поклясться: тот притворился непонимающим. Но на его темном лице явно читался страх, который он пытался скрыть, кроме того, Блейк заметил, что незнакомец сделал какой-то непонятный знак правой рукой.

И вдруг слева неожиданно выросла черная громада здания, как бы нависающая над мрачными крышами домов. Блейк сразу узнал его и бросился через неопрятные, незамощенные переулки в ту сторону. Дважды он терял дорогу, но больше уже не отважился спрашивать о церкви ни у женщин, сидящих возле дверей своих домиков, ни даже у детей, играющих в придорожной пыли.

Наконец, в конце аллеи Блейк увидел темную громаду башни. К этому времени он стоял на продуваемой всеми ветрами площади, причудливо вымощенной булыжником. С противоположной стороны поднималась высокая каменная стена. Это был конец его поисков, потому что наверху, на насыпи, обнесенной железной изгородью, возвышалось мрачное огромное здание, и хотя Блейк никогда не видел его с этой стороны, он точно знал: перед ним старая церковь.

Она выглядела страшно запущенной. Некоторые из огромных каменных контрфорсов обрушились, а флероны лежали, наполовину заросшие сорняками и травой. Грязные стрельчатые окна почти все были целы, хотя большая часть каменных средников была утеряна. Блейка поразило, что расписанные оконные стекла в церкви сохранились, хотя он прекрасно знал повадки мальчишек, в какой бы части света они ни жили. Массивная дверь была плотно закрыта.

Здание опоясывала ржавая железная изгородь, а ворота, расположенные на верхних ступенях лестницы, поднимающейся с площади, были явно закрыты на замок. Дорожка, ведущая от ворот к зданию, давно заросла чертополохом. От этого места веяло мертвым одиночеством и разрушением. Даже от карнизов, где уже давно не гнездились птицы, от черных, захопченных стен на Блейка повеяло чем-то зловещим, чему он не мог дать разумного объяснения.

На площади находился всего несколько человек, но Блейк

вдруг заметил в другом ее конце полисмена и тут же подошел к нему с вопросом о церкви. Это был огромного роста ирландец. Когда Блейк спросил его о церкви, тот поспешно осенил себя крестом и промямлил, что люди здесь никогда не говорят о ней вслух. Когда же Роберт все-таки заставил его говорить, полисмен поведал о том, что итальянские священники предупредили всех: церковь однажды посетил Сатана и навсегда ее осквернил. Лично до него дошли кое-какие слухи от отца, который запомнил некоторые события из своего детства.

В старые времена здесь была некая страшная секта вероотступников, которая умела вызывать потусторонние силы из мрака ночи. Нужен осененный особой благодатью священник, который мог бы изгнать отсюда нечистую силу, хотя многие считают, что лучше всего пустить в ход огонь. Если бы отец О'Молли был жив, он смог бы многое пересказать об этом деле. Но лучше всего оставить все, как есть. Сейчас церковь не причиняет никому зла, а те, кто ею владел, либо умерли, либо уехали далеко отсюда. Они убежали, как крысы, после того, что случилось в 1877 году — время от времени стали исчезать в их краях люди, и администрация города пригрозила владельцам церкви расплатой. Когда-нибудь наступит день, и город постепенно доберется до этого места, но лучше бы его не трогать. Лучше оставить церковь на годы, пока она сама не разрушится до основания, иначе можно опять невольно вызвать к жизни то, что должно оставаться в преисподней.

После того, как полисмен ушел, Блейк остался стоять и долго смотрел на мрачно возвышающееся здание. Его невольно взволновал тот факт, что и другие чувствуют в этой церкви что-то зловещее так же, как и он сам, и ему страшно захотелось узнать, есть ли хоть капля правды в словах, сказанных полисменом. Может быть, это просто легенды, возникшие из-за того, что это место просто выглядит таким зловещим? Но в любом случае они страшно перекликались с одной из его собственных фантазий.

Солнце выглянуло из-за облаков, но, казалось, даже оно не могло осветить грязные, закопченные стены старого храма, который возвышался на насыпи. Было странно видеть, что весна не коснулась жухлой и блеклой травы, росшей во дворе церкви за высоким забором. Блейк даже не заметил, как оказался наверху. Он стоял и рассматривал ржавую ограду, пытаясь найти хоть какой-нибудь проход внутрь. Этот черный храм непреодолимо манил его к себе, и он не мог сопротивляться внезапно возникшему чувству. Около ступеней не было никакого прохода, но с северной стороны Блейк заметил, что в ограде не хватает нескольких планок. Он поднялся на последнюю ступеньку и пошел вокруг ограды по узенькой тропинке, пока не нашел достаточно широкую щель в ограде.

Люди смертельно боялись этого места, и вряд ли кто-нибудь помешает ему туда пробраться.

Он уже почти пролез внутрь, когда его заметили с площади. Невольно обернувшись, Блейк увидел, что несколько людей быстро бегут с площади в противоположном от храма направлении, как захлопнулись несколько окон, а какая-то толстая женщина выскочила на улицу, схватила за руки двоих маленьких детей и потащила их в обветшалый, давно не крашенный домишко.

Проход в ограде был достаточно широк, и Блейк без труда проник через него. Через минуту он уже шел по спутанной жухлой траве внутреннего двора. То здесь, то там ему попадались останки надгробий. Он догадался, что здесь когда-то было кладбище, но, наверное, очень давно. Вблизи громада здания действовала на него угнетающе, но он, справившись с этим чувством, подошел вплотную к массивным дверям церкви, попытался их открыть, но скоро понял, что они заперты на замок. Тогда Блейк пошел вокруг здания, надеясь найти хоть какую-нибудь возможность проникнуть в него. Честно говоря, Роберт и сам не мог точно сказать, хочет ли он действительно войти в церковь, но какая-то сила влекла его, и он действовал почти автоматически.

Наконец, Блейк наткнулся на открытое окно подвала, которое предоставило ему возможность проникнуть в здание. Сначала он просто заглянул вниз. Его взгляду предстал всякий хлам: старые бочки, поломанные ящики и обломки мебели — на них лежал толстый слой пыли, который сглаживал все острые очертания. Ржавые останки канальной печи свидетельствовали о том, что церковью пользовались еще в среднюю викторианскую эпоху.

Действуя почти бессознательно, Блейк пролез через окно и ступил на покрытый толстым слоем пыли цементный пол подвала церкви. Это было довольно вместительное помещение без каких-либо перегородок, а в правом углу виднелся сводчатый проход — за ним была лестница, ведущая в верхние помещения церкви. Блейку стало не по себе от сознания, что он находится внутри этого мрачного строения. Он нашел среди бочек более-менее целую, подкатил ее к открытому окну, чтобы обеспечить себе путь для отступления, если случится что-нибудь непредвиденное. Затем, взяв себя в руки, он пересек широкое, опутанное паутиной пространство подвала и подошел к лестнице. Кашляя и задыхаясь от поднятой им пыли, весь опутанный паутиной, он стал медленно подниматься по стертым каменным ступеням уходящей в темноту лестницы. Блейк не захватил с собой фонаря, поэтому продвигался вперед на ощупь. Вдруг, после поворота, он наткнулся на дверь, немного повозился с замком и толкнул ее. Дверь открылась, и перед ним предстал слабо освещенный коридор, стены которого были отделаны деревянными панелями, изъеденными червями.

Теперь, очутившись на первом этаже церкви, Блейк действовал более уверенно. Все внутренние двери были открыты, и он без труда переходил из помещения в помещение. Огромный неф церкви производил жуткое впечатление, поскольку все вокруг — церковные скамьи с высокими спинками, песочные часы, алтарь, резонатор и кафедра — было покрыто толстым слоем пыли, с арок галерей свешивались огромные клубы паутины, она также обвивала ряд готических колонн. Все это было освещено слабым солнечным светом, который едва проникал через огромные, почти черные оконные стекла и косо ложился на апсиду — алтарный выступ.

Роспись окон была сильно запачкана сажей, и Блейк почти не мог разобрать, что она собой представляет. Однако некоторые рисунки он сумел разглядеть, но они ему не понравились. Рисунки были на первый взгляд традиционными, однако знание Блейком христианской символики позволило ему понять их напряженность. Некоторые святые были представлены явно в искаженном виде. На одном из окон было изображено черное пространство, пронизанное спиралями очень ярких линий, отвернувшись от окна, Блейк заметил, что покрытый паутиной крест над алтарем имеет какой-то странный вид и не похож на традиционный, а скорее напоминает анк — священный крест, символизирующий жизнь в древнем Египте.

В ризнице, расположенной позади апсиды, Блейк обнаружил трухлявый стол и доходящие до потолка книжные полки, на которых стояли книги, покрытые плесенью и почти истлевшие. Здесь он в первый раз испытал настоящий ужас, поскольку заголовки книг сказали ему очень многое. Это были запрещенные издания, о которых обычные люди даже не имели представления, а если и слышали о них, то это было нечто тайное, передаваемое друг другу робким шепотом. Блейк понял, что перед ним хранилище страшных тайн и древних формул, с помощью которых можно было проникать в те времена, когда мир был юным. Некоторые из книг были хорошо знакомы Блейку, он читал их, но были и такие, о которых он только слышал. Здесь хранились также манускрипты с непонятными символами и схемами, но и они могли много рассказать ему, поскольку Блейк имел некоторое представление об оккультных науках. Теперь он пришел к выводу, что слухи об истории церкви вполне соответствуют действительности. Это место когда-то стало пристанищем самого Сатаны!

На ветхом столе лежала переплетенная в кожу старая книжка, заполненная шифрованными записями. Среди них попадались общепринятые сегодня в астрономии символы, которые раньше использовались в алхимии, астрологии и других науках. Были здесь обозначения Солнца, Луны, других

планет, а также зодиакальных созвездий. Все это сопровождалось целыми страницами текста, разделенными на параграфы, что позволило предположить: каждый символ соответствует определенной букве алфавита.

В надежде, что когда-нибудь сможет расшифровать эти записи, Блейк положил записную книжку в карман пальто. Некоторые книги вызвали в нем огромное желание прочитать их, и он решил, что непременно в следующий раз возьмет их с собой. Его несколько удивило, что до сих пор никто не забрал их отсюда. Неужели он первым отважился побороть в себе страх, который уже почти в течение шестидесяти лет защищает это место от непрошенных посетителей?

Тщательно осмотрев помещения первого этажа, Блейк опять прошел через неф церкви и очутился в вестибюле, где он до этого видел дверь и лестницу, ведущую в черную башню колокольни: именно ее он рассматривал в бинокль почти каждый вечер, сидя дома у своего письменного стола. Подъем дался ему с трудом, он почти задохнулся от поднятой пыли, лежащей здесь толстым слоем, и весь покрылся паутиной, которой здесь было еще больше, чем во всей церкви. Узкая лестница шла по спирали и имела очень высокие деревянные ступени. Поднимаясь, Блейк проходил мимо запыленных окон и с головокружительной высотой видел расстилавшийся внизу город. Поскольку он не обнаружил внизу веревек, то решил, что главный колокол или набор колоколов находятся на самом верху башни, чьи узкие, закрытые ставнями стрельчатые окна он разглядывал раньше в бинокль. Но его ждало разочарование. Когда он поднялся на последнюю ступеньку, то увидел, что в помещении башни колоколов нет и что она была явно предназначена для иных целей.

Блейк вошел в комнату, размеры которой составляли около пятнадцати квадратных футов. В ней было четыре стрельчатых окна, по одному с каждой стороны. Они имели ставни, со временем пришедшие в полную негодность. Кроме того, окна были снабжены еще дополнительно непрозрачными экранами, которые и вовсе превратились в труху.

В центре запорошенного пылью пола находился каменный пьедестал с обточенными углами высотой четыре фута и два фута в диаметре, покрытый причудливой, грубо выполненной резьбой в виде каких-то неизвестных Блейку иероглифов. На этом камне покоился металлический ящик, имеющий асимметричную форму; крышка ящика была открыта, а внутри лежал предмет, напоминающий внешне яйцо или какое-то тело неправильной сферической формы примерно около четырех дюймов в длину. Вокруг каменного пьедестала по кругу стояли семь готических кресел с высокими спинками, которые, как это ни странно, хорошо сохранились. За ними вдоль

отделанных панелями стен высились семь огромных панно. На них были изображены сцены, напоминающие мистирию Восточных островов. В одном из углов затянутой паутиной комнаты находилась прикрепленная к стене лестница, которая вела вверх, на колокольню.

Блейк, привыкший к полутьме помещения, вдруг заметил на стенках открытого ящика странный барельеф из какого-то желтоватого металла. Приблизившись, он попытался очистить руками и носовым платком стенки ящика от пыли и увидел, что на нем изображены ужасные существа, которые, хотя и были сделаны, как живые, не напоминали ему ни одну из существующих форм жизни на этой планете. Лежащий в ящике предмет оказался почти черным, с красными прожилками многогранником, имеющим огромное количество неправильных плоских поверхностей; это было либо удивительное произведение природы — природный кристалл, либо обработанный и очень тщательно отполированный камень неизвестного происхождения. Он не касался дна ящика, а поддерживался в подвешенном состоянии металлической оправой, которая состояла из семи причудливо выполненных опор, идущих горизонтально к верхним углам внутренних стенок ящика.

Как только Блейк увидел этот камень, он уже не мог отделаться от чувства тревожно-гипнотического очарования. Камень как будто притягивал его взгляд. Когда Роберт смотрел на его сверкающую поверхность, то ему показалось, что камень источает прозрачность. В его мозгу стали всплывать очертания неизвестных планет. Там были большие каменные башни, огромные горы без каких-либо признаков жизни вокруг. Потом возникли еще более удивительные миры, и движение в окружающем их мраке говорило о существовании там потоков мысли и энергии.

Когда Роберту все же удалось оторвать взгляд от камня, он заметил в дальнем углу комнаты, недалеко от лестницы, ведущей на колокольню, какое-то неподвижное возвышение, покрытое пылью. Он не смог бы объяснить, почему это привлекло его внимание, но что-то заставило подойти поближе. Раздвигая паутину, Блейк приблизился к этому месту, и его охватило мрачное предчувствие. С помощью носового платка он расчистил от пыли лежащий на полу предмет и со страхом уставился на свою находку: человеческий скелет, который пролежал здесь очень много лет. Одежда почти истлела, но по оставшимся фрагментам и пуговицам Роберт сумел определить, что на трупе был мужской серый костюм. Блейк нашел и другие свидетельства тому, что это останки мужчины — ботинки, металлические пряжки, запонки, булавка для галстука, журналистский значок с выбитым на нем названи-

ем газеты «Провиденс телеграмм», а также кожаная записная книжка. Он внимательно просмотрел записную книжку, обнаружил в ней старые счета, календарь 1893 года, несколько визитных карточек с именем «Эдвин М. Лиллибридж» и, наконец, листок бумаги, исписанный карандашом.

Листок содержал довольно любопытную информацию, и Блейк внимательно прочел его. Записка включала торопливые разрозненные фразы:

«Профессор Энех Боуэн вернулся домой из Египта в мае 1844 года, купил церковь в июле. Хорошо известны его археологические исследования и работы в области оккультных наук.»

«Д-р Дроун из баптистской церкви в своей проповеди 29 декабря 1844 года предостерегал своих прихожан от Старри Уисдома.»

«К концу 1845 года секта насчитывала 97 приверженцев.»

«1848 год — первое упоминание о Сверкающем трапецоэдре.»

«В 1848 году 7 исчезновений — появились слухи о кровавых жертвоприношениях.»

«Расследования 1853 года не дали никаких результатов — только слухи.»

«Отец О'Молли рассказывал, как с помощью ящика, найденного при раскопках в Египте, они занимаются колдовством и вызывают нечто, что не может существовать при свете. Фантом спасается бегством даже от слабого света и исчезает при сильном свете. Затем его надо вызывать опять. Сведения, вероятно, получены во время исповеди на смертном ложе Франсиска Х. Финей, который присоединился к Старри Уисдому в 1849 году. Эти люди говорят, что Сверкающий трапецоэдр показывает им другие миры и что Обитатель тьмы раскрывает некоторые тайны.»

«История, рассказанная Орином Б. Эдди в 1857 году. Они вызывают Его, пристально глядя на кристалл и произнося специальное заклинание.»

«К 1863 году насчитывается уже 200 приверженцев этого культа, помимо людей, возглавляющих секту.»

«Ирландские парни напали на церковь в 1869 году после исчезновения Патрика Ригама.»

«Что-то случилось в марте 1872 года, но люди не хотят об этом говорить.»

«Шесть исчезновений в 1876 году — тайный комитет обрателься к мэру Дойлу.»

«В феврале 1877 года вышло постановление — церковь была закрыта в апреле.»

«Народ объединился — парни с Федерального холма угрожали в мае д-ру и членам церковного совета.»

«Сто восемьдесят человек покинули город к концу 1877 года — их имена неизвестны.»

«Сведения стали просачиваться где-то около 1880 года — попытаюсь узнать правду, поскольку никто с тех пор не переступал порога церкви.»

«Спросить у Лэмгнама о фотографии этого места, сделанной в 1851 году...»

Вложив листки бумаги в записную книжку, Блейк полужил ее в карман своего пальто и еще раз взглянул на лежащий у его ног скелет. Смысл написанного был ему до конца понятен, и не оставалось никаких сомнений, что человек пришел сюда, в это заброшенное место, почти сорок два года назад в поисках сенсации для своей газеты по делу, за которое никто больше не решался взяться. Скорее всего, никто не знал о его планах, кто может теперь сказать об этом? Но он больше никогда не вернулся к своим репортажам. Может быть, что-то сильно напугало его и вызвало разрыв сердца?

Блейк наклонился над останками и вдруг заметил нечто непонятное. Некоторые кости были разбросаны, а некоторые как будто оплавились по краям. Другие были странного желтоватого цвета и казались обуглившимися. Обуглились и отдельные фрагменты одежды. Что касается черепа, то он тоже имел желтоватый вид, а в его центре можно было отчетливо видеть обугленное отверстие. Похоже, что какая-то очень сильная кислота прожгла его до основания. Блейк даже не мог представить себе, что могло произойти со скелетом в течение четырех десятилетий, минувших со дня смерти журналиста.

Не осознавая, что делает, он опять стал смотреть на камень и почувствовал его удивительную способность вызывать в сознании смутные образы. Он увидел процессию существ, закутанных в странные одежды, с надвинутыми капюшонами. Очертания их фигур не напоминали человеческих пропорций. Перед ним простиралась бесконечная пустыня, на которой стояли огромные, достигающие неба пирамиды. Блейк увидел башни и стены в темных глубинах, завихрения пространства, где сквозь ключья черного тумана клубились и вспыхивали холодные ярко-красные лепестки молний. А над всем этим открывалась бесконечная черная бездна, и очертания каких-то существ угадывались только по движению, а тайная мощная сила управляла этим хаосом и держала в своих руках ключ ко всем парадоксам и тайнам.

Затем это наваждение было вдруг разрушено неожиданно паническим ужасом. Блейк закашлялся и отвернулся от камня, потому что ясно ощутил присутствие чего-то аморфного, но находящегося около него и следящего за ним с неусыпным вниманием. Он почувствовал, что столкнулся с чем-то, что находилось не в камне, а смотрело на него через камень. И это не было человеческим взглядом. Скорее всего, это место просто действо-

вало ему на нервы, кроме того, не стоило забывать и о печальной находке. Свет постепенно мерк, и поскольку у него не было с собой огня, ему следовало поскорей выбираться отсюда.

Тогда он еще раз убедился в гипнотической силе могущественного камня. Он пытался не смотреть на него, но взгляд, помимо воли, так и тянуло к камню. Может быть, это слабое свечение — результат радиоактивного излучения вещества, из которого он сделан? Что было сказано в записке умершего журналиста о Сверкающем трапецоэдре? Действительно ли это убежище потусторонних сил? Что здесь произошло и что скрывается в этом забытом людьми и Богом месте? Блейку вдруг показалось, что он чувствует появившийся откуда-то зловещий запах, источник которого был ему неясен. Роберт схватил крышку ящика и с силой захлопнул ее. Она легко повернулась на петлях и скрыла от его взора мерцающий таинственный камень.

В тот момент, когда крышка захлопнулась, Блейку почудился какой-то звук, раздавшийся из темноты колокольни, как раз от закрытого люка. Конечно, это крысы, подумал он, — единственные живые существа, которые обнаружили свое присутствие с тех пор, как он переступил порог церкви. И все же движение на колокольне напугало его до смерти: он почти помчался по винтовой лестнице вниз, пробежал через неф, спустился в подвал, пересек его, вылез через окно, а затем помчался по пустынной площади, через темные улицы и переулки Федерального холма, навстречу обычным улицам студенческого городка, к домам, наполненным теплом и светом.

Прошло уже несколько дней, но Блейк никому не рассказывал о своем недавнем путешествии. Он много читал, просматривал подшивки газет за предыдущие годы, а также трудился над расшифровкой найденной в церкви записной книжки. Шифр был очень непростой, и после долгих усилий Блейк убедился, что ни один из европейских языков не составлял его основу. Очевидно было, что ему придется расширить сферу своих поисков.

Каждый вечер Роберт чувствовал непреодолимое желание еще раз увидеть возвышавшуюся на западе церковь. Но теперь к любопытству примешивалось и чувство страха. Он уже кое-что знал о Сатане, который таится в стенах старой башни, а поэтому его видения приобрели вполне определенную окраску. Возвращались птицы, и когда он наблюдал за их полетом, то невольно заметил, с каким паническим страхом избегают они старинной церкви. Когда какая-нибудь стая птиц приближалась к ней достаточно близко, то вдруг резко поворачивала и в панике улетала прочь. Блейк даже представлял их громкие истеричные крики, которые, конечно же, не долетали до него с такого большого расстояния.

В июле, о чем свидетельствует дата в дневнике Блейка, см.

удалось, наконец, расшифровать записную книжку. Как он и предполагал, текст был выполнен на старинном арабском наречии, используемом в основном для древних дьявольских культов.

В дневнике ни слова не было сказано о том, что же ему удалось прочитать. Одно было ясно: его очень сильно взволновали результаты работы.

Были здесь некоторые упоминания об Обитателе тьмы, которого вызывали, глядя на Сверкающий трапецоэдр, а также не очень ясные намеки на черную бездну хаоса, из которой его вызывают. Это существо, по словам автора дневника, обладает всеми знаниями и требует ужасных жертвоприношений. Некоторые записи явно указывают на чувство ужаса, который вызывал у него Обитатель тьмы, потому что Блейку чудилось, что он бродит поблизости и подкарауливает его, хотя добавлял, что даже уличного света фонарей достаточно, чтобы это существо не могло добраться до жертвы.

Сверкающий трапецоэдр упоминался в записях очень часто, и Блейк называл его окном в другие миры и пространства. Ему удалось проследить историю камня с тех древних времен, когда он был изготовлен на темном Йогготе, прежде чем Старые Боги принесли его на Землю. Здесь он хранился, как величайшее сокровище, в специальном ящике с существами, обитающими в Антарктиде. Затем он был найден змееподобными тварями на Валузии, несколько веков спустя объявился в Лемурии, населенной первыми представителями человеческой расы.

Камень пересекал различные страны и моря, некоторое время находился в Атлантиде, вместе ней погрузился в пучину вод и находился там до тех пор, пока рыбак во времена Минойской цивилизации не выловил его однажды сетью и не продал смуглолицым купцам из Сумрачного Кемта. Фараон Нефер-Ка построил для него специальную башню с подземной часовней. И за это свое деяние был проклят людьми, имя его было вычеркнуто из всех письменных документов и даже стерто с памятников. Затем в течение многих веков камень лежал под руинами проклятой всеми башни, разрушенной новым фараоном и его жрецами, пока однажды лопата археолога не вытащила его на свет и он снова не стал причиной страданий человечества.

В начале июля в газетах появились сообщения, перекликающиеся с записями в дневнике Блейка, но были так скудны, что потребуются некоторые разъяснения со ссылкой на эти записи.

На Федеральном холме среди жителей стала распространяться паника после того, как какой-то неизвестный проник в проклятую церковь. Люди утверждали, что в темной колокольне без окон — старой башне что-то движется, издает глухие удары и царапается. Поэтому набожные жители этого района призвали своего священника, чтобы он изгнал это существо,

которое нарушает их сон. Нечто, говорили они, постоянно подкарауливает их у дверей и, кажется, только и ждет наступления полной темноты, чтобы ворваться внутрь. В газетных статьях говорилось о давно существующих местных суевериях по отношению к старой церкви, но не приводилось никаких фактов, способных пролить свет на источник этого давнишнего страха людей. Да и что говорить, сегодняшние журналисты не обладают достаточной эрудицией! Описывая все это в своем дневнике, Блейк явно испытывал чувство вины и писал о необходимости похоронить Сверкающий трапецоэдр и изгнать существо, которое он пробудил к жизни, впустив дневной свет в высокую остроконечную башню. Однако в то же время у него появилась дикая мысль, которая преследовала его даже в сновидениях, — еще раз посетить проклятую башню и увидеть иные миры и пространства в сверкающей глубине камня.

Однажды напечатанное в утренней газете 17 июля сообщение вызвало у Блейка неподдельный ужас. И хотя это было еще одним упоминанием о том, что творится на Федеральном холме, для Блейка оно имело сокровенный смысл. В ту ночь во время грозы вышла из строя система электроснабжения, и город погрузился на целый час в непроглядную тьму, а итальянцы, жившие вблизи старой церкви, чуть не сошли с ума от страха. Они клялись, что существо воспользовалось отсутствием света уличных фонарей и проникло в здание самой церкви, откуда стали раздаваться жуткие звуки. Под конец оно пробралось в башню, и люди слышали звон разбивающегося стекла. Оно могло проникать повсюду, где царила тьма, но даже самый слабый свет заставлял его в панике исчезать.

Когда внезапно зажегся свет, то в башне началось такое, что трудно описать словами, потому что даже слабого, проникающего через ставни окон света было достаточно, чтобы обратить это существо в бегство. Оно еле успело проскользнуть в свое убежище — колокольню без окон, поскольку большая доза света заставила бы его вернуться в бездну, из которой этот сумасшедший незнакомец вызвал нечистую силу. В течение часа, пока царила тьма, толпа верующих собралась около церкви, окружила ее плотным кольцом, в руках они держали свечи, керосиновые лампы, электрические фонари, закрывая их от дождя и ветра сложенной бумагой и зонтами. Люди создали световую преграду, чтобы спасти город от страшного существа, обитающего в ночи. Однажды, по словам верующих, стоящих ближе всего к церкви, они слышали, как трещит под ударами дверь церкви.

Но это было еще не самое страшное. В вечерней газете Блейк прочел о том, что удалось обнаружить журналистам после этих событий. Поскольку прибавлялись все новые подробности и росла паника среди населения, двое журналистов решили бросить

вызов фанатичной толпе итальянцев и после того, как они смогли открыть входную дверь, пробрались в церковь. Они обнаружили, что на пыли в вестибюле и причудливом нефе церкви виднелись какие-то необычные полосы, а вокруг валялись полуистлевшие подушки и куски от обивки церковных скамеек. В церкви стоял очень неприятный запах, а по всюду виднелись желтоватые пятна, края которых казались обуглившимися. Открыв дверь в башню и немного выждав, потому что им почудился какой-то неясный звук сверху, они подошли к лестнице и увидели, что ее ступени очень чисто выметены.

В самой башне на полу оказались те же необычные полосы. Позже они рассказали о перевернутых готических креслах и панно с причудливыми изображениями. Но, как ни странно, не было даже упоминания о металлическом ящике и скелете. Что больше всего насторожило Блейка, помимо рассказа о пятнах и неприятном запахе, — последняя подробность. Она объясняла, почему были разбиты окна в башне. Все стрельчатые окна в башне были разбиты, а два из них были грубо и неряшливо заткнуты подушками и кусками обивки.

Вокруг на подметенном полу валялись куски обивки и другое тряпье, как будто действия некоего существа были прерваны в тот момент, когда оно хотело восстановить в башне абсолютную темноту — ту, что царствовала в давно минувшие времена.

Желтые обугленные пятна были найдены на лестнице, ведущей в остроконечную колокольню без окон. Когда один из журналистов взобрался по лестнице, открыл ведущий туда люк и осветил с помощью фонаря черное зловонное помещение, то не увидел ничего, кроме кучи какого-то бесформенного тряпья, лежащего около люка. Ну и, конечно, был вынесен вердикт, который уместился в одно слово, — шарлатанство.

Скорее всего, кто-то вздумал подшутить над суеверными жителями холма или некий фанатик решил вызвать у жителей ужас перед этим местом в каких-то своих интересах. А может, молодежь решила мистифицировать окружающих жителей. А потом произошел и вовсе забавный случай.

Полиция решила послать инспектора, чтобы тот проверил слова репортеров. Трое полицейских нашли предлог, чтобы уклониться от поручения, а четвертый очень неохотно согласился выполнить его, подозрительно быстро вернулся и не прибавил ни единого слова к сказанному журналистами.

С этого момента в дневнике Блейка стали появляться записи, в которых ощущалось нарастающее чувство страха и мрачного предчувствия. Он упрекал себя за то, что ничего не делает, и все время размышлял о том, какие события могут произойти в случае вторичного отключения электричества.

Впоследствии было доказано, что он три раза — во время

последующих гроз — звонил в управление электрической компании и спрашивал о мерах, которые должна предпринять компания, чтобы не произошло отключения электричества в городе во время грозы.

Несколько раз в записях он удивлялся тому, что журналисты не нашли ни металлического ящика, ни скелета, когда исследовали помещение башни. Он предполагал, что их оттуда забрали, но кто? — об этом он мог только догадываться.

Больше всего Блейк пугало собственное состояние, он все время ощущал сверхъестественную связь своего сознания с тем, кто таился в отдаленной башне, этим ужасным существом — Обитателем тьмы, которого он невольно вызвал к жизни из глубины черных миров. Роберт все время ощущал давление на свою волю, к тем, кто навещал его в последние дни, говорили, что он обычно отрешенно сидел за своим письменным столом и неотрывно смотрел на виднеющуюся вдали остроконечную башню старой церкви, очертания которой как бы плыли в потоках дыма и теплого воздуха, поднимающихся от города. В дневнике стали появляться заметки о страшных сновидениях, порой они оборачивались жуткой явью. Так, однажды ночью он очнулся совершенно одетым на улице, по которой автоматически шагал вниз по Колледж-холму и направлялся на запад. Он постоянно возвращался к мысли, что существо в колокольне прекрасно знает, где его надо искать.

После 30 июля в течение недели Блейк чувствовал себя очень плохо. Он не одевался, не выходил из дома и заказывал еду по телефону. Навещавшие его друзья обратили внимание на крепкую веревку, лежащую возле его постели. Блейк объяснил: в последнее время стал ходить во сне по ночам, что и заставило его связывать себе ноги каждую ночь. Это не даст ему уйти из дома или, по крайней мере, позволит проснуться, пока он будет развязывать узел веревки.

В дневнике появилась запись об ужасном видении одной из ночей. 30 июля он, как обычно, лег спать и вдруг обнаружил себя в абсолютном темном пространстве, где можно было продвигаться только на ощупь. Все, что Блейк мог видеть, — это короткие, мгновенные горизонтальные вспышки яркого света, и он почувствовал отвратительное зловоние и услышал над собой мягкие, крадущиеся звуки. Куда бы он ни пошел, все время наткнулся на что-то, а каждый звук рождал ответное странное движение, смешанное со звуком, напоминающим скольжение дерева по дереву.

Однажды его руки наткнулись на пьедестал из камня, однако на нем ничего не стояло, а в другой раз он держался за перекладины лестницы, прикрепленной к стене, и поднимался вверх — туда, где зловонный запах ощущался более отчетливо, когда вдруг горячий сухой порыв ветра подхватил

его. Перед глазами Блейка пронесся калейдоскоп фантастических видений, которые, несмотря на свою разрозненность, слились в картину огромной, бездонной темной бездны.

Он вспомнил древние легенды о первичном хаосе, в центре которого обитает слепая жуткая дьявольская сила — Азатот, Бог всего сущего, окруженный толпой бестелесных танцоров, убаюкиваемый звуками флейты, которую держат в лапах какие-то не имеющие названия существа.

Вдруг какой-то донесшийся издалека звук вывел Блейка из состояния оцепенения, и он осознал весь ужас своего положения. Что это был за звук, он так никогда и не узнал, — может быть, запоздалый звон колокола, который в этом году раздавался все лето на Федеральном холме, поскольку жители неустанно молились всем своим святым. Да это и не важно, но когда до него донесся этот звук, он вскрикнул от страха, очнулся, в диком ужасе прыгнул с лестницы и, спотыкаясь, бросился вперед в почти крошечной тьме, обступившей его.

Он точно знал, где находится, и побежал вниз по винтовой лестнице, налетая на стену при каждом резком повороте. Это было кошмарное бегство через огромный, опутанный паутиной неф церкви, через заставленный старой рухлядью подвал, через окно — на воздух, к огням ночных улиц. Затем сумасшедший бег вниз с проклятого холма, через пустой город с черными башнями, и, наконец, по улице, ведущей к дверям его дома.

Придя в себя на следующее утро, Блейк обнаружил, что лежит совершенно одетый на полу в кабинете. Он был весь в грязи и паутине, а тело болело так, как будто все оно было покрыто синяками. Когда он взглянул на себя в зеркало, то увидел, что волосы его опалены огнем, а отвратительный запах, казалось, навсегда пропитал верхнюю одежду. Именно тогда нервы его сдали окончательно.

Блейк бесцельно бродил по комнате в халате, ничего не делал и только без конца смотрел на запад, до смерти боясь приближения грозы и время от времени записывая в дневнике обо всех своих переживаниях.

Страшный шторм разразился в ночь на 8 августа. Город без конца освещали молнии. Лил проливной дождь, непрерывные раскаты грома не давали уснуть всем жителям города. Блейк буквально помешался от страха, боясь, чтобы что-нибудь не случилось с электричеством города, пытался в течение часа дозвониться до электрической компании, но на этот раз телефон в целях безопасности был временно отключен. Он по-прежнему доверял свои чувства дневнику — неровные, часто неразборчивые каракули могли бы многое поведать о безумном отчаянии и безнадежности Блейка, когда он почти в полной темноте вел свои записи.

Он не зажигал в доме огня, чтобы видеть все, происходящее за окном, и, вероятно, провел большую часть времени за письменным столом, вглядываясь вдаль через пелену дождя, желая рассмотреть поверх крыш домов мерцающие огоньки, окружающие Федеральный холм. Временами он почти на ощупь делал записи в дневнике, которые состояли из отрывочных фраз: «Свет не должен, не может погаснуть!»; «Оно знает, где я нахожусь?»; «Я должен уничтожить его» и «Оно вызывает ко мне, может быть, на этот раз не причинит вреда» — подобной исповедью были испещрены две страницы.

Вдруг свет погас во всем городе. Это произошло в 2 часа 12 минут ночи по записям электростанции. В дневнике Блейка отсутствовало точное указание времени. Там имелась только следующая запись: «Свет погас — Господи, помилуй меня!»

На Федеральном холме гроза вызвала страшное волнение, и огромные толпы промокших до нитки людей плотным кольцом окружили проклятую церковь, держа в руках свечи, фонари, масляные и керосиновые лампы, закрывая их от дождя и ветра раскрытыми зонтами, а также распятия и амулеты, обычные для юга Италии. Они благословляли каждую вспышку молнии и сотворяли правой рукой священные знаки, когда изменения в характере шторма заставили молнии сверкать все реже, пока они совсем не прекратились. Поднявшийся ветер задул большинство свечей, и вокруг стало угрожающе темно. Кто-то разбудил отца Мерлузо из церкви Святого Духа, он поспешил на площадь, чтобы прочитать подходящую для данного случая молитву.

А в это время в башне творилось что-то невообразимое. О том, что произошло в 2 часа 35 минут, рассказали очевидцы событий: молодой священник, получивший прекрасное образование; Уильям Монохан, патрульный полицейский, который остановился в это время около толпы на Федеральном холме, и почти каждый из 78 человек, находившихся в ту ночь около церкви, особенно те, кто стоял ближе к ее восточной стороне.

Что же случилось? Началось все с отчетливо повторяющихся странных воплей внутри черной башни. Появившийся еще раньше неприятный запах, идущий от церковной колокольни, стал вдруг очень сильным. Затем раздался звук разбиваемого в щепки дерева, и огромное тяжелое тело упало с грохотом на двор с восточной стороны фасада церкви. Башня не была видна в темноте, поскольку свечи не горели, но люди были уверены, что тело появилось из затемненного, закрытого ставнями окна с восточной стороны башни.

Сразу после этого ужасное зловоние стало совершенно непереносимым и заставило стоящих поблизости людей закашляться и почувствовать дурноту. Воздух, казалось, задрожал от огромных хлопающих крыльев, а внезапно налетев-

ший порыв восточного ветра сорвал шляпы и вырвал раскрытые зонтики из рук людей. В этой кромешной мгле трудно было что-нибудь рассмотреть, но тем не менее люди заметили на востоке огромное расплывчатое пятно, еще более черное, чем окружающая темнота, на фоне чернильно-черного неба, — нечто, похожее на бесформенное облако, которое со скоростью метеорита пронеслось в восточном направлении.

Вот и все, что произошло. О причинах случившегося можно было только гадать. Никто не может сказать с полной уверенностью о некоторых химических процессах, возникших в огромном старинном, плохо проветриваемом и не используемом в течение многих десятилетий здании. Это и возможность появления ядовитых испарений; самопроизвольное возгорание; давление газов, образовавшихся в процессе разрушения здания, да мало ли что могло произойти! При этом не следует забывать о возможной мистификации. Явление было само по себе самым заурядным и продолжалось всего три минуты. Отец Мерлузо — человек пунктуальный, — то и дело поглядывал на свои часы.

Наблюдатели были полуживыми от страха, благоговейного трепета и беспокойства. Вряд ли они знали, что им делать. Да и нужно ли что-нибудь предпринимать вообще? Не понимая, что произошло, они никак не могли расслабиться, но мгновением позже вознесли молитву, когда резкая вспышка молнии, за которой последовал оглушительный раскат грома, разорвала черное небо. Через полчаса дождь прекратился, а еще через пятнадцать минут зажглись уличные фонари, и немного успокоившиеся люди стали возвращаться по домам.

На следующий день в газетах об этом происшествии было упомянуто лишь вскользь по сравнению с описанием шторма. Оказалось, что страшная вспышка молнии и оглушительный раскат грома наблюдались также гораздо восточнее Федерального холма. При этом ощущался очень странный и неприятный запах.

На Колледж-холме страшный удар грома разбудил всех его обитателей и породил всевозможные слухи и домыслы на этот счет. Из тех, кто проснулся, только несколько человек увидели яркую вспышку света на вершине холма, а также обратили внимание на то, как страшный порыв ветра налетел на деревья, сорвал и поломал все цветы и кустарники в саду. Люди решили, что единственный внезапный грозовой разряд ударил где-то по соседству, хотя никаких следов этого удара позже найти не удалось.

Молодой человек из студенческого общежития «Тау Омега» сказал, что видел огромную и ужасную темную массу в воздухе, как раз перед тем, как сверкнула молния, но его

словам не очень-то поверили. Все наблюдатели, однако, сошлись в одном, что порыв ветра с запада и жуткое зловоние предшествовали запоздалому удару грома, хотя обычно в таких случаях все происходит наоборот: запах горелого следует за ударом молнии.

Все эти события обсуждались так подробно из-за смерти Роберта Блейка. Студенты, проживающие в общежитии «Пси Дельта», чьи верхние окна выходили как раз на окна дома Блейка, заметили утром 9 августа белеющее в окне лицо хозяина дома. Им показалось, что оно выглядит неестественно. Когда же вечером они увидели Блейка на том же месте, то почувствовали тревогу и решили подождать, пока в доме зажжется свет. Но этого не произошло. Тогда студенты несколько раз позвонили у входной двери, а потом вызвали полицию.

Окоченевшее тело сидело прямо за письменным столом у окна, а когда вошедшие увидели остекленевшие, вылезшие из орбит глаза и следы жуткого ужаса на застывшем лице, то все в страхе невольно отвернулись. Вскоре врач составил заключение, что смерть наступила в результате электрического шока, тем более что окно в кабинете было разбито. Выражению лица умершего врач не придал никакого значения, объяснив это тем, что у такого неуравновешенного человека, как Блейк, это могло стать результатом разыгравшегося воображения. Подобное заключение он сделал, просмотрев книги, рисунки и манускрипты, находящиеся в доме, а также прочитав записи в дневнике покойного. Блейк писал свой дневник до последней минуты: сломанный карандаш был крепко зажат в правой руке мертвеца.

Записи, которые сделал Блейк после того, как погас свет, было почти невозможно разобрать. Тем не менее некоторые исследователи смогли составить по ним свое собственное мнение обо всем случившемся, которое отличалось от общепринятой точки зрения, но это мнение вряд ли нашло бы сторонников среди консерваторов, если уж их не убедил даже поступок суеверного доктора Декстера, который сбросил странный ящик и камень с причудливыми углами — светящиеся в темноте предметы, найденные в колокольне без окон, — в самое глубокое место залива Нарагансет. Чрезмерное воображение и неуравновешенность Блейка, подогретые его знаниями о культе служения Дьяволу, чьи следы ему удалось обнаружить, дополняют эти последние записи в его дневнике или, вернее, то, что можно было разобрать:

«Свет все еще не горит — наверное, уже в течение пяти минут. Все теперь зависит от молний. Йаддит, смилуйся, сделай так, чтобы оно не вырвалось!..

Что-то происходит необычное... Дождь и ветер прекращаются... Оно проникает в мое сознание...

Какие-то неполадки с памятью. Я вижу то, что никогда прежде не видел. Другие миры и галактики... Темнота... Свет кажется тьмой, а тьма — светом.

Не может быть, чтобы это были реальный холм и церковь, которые я вижу в темноте. Может быть, это просто видение при вспышке молнии? Господи, сделай так, чтобы итальянцы стояли вокруг церкви со свечами, если вдруг молнии погаснут!

Чего я так боюсь? Это не воплощение Ньялтотер, который в далекие времена в Кемте принимал образ человека? Я помню Йогтотт и более далекую Шагтаи и огромное количество черных планет...

Длительный перелет на крыльях через пустоту... не может пересечь мир света, восстанавливается под действием мыслей, сфокусированных Сверкающим трапецеоэдром... посылает его через ужасную бездну излучения...

Меня зовут Блейк, Роберт Блейк, 620 Ист-нап стрит. Милуоки, Висконсин... Я на этой планете...

Азатот, сжался надо мной! Молнии больше не сверкают. Ужасно, я вижу все, но не глазами, а внутренним взглядом. Свет — это тьма, а тьма — это свет... Эти люди на холме... стража... свечи и амулеты... их священники...

Нет ощущения пространства — далекое близко, а близкое — далеко. Нет света, нет стекла — вижу эту колокольню — башню — окно. Могу слышать — Родерик Ашер — сумасшедший или схожу с ума — в башне движется и издает звуки существо — я — это оно, а оно — это я — хочет выбраться... должно выбраться и собирается с силами... Оно знает, где я нахожусь...

Я, Роберт Блейк, но я вижу башню в темноте. Появился отвратительный запах... все путается перед глазами... бросилось на окно башни.... разбило его и вырвалось наружу... Ия... нгаи... ягт...

Я вижу его — оно приближается — жуткий ветер — огромное пятно — черные крылья — Йог-Соттот, спаси меня! — огромные горящие глаза...»

Х.Ф.ЛАВКРАФТ

ЛУННАЯ ТОПЬ

Денис Берри ушел, ушел неведомо куда, в далекую и ужасную страну. Я был рядом с ним в ту последнюю ночь, которую он провел среди людей, и слышал, как он кричал, когда все это случилось, но полиции графства Мит и здешним жителям нипочем его не найти, сколько бы они не искали. И по сей день меня дрожь пробирает, как услышу пение лягушек или посмотрю на луну где-нибудь в пустынном месте.

Я близко познакомился с Берри в Америке, где он разбогател, поэтому искренне порадовался, когда он выкупил старый замок у топи в тихом сонном местечке Килдерри. Именно отсюда был родом его отец, именно там, посреди старинных пейзажей, решил Берри насладиться своим богатством. Когда-то в Килдерри правили его предки, они построили этот замок и жили в нем, но те дни давно миновали, и на протяжении многих поколений замок пустовал, постепенно приходя в упадок. После приезда в Ирландию Берри часто писал мне, сообщая, как благодаря ему башня за башней возрождается древний замок, возвращая свое прежнее величие, как восстановленные стены начинают медленно оплетать зеленый плющ и как крестьяне благословляют Берри за то, что он своим золотом, привезенным из-за океана, позволил им вернуться в добрые старые времена. Однако мало-помалу радости сменились печалью, и вот уже фермеры, недавно благословлявшие его за возрождение родных мест, бегут из них, как будто они сулят им гибель. Наконец, Берри прислал мне письмо, в котором попросил навестить его, ибо ему стало очень одиноко в своем замке, где и поговорить-то не с кем, кроме новых слуг и работников, привезенных с Севера.

Топь — вот причина всех несчастий, объяснил мне Берри, когда одним летним вечером я, наконец, прибыл в замок. Я добрался до Килдерри на закате, когда золото неба освещало зелень холмов и рощ, а также синеву топи, посреди которой на маленьком островке призрачно сверкали причудливые старинные развалины. Закат был великолепен, хотя крестьяне в Баллилоге и не советовали мне ехать в Килдерри, уверяя, что место это — проклято. В результате всех этих разговоров я с трудом сдерживал дрожь, заведя высокие башни замка, отсвечивающие золотом. На станции в Баллилоге меня ждала машина, посланная Берри, — Килдерри находилось вдали от железной дороги. Местные жители держались в сторонке от машины и шофера с Севера, но, собравшись возле меня с побледневшими лицами, успели многое нашептать, когда поняли, что я собираюсь в Килдерри. В первый же вечер, сразу после нашей встречи, Берри объяснил мне, в чем дело.

Крестьяне уехали из Килдерри потому, что Денис Берри

собрался осушить огромную топь. При всей его любви к древней Ирландии он не мог избавиться от американского духа, а потому не выносил вида пустующих пространств, пусть даже великолепных по живописности, где можно было вести торфоразработки или вспахать землю. Легенды и суеверия, бытовавшие в Килдерри, ничуть его не трогали, так что отказ крестьян помогать ему, а затем их проклятия и отъезд в Баллилог со своими пожитками вызвали у него лишь смех и нисколько не повлияли на твердость его намерений. На место уехавших он пригласил работников с Севера и оттуда же набрал себе новых слуг. Однако среди этих чужаков Берри чувствовал себя одиноко, а потому и попросил меня приехать.

Когда я впервые услышал, что именно побудило людей покинуть Килдерри, то смеялся так же, как и мой друг, поскольку страхи их были дикими, смутными и совершенно абсурдными. Они были связаны со старинной легендой о топи и бесплощадном духе-хранителе, якобы обитавшем в странных старых развалинах, которые я увидел в лучах заката. Тут были истории об огнях, пляшущих в безлунные ночи, и о холодных вихрях в теплую погоду; о белых видениях, парящих над водами; и о призрачном каменном городе, прячущемся глубоко под поверхностью болота. Но самая причудливая фантазия, причем единственная, относительно которой имелось почти полное единодушие, говорила о проклятии, неминуемо ожидавшем того, кто осмелится осушить обширную красноватую трясину или даже просто прикоснуться к ней. Тут были такие тайны, которые, как утверждали крестьяне, нельзя было раскрывать; тайны, хранившиеся с тех незапамятных доисторических времен, когда чумной мор напал на детей Партолака. В «Книге Вторжения» было сказано, что эти сыны греков захоронены в Таллате, однако старики из Килдерри уверяли, что один из городов был спасен благодаря покровительству лунной богини; а потому он был погребен под лесистыми холмами лишь много позднее, когда войско Немедра уничтожило его, приплыв из Сицилии на тридцати кораблях.

Вот такие нелепые сказки побудили жителей Килдерри покинуть родные места, и, услышав их, я перестал удивляться тому, что Берри отказался обращать на них внимание. Однако он испытывал большой интерес к древней истории и предложил тщательно исследовать топь после ее осушения. Ему часто доводилось посещать белые руины на островке, но, хотя их древний возраст был очевидным, а очертания мало походили на большинство развалин в Ирландии, они были слишком обветшалыми, чтобы судить об их облике в дни расцвета. Теперь все было готово для начала дренажных работ, работ-

ники с Севера вскоре должны были начать очистку запретной топи от зеленого лишайника и вересковых зарослей, засыпку медких ручейков, высланных ракушками, и тихих голубых водоемов, окаймленных камышом.

После того, как Берри сообщил мне все это, я почувствовал сильную дремоту: видимо, сказала усталость от долгой дороги, да и рассказ моего хозяина затянулся далеко за полночь. Слуга проводил меня в отведенную мне комнату, располагавшуюся в отдаленной башне, которая возвышалась над деревней и равниной на краю топи; так что в лунном свете я мог из своих окон видеть мирные кровли, оставленные местными жителями и давшие теперь приют работникам с Севера, а также приютскую церковь со старинным шпилем, да еще вдали — маленький островок на глади молчаливой топи, на котором призрачной белизной светились древние развалины. Стоило мне погрузиться в сон, как мне почудилось, что издалека доносятся слабые звуки; они были неистовыми и в то же время почти музыкальными и породили странное возбуждение, окрасившее мои сны. Наутро я решил, что все это мне приснилось, поскольку видения, возникавшие перед моими глазами, были куда причудливее звуков неистовых ночных флейт. Под влиянием легенд, о которых поведал мне Берри, разум мой во сне блуждал по городу, лежавшему в зеленой долине, где были мраморные улицы и памятники, особняки и храмы с искусной резьбой и надписями, а все жители торжественно изъяснялись по-гречески. Я рассказал этот сон Берри, и мы оба посмеялись, хотя мой смех был явно громче, поскольку он был озадачен странным поведением работников с Севера. Вот уже шесть раз подряд они проспали, поднимаясь с большим трудом и крайней медлительностью, как будто совершенно не отдохнули, хотя накануне спать ложились довольно рано.

Утром и в течение дня я бродил в одиночестве по залитой солнцем деревне, время от времени беседуя с невыспавшимися рабочими, так как Берри был занят последними приготовлениями к началу дренажных работ. Рабочие выглядели не особенно счастливыми, поскольку, как выяснилось, многие из них были обеспокоены неприятными сновидениями, которые безуспешно пытались припомнить. Я рассказал им свой сон, но их заинтересовали только те странные звуки, которые мне почудились. Тут все они как-то странно посмотрели на меня и сообщили, что испытали нечто очень похожее.

За ужином Берри объявил, что решил начать дренаж через два дня. Я обрадовался этому сообщению, потому что, хоть меня и не очень привлекала перспектива исчезновения вереска, мха, маленьких ручейков и водоемов, но я испытывал

растущее желание узнать, какие же секреты таит заросший камышом торфяник. Этой ночью мои сновидения пришли к неожиданному и пугающему концу: на город в долине обрушилась чума, а затем ужасная движущаяся масса лесистых холмов похрыла мертвые тела на улицах, оставив непогребенным лишь расположенный на вершине высокого холма храм Артемиды, где лежала лунная жрица Клеис, холодная и безмолвная, с короной из слоновой кости на серебряном челе.

Я упомянул, что проснулся внезапно, в сильной тревоге. Некоторое время я не мог понять — сплю или бодрствую; ибо пронзительные звуки флейт все еще звучали в ушах; но когда я увидел на полу ледяные лунные лучи и очертания решетчатого готического окна, то понял, что не сплю и нахожусь в замке Килдерри. Потом я услышал, как где-то внизу часы пробили один или два раза, и окончательно убедился, что проснулся. И все же издали доносились монотонные звуки свирели; неистовые пугающие мелодии, которые заставили меня вспомнить пляски фавнов в далеком Меналусе. Все это не позволяло заснуть, так что я в нетерпении начал расхаживать по комнате. Подойдя к северному окну, я взглянул на тихую деревню и равнину у края топи. У меня не было желания всматриваться, ибо я все еще хотел спать; но звук свирелей терзал душу и что-то нужно было с этим делать. Как мог я предполагать, что именно суждено было мне узреть!

Там, в лунном свете, заливавшем широкую равнину, разворачивалось зрелище, увидев которое, всякий смертный запомнил бы его на всю жизнь. Под звуки тростниковых флейт, оглашавшие пространство топи, над ним тихо и жутко плавала толпа колеблющихся фигур, кружившихся в праздничном танце, подобно сицилийцам, которые в стародавние времена плясали при полной луне и возносили свои хвалы богине плодородия Деметре. Широкая равнина, золотой свет луны, движущиеся тени и, в особенности, резкие звуки свирелей почти парализовали меня; однако же я смог заметить, что половину этих неутомимых механических танцоров составляли рабочие, которые в это время должны были спать; остальными были легкие, воздушные создания, белые, неопределенной природы, как бледные задумчивые наяды, вышедшие из потаенных источников, скрытых в глубине топи. Не могу сказать, сколько времени наблюдал я эту завораживающую сцену из одинокого окошка-бойницы, пока неожиданно не упал в обморок, из которого меня вернул к сознанию яркий солнечный свет.

Первым мои импульсом после пробуждения было броситься к Денису Берри, чтобы рассказать об увиденном, однако

при солнечном свете, заливавшем комнату через восточное окно, все происшедшее представилось абсолютно нереальным. Я оказался жертвой странного наваждения и вместе с тем чувствовал в себе достаточно сил, чтобы не поверить в него; поэтому я ограничился опросом рабочих, которые в этот день опять проспали допоздна и ничего не могли вспомнить, кроме пронзительных звуков, услышанных во сне. Эти призрачные звуки свирелей очень меня беспокоили; я даже предположил, что осенние сверчки появились прежде своего времени, будоража покой ночи и порождая призраков. В тот же день я увидел, как Берри работал в библиотеке над планами своего большого предприятия, которое должно было начаться завтра. Признаюсь, что в этот момент я впервые ощутил тот самый страх, который, видимо, согнал с насиженных мест местных крестьян. Меня, по неясным причинам, ужаснула мысль о том, что древняя топь с ее тайнами будет потревожена; воображение рисовало страшные образы этих тайн, скрывавшихся в бездонных болотных глубинах. Все более крепла моя уверенность в неблагоприятии предания этих тайн солнечному свету, поэтому я стал подыскивать благовидный предлог для того, чтобы быстрее покинуть замок и деревню. Однако попробовав как бы небрежно коснуться этой темы в разговоре с Берри, я натолкнулся на его громкий смех, а потому не стал продолжать. Так что я молча встретил блистательный закат солнца за дальними холмами; Килдерри переливался перед моими глазами красным и золотым пламенем, и это казалось каким-то знамением.

Были события наступившей ночи реальностью или иллюзией — точно сказать не могу. Они определенно перешли все мыслимые пределы наших фантазий о природе и вселенной; кроме того, я не в состоянии объяснить известные теперь всем факты происшедших исчезновений. Спать я лег рано, однако долгое время не мог заснуть в жуткой тишине башни. Было темно, несмотря на ясное небо, поскольку луна находилась на ущербе и не появлялась раньше полуночи. Я лежал и думал о Денисе Берри, о том, что приключится с топью, когда наступит день, и мной постепенно овладевало непреодолимое желание выбежать в ночь, сесть в машину Берри и помчаться на ней из этого зловещего места в Баллилог. Но прежде чем мои страхи смогли вырасти в решение, я заснул и вновь увидел город в долине, мертвый и холодный под покровом ужасной тени.

По-видимому, меня опять разбудил резкий звук свирелей, хотя не на него я первым делом обратил внимание, проснувшись. Я лежал спиной к восточному окну, выходящему на топь, над которой всходила луна, и думал, что увижу пятно

света на противоположной стене, прямо перед своими глазами; но никак не ожидал того, что увидел. Да, свет действительно заиграл на стене, но это был совсем не тот свет, который дает луна. Ужасный, острый луч ярко-красного сияния проникал через готическое окно, так что вся комната озарилась бриллиантовым блеском невероятной интенсивности и неземного великолепия. Мои действия в первое мгновение могут показаться нелепыми, но ведь лишь в сказках человек совершает отважные и мудрые поступки. Вместо того, чтобы выглянуть в окно и определить источник необычного света, я отвел глаза в сторону и лихорадочно схватил свою одежду с панической мыслью о немедленном бегстве. Помню также, что я схватил свой револьвер и свою шляпу, но в конце концов потерял их, так и не выстрелив из первого и не надев вторую. Спустя некоторое время притягательная сила красного сияния пересилила страх, я подкрался к восточному окну и выглянул в него, а между тем непрерывное безумное завывание свирелей колыhalось и резонировало в помещениях замка и разносилось над деревней.

Над топью разливался поток ярчайшего света, алого, зловещего, источником которого были странные древние руины на отдаленном островке. Не могу утверждать, что именно находилось теперь на месте этих развалин, — должно быть, я совершенно обезумел, ибо на моих глазах они превратились в волшебное, роскошное сооружение, опоясанное колоннами; отсвечивающий пламенем мрамор конька его крыши вонзался в небо, подобно верхушке храма, возведенного на высокой горе. Визжали флейты, слышался бой барабанов, и, взирая на происходящее с благоговением и ужасом, я увидел гигантские силуэты на фоне мрамора и ослепительного свечения — темные танцующие фигуры. Эффект был потрясающим — почти немыслимым, — и я мог бы без конца смотреть на это зрелище, если бы не услышал слева резко усилившийся визг флейт. Дрожа от ужаса, который каким-то странным образом сочетался с экстазом, я пересек комнату и подошел к северному окну, откуда были виды на деревню и равнина у самого края топи. Тут глаза мои снова расширились в диком изумлении, как будто увиденное перед этим вовсе не выходило за пределы возможного, ибо на этот раз перед моими глазами по страшной, залитой красным светом равнине двигалась процессия, встретить которую можно было бы разве что в ночном кошмаре.

Полускользя, полуплывя в воздухе, медленно отступали к безмятежным водам и загадочным развалинам одетые в белое призраки топи, фантастически переплетаясь в каком-то древнем и торжественном церемониальном танце. Их ко-

лышущиеся просвечивающие руки, подчиняясь омерзительному визгу, манили за собой толпу шатающихся рабочих, которые покорно шли за ними бездумной, слепой и тяжелой поступью, как будто их вела непреодолимая дьявольская сила. Пока наяды приближались к топи, не меняя своего курса, новая цепочка спотыкающихся фигур вышла из замка через дверь, расположенную под моим окном, слепо прошла через двор и присоединилась к колонне рабочих, бредущих по равнине. Несмотря на то, что они находились довольно далеко, я сразу понял, что это — слуги, прибывшие с Севера, узнав уродливую громоздкую фигуру повара, сама абсурдность которой приобрела теперь оттенок трагизма. Флейты визжали совершенно чудовищно, и я вновь услышал бой барабанов, доносившийся с отдаленного островка, на котором находились развалины. Наконец, наяды бесшумно и плавно достигли воды и медленно по очереди стали погружаться в древнюю топь; между тем шедшие следом, не меняя скорости, неуклюже шлепались в трясину и исчезали в водовороте маленьких лузырьков, которые были почти неразличимыми в алом свете. Когда же, в конце концов, в темную бездну провалилась нелепая фигура несчастного повара, флейты и барабаны неожиданно смолкли, слепящие красные лучи из страшных развалин погасли, оставив гибельную местность пустынной и безнадёжной в рассеянном свете только что взошедшей луны.

Я испытывал совершенно неопиcуемый страх. Не осознавая, нахожусь я в здравом уме или в полном безумии, я оцепенел, и, по-видимому, только это меня и спасло. По-моему, в тот момент я, повинувшись странному и безотчетному побуждению, возносил молитвы Артемиде, Латоне, Деметре, Персефоне и Плутону. Все, что я вспомнил в эту минуту из полученного классического образования, пришло на память, и я шептал что-то бессвязное, поскольку кошмар происходящего пробудил самые глубинные суеверия, таившиеся в моей душе. Я понял, что стал свидетелем гибели целой деревни, и знал, что теперь в замке остались лишь мы с Денисом Берри, чье твердолобое упрямство стало причиной катастрофы. Когда я вспомнил о Берри, новый приступ страха овладел мною; я рухнул на пол — это был не обморок, а полное физическое изнеможение. Затем я ощутил вспышку ледяного света из восточного окна, с той стороны, где вошла луна, и услышал вопли, доносившиеся из нижних помещений замка. Вскоре эти вопли достигли такой силы, что не поддавались никакому описанию, и понял, что их издает существо, которое было для меня близким другом, я лишился чувств.

Через какое-то время холодный ветер и продолжающиеся

крики вернули меня в сознание, а в следующее мгновение я, как безумный, бежал по темным комнатам и коридорам, затем через двор прямо в ночь. Меня обнаружили уже утром, бездумно блуждающим в окрестностях Баллилога, однако, как выяснилось, состояние моего временного помешательства было вызвано вовсе не тем, что я видел или слышал накануне. Очнувшись, я бессвязно описал два эпизода, сопровождавшие мое бегство: сами по себе малозначимые, они, тем не менее, с тех пор постоянно преследуют меня, в особенности когда я оказываюсь вблизи от болотистого места или вижу лунный свет.

Пока я убегал от этого проклятого замка вдоль края топи, я услышал новый звук: совершенно обычный, но ранее не встречавшийся мне в Килдерри. Стоячие воды, ранее совершенно лишенные всяких признаков жизни, теперь кишели множеством гигантских липких жаб, которые издавали пронзительные крики, тональностью совершенно не соответствовавшие их размерам. Раздувшиеся, зеленые, они сверкали в лунных лучах и, казалось, не сводили глаз с источника света. Я посмотрел в направлении взгляда одной особенно жирной и уродливой жабы и тут увидел картину, которая окончательно лишила меня сознания.

Это был слабый колеблющийся луч, поднимавшийся прямо из развалин на далеком островке к ущербному диску луны. Его сияние не отражалось в поверхности вод. А рядом с этой бледной дорожкой света мое воспаленное воображение нарисовало колеблющуюся тонкую тень; тень смутную, искривленную, как будто растягиваемую невидимыми демонами. Обезумевший, я разглядел в этой ужасающей тени дьявольское подобие: тошнотворную, невообразимую карикатуру — богохульное изображение того, кого раньше называли Денисом Берри.

**Х.Ф.ЛАВКРАФТ,
А.У.ДЕРЛЕТ**

**РЫБАК
С СОКОЛИНОГО
МЫСА**

На Массачусетском побережье, где когда-то жил Энох Конгер, люди предпочитают говорить о нем шепотом — часто намеками, приглушенно, с большой осторожностью. Причиной подобного поведения стала череда поистине невероятных событий, о которых твердит непрекращающаяся молва, беспрестанно будоражащая воображение тружеников моря в порту Инсмаута, поскольку сам Энох жил в нескольких милях от этого города — на Соколином мысу. Местечко это было названо так потому, что с него, как с некоего длинного каменного пальца, врезавшегося в пространство моря, можно было временами наблюдать косяки мигрирующих птиц — соколов, сапсанов, а иногда и крупных кречетов. Вот там он и жил — до тех пор, пока не пропал из виду, хотя никто не может утверждать, что он действительно умер.

Это был мощный мужчина, широкоплечий, с выпуклой грудью и длинными мускулистыми руками. Даже в зрелом возрасте он продолжал носить бороду, а голову его украшала копна волос, похожая на корону. Его холодные голубые глаза глубоко сидели на квадратном лице, а когда он надевал рыбацкий водонепроницаемый плащ и соответствующую шляпу, то вообще сильно походил на моряка, только что сошедшего на берег с борта шхуны, бороздившей морские просторы лет сто назад. По натуре своей он был неразговорчивым человеком и жил совсем один в доме, который сам же и построил из камня и прибитого к берегу плавника на этой продуваемой насквозь ветрами земле, куда доносились крики чаек и крачек, где слышался шум прибоя, а иногда, в соответствующее время года, отголоски летящих в вышине перелетных птиц. Люди поговаривали, что, слыша их голоса, он нередко отвечал им, разговаривал и с чайками, и с крачками, а иногда даже с ветром и вздымающимся морем; более того, многие считали, что он вступал в диалог с человекоподобными существами, которые не водились в болотах и топях большой земли и которых никто не видел, а лишь слышал их приглушенные голоса.

Кормился Конгер исключительно рыболовством, кстати, весьма скудным, хотя он никогда не жаловался и, казалось, был доволен своей судьбой. Он забрасывал свою сеть в море и днем и ночью, а весь улов сразу же отвозил в Инсмаут или в Кингспорт, а случалось, и куда подальше — на продажу. Но вот однажды лунной ночью он вернулся без улова и ничего не привез в Инсмаут, разве что самого себя, да и то в весьма странном обличье, с широко раскрытыми, неподвижными глазами, как у человека, который слишком долго смотрел на полоску догорающего заката. Он сразу же

направился в располагавшуюся на окраине города знакомую ему таверну и, усевшись за столик, принялся заливать в себя эль. Вскоре к нему приблизился один из старых знакомых, присел за столик, после чего, видимо, под воздействием спиртного язык у рыбака развязался, хотя со стороны могло показаться, что он разговаривает сам с собой и почти не замечает собеседника.

Он рассказал, что видел этой ночью невероятное чудо. Отплыв на своей лодке к Рифу Дьявола, что находился примерно в миле от Инсмаута, он забросил сеть и вытащил немало рыбы — и кое-что еще. Нечто такое, что внешне очень походило на женщину, и все же не было женщиной. Это что-то разговаривало с ним, как человек, но голос был какой-то гортанный, очень похожий на кваканье лягушек, сопровождающееся звучанием флейты, — совсем как во время лягушачьих концертов, которые по весне можно услышать на местных болотах. На лице этого существа виднелся широкий, отдаленно похожий на рот разрез, были и мягко смотревшие на Конгера глаза, а в том месте, где кончались ниспадавшие с головы волосы, виднелись походившие на жабры щели. По словам рыбака, существо молило его о пощаде, просило отпустить, а в награду обещало — если, конечно, в этом возникнет необходимость, — спасти ему жизнь.

— Русалка, — сказал один из присутствующих в таверне и рассмеялся.

— Это не русалка, — проговорил Энох Конгер, — потому что я видел у нее ноги, хотя и с перепонками между пальцев. Руки у нее — тоже с перепончатыми пальцами, а кожа на лице совсем такая же, как у меня или тебя, хотя цветом очень похожа на море.

Все дружно рассмеялись, с разных сторон посыпались бесчисленные шутки и остроты, но рыбак, казалось, их даже не замечал. Лишь один из присутствовавших, выслушав рассказ, не стал смеяться, потому что и раньше слышал от стариков и старух Инсмаута немало странных повествований, дошедших до них еще со времен старинных клипперов и торговых рейсов в Вест-Индию. В этих преданиях говорилось о браках между местными мужчинами и морскими женщинами, жившими в южной части Тихого океана, а также о странных событиях, которые случались в море неподалеку от Инсмаута. Человек этот не смеялся и лишь внимательно вслушивался, после чего, так и не проронив ни слова, потихоньку вышел из таверны. Однако Энох Конгер даже не заметил этого, поскольку со всех сторон его окружало дикое ржание охмелевших

шутников, всю потешавшихся над его рассказом. А он все говорил и говорил о том, как сжимал в своих руках запутавшееся в сетях существо, описывая ощущение от соприкосновения с холодной кожей ее тела, как он освободил ее, после чего она бросилась в море и поплыла, какое-то время выделяясь на темном фоне Рифа Дьявола. Наконец, она приподняла над водой одну руку и тут же бесследно скрылась в пучине.

После этой ночи Энох Конгер стал совсем редко бывать в таверне, а если и приходил туда, то садился за пустующий столик, избегая разговоров с теми, кто снова подступал к нему с расспросами насчет «русалки» и очень хотел узнать, не сделал ли он ей какого предложения перед тем, как отпустить восвояси. Он почти ни с кем не разговаривал, спокойно попивал свой эль, после чего уходил. Но все знали, что с тех пор он никогда больше не рыбачил у Рифа Дьявола, предпочитая забрасывать сети в другом месте, преимущественно возле Соколиного мыса, и хотя люди тайком поговаривали, что Энох опасался снова увидеть ту женщину, которая памятной лунной ночью запуталась в его сетях, его часто можно было видеть стоящим у самой кромки мыса и смотрящим в сторону моря. Со стороны могло показаться, что он ждет, когда над горизонтом покажется долгожданное судно, а может, просто тоскует по счастливому завтрашнему дню, который постоянно маячит перед взором многих ловцов удачи, но так и не наступает, или просто думает, как любой другой человек, о чем-то своем.

Энох Конгер все больше уходил в себя, постепенно даже и без того редкие его визиты в таверну на окраине города прекратились вовсе, а сам он предпочитал после окончания рыбной ловли сразу отправляться на рынок, где, распродав товар, приобретал необходимое ему для существования и возвращался домой. Между тем его рассказ о русалке продолжал передаваться из уст в уста, постепенно люди стали разносить его в глубь континента, к Аркхэму и Данвичу, что стоял на реке Мискатоник, а то и дальше — к темным, поросшим лесом холмам, населенным людьми, не склонными понапрасну чекать языками.

Прошел год, за ним еще, потом и еще, и вот однажды вечером до Инсмаута долетело известие о том, что во время одного из своих одиночных выходов в море Энох Конгер сильно поранился, и спасли его два других рыбака, обнаружившие молчуна лежащим на дне своей лодки. Они отнесли Эноха в его дом на Соколином мысе, поскольку он категорически отказался следовать куда-либо еще, и поспешили в Инсмаут за

доктором Гилманом. Однако, когда они вернулись обратно в дом Эноха с доктором, рыбака там уже не было.

Доктор Гилман предпочитал помалкивать о своих впечатлениях, тогда как оба спасителя направо и налево рассказывали об увиденном. Когда они снова прибыли в дом Эноха, то обнаружили, что изнутри он был весь сырой, влага буквально струилась по его стенам, мокрыми были даже ручка двери и постель, на которую они заботливо уложили Конгера перед тем, как отправиться за доктором. На полу виднелись следы мокрых перепончатых ног. Следы выходили за порог дома и вели в сторону моря. Приглядевшись к ним, они заметили, что те были очень глубокие, как будто шагавший нес на себе что-то тяжелое, что-то такое, что по весу походило на Эноха.

Несмотря на то, что рассказ рыбаков передавался из уст в уста, обоих опять же нещадно высмеяли, обвинив во вранье, поскольку, по их же словам, к морю из дома вела лишь одна цепочка следов, и едва ли нашлось бы такое существо, которому было бы под силу одному унести на такое расстояние громоздкого Конгера. Кроме того, доктор Гилман прямо заявил, что, услышав от жителей Инсмаута что-то про перепончатые ноги, он может твердо заявить: ему приходилось однажды видеть босые ноги Эноха Конгера и он может поклясться в том, что это были самые обычные человеческие ступни, без всяких перепонок. Что же касается тех любопытных, которые решили сами наведаться в дом Эноха и увидеть все своими собственными глазами, то по возвращении вид у них был довольно разочарованный, поскольку ничего особенного они там не обнаружили. Таким образом, хор насмешек над двумя несчастными рыбаками усиливался, заставив их в конце концов умолкнуть. В немалой степени этому способствовало и то, что появлялись слухи, будто эта парочка умышленно сводит какие-то счеты с Энохом, а теперь распространяет всякие небылицы о его судьбе.

Каким бы образом Энох Конгер ни исчез из своего дома, на Соколиный мыс он так и не вернулся, тогда как море и ветер продолжали делать свое дело, отрывая от строения где кусок кровли, где доску, сдувая осколки кирпичей, из которых был сложен дымоход, сокрушая оконные рамы; чайки, крачки и соколы пролетали мимо, так и не услышав ответного крика на свой зов. Постепенно слухи, возникшие на побережье, стали затихать, а вместо них пришли мрачные намеки по поводу возможно совершенного убийства и прочей не менее туманной, но столь же зловещей причины исчезновения рыбака.

Как-то однажды на берег пришел почтенный старик по имени Джедедиа Харпер, патриарх местных рыбаков, который стал клясться, что не так давно плавал неподалеку от Мыса Дьявола и видел в море странную компанию существ, чем-то похожих на людей, а в чем-то смахивавших на лягушек, которые и передвигались в воде также отчасти по-человечьи, а отчасти по-лягушачьи. Было их десятка два — мужчин и женщин. Он сказал, что они проплыли рядом, совсем близко от его лодки, и тела их сияли в лунном свете, как призраки, восставшие из глубин Атлантики, а двигаясь мимо него, они словно воспевали хвалу богу Дэгону. При этом он вновь поклялся, что видел среди них Эноха Конгера, который плыл вместе с остальными, как и они, голый, и голос его, участвовавший в общем хоре, был отчетливо слышен в ночной прохладе. Несказанно изумленный, Харпер громко окликнул его, Энох остановился и оглянулся, так что старик увидел его лицо. После этого вся группа — Энох в том числе — скрылась в волнах моря и больше не появлялась.

Рассказ этот всколыхнул новую череду слухов, однако, как поговаривали, довольно скоро Харперу заткнули рот ребята из клана Марша и Мартина, о которых ходила молва, будто они породнились с обитателями моря. Сам же старик больше в море не выходил, поскольку не испытывал особой нужды в деньгах; что же до его помощников, также присутствовавших при том странном ночном явлении, то они явно предпочли держать языки за зубами.

Много времени спустя один молодой человек, еще мальчишкой помнивший Эноха Конгера во время его визитов в Инсмаут, приехал в этот город и рассказал, что вместе с сыном также лунной ночью рыбачил неподалеку от Соколиного мыса, когда неожиданно из морской пучины совсем рядом с его лодкой появилась почти по пояс обнаженная мужская фигура — она была так близко от него, что он мог буквально дотронуться до нее своим веслом. Человек этот стоял в воде так, словно его кто-то поддерживал снизу, и, казалось, совершенно не замечал его и лишь смотрел на руины старого дома, некогда стоявшего на Соколином мысу, — в глазах его застыла бездонная тоска, а лицом он очень походил на Эноха Конгера. По его длинным волосам и бороде стекали струи воды, чуть поблескивавшие в лунном свете на темнеющей коже, а прямо под мочками ушей на шее виднелись длинные тонкие разрезы. Затем, так же неожиданно, как и появился, он исчез под водой.

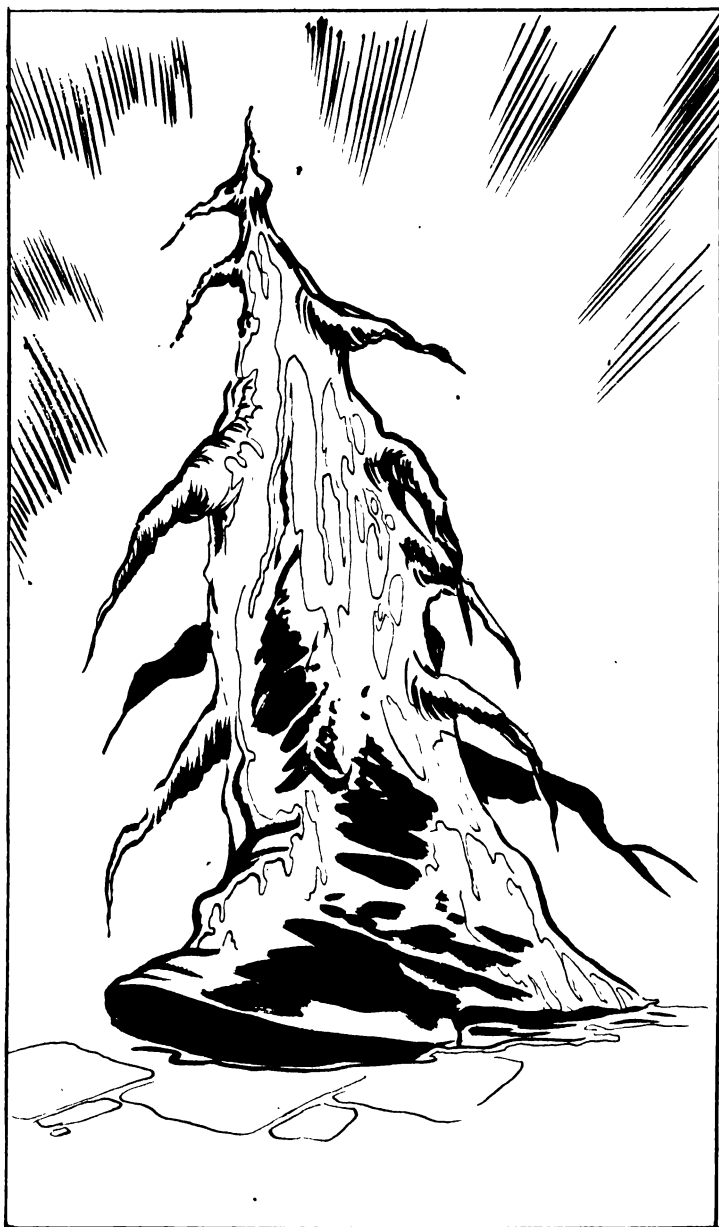
Вот почему на Массачусетском побережье близ Инсмаута люди предпочитают говорить больше шепотом, упоминая имя

Эноха Конгера, а уж когда дело доходит до намеков, то их произносят и подавно приглушенно, с большой осторожностью...

**Х.Ф.ЛАВКРАФТ
А.У.ДЕРЛЕТ**

ТЕНЬ ИЗ КОСМОСА

«Высшее проявление милосердия в этом мире... есть неспособность человеческого разума охватить целиком все его содержание. Мы живем на острове невежества посреди черного океана бесконечности, и из этого следует, что мы не должны далеко отплывать...»

I

Если верно, что человек живет на краю бездны, тогда большинство людей, безусловно, могут переживать моменты осознания — точнее будет сказать, предсознания, когда огромные, неисследованные глубины, существующие от века близ маленького мира, освоенного человеком, становятся на один катастрофический миг ощутимыми; когда ужасающий бездонный колодезь знания, из которого самый мудрейший человек лишь пригубил, порождает призрачные очертания, способные даже самое твердое и бесчувственное сердце наполнить диким непреодолимым страхом. Разве всякий из живущих знает истинные начала человека? Или его подлинное место в космосе? И о том, действительно ли человек осужден к бесславному, постыдному Существованию, чтобы в конце концов пойти на корм червям?

Есть кошмары, которые каждую ночь бродят коридорами наших снов, населяют мир наших ночных фантазий; кошмары, лишь отдаленно связанные с нашей дневной жизнью. Однако я все чаще и чаще сталкиваюсь с миром, лежащим за пределами привычного для нас — возможно, восприятие мое смутно и неопределенно, но все же это не просто галлюцинация. Должен признаться, такого со мной не было до знакомства с Эмосом Пайпером.

Меня зовут Натаниэль Кори. Вот уже более пятидесяти лет я — практикующий психоаналитик. Являюсь автором учебника и бесчисленных статей, опубликованных в специализированных журналах. После учебы в Вене много лет практиковал в Бостоне, лишь в последнее десятилетие отошел от психотерапевтической деятельности и переехал в университетский городок Эркхем. Без ложной скромности скажу, что обладаю завоеванной упорным трудом репутацией специалиста, которую, как я опасаясь, данные записки могут поставить под сомнение. Тем не менее, молю бога, чтобы они не остались незамеченными.

Не покидающее меня дурное предчувствие подвигло записать соображения о наиболее интересном и захватывающем случае, встретившемся мне за всю многолетнюю практику. Я вообще — то не склонен предавать гласности сведения, касающиеся моих пациентов, но в данном случае меня

принуждают к этому особые обстоятельства, сопровождающие работу с Эмосом Пайпером и поначалу представлявшиеся мне совершенно посторонними; в действительности, однако, весьма существенные и куда более важные, чем я считал, впервые с ними познакомившись. Есть силы разума, скрытые тьмой; есть силы тьмы, находящиеся по ту сторону разума, — и это не только ведьмы или колдуны, не только привидения, гоблины или прочее наследие примитивных верований, но силы куда более ужасные и могущественные, находящиеся за пределами человеческого понимания.

Имя Эмоса Пайпера может быть известно тем, кто помнит его статьи по антропологии, опубликованные лет десять или более тому назад. Я встретился с ним в 1933 году, когда его привела в мой кабинет его сестра Эбигайль. Это был высокий мужчина, который, похоже, в прошлом был достаточно упитанным, но теперь на его ширококостной фигуре одежда висела так, будто он сильно потерял в весе за сравнительно короткое время. Как выяснилось, догадка моя была точной; и хотя казалось, что Пайперу скорее необходима чисто медицинская помощь, чем консультация психоаналитика, но сестра его объяснила, что он обращался к лучшим врачам, и все до единого пришли к выводу о психическом характере его проблем, признав их лежащими вне пределов своей компетенции. Некоторые из моих коллег порекомендовали мисс Пайпер мою персону, вдобавок некоторые сослуживцы Пайпера из университета Мискатоника присоединились к советам врачей — в результате Пайперы и появились у меня.

Пока сам Пайпер собирался с мыслями в кабинете, сестра ввела меня в курс его проблем. Она изложила суть дела с поразительной краткостью. Пайпер стал жертвой ужасающих галлюцинаций, которые возникали у него всякий раз, как он закрывал глаза или опускал веки в бодрствующем состоянии, а также и во время сна по ночам. Вот уже три недели он совсем не спал, причем именно за это время стал так сильно худеть, что это обеспокоило и его самого и сестру. Мисс Пайпер сообщила также, что за три года до этого во время посещения театра с ее братом случился нервный припадок, последствия которого сохранялись так долго, что лишь месяц назад Пайпер вновь стал самим собой. Однако спустя примерно неделю после этого возвращения в норму началось новое наваждение, причем мисс Пайпер показалось, что между его состоянием в период болезни и этим новым, последовавшим за коротким промежутком «нормальности», имелась явная логическая связь. Лекарства помогли восстановить сон, но даже они не устранили сновидений, которые казались доктору Пайперу столь страшными, что он не решался о них рассказывать.

Мисс Пайпер откровенно ответила на все мои вопросы, но показала при этом полное отсутствие понимания причин болезни брата. Она уверяла, что он никогда не был агрессивным, но часто рассеян и отчужден от мира, в котором живет, как если бы пребывал в раковине, укрывавшей его от всех остальных.

После того, как мисс Пайпер вышла, я взглянул на своего пациента. Он сидел у стола с широко раскрытыми глазами, которые, казалось, обладали гипнотической силой, и, видимо, ему требовалось волевое усилие, чтобы держать их открытыми — настолько красными были воспаленные белки и затуманенными, радужные оболочки. Он явно был возбужден и сразу же принялся извиняться за свое появление, объясняя его тем, что не смог противостоять настойчивости сестры. Он был уверен, что ему ничем помочь нельзя, а потому заявил, что совершил ошибку, поддавшись ее уговорам.

Я сказал, что мисс Эбигайль кратко обрисовала мне его проблемы. Желая снять его страх, я говорил мягко, касаясь общих вопросов. Пайпер терпеливо и внимательно слушал, явно удовлетворенный моей интонацией, свободной и вместе с тем подбадривающей, которую я всегда использую для создания атмосферы доверия. Когда же я в конце концов спросил, почему Он не может закрыть глаза, он без всякого раздумья ответил, что просто боится сделать это.

— Но почему, — спросил я, — можете сказать?

Вот его ответ, каким я его запомнил:

— Как только я закрываю глаза, на сетчатке появляются странные геометрические фигуры и изображения и одновременно — неясные огни, а за ними — злобные образы, создания, недоступные опыту и пониманию человечества, бесконечно чуждые нам, но — и это ужаснее всего — создания разумные!

Я попросил его описать этих существ подробнее. Задача показалась ему весьма трудной. Описания были довольно неопределенными, но все равно поражали воображение. По форме существа напоминали складчатые морщинистые конусы, что с равной вероятностью могло свидетельствовать как о животном, так и о растительном происхождении. Стремясь описать мне поразительные создания, являвшиеся ему в видениях, Пайпер говорил с такой убежденностью, что я был немало удивлен живостью его воображения. Видимо, имелась некая связь между этими видениями и длительным заболеванием, которое его преследовало. Он не сразу ответил на мой вопрос об этом, но потом все-таки начал рассказывать, довольно бессвязно и непоследовательно, так что мне приходилось самому восстанавливать реальный ход событий.

История эта началась, когда ему было сорок девять лет. Именно тогда случился с ним приступ болезни. Он присутст-

вовал на спектакле по пьесе Мозма «Письмо», когда в середине второго акта внезапно потерял сознание. Его перенесли в кабинет директора, где попытались привести в чувство. Попытки эти оказались тщетными, и Пайпер был отправлен на машине скорой помощи домой; там врачи еще несколько часов предпринимали усилия, чтобы вывести его из обморока. Поскольку и это закончилось неудачей, Пайпера поместили в больницу. В течение трех суток он находился в коматозном состоянии, затем сознание вернулось к нему.

Однако тут было замечено, что он явно «не в себе». Похоже было, что его личность подверглась серьезным изменениям. Наблюдавшие за пациентом медики поначалу сочли его жертвой паралича, но версия эта не подтвердилась в силу отсутствия сопутствующих симптомов. И вместе с тем степень нарушений была столь сильна, что даже самые обычные поведенческие акты давались ему с огромными усилиями. Например, ему трудно было удерживать в руках предметы; хотя его физическая конституция ничуть не пострадала, да и артикуляция оставалась вполне нормальной. При этом он брал предметы в руки совсем не так, как существо, обладающее пальцами, а пользовался большим пальцем и остальными, как когтями, то есть совершенно не применяя собственно движения пальцев. И то была не единственная странность его поведения после возвращения в сознание. Он должен был заново учиться ходить, продвигаясь буквально по дюйму, как будто оказался начисто лишенным способности к обычному передвижению. Очень большие трудности испытал он также, восстанавливая человеческую речь; первые попытки были связаны с использованием рук и теми же когтеобразными движениями, что при хватании предметов, при этом он издавал странные свистящие звуки, бессмысленность которых его очень тревожила. И несмотря на все перечисленные странности, интеллект Пайпера, очевидно, нисколько не пострадал, ибо учился он очень быстро и уже через неделю овладел всеми прозаическими актами поведения, являющимися неотъемлемой частью повседневной жизни любого человеческого существа.

Но если интеллект его ничуть не пострадал в результате болезни, то о памяти этого нельзя было сказать, поскольку все события предшествующей жизни начисто из нее стерлись. Он не узнал свою сестру, так же как не узнал никого из своих коллег по университету Мискатоника. Выяснилось, что он ничего не знает об Эркхеме, штат Массачусетс, да и о Соединенных Штатах ему известно немногим больше. Необходимо было заново предоставлять ему всю эту информацию, хотя усвоить ее он смог очень быстро — менее чем за месяц — такой сверхкороткий срок понадобился ему для того, чтобы вновь овла-

деть человеческими знаниями, проявив феноменальную память по отношению ко всему вновь воспринятому. Вообще, можно сказать, что память в период болезни оказалась бесконечно совершеннее его прежней, «нормальной» памяти.

Лишь после того, как Пайпер вновь адаптировался к действительности, началось то, что впоследствии он называл «необъяснимым периодом» своего поведения. Он покинул университет Мискатоника на неопределенное время и стал много путешествовать. При этом, однако, к моменту визита ко мне он ничего не знал о своих путешествиях, точнее — не знал об этом с момента «выздоровления» после болезни, преследовавшей его в течение трех лет. Что происходило во время его путешествий, что он делал — об этом он не имел никакого понятия, и это тем более удивительно, что во время болезни память его была просто феноменальной. Ему потом сообщили, что он посещал странные, малонаселенные места, разбросанные по всему земному шару, — Аравийскую пустыню, Внутреннюю Монголию, Полярный Круг, острова Полинезии, Маркизские острова, древнюю страну инков на территории Перу и другие. Никаких воспоминаний о пребывании там, повторяю, у него не осталось, ничего не прояснял и его багаж, если не считать образцов древних иероглифических надписей, в основном — на камне, которые мог привезти с собой любой турист.

Время, свободное от этих таинственных путешествий, он проводил в чтении колоссального количества книг, со скоростью почти немыслимой, каковое происходило в самых крупных библиотеках мира. Начиная с библиотеки университета Мискатоника в Эрхеме, обладавшей знаменитой коллекцией запрещенных рукописей, накопленной в течение столетий, и до Каира с его хранилищами — таков был диапазон его исследований, хотя большую часть времени он провел в Британском музее Лондона и Национальной библиотеке в Париже. Помимо этого, Пайпер обращался к бесчисленным частным книжным собраниям, к которым мог получить доступ.

Сделанные в тот период записи, которые он попытался проверить во время недели своей «нормальности», используя все доступные средства связи — радио, телеграф и телефон, показали, что в период болезни его неизменно интересовали старинные книги, причем лишь некоторые были известны ему до болезни, да и то смутно. Среди них были «Рукописи Пнакотика», «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда, «Тайные культы» фон Ютца, «Изуверские ритуалы» Людвига Принна, «Тексты из Р'льеха», «Семь таинственных рукописей Хсана», «Песнопения Дхола», «Либер Айворис», «Записки Целено» и многие другие, им подобные книги; некоторые имелись лишь в отрывках. Разумеется, среди прочи-

таннных им книг было много исторических, но в соответствии с записями, восстановленными Пайпером, чтение всегда начиналось с источников, относящихся к древним легендам и фольклору, содержавших описание Сверхъестественных явлений, и лишь затем он переходил к исследованиям в области истории и археологии, причем последовательность эта оставалась неизменной, в какой бы библиотеке он ни работал. Можно было подумать, что Пайпер считал историю человечества начинающейся не с времен античности, а с того чудовищно древнего мира, который существовал задолго до времени, изучавшегося историками, и сведения о котором содержались только в древнейших оккультных манускриптах.

Помимо работы в библиотеках, Пайпер в этот период имел множество встреч в самых разных местах и с самыми разными людьми, ранее ему не знакомыми. Было одно объединявшее всех этих людей обстоятельство, как выяснил Пайпер впоследствии, — каждый из них, оказывается, пережил припадок, аналогичный тому, который случился с самим Пайпером в театре.

Хотя подобный образ жизни был совершенно не характерен для Пайпера до его заболевания, но в течение всего периода болезни образ жизни этот оставался исключительно стабильным и последовательным. Неисчислимы таинственные поездки, которые он совершал, общение и переписка с «коллегами» продолжались все время, в течение которого он пребывал «не в себе». Два месяца в Понейпе, затем месяц в Ангкор-Вате, три месяца в Антарктике, встреча с коллегой-ученым в Париже и лишь короткие промежутки между поездками, проведенные в Эрхеме, — вот каким был распорядок его жизни, вот как прошли три года прежде, чем он выздоровел. Но и после выздоровления, в свою очередь, наступил период серьезнейшего смещения, отнявший у Эмоса Пайпера всякие воспоминания о происшедшем в течение этих трех лет и побудивший его бояться закрывать глаза, что-бы не допустить в подсознание то, что внушало такой же благоговейный ужас, как и его причудливые сновидения.

II

Мне понадобились три встречи с Эмосом Пайпером, чтобы уговорить его рассказать о своих удивительно ярких сновидениях, тех самых ночных блужданиях в дебрях бессознательного, которые его так тревожили и расстраивали. Характер снов не менялся, хотя каждый из них был довольно бессвязным и фрагментарным, и ни в одном не было промежу-

точной фазы, разделяющей состояния сна и бодрствования. Тем не менее в свете болезни Пайпера все его сны представлялись весьма значимыми. Наиболее часто повторялся один сон, содержание которого, как его записал Пайпер, я излагаю ниже:

«Я работал в библиотеке в каком-то гигантском здании. Помещение, в котором я что-то выписывал из книги на чужом языке, столь огромно, что столы в нем размером с целую нашу комнату. Стены не деревянные, а базальтовые, хотя полки, идущие вдоль стен, сделаны из неизвестного мне темного дерева. Книги, с которыми я работал, были не напечатаны, а исполнены голографическим методом, многие — на том же странном языке, на котором я делал свои записи. Но были там книги и на знакомых языках, старинных — санскрите, греческом, латыни, французском и даже английском различных модификаций — со времен Пирса Плумена до наших дней. Столы освещались большими люминесцентными хрустальными шарами, а также странными приборами, состоящими из стеклянных трубок и металлических стержней без каких-либо соединительных проводов.

Если не считать книг на полках, помещение оставляло впечатление аскетической скудости. Обнаженные камни, изрезанные странными узорами: криволинейными математическими фигурами, а также иероглифами, теми же, что в книгах. Очень крупная кладка стен; блоки с выпуклостями наверху покрывал горизонтальный ряд блоков с вогнутым дном. Пол был выложен восьмиугольными плитами из того же базальта, что и стены. Стены голые, как и пол. Книжные полки поднимались от пола до самого потолка, между стенами располагались лишь столы, за которыми мы работали стоя, поскольку вокруг не было ничего похожего на стулья, да не было и желания сесть.

Днем за окном были видны деревья, напоминавшие папоротники, — целый лес таких деревьев. По ночам я мог смотреть на звезды, но ни одной знакомой среди них не было; ни одного созвездия, даже отдаленно напоминавшего ночных соседей нашей Земли. Это наполняло меня ужасом, поскольку я осознавал, что нахожусь в каком-то совершенно чужом месте, оторван от того, к чему привык, что когда-то знал и что теперь казалось мне безумно далеким. И тем не менее я понимал, что представляю собой неотъемлемую часть окружающего меня мира, и в то же время совершенно отличаюсь от него, как будто какая-то моя частица принадлежала этому бытию, другая же была ему абсолютно чужда. Записи, которые я делал, представляли собой историю двадцатого века — периода, в который я когда-то жил; причем историю эту я фиксировал в мельчайших деталях, хотя в точности и не понимал, ради чего это делается, разве что для пополнения и так уже колоссального

объема сведений, собранных во всех книгах, разместившихся в этой и соседних комнатах, поскольку все здание являлось гигантским хранилищем информации. Кстати, оно не было единственным, ибо из происходивших вокруг меня разговоров я понял, что есть и другие хранилища далеко отсюда, где сидят такие же люди, как и я, занятые тем же самым делом. Вся эта работа была необходима для возвращения Великого Народа — того, к которому мы все принадлежали, — возвращения в те места вселенных, которые когда-то, многие эпохи тому назад, были нашим домом, до тех пор, пока война с Древнейшими не вынудила нас спасаться бегством.

Во время работы я был охвачен непреодолимым страхом. Я боялся посмотреть на себя. Постоянно присутствовало опасение, что даже при беглом взгляде на собственное тело со мной произойдет нечто чудовищное; я помнил, что когда-то раньше посмотрел на себя и испытал дикий страх. Возможно, я боялся, что похож на всех остальных, ибо присутствовавшие были одинаковы по своему облику: все они представляли собой морщинистые, складчатые конусы, чем-то напоминавшие гигантские овощи, более десяти футов высотой; их головы и когтистые лапы венчали толстые конечности, кольцом расположенные на верхушке туловища. Передвигались они за счет распускания и сокращения мясистого слоя, присоединенного к их основанию. На каком языке они говорили, я не знал, но мог понимать звуки, издаваемые ими, поскольку каким-то образом ознакомился с этим языком с момента прибытия сюда. Звучание ничуть не походило на человеческую речь, представляя собой некое сочетание странных свистов, щелчков и царапаний гигантских когтей. Когти, повторяю, завершали лапы этих существ, бравшие начало в районе предполагаемой шеи, хотя ничего похожего на шею видно там не было.

Я чувствовал себя пленником внутри пленника, так как был заключен в тело, подобное окружавшим меня, а само тело это было заключено в гигантское помещение библиотеки. Тщетно пытался я обнаружить вокруг себя хоть что-то знакомое. Ничто не напоминало Землю, какой я знал ее с детства, напротив — все говорило о чудовищной отдаленности этого места, его принадлежности к бесконечным глубинам космоса. Я догадался, что все здесь, включая и меня, — пленники, хотя среди нас были и своего рода надсмотрщики. Последние внешне не выделялись, но их окружала некая атмосфера власти; они расхаживали среди нас, время от времени приходя на помощь. Надзиратели не были злобными и агрессивными, напротив — весьма предупредительными и вежливыми.

Похоже, что надсмотрщикам не разрешалось вступать с нами в разговоры, однако один из них был, по-видимому,

свободен от этого ограничения. Очевидно, он выполнял роль руководителя, поскольку передвигался с большой важностью, и, как я заметил, остальные демонстрировали ему свое почтение. Это объяснялось не только его позицией руководителя, но и тем, что он был обречен на смерть: так как Великий Народ еще не был готов к переселению, то телу, занимаемому этим существом, предстояло умереть до того, как переселение начнется. Он, безусловно, знал всех присутствующих и часто останавливался у моего стола — сперва лишь для того, чтобы произнести несколько слов ободрения, а потом и для более пространных высказываний.

От него я узнал, что Великий Народ населял Землю и другие планеты нашей и других вселенных за миллиарды лет до начала истории человечества. Морщинистые конусы, которые стали их обличем лишь несколько столетий тому назад, далеки от истинной формы представителей Великого Народа — более соответствовал им луч света, поскольку они были расой свободных разумов, способных внедряться в любое тело и вытеснять обитающий в нем разум. Великий Народ владел Землей до тех пор, пока не ввязался в титаническую войну за власть над космосом Между Старшими Богами и Древнейшими, ту самую войну, которой, по его словам, объясняется возникновение Христианских Мифов, ибо примитивный разум древнего человека воспринимал отголоски этой войны, как великое сражение между началами Добра и Зла. С Земли Великий Народ бежал в глубины космоса — сначала на Юпитер, затем еще дальше, на ту самую звезду, на которой находился теперь, — темную звезду в созвездии Тельца, где и оставался, постоянно опасаясь вторжения из района Озера Хали, места изгнания Хастура, одного из Древнейших, где тот пребывал после поражения в войне со Старшими Богами. Ныне звезда, принявшая их, погибала, так что все готовились к массовому переселению на другую звезду, в другое время — прошлое или будущее — и в тела других творений с большим сроком жизни, чем заселяемые ими складчатые конусы.

Подготовка состояла в перемещении разумов существ, которые ныне существовали в самых различных районах вселенной и в самых разных временных эпохах. Среди тех, кто теперь был рядом со мной в этом помещении, объяснил он, имелись люди-еревья с Венеры, существа полурастительной расы, населявшей Антарктику в Палеогене, представители великой цивилизации инков из Перу, а кроме того, раса людей, которым суждено будет населять Землю после атомной катастрофы, чей облик будет чудовищно изменен в результате мутаций под воздействием радиоактивных осадков; были здесь еще и подобные муравьям обитатели Марса, а также древние римляне и

люди из будущего, отстоящего на пятьдесят тысяч лет от нашего времени. Были и бесчисленные другие, всех рас, всех способов существования, населяющие миры, известные мне, и те, что отделены от нас тысячами и тысячами лет. Ибо Великий Народ мог по своей воле перемещаться в пространстве и во времени, а складчатые кону сы, составлявшие ныне их телесную оболочку, были всего лишь временным прибежищем, более кратким, чем большинство предшествовавших; место же, где они теперь вели свои грандиозные исследования, заполняя архивы сведениями из истории жизни всех миров и эпох, было для них не более, чем временным кровом, прежде чем они переселятся в новое, более постоянное жилище, в другом месте, в другом мире, в иной форме.

Все мы, работающие ныне в великой библиотеке, участвуем в формировании архивов, поскольку каждый пишет историю своего времени. Засылая своих представителей в глубины пространства, Великий Народ получает возможность, с одной стороны, узнать о том, какие формы жизни существуют в других областях пространства и времени; причем «из первых рук», используя разумы тамошних обитателей, которые здесь занимают места исчезнувших представителей Великого Народа до поры, пока те смогут возвратиться. Великий Народ создал машины, позволяющие преодолевать время и пространство; грубым человеческим языком их можно описать, как машины, совершающие операции на теле — отделяющие и высвобождающие из него разум, так что когда задумывается путешествие во времени, путешественник поступает в распоряжение машины и осуществляется высвобождение его разума для дальнейшего перемещения в любую точку. При массовых перемещениях все переносится в новое место полностью освобожденными; все имущество, предметы материальной культуры, все изобретения, даже эта великая библиотека — все остается там, позади; Великий Народ снова начинает строить свою цивилизацию в надежде избежать уничтожения, которое случится, когда Древнейшие — Великий Хастур, Невыразимый Цтулху, лежащий в бездне вод, Ньярлатхотеп, Посланник, Азатхотх и Йог-Сотхотх со всеми своими потомками и последователями — освободятся от цепей и воссоединятся для новой титанической битвы со Старшими Богами.»

Таков был наиболее часто повторявшийся сон Эмоса Пайпера. На самом деле вряд ли это был цельный сон в обычном понимании, скорее он повторялся в отдельных фрагментах, дополнялся различными деталями, так что в конце концов стал восприниматься им, как постоянно повторяющийся. Последовательность его действий в период «нормальности» была весьма значимым образом связана с этим сновидением,

ибо она представляла собой обратный порядок соответствующих актов — сначала он имитировал действия существ, которые впоследствии описывались им, как морщинистые конусы, а затем они являлись ему в снах и, стало быть, отходили за грань сознания. Естественнее было ожидать обратного порядка — если его действия, скажем, попытки хватать предметы как бы когтями или разговаривать при помощи конечностей наблюдались после появления этих ярких сновидений. То, что ожидаемая последовательность была инверсирована, представлялось весьма важным.

Второй повторяющийся сон Пайпера выглядел как бы приложением к первому. И в нем Пайпер вновь находился за столом в гигантском зале библиотеки, где нельзя было сидеть, потому что не было ни одного стула, да к тому же морщинистому конусу и незачем было сидеть. Вновь перед его столом останавливался обреченный на гибель инструктор, и Пайпер продолжал расспрашивать его о Великом Народe.

— Я спросил его, каким образом Великий Народ рассчитывает сохранить в тайне свои планы, когда будут возвращены на свои места ранее перемещенные разумы. Он сказал, что это достигается двумя способами. Во-первых, из их памяти будут Изъяты все следы пребывания в этом месте — это будет сделано перед возвращением перемещенного разума, куда бы ему не предстояло направиться — в прошлое или будущее. Во-вторых, даже если какие-то следы сохраняются, они все равно будут настолько диффузными и бессвязными, что любые выводы, сделанные на основании их разрозненных фрагментов, покажутся окружающим столь невероятными, что они наверняка сочтут их игрой большого воображения, если не признаком психической болезни.

Далее он сообщил мне, что разумам Великого Народа разрешается самостоятельно определять место своего обитания. Их не бросали куда попало, чтобы занять первое попавшееся «жилище», которое попадется на пути; напротив, у них была возможность выбирать из тех созданий, которые им встречались. Вытесненный при этом разум направлялся в нынешнее место обитания Великого Народа, а свободный разум, занявший новое тело, продолжал свое существование в нем, приспособиваясь к жизни цивилизации, к которой примкнул, чтобы изучить следы древней культуры, расцветшей к моменту великого столкновения между Старшими Богами и Древнейшими. Даже после того, как представители Великого Народа узнавали все, что им было необходимо о способах жизни и возможных контактах с Древнейшими, в особенности об их ставленниках, которые могли бы противостоять Великому Народу (Народу, стремившемуся к миру и уединению, но более

близкому к Старшим Богам, чем к Древнейшим), время от времени осуществлялась дополнительная посылка этих представителей, чтобы убедиться, что ранее перемещенные разумы действительно ничего не помнят и, при необходимости, исправить ситуацию за счет нового перемещения.

Он отвел меня в подземное хранилище гигантской библиотеки. Все оно было заполнено голографическими книгами. Ящики с этими книгами были сложены ярусами в огромные блоки, каждый из ящичков был сделан из неизвестного мне блестящего металла. Архивы располагались соответственно порядку описываемых форм жизни, причем я для себя отметил, что складчатые существа с темной звезды находятся на более высокой ступени развития, чем люди, — они не намного превосходят рептилий — своих непосредственных предшественников на Земле. Когда я задал вопрос об этом, мой провожатый подтвердил правильность такой догадки. Он пояснил далее, что контакт с Землей был предпринят исключительно из-за того, что Земля была центром великой битвы между Старшими Богами и Древнейшими, так что ставленники последних все еще существовали там, будучи совершенно неизвестными людям, — к ним относились батрачи в Полинезии, обитатели Иннсмаута в Массачусетсе, страшные Тчо-Тачо в Тибете, шантаки из Кадатха в Холодной Пустыне и многие другие. Кроме того, для Великого Народа важно было вновь возвратиться на зеленую планету, которая была их первым домом. Не далее, как вчера, сообщил он, — на самом деле это было очень давно, так как длина дня и ночи здесь была эквивалентна продолжительности земной недели, — с Марса вернулся один из посланных туда разумов и сообщил, что та планета даже ближе к гибели, чем их собственная звезда, так что еще одно потенциальное обиталище утрачено.

Из подземных помещений он повел меня в верхнюю часть здания. Оно представляло собой высокую башню, увенчанную куполом из материала, напоминавшего стекло. Оттуда я смог осмотреть окружающий ландшафт. Я увидел лес деревьев-папоротников с сухими зелеными листьями; за границей леса начиналась бескрайняя пустыня, опускавшаяся в темную бездну, Которая, как пояснил мой провожатый, была высохшим дном великого океана. Темная звезда вошла в самую дальнюю от центра орбиту «новой» и теперь медленно, но верно погибала. Ландшафт был очень странным. Низкорослые деревья, особенно причудливые на фоне гигантского здания; ни единой птицы в сером небе; ни облачка, ни тумана над бездной; свет далекого солнца, озарявший темную звезду, слабо проникал из космоса, так что весь пейзаж плавал в серой нереальности.

От увиденного меня охватила дрожь.

Сны Пайпера все более и более наполнялись страхом. Страх этот, казалось, существовал на двух уровнях: один привязывал его к Земле, другой — к темной звезде. Вариаций в сновидениях было не так уж много. Вторичная тема, два или три раза появлявшаяся в цикле его снов, — посещение вместе с инструктором-надзирателем круглой комнаты в самой нижней части здания. В каждом случае одно из существ, ранее находившихся в библиотеке, размещалось на столе между двумя светящимися плафонами какого-то аппарата, излучавшими мерцающий и колеблющийся свет, порождаемый, по всей видимости, электричеством, хотя здесь, так же как и у ламп за рабочими столами в читальном зале, не было видно никаких проводов.

По мере того, как пульсации света усиливались, складчатый конус на столе постепенно впадал в коматозное состояние и некоторое время пребывал в неподвижности, пока, наконец, гул машины не прекращался. Тут конус сразу же оживал и начинал в возбуждении издавать свист и шелканье. Сцена повторялась в сновидениях практически в неизменном виде. Пайпер понимал, что является свидетелем возвращения разума, принадлежавшего Великому Народу, и отправления в обратный путь ранее перемещенного разума, временно занимавшего морщи нистый конус. Содержание высказываний ожившего конуса неизменно представляло собой краткие итоги пребывания разума вдаль от темной звезды. Однажды вернувшийся разум был с Земли, где он пять лет провел в теле британского антрополога. Он заявлял, что видел места, где, ожидая своего часа, скрываются сторонники Древнейших. Некоторые из их оплотов частично уничтожены — например, остров недалеко от Понейпа в Тихом океане, Дьявольский Риф близ Инсмаута, а также пещера в горах у Мачу-Пичу — однако в целом сторонники Древнейших расселились достаточно широко, хотя они и не совсем организованы, те же из Древнейших, кто еще остается на Земле, находятся под защитой пятиконечной звезды — этой печати Старших Богов. Среди областей, которые рассматриваются в качестве потенциальных будущих мест поселения Великого Народа, Земля неизменно оставалась главным претендентом, несмотря на опасность ядерной войны.

Последовательность снов Пайпера, несмотря на их спутанность, ясно указывала на то, что Великий Народ готовится к перелету на другую звезду, весьма отдаленную от погибающей темной, которую он теперь занимал, и что обширные малонаселенные пространства зеленой планеты — покрытые льдом или же горячими песками — вполне могли стать при-

бежищем Великого Народа. Сны Пайпера были в основе своей весьма схожими. В каждом обязательно присутствовало гигантское сооружение из базальтовых блоков; всегда шла беспрерывная работа странных существ, по-видимому, лишенных потребности в сне; все сны были пронизаны ощущением заточения; наконец, в реальной жизни их неизменным последствием было чувство страха, от которого Пайпер никак не мог избавиться.

Я пришел к выводу, что Пайпер стал жертвой очень глубокого расстройства, в результате которого потерял способность отличать сон от реальности, превратившись в одного из тех несчастных, которые не знают, какой же из миров подлинный: тот, что они видят по ночам в своих снах, или тот, в котором они днем ходят и разговаривают. Но этот вывод не полностью удовлетворял меня, и вскоре я смог убедиться в обоснованности своих сомнений.

III

Эмос Пайпер три недели оставался моим пациентом. В течение этого периода, как ни прискорбно для моей репутации, я фиксировал постепенное ухудшение его состояния. Появились галлюцинации — или то, что я принял за галлюцинации, — в частности, параноидный бред преследования. Отмеченные тенденции достигли своей кульминации в письме, которое Пайпер передал мне через посыльного. Письмо это, несомненно, было написано в большой спешке...

«Дорогой доктор Кори! Поскольку я могу вас больше не увидеть, хочу сказать, что более у меня нет сомнений относительно собственного положения. Я доволен, что некоторое время находился под наблюдением — причем не обычного земного существа, а одного из разумов Великого Народа — ибо теперь убедился, что все мои видения и сны берут начало в том трехлетнем периоде, когда я был перемещен, или был «не в себе», как выражается моя сестра. Великий Народ существует вне моих снов и независимо от них. Он существует дольше, чем позволяют представить человеческие измерения времени. Я не знаю, где обитают его представители, — на темной звезде в созвездии Тельца или еще дальше. Но они безусловно готовятся к переселению, и один из них находится где-то рядом со мной.

В промежутках между визитами к Вам я не тратил время зря. У меня была возможность провести собственные исследования. Множество нитей, связывающих действительность

с моими снами, встревожило и испугало меня. Что, например, случилось на самом деле в Инсмауте в 1928 году, когда федеральные власти принялись сбрасывать глубинные заряды с Дьявольского Рифа на Атлантическом побережье близ этого города? Почему после этого почти половина жителей города подверглась аресту и высылке? Какая существует связь между жителями Инсмаута и полинезийцами? Что именно обнаружила антарктическая экспедиция из Мискатоника зимой 1930/31 года в горах Мэднесс и почему это хранилось в строгом секрете от всего мира, за исключением некоторых ученых того же университета? Можно ли считать рассказ Йохансена чем-либо иным, кроме подтверждения легенды о Великом Народe? И разве не те же самые истории содержатся в древнем фольклоре инков и ацтеков?

Я мог бы продолжать эти вопросы на многих страницах, однако не располагаю для этого временем. Я выявил множество таких же вызывающих беспокойство случаев, большинство из которых оказались замкнутыми, хранились в секрете, замалчивались, иначе они, вне всякого сомнения, взбудоражили бы и так уже встревоженный мир. В конце концов, человек — лишь одно из многочисленных кратковременных воплощений на одной из планет и всего лишь в одной из гигантских вселенных, наполняющих мировое пространство. Лишь Великий Народ знает секрет вечной жизни, перемещаясь в пространстве и во времени, меняя места обитания одно за другим, превращаясь в зависимости от обстоятельств то в животных, то в растения, то в насекомых.

Я должен спешить — ибо времени осталось крайне мало. Поверьте мне, дорогой доктор, я знаю, что говорю...»

Признаюсь вам, что меня не особенно удивило сообщение мисс Эбигайль Пайпер о «рецидиве болезни» ее брата, случившемся через несколько часов после отправки этого письма. Я поспешил к Пайперу и встретил своего бывшего пациента у двери. Теперь передо мной был совершенно другой человек.

Он выглядел весьма уверенным в себе, чего я ни разу не видел за время нашего контакта. Он уверял меня, что смог, наконец, взять себя в руки, что видения, преследовавшие его, полностью исчезли и что теперь он спит совершенно спокойно, без снов, которые раньше так его пугали. Да и без этих объяснений я видел, что он выздоровел, а потому совершенно не понимал мисс Пайпер, написавшую мне ту отчаянную записку. Видимо, она настолько привыкла к болезненному состоянию брата, что ошибочно приняла улучшение в его самочувствии за рецидив болезни. Его выздоровление было тем более замечательно, что прежние симптомы — усилива-

ющиеся страхи, галлюцинации, нарастающая нервозность и, наконец, это отчаянное письмо — указывали со всей очевидностью на разрушение остатков психического здоровья.

Я был обрадован его выздоровлением и искренне поздравил его. Пайпер принял мои поздравления со слабой улыбкой, а затем, извинившись, объяснил, что у него очень много дел. Я удалился, обещав навестить его через неделю, чтобы убедиться в отсутствии рецидивов болезненного состояния.

Десять дней спустя я посетил его в последний раз. Пайпер был чрезвычайно любезен и вежлив. Присутствовавшая тут же мисс Эбигайль была хоть и несколько смущена, но никаких жалоб не высказывала. Пайпер избавился от пугающих снов и видений, а потому мог прямо и откровенно говорить о своей «болезни», избегая всякого упоминания о «дезориентации», «смещении» и т. п., причем с настойчивостью, доказывавшей, что ему очень хотелось бы устранить мои последние сомнения. Я провел очень приятный час в общении с ним, но не смог избавиться от ощущения, что вместо обеспокоенного субъекта, с которым я ранее беседовал в этом кабинете, человека одного со мной уровня, ныне передо мной находился совершенно иной Пайпер, интеллект которого стал значительно выше моего.

Во время этого визита он поразил меня своим намерением присоединиться к экспедиции в Аравийскую пустыню. Тогда я не подумал связать его нынешние планы со странными путешествиями, которые он совершал за три года своей болезни. Но последующие события вынудили меня вспомнить об этом.

Два дня спустя кто-то проник ночью в мой кабинет и обыскал его, изъяв из папок все оригиналы документов, касающихся случая Эмоса Пайпера. К счастью, еще раньше, следуя непонятному мне самому предчувствию, я догадался сделать копии записей содержания наиболее значимых его снов, так же, как и его последнего письма ко мне, которое также было похищено. Поскольку документы эти не могли представлять ценности ни для кого, кроме Эмоса Пайпера, и поскольку теперь Пайпер как будто излечился от своего наваждения, единственное возможное «объяснение» этого странного ограбления было столь эксцентричным, что я не решался в нем признаться. Отъезд Пайпера на следующий день в экспедицию стал дополнительным доводом в пользу того, что он являлся инструментом этого преступления, причем слово «инструмент» я употребляю намеренно.

Но ведь выздоровевший Пайпер не мог нуждаться в получении этих материалов. С другой стороны, Пайпер, вновь подвергшийся приступу болезни, имел все основания желать их уничтожения. Не означало ли это, что Пайпер пережил новое

изменение психики, которое на этот раз не было очевидным, поскольку разум, занявший теперь место его разума, очевидно, не нуждался в приспособлении к привычкам и способу мышления, типичными для человека?

Какой бы невероятной ни казалась эта гипотеза, я решил проверить ее, предприняв собственные усилия. Я решил самостоятельно выяснить ответы на вопросы, поставленные Пайпером в его письме. Сначала я намеревался потратить на это одну-две недели, но этого оказалось явно недостаточно — недели растянулись в месяцы, подошел к концу год, а я еще ничуть не прояснил ситуацию. Более того, я сам оказался на краю бездны, которая не давала покоя Пайперу.

Оказалось, что и в самом деле в Инсмауте произошло нечто, потребовавшее вмешательства федеральных властей, о чем не было никаких сведений, если не считать туманных намеков на какие-то связи происшедшего с народом батрачей из Понейпа. Кроме того, в некоторых древних храмах Ангкор-Вата были обнаружены странные пугающие вещи, связанные с культурой полинезийцев и некоторых индейских племен Северной Америки, а также с открытиями, сделанными экспедицией из Мискатоника в горах Мэднесс.

Имелись таким образом сведения о сходных случаях, причем все они были окутаны тайной и умолчанием. Запретные книги, упомянутые Пайпером, имелись в библиотеке университета Мискатоника. На страницах этих старинных книг я смог найти сведения, пролившие ужасающий свет на все сообщенное Пайпером, в чем я впоследствии сам смог убедиться. Пусть косвенно, но они подтверждали, что где-то существует раса бесконечно превосходящих нас существ — назовите их богами или Великим Народом, или любым другим именем, которые действительно засылают свободные разумы в любые точки пространства и времени. И если исходить из этой предпосылки, то вполне возможно, что и разум Эмоса Пайпера был вновь заменен разумом представителя Великого Народа, посланного к нам, чтобы выяснить, действительно ли стерты все следы пребывания разума Пайпера в месте обитания Великого Народа.

Однако наиболее чудовищные факты вскрылись лишь впоследствии. Я взялся выяснить все, что было возможно, об участниках экспедиции в Аравийскую пустыню, к которой присоединился Эмос Пайпер. Оказалось, что они прибыли со всех концов света, и цель экспедиции, несомненно, должна была всех заинтересовать — и британского антрополога, и французского палеонтолога, и китайского ученого, египтолога и многих других. Кроме того, я узнал, что каждый из них, подобно Эмосу Пайперу, в течение последнего десятилетия

пережил некий припадок, по-разному описываемый, но, как и у Пайпера, безусловно, сопровождавшийся серьезным изменением личности.

И вот вся эта экспедиция бесследно исчезла где-то в бескрайних просторах Аравийской пустыни!

По всей видимости, мои настойчивые поиски не могли не вызвать интереса некоторых сил, находящихся за пределами досягаемости. Не далее, как вчера, ко мне в кабинет явился новый пациент. В его глазах я увидел нечто, напомнившее Эмоса Пайпера в момент нашей последней встречи, — то же снисходительное, отчужденное превосходство, которое заставляло мысленно преклоняться перед ним, и наряду с этим — явная неуклюжесть рук. Вчера ночью я вновь увидел его проходившим под Фонарями по противоположной стороне улицы. Наконец, третий раз я увидел его сегодня утром. Казалось, будто он тщательно наблюдает за намеченной жертвой.

А сейчас я вижу, как он пересекает улицу...

Разбросанные листы рукописи, с которой вы только что ознакомились, были обнаружены на полу в кабинете доктора Натаниэля Кори, когда туда ворвалась полиция, вызванная медсестрой, испугавшейся шума из-за закрытой двери. Взломавшие дверь полицейские увидели доктора Кори и его неизвестного пациента, которые, стоя на коленях, безуспешно пытались подталкивать листы бумаги к пламени камина.

Двое мужчин на полу явно не могли схватить листы, поэтому подталкивали их вперед странными, как у крабов, движениями. Они не обращали никакого внимания на полицейских, всецело поглощенные стремлением уничтожить рукопись, продолжая свои попытки с лихорадочной поспешностью. Ни один из них не мог сказать что-то вразумительное о себе полицейским и врачам, да и вообще речь их была полностью бессвязной.

Поскольку тщательное обследование специалистов выявило у обоих серьезнейшее личностное расстройство, они были на неопределенный срок помещены в Институт Ларкина, широко известную частную клинику для душевнобольных...

Х.Ф.ЛАВКРАФТ

ДЕНЬ ВЕНТСУОРТА

К северу от Данвича простирается унылая и почти полностью безлюдная местность, некогда бывшая ареной для вторжений чужеземных вооруженных отрядов. В результате ее последовательной оккупации сначала войсками старой гвардии переселенцев в Новую Англию, вторгшимися вслед за ними канадцами-французами, затем итальянцами и, наконец, поляками, она постепенно все более теряла свой первоначальный вид, пока окончательно не пришла в совершенно дикое, ни на что не пригодное состояние. Первые жители тех мест отчаянно вгрызались в каменистую почву и продирались сквозь густые леса, некогда покрывавшие всю эту территорию, однако не сумели проявить бережного отношения ни к почвенному покрову тех мест, ни к их полезным ископаемым, а последующие поколения первооткрывателей довершили опустошение этого некогда достаточно благодатного края; возможно, именно поэтому пришедшие им на смену люди вскоре оставили всякие попытки обосноваться на ставшем весьма суровом ландшафте и вскоре один за другим также подались кто куда.

Что и говорить, это отнюдь не процветающий Массачусетс, где многие живут неплохо и где хотелось бы жить еще очень многим. Некогда гордо возвышавшиеся там дома пришли в крайне плачевное состояние и потому основная их часть в настоящее время не в состоянии обеспечить человеку хотя бы самого примитивного и сносного существования, не говоря уже о каком-то подобии комфорта. В тех местах, где склоны холмов не особенно крутые, все еще попадаются маленькие фермы и дома с прогнувшимися двускатными крышами, изредка встречаются древние, крайне обветшалые постройки, притулившиеся с подветренной стороны каменистых выступов, являющихся немymi свидетелями горького существования многих поколений жителей Новой Англии.

И все же признаки упадка и разложения можно было наблюдать буквально повсюду и во всем — в рассыпающихся дымоходах, в выпирающих сквозь стены балках, в разбитых и поломанных окнах покинутых домов и сараев. Остались там и дороги, пересекающие эту местность вдоль и поперек, однако если незадачливый путешественник вздумал бы съехать с основного шоссе, тянувшегося по длинной долине к северу от Данвича, так же являвшегося то ли большим поселком, то ли грустной пародией на некое подобие города, то он вскоре оказался бы на таких дорогах, которые скорее напоминали собой едва наезженную проселочную колею, использовавшую-

юся столь же редко, как и попадавшие изредка в этих краях жилые постройки.

Ко всему прочему местность эта издавна была не только сосредоточием удручающей ветхости и запустения, но также слывет у тамошних жителей и у обитателей соседних мест неким логовищем таинственной и даже злобной силы. В тех местах можно встретить леса, в которых ни разу не раздавался звук топора дровосека; попадают поросшие ползучими растениями лесистые долины, по которым в сумраке, не нарушаемом даже в самый яркий солнечный день, журчат никому неведомые прозрачные ручейки. Во всей этой долине почти не ощущается присутствия жизни, хотя на почти развалившихся от времени фермах все еще обитают поселенцы-отшельники. Залетные соколы, озабоченные поиском скудной добычи, недолго парят в зависавшей над долиной небесной вышине, и лишь стаи ворон изредка пересекают ее из конца в конец, но даже и они крайне редко спускаются на эту малопривлекательную землю. Когда-то, давным-давно, местность эта якобы считалась обителью Гексерея — таинственного покровителя колдунов и ведьм, — которому поклонялись суеверные местные жители, причем их мрачные и даже зловещие обряды отчасти сохранились и до наших времен.

Короче говоря, это отнюдь не тот край, где люди задерживаются подолгу, и уж конечно не то место, в котором вам захотелось бы провести ночь. И все же именно летней ночью 1927 года мне предстояло совершить очередную поездку через долину, когда я возвращался домой после завершения кое-каких дел, которыми занимался в окрестностях Данвича. Я никогда бы не избрал для поездки по этим угрюмым и гнетущим местам столь поздний час, поскольку даже в дневное время старался по возможности держаться подальше от безрадостного Данвича, но мне тогда предстояла еще одна ездка, и хотя я вполне мог бы объехать долину стороной, что, разумеется, удлинит мой путь, все же подчинился какому-то внутреннему импульсу и, несмотря на вечернее время, поехал напрямик.

В самой долине сумерки, которые начали надвигаться уже в Данвиче, обернулись самой настоящей теменью; прошло не более получаса пути, когда мрак еще больше сгустился, поскольку небо затянуло сизыми, явно дождевыми облаками. Они настолько низко зависали над землей, что, казалось, могли вот-вот коснуться вершин видневшихся вдалеке холмов, а потому я передвигался как бы по своеобразному при-

родному туннелю. Дорогой, которую по странной прихоти судьбы выбрал себе я, пользовались, похоже, нечасто, поскольку помимо нее, как выяснилось позднее, существовали и другие пути, соединявшие обе стороны долины. Что же до второстепенных проселков, то они и вовсе оказались настолько заросшими и на вид дикими, что едва ли бы нашелся такой водитель, который рискнул бы воспользоваться ими в столь неподходящий час.

В принципе, все, наверное, закончилось бы вполне нормально, ибо путь мой проходил прямо через долину к ее дальнему концу, и мне не было нужды съезжать с шоссе, если бы ко всему этому не примешалось два непредвиденных обстоятельства. Вскоре после того как я выехал из Данвича, пошел дождь, который в течение всей второй половины дня никак не мог собраться с силами, пока наконец небеса не разверзлись и не обрушили на землю потоки воды. Я ехал по шоссе, ярко-поблескивавшему в свете фар моего автомобиля, и вскоре он выхватил из смыкавшейся вокруг темноты некий предмет весьма знакомых очертаний: путь мне преградил барьер, рядом с которым стоял указатель, однозначно предписывавший свернуть с основной дороги. Через пару минут я обнаружил, что участок дороги по ту сторону барьера действительно был настолько разрушен, что продвигаться по нему было совершенно невозможно.

И все же, съезжая с шоссе, я испытывал определенные сомнения. Что и говорить, если бы я послушался произвольно возникшего у меня тогда желания и повернул обратно к Данвичу, где либо переждал дождь, либо выбрал другую дорогу, то избежал бы тех жутких кошмаров, которые еще долго преследовали меня после той ужасной ночи. Однако я этого не сделал, посчитав, что уже достаточно отъехал от города, и потому жалко было бы терять столько времени.

Дождь продолжал висеть передо мной наподобие сплошной водяной стены, что, естественно, существенно затрудняло управление машиной, но у меня не оставалось иного выбора: я съехал с шоссе и сразу же оказался на дороге, которая была лишь отчасти покрыта гравием. По этому участку уже прошлись дорожные рабочие, которые до некоторой степени расширили место поворота, выровняв края некогда существовавшего здесь проселочного тракта, однако на качестве покрытия это практически не отразилось, а потому уже довольно скоро я обнаружил, что попал в довольно-таки затруднительную ситуацию.

Ехать по этой дороге с каждой минутой становилось все труднее, в первую очередь из-за непрекращающегося дождя. Несмотря на то, что я вел достаточно надежную и проверенную модель «форда», имевшего относительно высокие и узкие колеса, которые умело избегали продольных канав и выбоин, время от времени машина все же соскальзывала в стремительно углубляющиеся лужи воды, отчего мотор начинал отчаянно чихать, а вся машина — содрагаться. Я понимал, что недолго оставалось мне ждать того горестного момента, когда вода окончательно заглушит двигатель, а потому принялся пристально всматриваться в темноту, выискивая в ней признаки какого-нибудь жилья, или хотя бы чахлого укрытия, где и я, и машина могли бы переждать непогоду. Зная, сколь пустынной была эта мрачная долина, я, возможно, вполне удовлетворился бы каким-нибудь заброшенным сараем, однако без надежного проводника отыскать его в незнакомой глуши было практически невозможно, а потому я несказанно обрадовался, когда в конце концов углядел невдалеке от дороги бледный прямоугольник слабо освещенного окна, к которому, на мое счастье, с дороги вел довольно сносный подъездной путь.

Свернув на него, я проехал мимо почтового ящика, на котором грубыми мазками краски было написано имя владельца: Эмос Старк. Фары осветили неказистый фасад дома, который при ближайшем его рассмотрении оказался и в самом деле очень ветхим, построенным в традициях этой местности как единое целое — сам дом, флигель, летняя кухня и сарай, вытянутые в одну длинную конструкцию под крышами разной высоты. К счастью, двери сарая оказались широко распахнутыми, а потому я, не видя вокруг иного укрытия, направил в него свою машину, ожидая увидеть внутри скот и лошадей. Однако в сарае царило полнейшее запустение, не виднелось никаких домашних животных, а одинокий стог сена, наполнявший воздух ароматом былых летних времен, явно лежал там уже не первый год.

Я решил не задерживаться в сарае, и сквозь пелену дождя направился к самому дому. Поначалу мне показалось, что несмотря на свет в окне, строение, как и сарай, также пустовало. Оно было одноэтажное, спереди проходила низкая веранда, пол которой, как я вскоре и, надо сказать, весьма своевременно обнаружил был в нескольких местах проломлен, отчего там, где некогда лежали доски, сейчас зияли темные проемы.

Подойдя к двери, я негромко постучался.

Несколько секунд до меня не доносилось никаких звуков, если не считать шума бившего по крыше крыльца дождя и стекавших в угол под ним ручейков воды. Так и не дождавшись ответа, я постучался вторично и уже почти прокричал:

— Есть здесь кто-нибудь?

Через мгновение изнутри донесся слабый, дрожащий голос:

— Кто там?

Я в двух словах объяснил, что работаю коммивояжером и хотел бы укрыться от дождя.

Свет внутри дома чуть сдвинулся в сторону — очевидно, кто-то перемещался с лампой в руках; окно потемнело, зато щель под дверью наполнилась ярким желтым светом. Послышался лязг отодвигаемых задвижек и снимаемых цепочек, после чего дверь наконец отворилась и я увидел перед собой хозяина дома с керосиновой лампой над головой. Это был иссохшего вида седой старик с темными глазами и косматой бородой, наполовину прикрывающей костлявую шею. На его носу сидели очки, но на меня он предпочитал смотреть поверх них. Взглянув на меня, он растянул губы в некоем подобии мрачной ухмылки, обнажившей пеньки давно съеденных зубов.

— Мистер Старк? — спросил я.

— Что, под дождь попали? — вместо приветствия проговорил он. — Ну что ж, заходите, обсохните. Вот уж не думал, что дождь так надолго затянется.

Я прошел за ним в комнату, из которой он только что вышел, однако произошло это лишь после того как он тщательно и основательно запер входную дверь на все засовы и задвижки, отчего в душе у меня шевельнулось довольно тревожное чувство. Видимо, он заметил мой настороженный взгляд, поскольку, опустив лампу на толстую книгу, лежавшую на круглом столе в центре комнаты, обернулся и с легким смешком проговорил:

— Нынче День Вентсуорта. Я подумал, что это Наум решил ко мне заглянуть.

При этих словах голос его чуть понизился и перерос в некое подобие настоящего смеха.

— Нет, сэр. Меня зовут Фред Хэдли. Я из Бостона.

— Никогда не был в Бостоне, — сказал Старк. — Даже в Эрххаме ни разу не побывал. Все на ферме работал, да дома крутился.

— Извините, я предварительно не спросил вашего разрешения и поставил машину в сарай.

— Коровы возражать не будут, — проговорил он и снова коротко хохотнул, явно порадовавшись собственной шутке, поскольку лучше меня знал, что никаких коров в сарае нет и в помине. — Сам бы я никогда в жизни не сел в такую чудную железную штуковину, но вы, городские, все на один лад. Любите кататься на машинах.

— Вот уж никак не подумал бы, что похож на городского хлыща, — пробормотал я, стараясь подстроиться под его манеру разговаривать.

— Ну, я-то всегда, с первого взгляда, узнаю городского. Бывали они и в наших местах, да что-то подолгу не задерживались, а то и вовсе неожиданно уезжали. Не нравилось, наверное, как мы здесь живем. Сам-то я в больших городах ни разу не бывал, да и не особенно хотел.

Он продолжал так болтать еще довольно долго, так что я имел возможность оглядеться и составить в уме некую опись находившегося в комнате имущества. В те годы я либо колесил по дорогам, либо без конца торчал в бостонских складах, и мало кто мог бы сравниться со мной в оценке самых различных предметов мебели и домашнего убранства. Поэтому мне не понадобилось много времени, чтобы убедиться, что гостиная Эмоса Старка была просто напичкана всевозможной утварью, за которую любой серьезный антиквар согласился бы заплатить неплохие деньги.

В частности, я увидел некоторые детали мебелировки, которым, на мой взгляд, было не менее двухсот лет; кроме того моему взору предстали всевозможные безделушки, этажерки, а также несколько стоявших на них прекрасных образчиков дутого стекла и хэвилэндского фарфора. Были там и многочисленные предметы старинной ручной работы местных мастеров — щипцы для обрезывания свечей и формочки для их отливки, деревянные чернильницы с резными крышками, подставка для книг, кожаный манок для охоты на дичь, какие-то статуэттки из сосны и эвкалипта, трубки из горлянки, образцы вышивки, — причем мне показалось, что все эти вещи стояли на своих местах уже много лет.

— Вы один здесь живете, мистер Старк? — поинтересовался я, когда в болтовне старика возникла первая пауза, в которую можно было вставить хотя бы слово.

— Сейчас да. Раньше еще были Молли и Дьюи. Эйбел

умер еще маленьким, а потом и Элла преставилась от чахотки. Вот уже почти семь лет как один живу.

Даже когда он говорил, было в его поведении нечто, явно указывавшее на то, что старик словно чего-то выжидает, к чему-то присматривается, а скорее даже прислушивается. Мне показалось, что он напряженно вслушивался в шелест дождя за окном — не раздастся ли там какой шорох или иной странный звук. Однако пока все оставалось по-прежнему: на дворе шел дождь, а в доме слышался слабый стрекочущий звук, словно где-то скреблась или легонько грызла дерево старых стен одинокая мышь. И все же он явно продолжал напрягать слух, чуть склонив голову набок и прищулив глаза, как бы от непривычно яркого света лампы, который неровными бликами колыхался по его лысоватой голове, окруженной венчиком беспорядочно взъерошенных седых волос. На вид ему было лет восемьдесят, не меньше, хотя на самом деле могло быть всего шестьдесят, поскольку жизнь отшельника в такой глуши неизбежно изменила бы внешность любого человека.

— По дороге вы никого не встретили? — неожиданно спросил он.

— Ни души, пока ехал от Данвича. Миль семнадцать, наверное, проехал.

— Да, что-то около того, — согласился старик и тут же затрясся от странного кудактающего смеха, словно не мог больше сдерживать душившего его безудержного веселья. — А сегодня ведь День Вентсуорта. Наума Вентсуорта. — Глаза его на мгновение сузились. — Вы давно торгуете в здешних местах? Слышали, поди, про Наума Вентсуорта?

— Нет, сэр, не доводилось. Я ведь больше по городам езжу, а в сельскую местность случайно выбрался.

— Здесь его почти все знали, — продолжал старик, — да только никто не знал его лучше меня. Видите ту книгу? — Он указал жестом руки в сторону толстого тома в основательно засаленной тонкой обложке, которую я едва разглядел в слабо освещенной комнате. — Это «Седьмая книга Моисея» — самая толковая книга, которую мне когда-либо доводилось читать. Когда-то она принадлежала Науму Вентсуорту.

Он снова отрывисто хохотнул, словно что-то вспомнил.

— А странный все-таки был этот Наум. Но и вредный — а к тому же скупой. Как же это вы никогда не слышали о нем? Не понимаю...

Я заверил его в том, что действительно ни разу в жизни не слышал такого имени, хотя про себя несколько поразился столь странному объекту почитания хозяина дома, поскольку знал, что «Седьмая книга Моисея» являлась чем-то вроде катехизиса для некоторых чудаков, утверждавших, что в ней якобы содержатся тексты всевозможных заговоров, заклятий и молитв, предназначенных лишь для тех, кто был способен в них поверить.

В желтоватом свете лампы я также заметил и другие книги, среди которых узнал уже настоящую Библию, кстати, захватанную не меньше упомянутого сборника древней магии; издание избранных работ Коттона Мазера, а также переплетенную подшивку «Эркхам Эдвертайзера». Возможно, все это также некогда принадлежало загадочному Науму Вентсуорту.

— Я вижу, вы поглядываете на его книги, — сказал хозяин, словно угадывая мои мысли. — Он сам сказал, что я могу забрать их, вот я и забрал. А что, и в самом деле хорошие книги. Вот только читать их приходится в очках. Если хотите, можете сами взглянуть.

Я довольно мрачным тоном поблагодарил его и напомнил, что он что-то рассказывал про Наума Вентсуорта.

— А, Наум! — тотчас же отреагировал старик со ставшим уже привычным смешком. — Да, не думаю, чтобы он одолжил мне все свои денежки, если бы знал, что с ним самим станется. Нет, сэр, никак бы не одолжил. И ведь даже расписки за них с меня не взял, хотя там целых пять тысяч было. Сказал еще тогда, что не нужна ему, дескать, никакая расписка, или какая другая бумага — все равно она не будет доказательством того, что я вообще брал у него деньги. Об этом знали только мы двое, но он сказал, что ровно через пять лет придет за своими деньгами. И эти пять лет истекают как раз сегодня, вот я и говорю, что сегодня — День Вентсуорта.

Он сделал паузу и стрельнул в мою сторону хитрым взглядом, в котором, как мне показалось, смешались еле сдерживаемое веселье и одновременно глубоко затаившийся страх.

— Да только не сможет он сегодня прийти за своими деньгами, потому как уже больше двух месяцев прошло с тех пор, как его застрелили на охоте. Прямо в затылок пуля попала. Несчастный случай. Конечно, разговоров тогда было немало, все утверждали, что я специально подстрелил его, да только я сказал им, чтобы попридержали языки. А потом, прямо на другой день поехал в Данвич, зашел там в банк и оформил

завещание, по которому после моей смерти все мое состояние достанется его дочери — мисс Джини. И не стал делать из этого никакого секрета, вот так. Чтобы все знали, а если хотят, то пусть сколько угодно языки чешут.

— Так как же будет с долгом? — не утерпев, спросил я.

— Срок истекает сегодня ровно в полночь. — Он хохотнул, а потом и вовсе затрясся от смеха. — Боюсь, Наум не придет в срок, как вы думаете, а? А раз так, то и деньги мои, разве нет? А он не придет. Да и хорошо, что не придет, потому как у меня их все равно нет.

Я не стал спрашивать его насчет дочери Вентсуорта и того, на что она сейчас живет. По правде говоря, я почему-то внезапно почувствовал страшную усталость — сказалось напряжение дня и утомительная вечерняя поездка под дождем. Похоже, это не ускользнуло от внимания хозяина дома, потому что он как-то разом умолк и снова заговорил лишь после довольно продолжительной паузы:

— Что-то вы осунулись, а? Устали, наверное?

— Есть немного. Но все равно, как только дождь немного стихнет, надо ехать дальше.

— Знаете, что я вам скажу. Хватит вам слушать мою болтовню. Сейчас принесу вам другую лампу, а вы немного прилягте на кушетке в соседней комнате. Как дождь перестанет, я вас разбужу.

— Вы что, предлагаете мне свою кровать, мистер Старк?

— Нет-нет, а сам я вообще долго не ложусь.

Все мои возражения оказались тщетными. Он встал из-за стола и сходил за второй керосиновой лампой, а потом проводил меня в соседнюю комнату и указал на кушетку. По пути туда я прихватил со стола «Седьмую книгу Моисея», поскольку меня явно заинтриговали рассказы о тех чудодейственных вещах, якобы описанных на ее страницах, о которых я был наслышан уже много лет назад. Хозяин заметил это и, как мне показалось, довольно странно посмотрел на меня, но возражать не стал, после чего оставил меня одного, а сам снова вернулся в гостиную, где уселся в свое плетеное кресло.

Дождь за окном, казалось, и не думал переставать и продолжал лить как из ведра. Я поудобнее устроился на старомодной кожаной кушетке с высокими подголовниками, пододвинул лампу поближе, потому что горела она совсем тускло, и принялся читать «Седьмую книгу Моисея». Правда, довольно скоро я убедился, что в ней описывалась всякая ерунда

вроде каких-то заклинаний и песнопений во славу таких «князей» преисподней как Азиель, Мефистофель, Марбуель, Барбуель, Аникуель и черт-те знает кого еще из им подобных. Содержившиеся в книге якобы магические формулы несколько отличались друг от друга, поскольку некоторые из них предназначались для излечения от болезней, другие — для исполнения желаний, третьи использовались как своего рода залог успеха в различных делах и начинаниях, а четвертые и вовсе служили цели отмщения обидчику. Читатель неоднократно предупреждался, сколь ужасными являлись отдельные слова и выражения, и в какой-то момент я даже стал машинально повторять за автором книги некоторые из приводившихся там строк, типа: «Аяля химель адонайж амара Зебаот кадас есерайже харалиус», что было, оказывается, своеобразной колдовской молитвой-обращением к вполне конкретной группе дьяволов или духов, и служило не чему иному, как поднятию мертвеца из гроба.

Я еще пару раз прошелся взглядом по этой же фразе, повторив ее полупшепотом вслух, хотя при этом, разумеется, ни на секунду не допускал, что после произнесения одних лишь этих слов может произойти что-то ужасное. И в самом деле, ничего не произошло, а потому я вскоре отложил книгу и посмотрел на часы — было начало двенадцатого. Мне показалось, что шум дождя за окном вроде бы стал стихать, во всяком случае это был уже не прежний ливень, и я по опыту знал, что вскоре после этого он должен прекратиться окончательно. Внимательно присмотревшись к обстановке в комнате, чтобы на обратном пути к двери не столкнуться с каким-нибудь креслом, я загасил лампу и решил немного отдохнуть перед продолжением пути.

Однако, несмотря на всю усталость, я почему-то никак не мог успокоиться.

Дело было даже не в том, что кушетка, на которой я лежал, оказалась довольно жесткой и холодной — просто мне казалась гнетущей сама атмосфера этого дома. Я смутно ощущал, что дом, как и его хозяин, словно затаился в ожидании чего-то такого, чему неминуемо суждено произойти. Он словно знал, что скорее раньше, чем позже его стены окончательно разойдутся в стороны, а крыша обрушится внутрь, тем самым положив конец всему его долговому и столь ненадежному существованию. Однако дело было даже не в этой специфической атмосфере, присущей, в сущности, едва ли не всем старым домам; просто мне казалось, что к этому ожиданию приме-

шивалось что-то тревожное, даже зловещее, каким-то образом связанное с явным нежеланием Эмоса Старка отвечать на мой стук. Вскоре я обнаружил, что, как и хозяин дома, прислушиваюсь к чему-то на фоне затихающего дождя и непрекращающегося мельтешения мыши.

Оказалось, что мой хозяин отнюдь не сидел на месте. Несколько минут назад он встал с кресла и стал шаркающей походкой ходить взад-вперед по комнате, подходя то к двери, то к окну, пробуя, насколько прочно держат их запоры — но наконец вернулся к креслу и снова уселся в него, что-то бормоча себе под нос. Пожалуй, после столь долгого проживания в такой глуши, да еще в полном одиночестве, он поневоле приобрел привычку разговаривать с самим собой. Большая часть его слов оставалась совершенно неразборчивой и вообще почти неслышной, хотя изредка прорывались отдельные четкие слова, и мне показалось, что в настоящий момент его больше всего занимала мысль о том, какой процент ему придется заплатить Науму Вентсуорту за пользование его деньгами, если таковой будет с него взыскан.

— Сто пятьдесят долларов в год, — беспрестанно повторял он, — получается семьсот пятьдесят... — договаривал он уже почти со страхом в голосе. Говорил он и еще что-то, причем звук его голоса тревожил меня гораздо больше, чем я сам был готов себе в этом признать.

Голос старика звучал довольно грустно, и это чувство, наверное, еще более усилилось бы, если бы мне удалось слышать все произносимые фразы целиком, однако вместо этого до меня доносились лишь отдельные слова.

— Я пропал, — пробормотал он, после чего послышалась одна или две полностью бессмысленные фразы. — А они все такие... — И снова масса неразборчивых слов. — Быстро отошел, совсем сразу. — Очередная вереница непонятных или невнятно произнесенных слов. — ... И не знал, что оно направлено на Наума. — Очередное бормотание.

Поначалу я подумал, что старика мучила его собственная совесть, хотя, как мне представлялось, и одного прозябания в столь ветхом доме было вполне достаточно, чтобы из головы никогда не выходили невеселые мысли. Интересно, почему он не последовал за остальными обитателями этой каменистой долины и не перебрался в какое-нибудь другое место? Что заставляло его держаться за эту дыру? Он ведь сам сказал, что одинок, причем не только в этом доме, но и вообще на

целом свете, ибо в противном случае не завещал бы все свое состояние дочери Наума Вентсуорта.

Шлепанцы старика шаркали по полу, пальцы шелестели газетными страницами.

За окном послышались голоса козодоев, что определенно указывало на близкое окончание дождя, а через несколько минут голоса нескольких птиц слилось в единое почти оглушающее пение.

— Вот и козодои разгулялись, — донеслось до меня бормотание старика. — Похоже, пришли по чью-то душу. Клем Уотелей, наверное, помирает.

По мере того как дождь все более стихал, птичье пение, напротив, усиливалось, однако теперь оно мне уже не мешало, потому как сон окончательно сморил меня и я сомкнул веки.

Теперь я подхожу к той части моего рассказа, которая заставляет меня усомниться в нормальном функционировании собственных органов чувств, ибо все то, что случилось вскоре, как мне представляется, попросту не могло случиться. Сейчас, по прошествии стольких лет, я задаю себе вопрос — а не могло ли быть так, что все это мне лишь приснилось, и все же прекрасно понимаю, что это был отнюдь не сон. Подтверждением тому, что все это я наблюдал никак не во сне, являются несколько газетных вырезок, в которых говорится об Эмосе Старке, о его завещании Джини Вентсуорт и, что кажется самым невероятным, о зловещем надругательстве над полузаброшенной могилой, расположенной на склоне холма в той проклятой долине.

Проспал я, похоже, совсем недолго; дождь к тому времени почти прекратился, однако поющие козодои словно окружили дом сплошной стеной своего несмолкаемого хорового пения. Несколько птиц уселись непосредственно под окном комнаты, в которой я лежал, тогда как остальные ночные создания, как мне показалось, сплошь облепили крышу шаткой веранды. Я не сомневался, что именно их оглушающий гомон и вывел меня из того состояния сонного оцепенения, в которое я, сам того не ожидая, впал. Несколько минут я лежал неподвижно, стараясь собраться с мыслями, после чего встал с кушетки, поскольку решил, что теперь, когда дождь окончательно прекратился, дальнейший путь уже не будет столь же опасным как прежде, и машина едва ли забуксует.

Однако, как только я свесил ноги с кушетки, со стороны входной двери послышался громкий стук.

Я застыл в полной неподвижности; из соседней комнаты также не доносилось ни звука.

Стук повторился, причем уже с большей настойчивостью.

— Кто там? — спросил Старк.

Ответа не было.

Я заметил слабое движение света под дверью и тут же услышал торжествующий голос старика.

— Полночь миновала!

Он явно смотрел на часы. Я также опустил взгляд на свой хронометр и вспомнил, что его стрелки спешили на десять минут.

Он пошел открывать дверь.

Мне было видно, как прежде чем открыть дверь, он поставил лампу. Не знаю, намеревался ли он затем взять ее снова в руки, как сделал тогда, когда разглядывал мое мокрое лицо, но до меня тут же донесся звук открываемой двери. До сих пор я не знаю, сам ли он ее открыл, или это сделал неведомый мне гость.

И в тот же момент раздался пронзительный, ужасный крик Эмоса Старка, в котором смешались воедино ярость и ужас.

— Нет! Нет! Убирайся. Нет у меня ничего, нет у меня ничего, говорю тебе. Убирайся!

Он отступил на шаг, споткнулся обо что-то и упал, и почти сразу же вслед за этим послышался зловеший, сдавленный крик, звук натужного дыхания, какой-то булькающий, спазмотический хрип...

Я вскочил на ноги и бросился к двери в гостиную, распахнул ее, и в то же мгновение замер на месте как вкопанный — неспособный ни двинуться, ни кричать, буквально ошеломленный представшим передо мной зрелищем. Эмор Старк лежал на спине, распростершись на полу, а на груди его, словно на спине лошади, восседал скелет, вцепившийся своими костистыми руками в его горло. В задней части черепа скелета виднелось широкое отверстие от раздробившего его ружейного заряда. Больше я уже ничего не видел, поскольку в это самое мгновение надо мной распахнулось черное покрывало спасительного обморока.

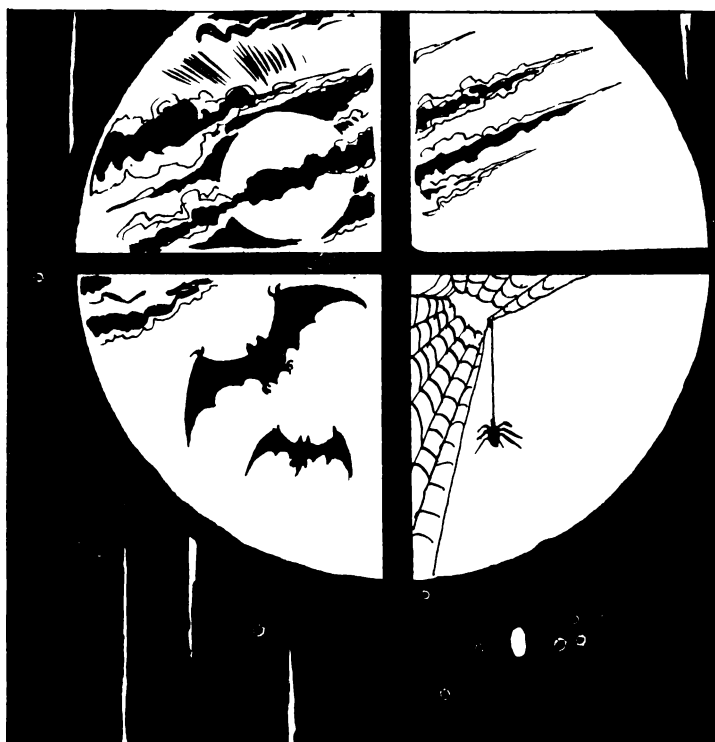
Когда несколько мгновений спустя я наконец пришел в себя, в комнате вновь все было спокойно. Дом был наполнен свежим запахом дождя, проникавшим внутрь через распахнутую входную дверь. Снаружи по-прежнему кричали козодои, а по стволам и ветвям деревьев струились похожие на чахлые выющиеся побеги растений потоки болезненно-блед-

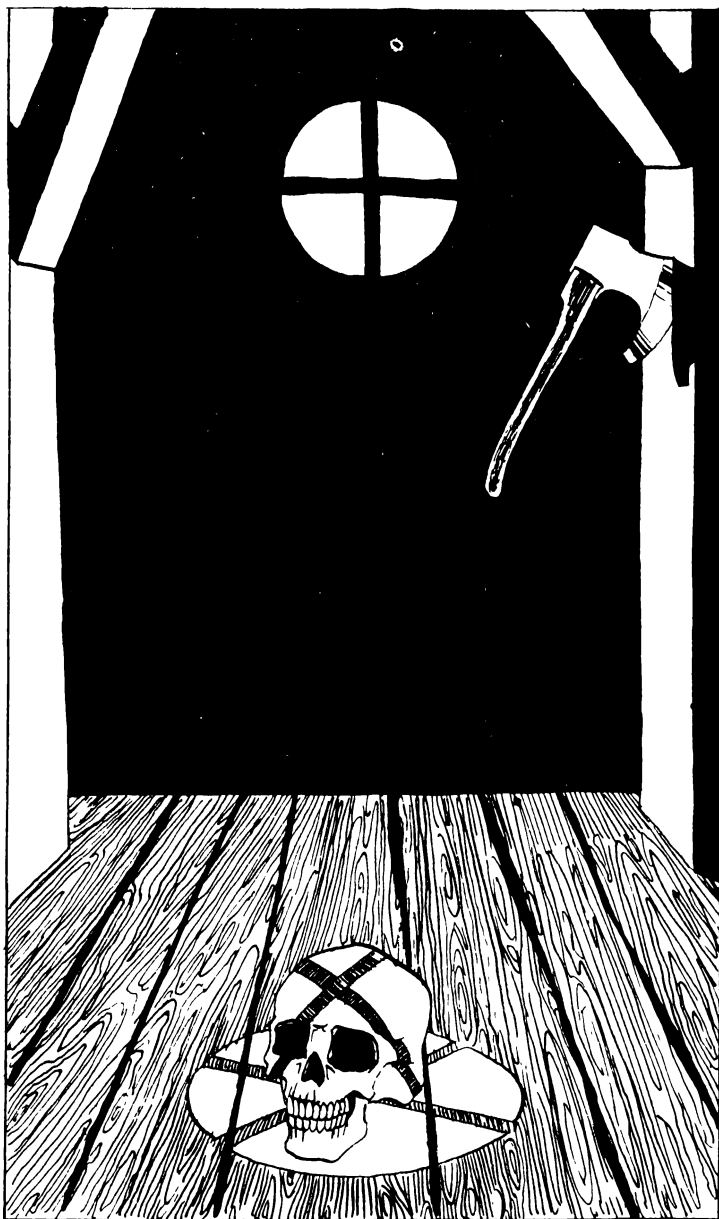
ного лунного света. На столе по-прежнему стояла зажженная лампа, однако моего хозяина в кресле не было.

Он находился там же, где я видел его в последний раз — лежащим навзничь на полу. Первым моим желанием было как можно скорее покинуть это ужасное место, однако здравый смысл подсказал мне задержаться на секунду у его тела и проверить, нельзя ли ему чем-то помочь. Именно эта роковая пауза вновь повергла меня в состояние дикого ужаса, заставившего опрометью броситься вон из дома, как если бы за мной по пятам неслись все демоны преисподней. Ибо как только я склонился над телом Эмоса Старка и быстро убедился в том, что он действительно мертв, то сразу же различил впившиеся в его синюшно-розоватую кожу белесые кости человеческих пальцев, которые, при моем приближении, тотчас же ловко высвободились из мертвой плоти и, как были, одна за другой, проворно устремились через прихожую к двери дома, чтобы скрыться в непроглядной темени ночи и вскоре соединиться с тем жутким посетителем, который восстал из своей могилы ради назначенной встречи с Эмосом Старком!

**Х.Ф.ЛАВКРАФТ,
А.У.ДЕРЛЕТ**

СЛУХОВОЕ ОКНО

I

В дом моего кузена Уилбера Эйкели я приехал менее через месяц после его преждевременной кончины. Жизнь в уединении, среди холмов Эйлсбери Пайка, меня нисколько не привлекала, но тем не менее я проникся твердой уверенностью, что жилище любимого кузена должно перейти ко мне по наследству.

Как и все поместье Уартона, дом в течение нескольких лет стоял заброшенным с тех пор, как внук построившего его фермера переселился на морское побережье около Кингстона. Кузен купил дом у поверенного в делах наследника Уартона, чтобы навсегда поселиться в этом уединенном, печальном и опустошенном месте.

Когда-то Уилбер был студентом факультета археологии и антропологии. Сразу после окончания Мискатонского университета он пустился в многолетние странствия — провел три года в Монголии, Тибете и провинции Цин-Цин, потом приблизительно столько же времени путешествовал по Южной и Центральной Америке и юго-западной части Соединенных Штатов. Вернувшись, Уилбер получил предложение стать преподавателем Мискатонского университета. Однако по неизвестным причинам кузен отклонил это лестное предложение. Тогда же он купил старую ферму Уартона. Здесь, конечно, не было даже намека на расчет, поскольку Эйкели все делал под влиянием минутного желания. Переехав на новое место, кузен немедленно приступил к переделке дома, для чего снес почти все прежние постройки, а центральной части придав такой странный облик, какого она не видела за двадцать десятилетий своего существования. Признаюсь, смысл всех этих переделок до конца не был для меня ясен.

Став владельцем поместья, я узнал, что изменениям не подверглась только одна часть дома. Уилбер полностью перестроил фасад и одну из его сторон, а в южной части здания соорудил себе мансарду. Первоначально дом был одноэтажным, с достаточно обширным чердачным этажом, то есть представлял собой типичный образец сельской архитектуры Новой Англии. Частично дом был сложен из бревен, и эту часть усадьбы Уилбер сохранил без изменений, что могло свидетельствовать о глубоком уважении кузена к труду и мастерству предшествующих поколений людей, владевших этим участком. Надо заметить, что семейство Эйкели поселилось в Америке очень давно — двести лет тому назад.

Итак, в 1921 году Уилбер решил перестать бродить по свету и осесть в родных местах. Он прожил в доме около трех лет, а 16 апреля 1924 году в соответствии с завещанием кузена я получил эту усадьбу в наследство.

Дом встретил меня таким, каким остался после Уилбера, совершенно не похожим на все другие постройки в этой части Новой Англии, хотя и сохранил некоторые черты старины — выложенный из камней фундамент, стены, сложенные из бревен, квадратную трубу, возвышающуюся над очагом.

Насколько я понял, все изменения должны были служить, по замыслу Уилбера, созданию максимальных удобств для жилья. Однако одно нововведение показалось мне довольно необычным. В южной стене своего кабинета кузен установил огромное круглое окно, в которое было вставлено странное дымчатое стекло. Уилбер сказал тогда, что это очень старинная вещь, приобретенная им во время путешествия по Азии. Один раз он пояснил, что это «стекло из Ленга», но в другой раз заметил, что оно, вероятно, из «Гиад». Однако ни одно из объяснений мне ни о чем не говорило, потому что, честно говоря, я не настолько интересовался причудами Уилбера, чтобы подробно расспрашивать его обо всех деталях.

Вскоре, однако, я пожалел, что не сделал этого в то время, когда кузен был еще жив. Очень скоро я обнаружил, что Уилбер почти не пользовался наиболее комфортными и хорошо обставленными комнатами на первом этаже, хотя это было бы так естественно. Все время он проводил в своем кабинете на втором этаже: именно здесь кузен хранил коллекцию трубок, любимые книги, записи, здесь стояли наиболее удобные предметы мебели, именно здесь он работал над старинными рукописями до того печального дня, когда сердечный приступ положил конец его работе и жизни.

Когда я вступил в свои права на наследство, то решил поселиться на первом этаже, потому что, если уж быть до конца откровенным, я с самого начала почувствовал некоторую неприязнь к рабочему кабинету кузена. Все здесь живо напоминало мне о нем: кресло, в котором он любил сидеть, книги, предметы обихода. Кроме того, помещение казалось мне чужим и холодным. Какая-то сила, которую я не мог выразить словами, заставляла меня держаться подальше от этой комнаты, такой же таинственной и непонятной, как и ее бывший хозяин, поступков которого я тоже, признаться, не понимал.

Однако приступить к осуществлению переделок оказалось

не так легко, как я предполагал вначале. Вскоре я убедился, что кабинет кузена как бы распространяет определенную ауру на весь дом. Это был один из тех домов, который сохранял присутствие своего бывшего владельца. И если раньше здесь ощущалось явное влияние Уартонов, проживших в усадьбе достаточно долго, то теперь дом был весь пропитан духом Уилбера Эйкели.

Во мне постепенно росла довольно четкая уверенность, что я не один в доме и что кто-то за мной наблюдает, хотя внятно объяснить это состояние было бы крайне затруднительно. Может быть, воображение мое разыгралось из-за уединенности места, в котором стоял усадьба, но мне стало казаться, что любимая комната кузена — это живое существо, ожидающее возвращения своего хозяина, и оно не может понять, куда же Уилбер подевался. Наверное, именно из-за этой навязчивой идеи я уделял комнате больше внимания, чем она того заслуживала. Однажды я вынес из нее кое-какие вещи, а также очень удобное кресло кузена. Но, как это ни странно, через некоторое время мне пришлось вернуть их обратно в кабинет. Кресло, которое мне вначале понравилось, оказалось довольно неуклюжим, и я чувствовал себя в нем очень плохо. Потом я обнаружил, что внизу недостаточно яркий свет, и мне пришлось отнести назад в кабинет все взятые там книги.

Теперь я был почти уверен, что атмосфера этой комнаты Уилбера отличается от атмосферы всех прочих помещений дома. Было очевидно, что, за исключением кухни, остальными помещениям кузен пользовался крайне редко. Он вел жизнь затворника, а если и покидал свое убежище, то только для поездок в Мискатонский университет в Эркхеме и в библиотеку в Бостоне. Больше Уилбер никуда не ездил и никогда не принимал гостей. Даже в тех редких случаях, когда я приезжал проведать кузена, он явно желал, чтобы я поскорее покинул его дом, хотя и был всегда очень внимателен ко мне. Поэтому мои визиты длились не более пятнадцати минут.

Честно говоря, я побаивался кабинета кузена. Меня вполне устраивал первый этаж, и я на неопределенное время отложил все мысли о переустройстве дома. Кроме того, я достаточно регулярно уезжал по своим делам, иногда даже отсутствовал по нескольку дней подряд. Иными словами, не было никаких причин для того, чтобы немедленно приступить к переделкам. Наконец, завешание кузена было официально утверждено, никто не оспаривал моих прав на наследство, и я понемногу начал осваиваться с новой ролью владельца усадьбы.

Все шло хорошо, но вдруг стали происходить события,

которые нарушили мой покой. Сначала я не заметил в них никакой последовательности. Насколько я помню, первое случилось примерно через месяц после того, как я вступил во владение домом. Оно было довольно незначительным, и мне даже в голову не могло прийти соединить его с последующими, которые начали происходить постоянно и имели место в течение многих недель.

Итак, поздним вечером у камина, удобно устроившись в кресле в гостиной первого этажа, я читал книгу. Вдруг мне показалось, что кошка или какое-то другое маленькое существо скребется в дверь. Звук был настолько отчетлив, что я встал и открыл дверь в передней, потом поочередно — дверь на черный ход и даже ту дверь в самой старой части дома, которой обычно никто не пользовался. Однако не обнаружил на кошки, ни каких-либо ее следов. Животное словно растворилось в темноте. Я несколько раз окликнул его, но оно не отозвалось. Не успев я вернуться в кресло, как вновь услышал те же самые звуки. Сколько я ни старался, но так и не смог хотя бы увидеть это животное. Подобное повторилось раз десять, и я был доведен до такого состояния, что если бы мне удалось поймать эту злосчастную кошку, я, наверное, застрелил бы ее.

Событие было таким ординарным само по себе, что любой здравомыслящий человек тут же забыл бы о нем. Я предположил, что это была кошка кузена, и поскольку она меня не знала, то испугалась и не решилась войти в дом. Ведь могло быть и так? И я перестал об этом думать. Однако менее чем через неделю произошло еще одно похожее событие, но с той только разницей, что теперь характер звуков изменился. Это не было царапаньем небольшого животного. Кто-то более сильный пытался, как бы ощупывая стену дома. Казалось, что огромная змея или хобот слона скользят по стеклам окон и дверям дома. Однако и в этот раз я слышал только звуки, но не смог увидеть того, кому они принадлежат. Я все слышал, но абсолютно ничего не видел. Что это было? Собака, кошка, змея? Или что-нибудь другое? Все это стало вызывать у меня мрачное предчувствие.

Дальше — больше: помимо уже знакомых звуков, которые могли принадлежать кошке, собаке или змее, я услышал нечто, напоминающее мне то бег копытных животных, то тяжелую поступь слона, то клекот птиц, бьющихся о стекло, то какое-то хрюканье. Я даже подумал, что у меня начались галлюцинации, но тут же отбросил это объяснение, потому что вся эта какофония раздавалась в любую погоду и в любое время дня и ночи. Но с другой стороны, если в самом деле это были какие-нибудь животные, то независимо от их размеров

я все равно успел бы их разглядеть из окна, прежде чем они скрылись в поросших лесом холмах, окружавших дом. Ведь сначала они должны были пробежать по почти открытой местности, поросшей еще молодыми побегами тополя, березы и ясеня!

Однажды вечером я открыл дверь, ведущую на второй этаж, где располагался кабинет кузена, поскольку хотел немного проветрить комнаты нижнего этажа. И именно тогда, когда опять услышал царапающие звуки, я, наконец, понял, что они раздаются со стороны слухового окна в кабинете Уилбера. Я тут же бросился вверх по лестнице, чтобы взглянуть на это удивительное животное, которое умудрилось взобраться на второй этаж и требовало впустить его через слуховое окно, поскольку только через него можно было попасть в эту комнату. Но окно оставалось закрытым, а стекло непрозрачным, поэтому я ничего не увидел, хотя стоял близко возле него и явственно слышал, как с той стороны окна раздается царапание чьих-то когтей.

Спустившись вниз и прихватив с собой мощный фонарь, я вышел в душную летнюю ночь и направил луч света на ту стену дома, где находилось слуховое окно. Стена выглядела абсолютно голой, окно с этой стороны было почти черным, хотя, находясь в комнате, можно было заметить, что оно излучает молочно-белый свет. До меня не доносилось ни единого звука. Думаю, я никогда не разрешил бы этой загадки, но судьба распорядилась иначе.

Именно в это время я получил от своей престарелой тетушки в подарок кота по кличке Маленький Сэм, который был моим любимым котенком еще два года назад. Тетушке не нравилась моя решимость жить в одиночестве, и она подумала, что Сэм составит мне неплохую компанию. Маленький Сэм к этому времени уже перерос свое имя — теперь его следовало бы называть Большой Сэм. С тех пор, как я видел его в последний раз, он прибавил в весе несколько фунтов и превратился в достаточно свирепое рыжевато-коричневое животное. Сэм проявлял двойственное отношение к моему дому. Временами он преспокойно спал, устроившись у камина, но иногда кота что-то страшно беспокоило, и он требовал, чтобы я немедленно выпустил его на свежий воздух. Таинственные звуки, о которых я рассказывал, действовали на Сэма настолько раздражающе, что казалось, будто он сходит с ума от страха и злости. В такие минуты мне приходилось выпускать его из дома, и кот отправлялся ночевать в одну из построек; не тронутых Уилбером, или в лес, откуда он возвращался только на рассвете, повинувшись чувству голода. Но в кабинет кузена Сэм не входил ни разу!

II

Честно говоря, именно поведение кота побудило меня задуматься о том, что происходит в доме. Я решил заняться разрозненными рукописями кузена, оставшимися после его смерти, и попытаться найти в них ответы на мои вопросы. В самом начале поисков я наткнулся на неоконченное письмо, которое лежало в ящике стола в одной из верхних комнат. Оно было адресовано мне. Уилбер, зная о своем больном сердце, изложил в письме некоторые инструкции, которые мне следовало выполнить в случае его кончины. Письмо было начато всего за месяц до его смерти и положено неоконченным в ящик стола. Оно так и не было вынуто снова, хотя у кузена было еще достаточно времени, чтобы его дописать.

«Дорогой Фред, — писал Уилбер. — Самые лучшие медицинские светила предрекают мне близкую смерть, и поскольку я уже составил завещание, в котором ты являешься моим единственным наследником, я хотел бы дополнить этот документ некоторыми последними инструкциями. Заклинаю тебя отнестись к ним со всей серьезностью и выполнить их со всей тщательностью. Три вещи ты должен выполнить немедленно, без всяких отлагательств:

1. Все бумаги, которые хранятся в ящиках, обозначенных буквами А, Б и В, должны быть уничтожены.

2. Все книги, стоящие на полках К, Л, М и Н, я прошу передать в дар библиотеке Мискатонского университета в Эрхеме.

3. Стекло из круглого окна в моем кабинете должно быть разбито. Его нельзя просто вынуть и использовать для других целей, оно должно быть разбито вдребезги.

Поверь, ты просто обязан выполнить мою последнюю волю, в противном случае ты станешь виновником страшного бедствия, которое может обрушиться на весь мир. Я не могу сейчас добавить ничего больше, это тема для другого разговора, о чем я напишу тебе позже, если у меня еще будет время. Все дело в том....»

Но здесь, вероятно, что-то отвлекло внимание кузена, и он отложил письмо.

Что я должен был думать об этих странных инструкциях? Конечно, я прекрасно понимал, что книги должны быть переданы в библиотеку университета, поскольку они не представляли для меня никакого интереса. Но с какой стати я должен уничтожать его бумаги? Почему нельзя их также

передать в библиотеку? А уж что касается оконного стекла, то я посчитал странное желание Уилбера просто дорогостоящим капризом, поскольку придется вставлять новое стекло, что потребует дополнительных расходов. Однако именно эта часть письма возымела на меня совершенно неожиданный эффект: она страшно возбудила мое любопытство, и мне нестерпимо захотелось более внимательно ознакомиться со всеми его книгами и рукописями.

В тот же вечер я начал просматривать фолианты, стоящие на упомянутых в письме полках. Интерес кузена к археологии и антропологии нашел свое отражение в отборе книг, поскольку здесь была собрана литература, содержащая сведения о культуре и обычаях народов, населявших когда-то Полинезию, острова Пасхи, Монголию, а также об истории других древних цивилизаций. Были здесь и книги о миграциях народов, сборники легенд и мифов примитивных культур. Некоторые из книг, которые я должен был передать в библиотеку Мискатонского университета, выглядели, как старинные манускрипты. На них не было года издания, а внешний вид и рисунок шрифта свидетельствовали о том, что они появились еще в средневековую эпоху.

Наиболее поздние издания, хотя ни одно из них не датировалось раньше 1850 года, попали в собрание кузена различными путями. Часть книг принадлежала его отцу, Генри Эйкели, проживавшему в Вермонте, который потом переслал их сыну; на некоторых стоял штамп Национальной библиотеки Парижа, что позволяло предположить невероятное: Уилбер был способен похищать книги с полок библиотек.

Здесь была литература на многих языках — немецком, французском, итальянском, латыни и, конечно, английском. Имелись также и фотокопии старинных рукописей. Должен признаться: эти книги несколько озадачили меня, поскольку все они были посвящены, по крайней мере, те, что я просмотрел, примитивным верованиям древних народов. Конечно, я не могу с уверенностью говорить о трудах на латыни, немецком и французском, я почти ничего не понял и в книгах на древнеанглийском. Да у меня и не хватило бы терпения сидеть и разбираться во всем этом, потому что подобная литература представляла интерес только для узких специалистов.

Хотя, конечно, здесь было кое-что, что могло привлечь внимание и простого смертного, ибо в древних легендах, мифах и верованиях проглядывала старая, как мир, истина — извечная борьба между силами добра и зла. По край-

ней мере, так я понимаю эту проблему. И какое имеет значение, называются ли эти силы Бог и Дьявол, или древние боги и античные боги, добро и зло. А может быть, они имеют такие имена, как Ноденс (Один), Бог бездны, Единый Бог, или имена дьявольских сил, как, например, демоническое существо Азазель — вечное зло, жуткий хаос преисподней, извергающее проклятия и бурлящее в центре бесконечности; Йог-Сотот, не подчиняющийся никаким законам времени и пространства, или Нирласотеп, посланец античных богов; Великий Цтулху, ожидающий своего часа, чтобы подняться из города Р'лих, спрятанного в глубинах океана; Астар, бог межзвездного пространства; Шаб-Нигтурат и другие. Если во многих странах существуют вероотступники, поклоняющиеся своим языческим идолам, то почему так же не поступать и почитателям древних богов. К ним можно отнести Снежного человека, обитающего в Гималаях и других районах Азии; Жителей морей, которые таятся в глубинах океана, чтобы служить Великому Цтулху; Шантаки, народ Тхо-Тхо и многие другие, некоторые из которых происходят из тех самых мест, куда были сосланы провинившиеся боги, например, Люцифер из Эдема, когда они поднялись против старых богов. Такие места, как скопление звезд в созвездии Тельца, именующиеся Гиady; Неизвестный Кадах, плато Ленг и погруженный в пучину вод город Р'лих.

Особенно мне хотелось отметить два момента, которые доказывали, что Уилбер очень серьезно относился ко всем легендам и мифам. Например, несколько раз повторявшееся название Гиady напомнило мне слова кузена, что слуховое окно в его кабинете «имеет происхождение из Гиад». В другой раз он упомянул, что, вероятно, «это стекло было изготовлено в Ленге или Ленгом». По наивности я предполагал, что «Ленг» может означать фамилию какого-нибудь китайского продавца антиквариата, а о том, что такое «Гиady», вообще не имел представления. У меня теперь было достаточно доказательств того, что Уилбер не просто интересовался этими странными мифами. И если книги и манускрипты косвенно подтверждали подобную оценку фактов, то записи кузена не оставляли и тени сомнения в этом.

В его записях я нашел нечто, меня сильно поразившее, — здесь был непроработанные, но тем не менее очень впечатляющие рисунки каких-то странных, шокирующих взгляд пейзажей и существ, которых я не мог себе представить даже в самом кошмарном сне. Это были крылатые, похожие на летучих мышей, существа ростом с человека. Они имели огромные бесформенные тела, усеянные щу-

пальцами, и казались на первый взгляд осьминогами, но в то же время в них чувствовался какой-то зачаток интеллекта. Эти полулюди, полуптицы с ужасными, примитивными физиономиями ходили на двух нижних конечностях, но имели несоразмерно огромные руки, а цвет их кожи был бледно-зеленым, напоминающим цвет морской воды. Я видел рисунки более узнаваемых человеческих существ, однако с какими-то искаженными пропорциями — низкорослых и недоразвитых жителей Востока, обитающих в холодных районах, что можно было понять по их одежде, а также рисунки представителей странной человеческой расы — мутантов, возникших в результате кровосмесительных браков, с явными признаками низкого умственного развития.

Я даже не мог себе представить, что мой кузен обладает такими талантами. Я, конечно, знал, что дядюшка Генри имел очень живое воображение, но, насколько мне известно, это свойство никогда не было присуще Уилберу. Теперь я убедился, что он очень искусно скрывал от нас свои возможности, и это открытие меня даже порадовало.

Разумеется, я не сомневался, что найденные рисунки были плодом воображения Уилбера, поскольку ни одно живое существо не могло служить моделью для их создания и ни в одной книге или манускрипте, принадлежащих кузену, я не нашел ничего подобного. Подталкиваемый любопытством, я все глубже и глубже погружался в тексты записей. Отобрав из них те, которые, как мне казалось, могли наиболее полно ответить на все мои вопросы, я разложил их в определенной последовательности, что было просто сделать, поскольку каждый документ имел определенную дату.

«15 октября, 1921 год. Очертания местности стали видны более отчетливо. Что это? Ленг? Более похоже на юго-западную часть Америки. Пещеры заполнены огромными стаями летучих мышей, которые, подобно огромному темному облаку, сейчас вылетают из своего убежища, как раз перед закатом солнца, и почти полностью закрывают его. Вокруг низкорослый кустарник, искривленные деревья. Чувствуется, что здесь часто и подолгу дуют ветры. На горизонте возвышаются снежные шапки гор, которые как бы окаймляют эту пустынную местность.»

«21 октября, 1921 год. Посредине видны четыре Шантака. Средний рост выше человеческого. Покрытые шер-

стью тела и крылья, как у летучих мышей, но размах крыльев — до трех футов. Имеют клюв, как у грифа. Перелетели поближе, остановились отдохнуть на скале. Не уверен, но кажется, что на спине одного из Шантаков кто-то сидит.»

«7 ноября, 1921 год. Ночной океан. Невдалеке скалистый остров. Существа, Жители морей, и представители человеческой расы — мутанты. Первые огромны, передвигаются, как лягушки, что-то среднее между прыжком и шагом, сторблены, как и все примитивные существа, Другие, кажется, плывут к рифу. Вероятно, Иннсмаут? Не видно побережья, никаких признаков города, нет огней. Не видно корабля. Поднялись из глубин, позади рифа. Риф Дьявола? Даже мутантам не под силу преодолеть вплавь такое расстояние без отдыха. Может быть, просто побережье не видно в темноте?»

«17 ноября, 1921 год. Абсолютно незнакомый пейзаж. Насколько я могу судить, это не Земля. Черное небо, несколько звезд. Скалы из порфира или похожего на него минерала. На черном фоне глубокое озеро. Может, это Хали? Через пять минут вода покрылась рябью: что-то поднимается из глубин. Заглянул внутрь. Огромное подводное существо с щупальцами. Это осьминогоподобное существо в десять, нет, двадцать раз больше, чем гигантский *Octopus appollyon**, живущий у западного побережья. Не стал рисковать, чтобы увидеть его морду, и разрушил звезду.»

«4 января, 1922 год. Абсолютно пустое пространство. Космос? Приближается планета, как будто я смотрю глазами кого — то подлетающего к небесному телу в космическом корабле. Темное небо, вдалеке горят звезды, но поверхность планеты постепенно приобретает более четкие очертания. Приблизившись, вижу бесплодный пейзаж. Нет никакой растительности, как на темной звезде. Толпа поклонников окружила каменную башню. Они кричат: «Йа! Шаб-Ниггурат!»

«16 января, 1922 год. Подводный пейзаж. Может, Атлантида? Вряд ли. Огромная постройка, раздавленная массой воды, напоминающая храм. Гигантские камни, подобные

* *Octopus appollyon* (лат.) Буквально — осьминог-погубитель (Прим. Ред.)

камням пирамиды. Ступени, ведущие вниз, в черную бездну. Вдалеке — существа, Жители морей. Чувствуется какое-то движение в темноте, внизу, возле основания лестницы. Выползает огромное щупальце, затем появляются два влажных глаза, расстояние между которыми составляет несколько десятков ярдов. Что это? Может быть, Р'лих? Напуган приближением этого существа из глубины океана и разрушил звезду.»

«24 февраля, 1922 год. Знакомый пейзаж. Может, Уилбрахам? Прямо передо мной — ферма, там какие-то люди. На переднем плане стоит старик, он к чему-то прислушивается. Громко поют птицы, скорее всего, козодои. Приближается женщина, в руках у нее — изображение звезды из камня. Старик в панике убегает. Очень странно. Следует присмотреться внимательней.»

«21 марта, 1922 год. Очень расстроен событиями сегодняшнего дня. Надо быть более осторожным. Построил звезду и произнес, как всегда, заклинание. Немедленно прямо передо мной появился огромный Шантак. Он явно почувствовал меня и двинулся вперед. Я отчетливо услышал, как стучат его когти по стеклу. Еле успел разрушить вовремя звезду.»

«7 апреля, 1922 год. Теперь я точно знаю, что они могут выйти наружу, если я не буду осторожным. Сегодня видел пейзаж Тибета и Снежного человека. Сделана еще одна попытка. Что же говорить об их Властинах? Если слуги пытаются преодолеть время и пространство, то что говорить о Божествах? На какое-то время мне следует воздержаться от своего занятия. Мне страшно.»

И Уилбер, действительно, на время отложил свое странное занятие. По крайней мере, об этом свидетельствовали его записи. Следующая запись, которая появилась почти через год, гласила:

«7 февраля, 1923 год. Нет никаких сомнений: они явно догадываются, что путь открыт. Очень рискованно смотреть. Чувствуешь себя в безопасности только тогда, когда ландшафт пуст. Но поскольку никогда не знаешь, что откроется твоим глазам, то риск очень велик. Я долго колебался, но все же решился. Построил звезду, произнес заклинание и стал ждать. Сначала видел только знакомый пейзаж юго-западной части Америки. Был вечер. Большое

количество всевозможных животных — летучие мыши, бродящие по ночам кенгуровые крысы и дикие кошки. Затем из пещеры вышел Житель пустыни: грубая кожа, огромные глаза и уши, ужасное существо непропорционального телосложения, отдаленно напоминающее лицом коалу, с явными признаками истощения. Он еле передвигал ноги, но явно шел в мою сторону. Вероятно, открытая дверь делает этот мир таким же видимым для них? Когда я убедился, что он идет прямо на меня, то разрушил звезду. Все исчезло, как всегда. Но позднее я заметил, что дом полон летучих мышей! Целых двадцать семь штук! Теперь я не верю в случайное стечение обстоятельств!»

Далее в течение некоторого времени Уилбер писал совершенно о других проблемах, не упоминая о видениях или мистической «звезде», которым он ранее уделял так много внимания. Думаю, мой бедный кузен стал жертвой галлюцинаций, что и не мудрено, если учесть, с каким пристальным интересом он занимался изучением книг, стоящих на его полках в кабине. Иначе как можно было объяснить его попытки придать реальность фантастическим «видениям», нашедшим отражение в прочитанных мной рукописях?

Записи перемежались с вырезками из газет, в которых говорилось о различных необъяснимых явлениях, — это странные происшествия, появление в небе неизвестных объектов, таинственные исчезновения, то есть все, так или иначе связанное с древними культами и тому подобным. Мне было больно думать, что Уилбер совершенно серьезно относился ко всем этим символам веры примитивных культур и религий, верил, что и в наши дни существуют дьявольские силы, их почитатели и последователи. Именно существование всего этого он и пытался доказать. Казалось, что он впитал в себя все, написанное в старых книгах, которых у него было такое великое множество, и, приняв их за правдивые истории, литературно оформленные авторами, пытался подтвердить это поисками доказательств, взятых в сегодняшнем времени. Честно говоря, было много удивительных совпадений между тем, что происходило в далекие времена, и тем, что удалось обнаружить кузену, но вряд ли это можно было считать доказательствами.

Всю литературу, в которой рассказывалось о существовании таинственных сил, я передал в библиотеку Мискатриксского университета, где было решено создать Коллекцию книг Эйкели. К сожалению, я не сделал ни одной ко-

пии. Впрочем, эти манускрипты не смогли помочь мне понять до конца, чем же так увлекался в своей жизни Уилбер Эйкели.

III

Я, наверное, так ничего и не узнал бы о «звезде», если бы она случайно не попалась мне на глаза. Кузен все время упоминал о «построении», «разрушении», «создании» и «уничтожении» звезды, необходимого атрибута его иллюзий, но эти упоминания ничего мне не говорили. Однажды я заметил на полу слабые линии, которые при ближайшем рассмотрении слились в очертания пятиконечной звезды. Раньше я не замечал этого рисунка, потому что пол был закрыт большим ковром. Но когда я упаковывал книги и рукописи кузена, предназначенные для отправки в библиотеку Мискатонского университета, то мне, естественно, пришлось на время скатать ковер.

Но даже тогда я не сразу понял, что эти линии имеют прямое отношение к звезде. Упаковав книги и рукописи, я оттащил ковер подальше с середины комнаты — и глазам моим предстал замысловатый полустертый рисунок на полу. Звезда была украшена различными орнаментами. Теперь я понял назначение коробки с мелками, которой я никак не мог найти объяснение, обнаружив ее в кабинете кузена. Я взял мел и принялся тщательно восстанавливать рисунок звезды, а также все знаки, обнаруженные в ней. Было совершенно очевидно, что это какие-то кабалистические знаки, а создатель звезды должен находиться внутри нее.

Восстановив звезду по имеющимся линиям, я уселся посередине и стал ждать. При этом мне не давали покоя те моменты в записях кузена, где он говорил о необходимости уничтожения звезды каждый раз, когда приближается опасность. Так как я в точности повторил кабалистический ритуал, то понимал — в критическом случае я должен буду также уничтожить звезду. Однако ничего не происходило, и только через несколько минут я вспомнил, что существуют еще и «слова». Я встал, нашел записи с заклинанием, вернулся обратно, сел в середине звезды и могильным голосом прочел заклинание.

Немедленно вслед за этим произошли неожиданные события. Я сидел лицом к матовому стеклу круглого окна в кабинете кузена и поэтому видел все довольно отчетливо. Стекло

вдруг стало прозрачным, и я, к своему великому изумлению, увидел залитый солнцем пейзаж, хотя на самом деле за окном было темно, поскольку часы показывали пять минут девятого и был вечер летнего дня в штате Массачусетс. Однако я видел ландшафт, который невозможно было бы найти ни в одном из уголков Новой Англии, — безводная земля, песчаные скалы, своеобразная растительность пустыни, очень скудная, пещеры, а далеко на горизонте покрытые снегом вершины гор, тот же пейзаж, который несколько раз встречался в записях кузена.

Я, как завороченный, смотрел на этот пейзаж, мозг мой был парализован. А тем временем мир за окном постепенно наполнялся живыми существами, одна картина сменялась другой: вот ползет, извиваясь, гремучая змея, в небе парит, выслеживая добычу, зоркий ястреб, я даже отчетливо видел, как солнечные лучи отражаются от его груди, — я обнаружил ящерицу-ядозуба, тушканчика. Все это напоминало мне хорошо знакомую юго-западную часть Америки. Тогда что это за место? Аризон? Нью-Мехико?

Меж тем события стремительно разворачивались дальше. Ящерица-ядозуб исчезла из вида, ястреб спикировал вниз и поднялся, держа в когтях змею, к тушканчику присоединился еще один. А солнце спускалось все ниже, делая землю в лучах заката удивительно красивой. Затем из дальней пещеры стали вылетать летучие мыши. Они появлялись из темных пещерных недр тысячами, бесконечным потоком, и мне казалось, я слышу, как они пищат. Я не могу сказать, как долго продолжался их полет в наступающих сумерках. Однако следом за ними появилось существо, отдаленно напоминающее человека. У него была очень грубая кожа, как будто песок пустыни тонким слоем отложился на поверхности его тела. Казалось, существо истощено до предела, поскольку я мог видеть, как ребра выпирают из кожи, но что было особенно отвратительно, так это выражение его физиономии, оно напоминало морду австралийского медведя — коала, с огромными глазами и ушами. В этот момент я вспомнил, как кузен называл эти существа, потому что вслед за первым показались и другие, некоторые были явно женского пола. Жители пустыни!

Они вылезали из пещеры, щуря свои огромные глаза, но вдруг пришли в большое волнение, стали разбегаться в разные стороны и прятаться за растущие поблизости кусты. Источник их страха — пока еще невидимое чудовище — стало появляться из пещеры. Сначала показалось щупальце, затем

возникло еще одно, а потом зашевелилось около дюжины щупалец. Вскоре стали видны очертания жуткой головы. А когда чудовище выползло на свет, то я вскрикнул в ужасе, поскольку это было жуткой пародией на человеческое лицо. Голова без шеи была посажена на тело, которое представляло собой какую-то желеподобную массу, доходящую до глаз, а щупальца росли из того места, которое являлось нижней челюстью.

Чудовище явно почувствовало мое присутствие. Не спуская с меня глаз, оно начало быстро передвигаться к окну на фоне темнеющего пейзажа. Вначале я просто не осознавал надвигающейся опасности. Я сидел и наблюдал с огромным вниманием за всем, что происходит, но когда чудовище пересекло все пространство, а его щупальца достигли слухового окна и стали проникать через него в комнату, я просто окаменел от страха.

Через окно! Это что, тоже игра воображения?

Помню, как опомнился от ледяного ужаса, сковавшего меня, как стащил с ноги башмак и изо всех сил запустил им в стекло. В тот же миг я вспомнил, что писал кузен об уничтожении звезды в случае опасности, поэтому наклонился и полностью стер часть рисунка. Я успел услышать звук разбившегося стекла, а потом потерял сознание.

Теперь я знал то, что было известно моему кузену!

Если бы я не ждал так долго, то никогда бы не смог узнать то, что узнал, и продолжал бы верить в галлюцинации. Но теперь я знал, что стекло в кабинете кузена было дверью в другие измерения, в иные миры и пространства, которые были открыты благодаря Уилберу Эйкели. Это был ключ к тайным местам на Земле и в космосе, где обитали последователи древних богов и сами древние боги! Всегда живые и ждущие своего часа, чтобы опять вернуться на Землю. Стекло из Ленга, а может быть и Гиад, поскольку я никогда не узнаю, где кузен раздобыл его, было способно вращаться в раме и не подчинялось никаким земным законам, за исключением того, что его направление изменялось в зависимости от вращения Земли вокруг своей оси. И если бы я не разбил его, то из-за своего неумеренного любопытства и невежества в этой области, мог бы навлечь страшные беды на человечество, выпустив на волю этих чудовищ.

Теперь я знал, что все рисунки, которые я видел в записях кузена, были сделаны с натуры, а не являлись плодом его воображения.

Я получил неопровержимые доказательства реальности происшедших событий. Когда я пришел в себя, то увидел

летучих мышей, которые могли попасть сюда только из слухового окна. То, что матовое стекло вдруг прояснилось, могло быть и оптическим обманом, но я уже знал правду! Сомнений не оставалось: все, что я увидел, не было плодом моего воображения!

Как же тогда объяснить, почему около разбитого окна в кабинете лежало отрубленное щупальце десяти футов в длину, которое попало между двумя измерениями, когда «дверь» захлопнулась?

Ни один ученый не мог бы приписать это щупальце никому из ныне существующих или давно вымерших животных, которые когда-либо обитали на поверхности Земли или в самых потаенных ее недрах!

Х.Ф.ЛАВКРАФТ

С ТОГО СВЕТА

Ужасные и совершенно необъяснимые изменения произошли с моим лучшим другом Кроуфордом Тиллингэстом, которого я видел в последний раз более двух с половиной месяцев назад. В тот памятный день я зашел к нему и он сообщил мне, в каком направлении продвигаются его естественно-научные и метафизические исследования; когда же в ответ на это он услышал с моей стороны тревожные, почти испуганные возражения, то в приступе дикой ярости вытолкнул меня из лаборатории, заявив напоследок, что вообще прекращает со мной всяческие контакты. С тех самых пор единственное, что мне было известно о нем, это то, что он дни и ночи напролет безвылазно проводит в своей наглухо закрытой лаборатории на чердаке, пребывая в обществе той самой дьявольской машины, избавившись от слуг и практически лишив себя пищи. Увидев же его снова, я невольно поразился, поскольку никак не мог представить себе, чтобы за такой весьма непродолжительный промежуток времени как какие-то десять недель человек мог не просто столь существенным образом измениться, но даже — да позволительно мне будет так выразиться — обезобразиться.

Что и говорить, мало приятного наблюдать, как крепкий мужчина чуть ли не в один миг резко превращается в тощего субъекта, почти старика; более того — что его кожа стала не просто дряблой и отвислой, но и приобрела серовато-желтоватый оттенок, широко раскрытые, поблескивающие нездоровым блеском глаза совсем провалились, на сморщенном лбу вспухли толстые вены, а руки непрерывно дрожат и дергаются. Ко всему этому следовало добавить общую неряшливость его внешнего облика, грязную, какую-то замызанную одежду, гриву спутанных и уже поседевших у корней волос и жесткую седую щетину на прежде всегда тщательно выбритом лице — одним словом, сложите все, о чем я здесь написал, и у вас получится достаточно полная и, несомненно, поистине шокирующая картина внешнего облика моего друга.

Однако именно таким предстал передо мной в ту ночь Кроуфорд Тиллингэст, когда после десяти недель нашего разрыва он наконец написал мне и в полубессвязных, почти неразборчивых фразах пригласил к себе. Именно таким я увидел то призрачное существо, которое дрожащей рукой открыло мне дверь — в другой его руке была зажата свеча, а сам он то и дело боязливо оглядывался назад, как если бы страшился появления в этом старинном и одиноком доме, притаившемся в глубине Беневолент-стрит, неких страшных, невидимых существ.

Сам себе факт того, что Кроуфорд Тиллингэст стал всерьез заниматься естественными науками и философией, явился, в сущности, жестокой насмешкой судьбы. Подобные вещи ей

следовало бы оставить на долю холодного и невозмутимого исследователя, ибо для человека страсти и действия они неизменно оборачиваются одним из двух, но неизменно трагических последствий: отчаянием — если его поиски не приносят желаемого результата; и непередаваемым, поистине невообразимым кошмаром, если он наконец добывается своего.

Когда-то Тиллингэста буквально повсюду сопровождали неудача, одиночество и меланхолия, зато теперь — и я уже точно это знаю, хотя подобное знание и переполняет меня тошнотворным страхом — он наконец ухватился за хвост удачи. Должен признать, что еще тогда, два с половиной месяца назад, когда он впервые сообщил мне, чего именно дожидается от своих исследований, я предупреждал его о возможных последствиях. До сих пор мне памятна его подчеркнуто бурная реакция на мои слова, и то, сколь горячо, явно возбужденно разговаривал он тогда со мной, произнося своим высоким, неестественно пронзительным голосом надменно звучащие и одновременно размеренно-педантичные фразы:

— Что мы вообще знаем об окружающем нас мире и вселенной? — вопрошал он тогда. — Те средства и способы, посредством которых мы формируем собственные ощущения, абсурдно скудны и нелепо ущербны, а потому и наши представления об окружающих нас объектах бесконечно ограничены. Мы способны видеть вещи лишь в рамках отведенных нам способностей, и при этом совершенно неспособны уяснить, что они представляют из себя на самом деле. Посредством каких-то пяти жалких органов чувств мы пытаемся создать видимость того, будто действительно изведали безграничные и невероятно сложные просторы космоса. Между тем, иные существа, обладающие более широким, мощным — вообще другим — диапазоном органов чувств, могут не только совершенно иначе воспринимать окружающие нас вещи, но и в целом способны видеть и изучать целые миры вещества, энергии и жизни, которые располагаются буквально у нас под носом, однако остаются совершенно недоступными для восприятия нашим организмом.

Я всегда верил в то, что в непосредственной близости от нас существуют странные и одновременно совершенно недостижимые миры, и сейчас, как представляется, мне удалось отыскать способ, благодаря которому можно будет сокрушить этот барьер. Нет-нет, я не шучу! В течение ближайших двадцати четырех часов эта машина, которую, ты видишь рядом с моим столом, станет источником особого вида волн, воздействующих на доселе неизведанные органы чувств, таящиеся в нас, но пребывающие в атрофированном, либо рудиментарном состоянии. Эти волны распахнут перед человеком гро-

мадные и обширные перспективы, причем некоторые из них окажутся подлинным открытием вообще для всего, что принято считать органической жизнью. Перед нами предстанет то, чему в темноте подвывают собаки и во что вслушиваются по ночам, подняв уши, уличные коты. Мы увидим такие вещи — массу вещей, — которые не доводилось видеть еще ни одному живому существу. Мы преодолеем барьер времени, пространства и измерения, и, не совершая ни малейшего телодвижения, проникнем в самые глубины мироздания.

Пока Тиллингэст говорил подобные вещи, я пытался было возражать, даже протестовать, поскольку видел, что все это не столько забавляет, сколько, скорее, пугает его, однако он пребывал в состоянии почти фанатичного возбуждения и поэтому в итоге выгнал меня из своего дома. Да и сейчас бывшего фанатизма в нем стало отнюдь не меньше, хотя я чувствовал, что желание высказаться всё же подавило у него презрение к моей персоне, и именно потому он написал мне ту странную, почти неразборчивую записку, приглашая немедленно прийти к нему в дом на Беневолент-стрит.

Входя в обитель своего друга, столь внезапно превратившегося в дрожащую горгулью, я сразу же почувствовал, что во всех углах этого дома притаился леденящий душу страх. Мне показалось, что все те слова, которые он произнес десять недель назад, словно воплотились сейчас в той темноте, которая затаилась за пределами маленького круга света, исходящего от одинокой свечи, и я невольно вздрогнул от звука глухого, сильно изменившегося голоса моего друга. Мне хотелось, чтобы в те минуты нас также окружали его слуги, однако Кроуфорд заявил, что три дня назад все они покинули его дом. Я невольно поразился тому, что старый Грегори так вдруг бросил своего хозяина, при этом ни слова не сказав о своем намерении столь доверенному и близкому другу, которым всегда считал меня. В сущности, именно от него я и получил всю информацию о жизни Тиллингэста после той нашей досадной и эмоциональной размолвки, когда Кроуфорд в ярости указал мне на дверь.

Довольно скоро, однако, мне удалось несколько унять собственные страхи, место которых постепенно стали занимать любопытство и самое неподдельное восхищение. Я мог лишь догадываться о том, чего именно ожидал сейчас от меня Кроуфорд Тиллингэст, однако в том, что он находился у порога какого-то невероятного открытия, не оставалось ни малейшего сомнения. Если прежде я еще осмеливался как-то возражать и даже протестовать по поводу его противоестественных попыток проникнуть в суть самого сокровенного, то сейчас, когда он определенно достиг на этом поприще вполне

конкретного прогресса, я уже почти разделял его настрой, хотя внутренне и содрогался, мысленно представляя себе, каких жертв все это может стоить.

Я шел по темному, пустынному дому, следуя за слабым огоньком свечи, зажатой в подрагивающей руке этой ходячей пародии на человека. Электрический свет в доме был выключен, и сделано это, как пояснил он мне, по вполне конкретным причинам.

— Это будет слишком... Я просто не решаюсь... — продолжал бормотать он, и я обратил внимание на эту его новую и довольно специфическую манеру речи, похожую на некую разновидность разговора с самим собой.

Мы вошли в располагавшуюся в чердачном помещении лабораторию, и я сразу увидел довольно отталкивающего вида электрический агрегат, излучавший слабое, чуть подрагивающее, какое-то болезненное бледно-фиолетовое свечение. Машина была подсоединена к довольно мощному на вид аккумулятору, хотя в настоящий момент, как мне показалось, ток включен не был (насколько я мог запомнить, в ходе самого эксперимента, при работе она издавала гудящий, потрескивающий звук). Отвечая на мой вопрос, Тиллингэст лишь промямлил, что это постоянное свечение имеет отнюдь не электрическую природу, однако сейчас ему было бы трудно в более понятных выражениях объяснить суть происходящего.

Усадив меня рядом с машиной, так что она оказалась по правую руку от меня, он щелкнул каким-то выключателем, располагавшимся под гроздьё ламп, расположенных в виде некоего подобия короны. Послышалось характерное потрескивание, сменившееся глухим подвыванием, которое с каждой секундой становилось все громче, неистовее, а потом внезапно перешло в гудение, причем настолько мягкое, что я даже принял его за возвращение самой настоящей тишины.

Вскоре свечение усилилось, потом снова ослабло, после чего приобрело бледный, призрачный оттенок, или, скорее, стало походить на смесь цветов, характер которой я не берусь описать даже приблизительно. Тиллингэст пристально следил за моей реакцией и заметил появившееся у меня на лице изумленное выражение.

— Знаешь, что это такое? — прошептал он. — Это ультрафиолет. — Он странно хохотнул моему явному недоумению. — Ты всегда считал, что ультрафиолетовые лучи невидимы — в сущности, так оно и есть, однако сейчас ты способен видеть и их, и многое другое, что было прежде недоступно твоему зрению.

— А теперь слушай, — продолжал он. — Генерируемые этой машиной волны пробуждают в нас тысячи доселе дре-

мавших чувств — тех самых чувств, которые дошли до нас через миллионы и миллионы лет эволюции человеческого существа от самых первобытных форм, зачатков органической жизни. Сам я уже видел подлинную, правду, и хочу, чтобы ты также получил такую возможность. Хочешь узнать, как все это выглядит? Сейчас увидишь.

С этими словами Тиллингэст уселся прямо напротив меня, задул свечу и со зловещим видом уставился мне в глаза.

— Твои органы чувств — в первую очередь, пожалуй, слуха — также смогут воспринять массу разнообразных импульсов, поскольку они довольно тесно связаны с этими самыми дремлющими или спящими органами. Следом же за ними последуют уже иные ощущения. Скажи, ты когда-нибудь слышал о так называемой шишковидной железе? Знаешь, я просто корчусь от смеха, когда вспоминаю этих эндокринологов-верхоглядов, простофиль, именующих себя учеными, а на самом деле являющихся попросту выскочками, прикрывающимися учением Фрейда.

Так вот, скажу я тебе, орган этот — наиглавнейший из всех органов чувств, и обнаружил я это совсем недавно. В некоторой степени его можно уподобить органу зрения, передающему свои импульсы прямо в мозг, и если ты нормальный человек, то таким образом сможешь воспринять большую часть того... того, что находится как бы по ту сторону, можно сказать — на том свете.

Я оглядел громадное пространство его мансарды с наклонной южной стеной, которую слабо освещали лучи, отсутствовавшие в нашей повседневной жизни. Отдаленные углы помещения утопали в глубокой тени, а все пространство приобрело очертания какой-то подернутой дымкой нереальности, скрывавшей свою подлинную сущность и побуждавшей мозг мыслить категориями символизма и призрачных образов.

За тот отрезок времени, пока Тиллингэм хранил молчание, я ощутил себя словно находящимся в громадном храме давно усопших богов. Это было строение со смутно очерченными формами и сложенное из бесчисленного количества черных каменных колонн, восходящих от влажных плит пола к туманным высотам, остававшимся за пределами моего зрения. Какое-то время картина эта оставалась вполне зримой, но постепенно стала сменяться более жуткими образами — словно я оказался в полнейшем, абсолютном одиночестве в бескрайнем, непроглядном, беззвучном космосе. Меня окружал сплошной вакуум, пустота, и больше ничего, и это пробуждало в душе странное, словно пришедшее из далекого детства ощущение животного страха. Я невольно потянулся рукой к карману пид-

жака, в котором лежал револьвер — с ним я не расставался ни на минуту с тех самых пор, когда впервые оказался в этом доме, расположенном в восточной части Провиденса.

Вскоре откуда-то издалека, словно из бездонной пустоты, начал доноситься еле различимый звук — бесконечно слабый, чуть вибрирующий и одновременно безошибочно музыкальный, в котором, однако, ощущалась неуловимая, дикая сила, сразу же мягко вцепившаяся в мое тело, окутавшая его мучительно-нежным покрывалом. Внезапно у меня сложилось впечатление, похожее на то, которое испытываешь, случайно задев ногтем грифельную доску. И в то же мгновение откуда-то потянул холодный сквозняк, источник которого, как я почти сразу же установил, располагался в той же стороне, откуда несло странное звучание.

Затаив дыхание я ждал, с каждой секундой чувствуя нарастание, усиление и того и другого — и звука, и сквозняка, — и при этом чувствовал себя так, будто оказался прикованным к стоящему между рельсами столбу, на который стремительно надвигается гигантский локомотив. Я принялся что-то говорить Тиллингэсту, причем заметил, что как только произнес первое слово, все эти столь необычные ощущения внезапно исчезли. Теперь я видел перед собой лишь хозяина дома, его светящуюся машину и утопающее во мраке помещение мансарды.

Тиллингэст презрительно косился на револьвер, который я, сам того не подозревая, выхватил из кармана, хотя по выражению его лица я понял, что он видел и слышал не меньше, а скорее всего даже намного больше моего. Я начал было описывать ему собственные ощущения, однако он кивком головы заставил меня не двигаться и как можно пристальнее вслушиваться и всматриваться в происходящее.

— Не шевелись, — добавил он, — поскольку эти лучи не только позволяют видеть все, что творится вокруг, но и делают видимыми нас самих. Я уже сказал тебе, что все мои слуги исчезли, но не пояснил, каким образом это произошло. Эта тупоголовая экономка — я ведь предупреждал ее, чтобы не зажигала внизу свет, но она не послушалась и все же зажгла его, а пробежавший по проводам ток лишь усилил ответную вибрацию. Что и говорить, пугающая это была картина — даже находясь здесь, видя и слыша происходящее, я не мог не различать ее воплей. Еще более кошмарное зрелище представляли из себя различные предметы ее одежды, разбросанные по всему дому. Основная же часть одежды миссис Апдайк валялась неподалеку от выключателя света — именно по ней я и догадался, что именно произошло. Они захватили ее всю, целиком. Однако до тех пор, пока мы сохраняем

неподвижность, можно считать себя в относительной безопасности. Не забывай, что мы имеем дело со зловещим миром, в котором практически лишены каких-либо шансов на самооборону... Не шевелись!

Шок от сделанного открытия в сочетании с неожиданно произнесенной командой буквально парализовал все мое тело, и, охваченный ужасом, я вновь распахнул свой разум перед тем, что Тиллингэст называл «тем светом».

Теперь я находился в самой гуще вихря звука и движения, который совершенно не позволял разглядеть, что творилось у меня перед глазами. Где-то проглядывали расплывчатые очертания комнаты, а из некоей точки пространства словно вздымался бурлящий столб невообразимых образов или облаков, упирившийся в твердь крыши впереди и чуть правее меня.

Затем я снова увидел тот же храм, однако на сей раз его колонны поднимались в толщу воздушного океана света, а сверху, точно в том месте, где несколько минут назад громоздилась масса дымного столба, спускался яркий, слепящий луч. После этого представшее передо мной зрелище приобрело поистине калейдоскопический характер, и, находясь в самой гуще этого хитросплетения звуков, образов и чувственных ощущений, я вдруг ощутил, будто сам растворяюсь, или, по крайней мере, чувствую, словно моя телесная оболочка утрачивает свою былую прочность и монолитность.

Никогда мне не забыть одну особо яркую вспышку. На какую-то долю секунды я словно увидел клочок диковинного ночного неба, заполненного сияющими, вращающимися сферами, а когда они чуть умилили свою яркость и скорость, стало видно, что мерцающие солнечные диски сближаются в некое подобие созвездия или галактики, имеющей вполне конкретную форму, причем форма эта сильно походила на очертания лица Кроуфорда Тиллингэста.

В какое-то другое мгновение я почувствовал, что мимо меня скользят громадные, словно нарисованные, но явно живые существа, которые изредка прикасались ко мне, а порой и

просто пронзали мое тело. Метнув взгляд в сторону Тиллингэста, я поймал себя на мысли о том, что его более привычные к подобным зрелищам глаза также вполне отчетливо воспринимают эти же движущиеся образы. На память мне пришли его слова насчет шишковидной железы, и я невольно подивился, что же посредством этого сверхъестественного глаза мог видеть и уже видел он сам?

Неожиданно я и сам стал воспринимать окружающее словно через какое-то расширенное зрение. Сверху и передо мной, в светящемся и темном хаосе, стала проступать некая картина, которая, несмотря на всю свою размытость и нечеткость,

все же имела вполне конкретные и постоянные очертания. Было в ней что-то отдаленно знакомое, поскольку неведомые и совершенно непривычные ее элементы как бы наслаивались на более близкие, земные образы, как если бы в кинотеатре луч проектора падал на заранее разрисованный экран или занавес.

Я увидел расположенную в мансарде лабораторию, электрическую машину, некрасивое, искаженное лицо сидящего напротив меня Тиллингэста; но самое примечательное заключалось в том, что ни один клочок этого знакомого мне пространства не пустовал. Совершенно неопишуемые образы — как живые, так и все прочие — переплетались в безумном коловращении и беспорядке, и рядом с тем или иным привычным для взора предметом вращались и сновали бесчисленные, абсолютно чуждые этому миру силуэты, неведомые мне существа.

Можно было представить себе все это и иначе — как если бы близкие мне предметы и вещи пронзали собой массу незнакомых вещей. При этом среди живых субъектов попадались чернильно-черные, медузоподобные существа, которые вяло подрагивали в унисон с гулкой вибрацией странного агрегата. Они были представлены в чудовищном многообразии и количестве, причем к своему ужасу я обнаружил, что все они даже частично перекрывались, наслаивались, словно были полужидкими и свободно проникали друг сквозь друга, равно как и сквозь предметы, которые мы всегда считали твердыми и монолитными.

Характерно было и то, что все эти твари ни на мгновение не останавливались на одном месте, но беспрестанно кружили вокруг, одержимые какой-то явно злой целью. Иногда они словно нападали друг на друга — атакующая субстанция вдруг набрасывалась на свою жертву, и та в долю секунды полностью исчезала из поля зрения. С чувством дикой дрожи я внезапно осознал, какая участь постигла несчастных слуг этого дома, причем возникшая в моем воображении картина не исчезала все то время, пока я продолжал наблюдать других, уже новых обитателей этого обычно невидимого, но внезапно оказавшегося доступным органам моих чувств окружающего мира. Тиллингэст же неотрывно смотрел на меня и в какое-то мгновение быстро, возбужденно заговорил:

— Ну что, ты видишь их? Видишь? Видишь этих тварей, которые плавают, мечутся вокруг тебя, пролетают и проплывают сквозь тебя — и так всю твою жизнь? Видишь существ, населяющих то, что люди привыкли называть чистым воздухом и синим небом? Ну как, удалось мне сокрушить этот

барьер, смог ли я показать тебе тот мир, видеть который не доводилось еще ни одному живому существу?

Даже сквозь дикий хаос звуков доносился до меня его пронзительный голос-крик, проступали черты обезображенной яростным напряжением физиономии, оказавшейся в непосредственной близости от моего лица. Теперь его глаза походили на горящие, полыхающие ямы, причем нетрудно было заметить, что горевший в них огонь был пламенем чудовищной ненависти. Машина продолжала омерзительно гудеть.

— А может, ты считаешь, что эти существа погубили моих несчастных слуг? Глупец, они ведь совершенно безобидны! Но слуги действительно исчезли, не так ли? Ты пытался остановить меня; ты опровергал и унижал меня именно тогда, когда я больше всего нуждался в одобрении и поддержке; ты, проклятый трус, страшился космической правды — но теперь я добрался и до тебя! Что же уничтожило всех моих слуг? Что заставило их так пронзительно, истошно кричать?.. Не знаешь! Ну что ж, скоро поймешь.

Посмотри на меня — слушай, что я скажу — ты в самом деле считаешь, что существуют такие понятия как время и величина? Уверен, что форма и материя — это нечто объективно существующее? Говорю тебе, что я достиг таких глубин, которые твой крохотный мозг не в состоянии даже приблизительно осознать. Я видел то, что творится за пределами бесконечного. Я вызвал демонов со звезд, где они обитают... Я запряг тени, которые скачут из одного мира в другой, сея повсюду смерть и безумие... Космос принадлежит мне, ты слышишь?! Теперь эти твари — алчущие, пожирающие, растворяющие все и вся — рыщут в поисках меня, охотятся за мной, однако я знаю, как от них можно ускользнуть. А обнаружат и уничтожат они именно тебя — как это уже случилось со слугами...

Что же вы поеживаетесь, мой дорогой господин? Разве я не говорил вам, что очень опасно совершить хотя бы единственное движение?.. А ведь я спасал тебя, говоря, что нельзя шевелиться — впрочем, мне это нужно было лишь для того, чтобы ты больше увидел и услышал, что я скажу. Если бы ты хотя бы пальцем пошевелил, они бы давным-давно набросились на тебя.

Впрочем, можешь не беспокоиться, большого вреда они тебе не причинят. Равно как и слугам они не сделали ничего плохого — просто при одном лишь виде их эти глупые создания подняли такой страшный крик... Мои милые зверушки далеко не симпатичны на вид, однако они прибыли из таких мест, где эстетические стандарты... несколько отличаются от наших. Распад произойдет совершенно безболезненно, уве-

ряю тебя — но мне хочется, чтобы ты увидел их. Я тоже, можно сказать, увидел их, хотя при этом и знал, как можно их остановить. Тебе тоже хочется узнать, как это сделать? А зачем тебе это? Я всегда чувствовал, что в тебе нет абсолютно ничего от подлинного ученого. Дрожишь, да? Трясешься от нетерпения поскорее увидеть обнаруженных мною первосозданий? А почему бы тебе не пошевелиться? Устал? Ну что ж, мой друг, не волнуйся, они скоро придут к тебе... Смотри, черт бы тебя побрал, смотри... прямо у тебя над левым плечом...

Мне осталось сказать лишь самую малость — впрочем, вы и сами, наверное, знаете все это из газет. Полиция услышала звук выстрела, донесшийся из старого дома Тиллингэста, где и обнаружила нас — хозяина жилища мертвого, а меня — лежащего без сознания. Меня сразу же арестовали, поскольку в моей руке все еще был зажат револьвер, хотя в заключении я провел не более трех часов — довольно скоро выяснилось, что Тиллингэст скончался от разрыва сердца, тогда как пущенная мною пуля попала в ту самую чудовищную машину, которая теперь лежит на полу лаборатории, превратившись в груды бесформенных осколков и поломанных механизмов.

В разговоре с полицейскими я избегал излишних деталей по поводу того, что мне довелось увидеть, поскольку серьезно опасался более чем скептической реакции со стороны коронера*. Правда, по тем отрывочным сведениям, которые мне все же пришлось привести в ходе допроса, полицейский врач предположил, что я, несомненно, оказался подверженным гипнотическому внушению некоего злобного и определенно преступного маньяка.

Как бы я хотел поверить в слова доктора! Это и в самом деле позволило бы мне подлечить свои основательно расшатавшиеся нервы, которые с новой силой начинают напоминать о своем жалком существовании всякий раз, когда я вспоминаю о чистом воздухе и безбрежном голубом небе над головой. С тех пор мне никогда не удастся по-настоящему расслабиться, и уж тем более, почувствовать себя наедине с самим собой; когда же усталость охватывает мое тело и мозг, вдруг непонятно откуда возникает дикое ощущение погони, безудержного преследования. Поверить же в слова доктора я не могу хотя бы по той простой причине, что полиции так и не удалось найти тела слуг Кроуфорда Тиллингэста, которых он якобы убил у себя в доме.

* Коронер — полицейский чин, занимающийся расследованием серьезных преступлений, в частности — убийств (прим. ред.)

Х. Ф. ЛАВКРАФТ

ДЭГОН

Я пишу это в состоянии сильнейшего нервного напряжения, ибо знаю, что сегодня вечером меня не станет. Оставшись без гроша, исчерпав почти до конца запас наркотика, я не могу долее переносить муку этой жизни, а поэтому намерен выброситься из чердачного окна на грязную улицу. Не думайте, узнав о моей зависимости от морфия, что я слабый или деградировавший человек, — это не так. Когда вы прочтете эти наспех написанные страницы, то сможете догадаться, почему я должен обрести забвение или смерть, хотя вам никогда не понять меня до конца.

Пакетбот, на котором я находился в качестве суперкарго, стал жертвой нападения германского морского охотника в наиболее пустынной части Тихого океана. Мировая война только начиналась и океанские силы гуннов еще не пришли в упадок; наше судно было законным военным трофеем, а к нам, членам его экипажа, относились с предупредительностью, предусмотренной морским кодексом. Более того, режим был настолько либеральным, что через пять дней после нашего пленения я смог бежать в маленькой шлюпке с достаточным запасом провизии и воды.

Оказавшись на свободе посреди океанских просторов, я имел весьма смутное представление о своем местонахождении. Не будучи опытным навигатором, я смог по солнцу и звездам определить лишь то, что нахожусь к югу от экватора. О географической долготы я не имел никакого понятия, острова или береговой линии нигде видно не было. Погода оставалась ясной, дни шли за днями, а я продолжал бесцельно плыть под ярким солнцем, ожидая встретить какой-нибудь корабль или высадиться на какой-нибудь обитаемый берег. Но ни то, ни другое мне не попадалось, так что я уже начал впадать в отчаяние от своего одиночества посреди безбрежной синевы.

Когда случилась внезапная перемена, я спал. Деталей случившегося мне не суждено было узнать, ибо сон мой, хотя беспокойный и полный сновидений, был долгим. Проснувшись, я обнаружил, что наполовину погружен в липкую адскую трясику черного цвета, раскинувшуюся, насколько мог охватить мой взгляд, вокруг в волнообразной монотонности. Моя лодка лежала неподалеку.

Вы вправе подумать, что первой моей реакцией на столь кардинальное и неожиданное изменение обстановки было изумление, но должен признаться, что я скорее был испуган, чем удивлен; ибо в воздухе и в этой гнилостной почве при-

существовало нечто столь зловещее, что страх пронизал все мое существо. Вся местность была покрыта гниющими тушками дохлых рыб и еще какими-то неопируемыми останками, высывающимися тут и там из липкой грязи. Впрочем, нечего и пытаться обычными словами передать тот невыразимый ужас, что возникает у вас в абсолютной тишине и беспредельной пустоте. Не было никаких звуков, а в поле зрения оставалась лишь безграничная черная липкая слизь.

Солнце нещадно светило с неба, которое казалось мне почти черным, хотя на нем не было ни единого облачка; в небе как будто отражалось чернильное болото, лежавшее у меня под ногами. Пока я заползал в лодку, выброшенную на берег, мне пришло в голову единственное возможное объяснение случившегося. Вследствие небывалого вулканического извержения часть океанского дна поднялась на поверхность, обнажив то, что несчетные миллионы лет было спрятано под неизмеримыми толщами воды. Протяженность этой новой земли под моими ногами была столь велика, что, даже напрыгая слух, я не мог уловить ни малейшего звука, похожего на шум океана. Не было видно также ни одной морской птицы над валявшейся вокруг падалью.

Несколько часов я просидел в лодке, предаваясь мрачным размышлениям. Моя посудина давала возможность укрыться от безжалостных солнечных лучей. Постепенно под влиянием сухой жаркой погоды почва теряла свою липкость, так что скоро можно было бы совершить небольшую пешую прогулку и осмотреть окрестности. Ночью я спал мало, а на следующий день приготовил запас пищи и воды для путешествия в поисках исчезнувшего океана и путей к своему спасению.

Утром третьего дня я счел почву достаточно сухой, чтобы можно было легко по ней передвигаться. Вонь от дохлой рыбы была невыносимая; однако меня занимали куда более важные проблемы, чтобы обращать внимание на такие мелочи, а поэтому я смело двинулся вперед навстречу неизвестной цели. Весь день я упорно шел в западном направлении, ориентируясь на далекий холм, представлявший собой самое большое возвышение в раскинувшейся вокруг пустыне. Ночь я провел под открытым небом, а на следующее утро продолжил свой путь к холму, расположенному дальше, чем представлялось сначала. К вечеру четвертого дня я достиг подножия холма, оказавшегося к тому же куда выше, чем показалось мне издалека; предварявшая холм долина подчеркивала его выпадение из окружающего пейзажа. Слишком уставший, я ре-

шил перенести начало восхождения на утро и заночевал в тени холма. Не знаю, почему этой ночью мне снились кошмары; однако не успела еще над равниной взойти ущербная и причудливо выгнутая луна, как я проснулся весь в холодном поту с твердым намерением больше не засыпать. Видения, представшие мне во время сна, были слишком страшны, чтобы пережить их еще раз. В лунном сиянии я увидел, насколько неразумным было мое решение совершать пешие переходы днем. В отсутствие палящего солнца путешествие стоило бы мне куда меньших затрат; сейчас я готов был начать восхождение, которого столь страшился на закате. Прихватив свою поклажу, я отправился на гребень холма.

Я уже упомянул, что нерушимая монотонность окружавшей меня равнины была источником потаенного страха; думаю, однако, что страх этот усилился, когда я добрался до вершины холма и заглянул в находившуюся с противоположной стороны пропасть, глубокий каньон, черные уступы которого луна пока еще не могла осветить полностью. Всматриваясь в бездонную пучину вечной ночи, я подумал, что нахожусь на краю света. Сквозь охвативший меня ужас пробилося воспоминание о «Потерянном рае» и о том, как Сатана совершал свой страшный путь в глубины ада.

По мере того, как луна поднималась выше, я начинал различать, что края ущелья вовсе не перпендикулярны поверхности земли, как мне показалось сначала. Уступы и обнажения камней образовывали удобную лестницу для спуска, а через несколько сотен метров уклон становился менее крутым. Повинуясь импульсу, который я не смог бы себе объяснить, я с трудом спустился по камням и остановился возле более пологого откоса, заглядывая в адские глубины, куда не проникал свет.

Внезапно мое внимание привлек гигантский объект на противоположном склоне, отсвечивавший белизной в лунных лучах. Я уверял себя, что это всего лишь огромный камень, но вместе с тем отчетливо видел, что его контуры и местоположение не были причудой природы. Более пристальный осмотр вызвал у меня чувство, которое я не в силах передать словами; ибо, несмотря на гигантские размеры камня, в этой бездне, разверзшейся на дне моря, несомненно, еще в младенческие дни нашего мира, я понял, что передо мной — правильной формы монолит, массивное тело которого не только обработано разумными существами, но и, по всей видимости, служило объектом поклонения.

Изумленный и напуганный, в то же время охваченный каким-о археологическим азартом, я более внимательно посмотрел вокруг. Луна, теперь уже почти в зените, ярко и жутко освещала взметнувшиеся вверх каменные кручи, охватывавшие ущелье, и обнажала внизу полосу воды, извилисто удалявшуюся вправо и влево от меня и почти доходившую до моих ног. По ту сторону ущелья небольшие волны омывали подножие циклопического монолита, на поверхности которого теперь можно было разглядеть надписи и высеченные фигуры. Надписи были исполнены неизвестными мне иероглифами, не похожими ни на какие из виденных мною в книгах; по большей части это были различные символы, изображающие обитателей моря, — рыб, угрей, осьминогов, ракообразных, моллюсков, китов и т. п. Некоторые иероглифы изображали морских тварей, уже вымерших, чьи разлагающиеся останки я видел на равнине, поднявшейся с океанского дна. Более всего, однако, изумила меня искусная резьба. Ясно различимы были, несмотря на разделяющую полосу воды, гигантские барельефы, сюжеты которых могли бы вызвать зависть у Гюстава Доре. Я пришел к выводу, что эти барельефы изображали людей — по крайней мере, человекоподобных, хотя они и были показаны плавающими, как рыбы, в подводном гроте и поклоняющимися какой-то высеченной из монолитного камня гробнице, тоже расположенной в морской глубине. Я не в состоянии детально описать форму и внешность этих существ, ибо даже воспоминание о них приводит меня в полубоморочное состояние. Превосходившие по своим гротескным очертаниям плоды воображения По или Бульвера, они тем не менее обликом напоминали людей, несмотря на перепончатые руки и ноги, уродливо широкие дряблые губы, вытаращенные глаза и прочие черты, вспоминать которые совсем уж противно. Любопытно, что своими размерами они совершенно не соответствовали окружавшей их обстановке; например, одно из этих созданий было изображено в момент смертельной схватки с китом, который выглядел лишь чуть-чуть больше, чем оно. Отметив гротескность их внешности и невероятные размеры, я в тот момент решил, что передо мной — изображения фантастических богов, которым поклонялись какие-нибудь примитивные племена моряков или рыболовов, вымершие задолго до появления первых предков пилтдаунского или неандертальского человека. Охваченный благоговейным страхом перед открывшейся мне на миг картиной древности, предположить которую не ре-

шился бы самый смелый антрополог, я стоял в оцепенении, глядя, как луна бросает странные отблески на тихий канал, лежавший передо мной.

И тут внезапно я увидел *это*. Поверхность едва шевельнулась, когда это существо показалось над темными водами. Огромный, похожий на Полифема, чудовищный монстр из ночных кошмаров рванулся к монолиту, простер к нему свои гигантские чешуйчатые руки, склонил страшную голову и стал издавать какие-о звуки, неторопливые и размеренные. Думаю, что именно в этот момент я потерял рассудок.

Плохо помню, как я лихорадочно взбирался вверх по скале и, словно в бреду, шел назад к своей лодке. По-моему, я все время что-то пел, а когда не мог петь, то смеялся. Смутно припоминаю, что, как только я вернулся к своей посудине, разразился сильнейший шторм, во всяком случае, я слышал раскаты грома и тому подобные звуки, которые Природа издает лишь в моменты величайшего гнева.

Очнулся я в госпитале в Сан-Франциско, куда меня доставил капитан американского судна, подобравшего мою лодку посреди океана. В бреду я о многом рассказал, но слова мои, повидимому, не привлекли достаточного внимания. Ни о каком вулканическом сдвиге в Тихом океане никто из моих спасителей не знал; да я и не считал необходимым настаивать на том, во что все равно никто бы не поверил. Встретившись с одним известным этнографом, я удивил его своими необычайно настойчивыми расспросами относительно древней филистимлянской легенды о Дэгоне или Боге-Рыбе; но вскоре прекратил свои попытки, поняв, что этот ученый безнадежно консервативен.

По ночам же, особенно когда луна была на ущербе, я видел *то существо*. Я пробовал спастись от него морфием, но наркотик давал мне лишь временное избавление, а постепенно прочно взял меня в свои цепкие лапы, сделав своим безропотным рабом. Теперь я намерен положить всему этому конец, поскольку описал все случившееся, чтобы предупредить людей или же... позабавить их, если они не отнесутся к этому всерьез. Я часто задаюсь вопросом — не было ли все происшедшее чистой галлюцинацией, горячечным бредом, охватившим меня, пока я лежал в лодке, плывущей в океане, под палящими лучами солнца. Много раз я задумывался об этом, и всегда передо мной возникал яркий зрительный образ. Я не мог вспоминать о море без дрожи, представляя себе безымянных существ, которые сейчас ползают и барахтаются в его

илистом, вязком дне, поклоняются древним каменным идолам и вырезают собственные мерзкие подоби́я на подводных обелисках из гранита. Мне снится тот день, когда они восстанут из пучины моря, чтобы затащить туда своими отвратительными когтями остатки хилого, измученного войной человечества, — тот день, когда земля начнет тонуть, а темное зловонное дно океана поднимется, чтобы воцариться среди кромешного вселенского ада.

Мой конец близок. Я слышу шум за дверью, как будто гигантская скользкая туша колотится в нее. Нет, оно не должно меня найти здесь. Боже, *эта рука!* К окну! К окну!

СОДЕРЖАНИЕ

Тварь у порога	<i>пер. Э.Серовой</i>	5
Предок	<i>пер. Т.Мусатовой</i>	41
Шепчущий в ночи	<i>пер. П.Лебедева</i>	57
Тень безвременья	<i>пер. Э.Серовой</i>	121
Священник-злодей	<i>пер. И.Петруниной</i>	197
Космический цвет	<i>пер. Т.Талановой</i>	203
Модель для Пикмэна	<i>пер. Э.Серовой</i>	227
Собака	<i>пер. Э.Серовой</i>	245
Несказанное	<i>пер. Т.Талановой</i>	257
Обитатель тьмы	<i>пер. Т.Мусатовой</i>	267
Лунная топь	<i>пер. П.Лебедева</i>	291
Рыбак с Соколиного мыса	<i>пер. Э.Серовой</i>	301
Тень из космоса	<i>пер. П.Лебедева</i>	309
День Вентсуорта	<i>пер. Э.Серовой</i>	329
Слуховое окно	<i>пер. Т.Мусатовой</i>	345
С того света	<i>пер. Э.Серовой</i>	363
Дэгон	<i>пер. П.Лебедева</i>	375

Л 13 Тварь у порога. Пер. с английского —
М.: РИПОЛ, Джокер, 1993.—
384 с. (Сборник рассказов ужасов)

ISBN 5-87012-027-6

Ответственный за выпуск
Макаренков С. М.

Подписано в печать 21.03.93 г. Формат 84х108/32. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Физ. п. л. 12.
Усл. п. л. 20,16. Переплет 7Б. Цена договорная.
Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 2867.

Издательства РИПОЛ, «Джокер»
123000 Москва, а/я 21

Отпечатано в АП «Курск»
305007 г. Курск, ул. Энгельса, 109

Эта книга предназначена любителям фангастического и сверхъестественного ужаса!

Только для Вас — очередной том произведений классиков жанра Х.Ф.Лавкрафта и А.У.Дерлета. Прочитайте и убедитесь сами: жуткое может быть очень интересным, а в чем-то и познавательным.

